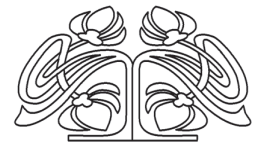

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2019 Том 19

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Поздняков А. Н.** Некоторые аспекты дореволюционной историографии образовательной политики Петра I 412
- Завьялова О. О.** «Усмирить подвластный нам край»: взгляды И. А. Арсеньева на польский вопрос в начале 1860-х годов в контексте национальной политики Российской империи 417
- Морозова Е. Н.** Эксперименты Министерства внутренних дел России в сфере местного управления (конец 1850 – начало 1860-х годов) 424
- Коновалов И. Н.** Первые кооперативные съезды в дореволюционной России и реакция власти на их проведение (1908–1913 годы) 429
- Митрохин В. А.** «Европейская идеологическая дорога пройдена...» (евразийский взгляд Николая Трубецкого) 433
- Христенко Д. Н.** Религия и советское общество в работах американских наблюдателей 1930-х годов 439
- Синицын Ф. Л.** Форсированная модернизация «кочевых» регионов СССР: цели и задачи (рубеж 1920–1930-х годов) 446
- Морозова И. П.** Революция 1917 года в культурной жизни Башкирии и Оренбургской области в период «оттепели» 451

Всеобщая история

- Сафронов А. В.** Новые данные о падении Угарита 454
- Петровский В. М.** Свинец в античном судостроении 459
- Третьякова М. В.** Старость по-венециански: секреты долголетия от Луиджи Корнаро 465
- Булаева М. Н.** Преступления в Лондоне середины XIV–XV веков 472
- Эльфонд И. Я.** Географическая среда, nature de peuple и государственность в политической теории Ж. Бодена 480

Международные отношения

- Нестеров Д. А.** Историческое моделирование асимметричных конфликтов в британо-американском дискурсе в середине 1960-х годов 487
- Шамарина О. А.** Дискурс турецкой «мягкой силы» в контексте трансформации внешнеполитического курса Турции в 2001–2015 годах (на основе анализа выступлений турецких политических лидеров) 494
- Алексеев Д. В.** Экономические последствия африканской миграции в Испанию 499

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Источники о левобережном Саратове (1616–1674 гг.): общая характеристика 503
- Майорова А. С.** Николай Иванович Костомаров в культурной среде Саратова 513
- Зайцев М. В.** Динамика и структура бюджета российского города в середине XIX столетия (на примере Саратова) 520
- Варфоломеев Ю. В.** «Эти башибузуки среди местных жителей пользуются достойной ненавистью», или обратная сторона «триумфального шествия советской власти» в Саратовском Поволжье 531
- Ковалев М. В.** Саратовский университет и Археологический институт имени Н. П. Кондакова в Праге: к истории взаимоотношений (1928–1936) 537

Критика и библиография

Представляем книгу

- Кабытов П. С., Барина Е. П.** Имперская политика аккультурации: исторический опыт 547

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Кочкаева Инна Анатольевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 18.11.19.
Подписано в свет 02.12.19.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,50 (17,75).
Тираж 500 экз. Заказ 150-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведения, международных отношений, источниковедения и историографии, рецензии и хронику.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями. Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора – доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков через полуторный интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблицы, объем сообщений и рецензий – 10–20 тыс. знаков и до 2 рисунков и таблиц. Рецензии оформляются так же, как статьи.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова (5–10), текст статьи, благодарности и ссылки на гранты (если есть); примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях (концевых автоматических сносках) нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisacheranova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Pozdnyakov A. N.** Some Aspects of Pre-revolutionary Historiography of Educational Policy of Peter I 412
- Zavyalova O. O.** «To Pacify the Land Subject to Us»: the Views of I. A. Arsenyev on the Polish Question in the early 1860s in the Context of the National Policy of the Russian Empire 417
- Morozova E. N.** Experiments of Internal Affairs Ministry of Russia in the Sphere of Local Government: the Late 1850s – Early 1860s 424
- Konovallov I. N.** The First Cooperative Congresses in Pre-revolutionary Russia and the Reaction of the Authorities to their Organization (1908–1913) 429
- Mitrokhin V. A.** «European Ideological Path has been Passed over...» (Eurasian Stance of Nickolay Trubetsky) 433
- Khristenko D. N.** Religion and Soviet Society in the Works of American Observers of the 1930s 439
- Sinityn F. L.** Accelerated Modernization of the «Nomadic» Regions of the USSR: Goals and Objectives (on the Turn of the 1920s and 1930s) 446
- Morozova I. P.** The Revolution of 1917 in the Cultural Life of the Bashkiria and Orenburg Region in the Period of «Thaw» 451

World History

- Safronov A. V.** New Data on the Destruction of Ugarit 454
- Petrovsky V. M.** Lead in Antique Shipbuilding 459
- Tretyakova M. V.** Old Age in Venetian: the Secrets of Longevity from Luigi Cornaro 465
- Bulaeva M. N.** Crimes in London in the Middle of the XIV–XV Centuries 472
- Elfond I. Ya.** Geographical Environment, Nature de People and Nation-building in Bodin's Political Theory 480

International Relations

- Nesterov D. A.** Historical Modeling of Asymmetric Conflicts in the British-American Discourse in the Middle of the 1960s 487
- Shamarina O. A.** The Discourse of Turkish «Soft Power» in the Context of the Turkish Foreign Policy Transformation in 2001–2015 (Based on Turkish Political Leaders' Speech Analysis) 494
- Alekseev D. V.** The Economical Consequences of African Migration to Spain 499

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Sources about the Left Bank of Saratov (1616–1674): General Characteristics 503
- Mayorova A. S.** Nikolai Ivanovich Kostomarov in the Cultural Environment of Saratov 513
- Zaytsev M. V.** Dynamics and Structure of the City Budget in Russia in the Middle of the 19th Century (on the Example of Saratov) 520
- Varfolomeev Yu. V.** «These Bashi-Bazouks Locals are Worthy of Hatred», or the Reverse Side of the «Triumphal March of Soviet Power» in the Saratov Volga Region 531
- Kovalev M. V.** Saratov University and Kondakov Institute in Prague: towards the History of Relationships (1928–1936) 537

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Kabytov P. S., Barinova E. P.** The Imperial Politics of Acculturation: the Historical Experience 547

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Denningkhauz (Luneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald Rayleigh (Chapel Hill, USA)

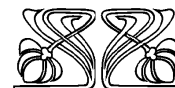
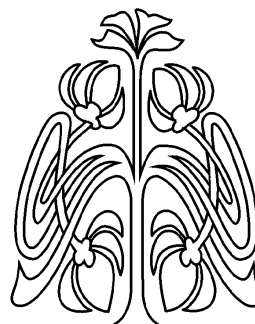
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

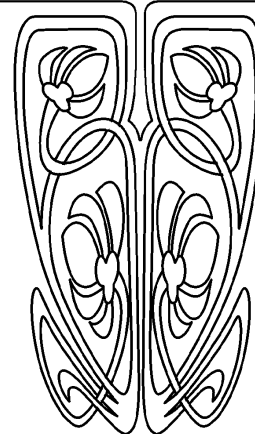
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 37.014(470) (09):303.446.4+929

Некоторые аспекты дореволюционной историографии образовательной политики Петра I

А. Н. Поздняков

Поздняков Александр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, преподаватель, Истринский профессиональный колледж – филиал Государственного гуманитарно-технологического университета, alnikpoz@mail.ru

Роль Петра I в развитии России, в том числе сферы образования страны, огромна. Это признают все исследователи. Однако в оценке личности преобразователя и результатов его деятельности всегда существовали глубокие расхождения. Наиболее бурные дискуссии разворачивались в XIX в. В них принимали участие как преданные сторонники, так и активные противники Петра. Ведущее место занимали исследователи, пытавшиеся путем серьезного научного анализа дать объективную оценку политике, осуществляемой императором.

Ключевые слова: образовательная политика, российское образование, церковная школа, профессиональное образование.

Some Aspects of Pre-revolutionary Historiography of Educational Policy of Peter I

A. N. Pozdnyakov

Alexander N. Pozdnyakov, <https://orcid.org/0000-0003-3651-4532>, Istra professional College-branch of the State University of Humanities and technology, 33a 9th Guards Division St., Istra, Moscow region 143500, Russia, alnikpoz@mail.ru

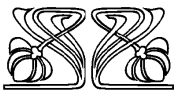
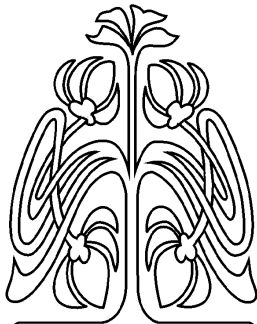
The role of Peter I in the development of Russia, including the field of education, is huge. This is recognized by all researchers. However, assessing the personality of the Converter and the results of his activities have always had deep differences. The most heated discussions took place in the XIX century. They were held by both loyal supporters and active opponents of Peter. The leading place was taken by researchers who through serious academic analysis tried to give an objective assessment of the policy implemented by the Emperor.

Keywords: educational policy, Russian education, Church school, professional education.

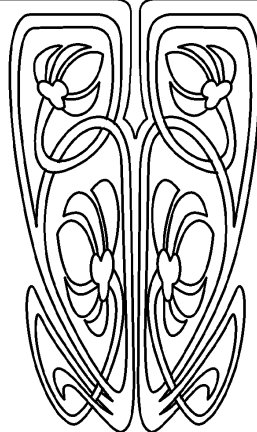
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-412-416>

Петр I сыграл огромную роль в развитии России. Это признавали и признают многие ученые. Однако отношение к деятельности царя, оценка его личности с самого начала стали тем водоразделом, который поделил российское общество на преданных сторонников и активных противников преобразователя. Известный российский ученый-филолог, академик Яков Карлович Грот (1812–1893) отмечал, что обвинения Петра I «в человеческих слабостях и в ошибках» при избрании средств к достижению «преобразовательных целей» исходили уже от его современников. Смерть императора, «невольное сознание его превосходства» надолго «сомкнули уста порицателей». Однако к концу XVIII столетия «крайности, к каким привело злоупотребление некоторыми из петровских идей, ...начавшее пробуждаться в немногих умах национальное самосознание возбудили сомнения в безусловном величии Петра. Стали отыскивать недостатки в его свойствах и деятельности»¹.

Сам Я. К. Грот высоко оценивал деятельность Петра I. Среди его главных заслуг он называл «просвещение своей могущественной нации». «Плоды образования, – подчеркивал он, – были существен-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

нейшим результатом всех подвигов Великого»². Я. К. Грот писал: «Просветительные начала проводились Петром разнообразно: они являлись в личности его и примере, в его законах и учреждениях, наконец, в мерах, непосредственно направленных к распространению образования путем училищ и литературы»³.

Положительные оценочные суждения о Петре I высказывали и многие другие. Так, писатель и журналист Николай Афанасьевич Лебедев (1813–1896) заявлял: «Скорее следует согласиться с тем, что... Петр является пред нами творцом нового общества, нового государства. С него, для России и русского народа, начинается новая жизнь, жизнь России европейской в связи с Европой и в духе ее, полная прогресса, заключающая в себе все задатки развития. <...> Петр вечно будет незабвенным для России и великим, и никакие указания на крутость его мер и на ломку, им произведенную, не умалят и не в состоянии умалить его значения. <...> И если сказано, что Петру мало одной статуи на Исаакиевской площади, а следует возвести ему алтари на всех площадях и улицах Царства русского, то это верно»⁴.

Весьма характерен отзыв Н. А. Лебедева об образовательной политике императора. «Петр Великий, – писал он, – как гениальный Государь, основатель Империи, смотрел на науки чисто с государственно-устройственной точки зрения <...> Он не заботился собственно об образовании народа, ... а заботился об образовании искусных слуг Империи, исполнителей его идеи. <...> С теми же служебными государственными целями Петр посылал молодых людей за границу»⁵.

Немало было и других, по сути противоположных точек зрения о просветительской деятельности Петра I. Так, профессор Московской духовной академии Иван Николаевич Корсунский (1849–1899) подчеркивал: «По почину Петра в умах русских людей высших и частью средних классов стало укореняться убеждение, что дотоле на Руси было одно невежество и варварство, и что только на западе Европы источник истинного просвещения, что поэтому с иностранцев, а не со своих доморожденных учителей мы должны брать в этом отношении пример, у первых, а не у вторых учиться и т. д. А так как наука на западе шла и идет прогрессивно вперед, то и породилась мысль, что мы – русские должны быть вечными учениками иностранцев»⁶.

Наряду с крайними, как положительными, так и отрицательными взглядами, немало было и своего рода примирительных отзывов, к примеру, точка зрения литературоведа и библиографа Владимира Владимировича Каллаша (1866–1918). Он писал: «Характер преобразователя и его помощников, косность масс, тяжелая война, крайнее напряжение народных сил, близость финансового краха и насущная необходимость, во

что бы то стало, создать сильное войско наложили свой яркий отпечаток на петровские реформы вообще и просветительные меры, в частности. Ускоренное, часто неправильное и недостаточное решение намеченных раньше задач, причудливое смешение старого и нового, яркие проблемы новых настроений среди ветхого хлама – вот, кажется, основные черты этих мер»⁷.

По мнению автора, Петру хотелось сразу посадить в России «все культурные формы» западной жизни. При этом зачастую не было «ни охоты, ни времени» подумать об их пригодности и способности привиться к новой почве. Реформа шла скачками, часто «давила здоровые культурные ростки» народной жизни, отрицала всякие традиции, старалась оборвать нить естественного общественного развития «слишком быстрым и грубым вращением веретена».

Влияние Петра I на состояние российского образования, его качественный подъем было действительно огромным. При этом целевая установка образовательной политики претерпела принципиальные изменения, по сравнению с предшествовавшим периодом. Это было, в частности, отмечено видным специалистом в области истории педагогики и образования Петром Федоровичем Каптеревым (1849–1922). Начавшийся с Петра I этап развития русской педагогики П. Ф. Каптеревым был назван государственным, поскольку характеризовался полным подчинением школы и образования государству вместо подчинения церкви, как было ранее. Для нового периода, отмечал П. Ф. Каптерев, было характерно и новое понимание образования, введение в русское педагогическое самосознание новых педагогических начал. Церковь в предшествовавший период разъясняла свое понимание образования как созидание благочестивого православного христианина. Оно осуществлялось двумя путями: простым, элементарным – через мастера грамоты, изучением часослова, псалтири, апостола, евангелия и более сложным и высоким – постижением благочестивых, благословенных церковью наук в академии или в другой подобной школе.

На новом, государственном, этапе своего развития образование стало пониматься по-новому. «Исторические судьбы России, – подчеркивал П. Ф. Каптерев, – привели ее к сознанию настоящей государственной потребности в подготовленных теоретически, обученных, людях для отправления государственной службы. Откуда было взять их? В существовавших школах учили часослову, псалтири, разумению божественных писаний и даже схоластическим богословию, философии, пиитике, риторике, но не сообщали сведений, пригодных к прохождению государственной службы. Что могли сделать с псалтирем или богословием в руках приказный, офицер, моряк...? Полагаться же, по-прежнему, на практическую выучку приказного в приказе,

офицера на войне и в казарме, доктора в больнице, было неудобно, путь был слишком длинный и трудный, дававший притом не особенно хорошие результаты. Очевидно, нужны были профессиональные подготовительные школы, которые государство и начало заводить с большой энергией»⁸. При этом на первый план выходил практический интерес, вызванный стремлением сформировать как можно быстрее широкий круг специалистов разного профиля, потребность в которых становилась все более и более острой. «Государственная педагогика, – писал П. Ф. Каптерев, – чужда идеализма, государственный интерес, государственная служба ее бог. Служба эта различна, требует разных знаний, а потому и школы должны быть с различными учебными курсами»⁹.

Особо не восторгаясь происшедшими переменами, П. Ф. Каптерев в целом положительно оценивал их осуществление, когда констатировал, что «превращение единого церковного образования в многообразное профессионально-практическое было необходимым моментом в развитии русской педагогики, иначе она не сдвинулась бы с своего церковного якоря»¹⁰.

Иной точки зрения придерживался педагог-методист и историк Сергей Иринеевич Миропольский (1842–1907). Он с известной долей скептицизма относился к тому, что XVIII в. принято было считать началом европейской жизни в России, российской научной образованности, началом сближения с культурой Запада. Он подчеркивал, что внимательное исследование XVII в. свидетельствовало о том, что русские и тогда уже «не были дикарями», отсталыми, что они знали Европу и ее культуру, многим пользовались, но шли «свободно, самобытно, без принуждения» к образованию, не порывая связи со своим прошлым и с историей, – шли «осторожно, обдуманно, хотя и не торопливо».

Руководительницей этого «медленного спокойного», но «твердого и величавого движения», по мнению С. И. Миропольского, была церковная школа. «Она шла рука об руку с жизнью, – писал он, – отвечала на ее запросы, удовлетворяла ее требованиям, никогда не изменяя своему коренному духу – православной церковности, в чем и была ее сила. Школа эта до Петра никогда не была *специальной*, даже и академия была общеобразовательной, хотя руководилась духовными лицами; школа эта, чуждая утилитарности, всегда служила удовлетворению высших религиозно-нравственных потребностей народа, она была вполне *просветительным* учреждением; но образуя ум и сердце человека, сообщая ему прочные религиозные и нравственные убеждения, воспитывая его волю в добрых навыках, проникнутая духом православной церкви и народности, она приготавливала деятелей для всех поприщ служения общественного и государственного»¹¹.

Однако, как утверждал С. И. Миропольский, «равенство образования», соединявшее все сословия допетровской Руси, было нарушено реформами XVIII в. В результате «народ остался при старой школе», которая без всякой поддержки и «даже теснимая правительством» стала «упадать количественно и качественно». Высшие же сословия пошли другим путем, усвоив себе «если не дух, то формы европейской образованности».

«Если бы в истории... школы не было внезапного, насильственного перерыва, – подчеркивал С. И. Миропольский, – то, быть может, Русь имела бы ныне свою самобытную систему обучения, не похожую на западноевропейскую, не уступающую ей в научном отношении, но более сильную, живую, объединяющую весь народ, основанную на вечно живых началах вселенской истины»¹².

Исследование историка церкви, духовного писателя Николая Ивановича Кедрова (1858 – не ранее 1917) характеризовалось глубоким анализом вопроса становления новой системы образования. Он констатировал, что «законодательство преобразовательной эпохи» с самого начала своего развития не признавало никакой другой цели в образовании, кроме «пригодности его» для того или другого сословия. Задача петровского правительства в деле организации сословий состояла в том, чтобы дать возможность государственным сословиям «наилучшим образом отправлять» лежавшую на них государственную службу: военную, гражданскую и «всякого рода другую». Одним из главнейших вспомогательных средств при достижении этой задачи признавалось образование. Но так как в деле организации социальной жизни тогдашнего общества законодательство ставило узкие государственные цели, то и народное образование понималось правительством аналогично. «Тогдашнее законодательство, – писал Н. И. Кедров, – не имело понятия об образовании самом в себе, – а лишь в узком смысле пригодности его для прямых практических государственных целей. Вот почему в деле народного образования государство заботилось собственно об обучении, а не об образовании, ибо ремеслу можно научить, а не образовывать на нем человека. Вот почему, с другой стороны, узаконения преобразовательной эпохи о народном образовании в строгом и точном смысле суть узаконения о государственной службе. Говоря короче и проще, в деле народного образования законодательство и администрация преобразовательной эпохи имели в виду следующие цели: приготовление известного круга лиц к военной службе, приготовление других лиц к гражданской службе с ее различными разделениями и т. д.»¹³.

Научное освещение проблемы формирования в петровскую эпоху особого направления образовательной политики, связанной с про-

фессиональной подготовкой необходимых стране специалистов, получили в работах профессора С.-Петербургского университета Сергея Васильевича Рождественского (1868–1934). «С течением времени, – писал он, – под влиянием общего хода государственных преобразований, выяснились и окрепли два главных принципа, которые стали исходными пунктами законодательства о народном просвещении в первой половине XVIII века: во-первых, государство особенно нуждается в профессиональном образовании; общее образование, с точки зрения государственных интересов, отодвигается на второй план; во-вторых, профессиональное образование должно быть сословным, иначе – каждое сословие должно получать образование, соответствующее его положению и обязанностям»¹⁴.

Подчеркивая особую значимость для исследуемого периода профессионального образования, С. В. Рождественский отмечал, что правительство «не могло не ценить» и значения общего образования. Прежде всего, для успеха самих профессиональных школ было важно, чтобы в них поступали люди, уже овладевшие «подготовленным, элементарным образованием». Да и общество в целом, по мнению автора, «несомненно, чувствовало» потребность в элементарном образовании.

Специальным указом, изданным в 1714 г., во всех губерниях стали открываться так называемые «цифирные школы», предназначенные для обязательного обучения детей от 10 до 15 лет арифметике и геометрии. Но, как вынужден был констатировать С. В. Рождественский, «этот первый энергичный приступ к насаждению обязательного элементарного, хотя одностороннего, математического образования оказался в конце концов совершенно неудачным. При господстве профессионально-сословной системы образования, когда каждому классу населения предназначалась своя специальная школа, в общей элементарной школе некому было учиться»¹⁵.

Во многом схожую точку зрения по вопросу о содержании и направленности образования в период правления Петра I высказывал историк и общественный деятель Павел Николаевич Миллюков (1859–1943). «Новая ... школа, – писал он, – ставила целью не умственное развитие, а приобретение необходимых технических навыков. Лишь поневоле, – постольку, поскольку для технической выучки все-таки необходимы были некоторые элементарные знания, – школа приобрела до некоторой степени общеобразовательный характер. Вслед за приобретением предварительных знаний ... должна была следовать профессиональная выучка: она-то и была главной целью, для которой средством служила предварительная общая подготовка. Школа должна готовить к различным частям государственной службы, и по-

тому должна быть профессиональной, – такова была основная идея преобразователя»¹⁶.

Однако, по мнению П. Н. Миллюкова, образовательные задачи правительства не совпадали с реальными интересами русского общества. Он считал, что при Петре и его ближайших преемниках русское общество нуждалось преимущественно в элементарном образовании и стремилось его получить. Правительство же нуждалось в людях, имевших профессиональную подготовку, и «употребляло все усилия», чтобы «загнать» молодежь в такие профессиональные школы.

Необходимо подчеркнуть, что новая образовательная политика базировалась на глубоких социальных изменениях, происходивших в обществе в петровскую эпоху. Они состояли во всемерном укреплении сформировавшихся сословий. По утверждению профессора Киевского университета Михаила Флегонтовича Владимирского-Буданова (1838–1916), власть строила на этом свою систему государственного управления, в том числе и в сфере образования. Основывалась эта политика на сущностных характеристиках самого понятия «сословие», его главных признаках. «В понятие сословия, – писал М. Ф. Владимирский-Буданов, – включается четыре признака, из которых каждый столь важен..., что отсутствие одного совершенно разрушает самое понятие. Эти признаки следующие: корпоративность, профессия, наследственность и признание со стороны государства»¹⁷.

Ориентируясь на сословность общества, власть создавала не просто специальные, профессиональные школы, а именно сословные. Доступ в них открывался только для лиц, принадлежавших к тому или иному сословию. «И обратно»: лица, не получившие этого образования, лишались сословных прав. По словам М. Ф. Владимирского-Буданова, в законодательстве XVIII в., «преимущественно в 1-й половине его», господствовали два принципа, «(1) всякий должен учиться тому, что составляет профессию его отца; 2) отсюда само собою следует, что никто сторонний не может быть допущен к этой профессии. Первый принцип выражен в большом ряде узаконений... второй выражен не так отчетливо, потому что сам собою вытекает из первого: однако и он в чистом виде является в нескольких законодательных мерах и административных распоряжениях»¹⁸.

Подводя итоги рассмотрению некоторых аспектов историографии образовательной политики Петра I, следует отметить наличие широкого спектра оценочных суждений исследователей – от набора восторженных эпитетов до резко критических заявлений. При этом нельзя не сказать, что только глубокий, основанный на использовании широкой источниковой базы научный анализ позволяет делать объективные выводы.

Примечания

- ¹ Грот Я. Петр Великий как просветитель России. Читано в торжественном собрании Императорской академии наук 31 мая 1872 г. СПб., 1872. С. 11–12.
- ² Там же. С. 2.
- ³ Там же.
- ⁴ Лебедев Н. А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 год. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1875. С. 68–69.
- ⁵ Там же. С. 61–62.
- ⁶ Корсунский И. Н. Государственное значение церковно-приходской школы. М., 1888. С. 39.
- ⁷ Каллаш В. В. Что сделала Екатерина II для русского народного просвещения. М., 1896. С. 20.
- ⁸ Кантерев П. Ф. История русской педагогики. Изд. 2-е, пересм. и доп. Пг., 1915. С. 153.
- ⁹ Там же. С. 154.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Миропольский С. И. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. 2-е изд. СПб., 1910. С. 217.
- ¹² Там же.
- ¹³ Кедров Н. И. Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. М., 1886. С. 176–177.
- ¹⁴ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 2.
- ¹⁵ Там же. С. 5.
- ¹⁶ Милуков П. Очерки по истории русской культуры. Издание журнала «Мир Божий»: в 3 ч. Ч. 2: Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб., 1897. С. 277.
- ¹⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII-го века: Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль, 1874. С. 89–90.
- ¹⁸ Там же. С. 99.

Образец для цитирования:

Поздняков А. Н. Некоторые аспекты дореволюционной историографии образовательной политики Петра I // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 412–416. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-412-416>

Cite this article as:

Pozdnyakov A. N. Some Aspects of Pre-revolutionary Historiography of Educational Policy of Peter I. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 412–416 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-412-416>

УДК 94(438).071

«Усмирить подвластный нам край»: взгляды И. А. Арсеньева на польский вопрос в начале 1860-х годов в контексте национальной политики Российской империи

О. О. Завьялова

Завьялова Оксана Олеговна, младший научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, oxana-z10@rambler.ru

В статье на основании широкого круга источников и архивных материалов анализируется позиция русского издателя и публициста И. А. Арсеньева по польскому вопросу накануне Польского восстания 1863–1864 гг. Арсеньев, командированный в Варшаву в 1861 г. для составления корреспонденций, являл собой образ журналиста нового формата. Он не только объективно фиксировал события, способствовавшие эскалации русско-польского конфликта, но и, проанализировав их, изложил свое видение проблемы в специальной записке, вызвавшей интерес в высших правительственных кругах. В целом проект превращения Царства Польского в административную автономию, предложенный Арсеньевым, находился в общем русле предложений и взглядов на решение польской проблемы, формирующихся в общественной среде во второй половине 1850 – начале 1860-х гг.

Ключевые слова: Российская империя, Царство Польское, И. А. Арсеньев, польский вопрос, национальная политика, русско-польские отношения, административная автономия.

«To Pacify the Land Subject to Us»: the Views of I. A. Arsenyev on the Polish Question in the early 1860s in the Context of the National Policy of the Russian Empire

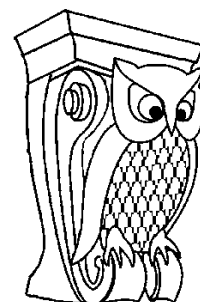
О. О. Zavyalova

Oksana O. Zavyalova, <https://orcid.org/0000-0002-5219-958X>, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 41 Chehova St., Rostov-on-Don 344006, Russia, oxana-z10@rambler.ru

Based on a wide range of sources and archival materials the article analyzes the position of the Russian publisher and publicist I. A. Arsenyev on the Polish issue on the eve of the Polish Uprising of 1863–1864. Arsenyev, seconded to Warsaw in 1861 to compile correspondences, was a journalist of a new format. He not only objectively recorded the events that contributed to the escalation of the Russian-Polish conflict, but after analyzing them, outlined his vision of the problem in a special note, which aroused interest in the highest government circles. In general, the project of transforming the Kingdom of Poland into administrative autonomy, proposed by Arsenyev, was in the mainstream of proposals and views on the solution of the Polish problem, which were formed in the public environment in the second half of the 1850s–early 1860s.

Keywords: Russian Empire, Kingdom of Poland, I. A. Arsenyev, Polish question, national policy, Russian-Polish relations, administrative autonomy.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-417-423>

В развитии русско-польских отношений XIX век оказался особенно насыщенным противоречивыми событиями, наложившими отпечаток на современные русско-польские отношения и формирование представлений двух народов друг о друге. Включение Польши в состав Российской империи при Александре I на долгие годы сделало польский вопрос одной из острых внутривнутриполитических проблем страны¹, проекты по разрешению которой возникали в правительственной и общественной среде в периоды обострения русско-польских противоречий. XIX столетие... по праву названное исследователями русско-польским², было ознаменовано не только перманентным противостоянием Российской империи и Царства Польского, в итоге вылившимся в два польских восстания, но и многочисленными дружественными и продуктивными социокультурными контактами представителей национальных элит двух народов.

В современных условиях ухудшения русско-польских политических и дипломатических отношений, связанного с обострением международной обстановки на фоне украинских событий и поддержкой Польшей санкций против России, становится актуальным анализ взаимоотношений двух стран на разных исторических этапах, а также выявление различных позиций и взглядов на решение польской проблемы, распространенных в русском обществе. Особый интерес представляют периоды, предшествовавшие крупным конфликтам, изучение особенностей которых позволит избежать негативных явлений, сопровождавших русско-польские отношения, и улучшить взаимопонимание народов.

Одним из таких «переломных» периодов в истории взаимоотношений России и Польши стало десятилетие, предшествовавшее Польскому восстанию 1863–1864 гг. С. И. Иванова рассматривает Польское восстание 1863–1864 гг. как «событие перехода», которое привело к формированию нового проблемного измерения в русской интеллектуальной жизни начала 1860-х гг.³

Вместе с тем первые годы царствования Александра II до начала Польского восстания в 1863 г., вмещающие в себе противоречивую событийность, в целом представляли собой переходный период в истории взаимодействия России и Польши. Состояние переходности определялось наличием как минимум двух вариантов развития

русско-польских отношений в тот период, один из которых вел по пути нарастающей конфликтности и разрыва, а второй предусматривал возможность взаимовыгодного сотрудничества в деле общего реформирования в рамках единого имперского пространства.

Крепнущее на протяжении первой половины XIX в. общественное самосознание русского общества привело к тому, что к середине столетия на фоне общественно-политического подъема все более широкое распространение получает стремление его представителей высказаться по поводу различных злободневных политических проблем. Многие общественные деятели, отличающиеся высокой степенью общественно-политической активности, наблюдая за развитием кризиса в Царстве Польском во второй половине 1850-х гг., стремились предложить самодержавной власти действенные способы решения польского вопроса. Выражая свою позицию в публицистических сочинениях и записках, представители общественности – писатели, публицисты, ученые, пытались преодолеть выработавшееся на протяжении первой половины XIX в. убеждение в «роковом качестве» польского вопроса для внутренней политики российского правительства.

Цель настоящей статьи – анализ взглядов русского издателя и публициста И. А. Арсеньева по польскому вопросу в контексте русской национальной политики второй половины 1850–начала 1860-х гг. Позиция Арсеньева, относящегося к общественному «лагерю», но при этом приближенного к официальным кругам и находившегося под покровительством российских властей, представляет интерес в двух взаимосвязанных аспектах. С одной стороны, взгляды этого общественного деятеля ранее не становились предметом специального исследования, что обуславливает научную актуальность исследования. С другой стороны, предложения Арсеньева по решению польского вопроса, изложенные в специальной записке, позволяют не только выявить особенности русской национальной политики в отношении Царства Польского, но и определить степень интеллектуальной «рефлексии» в русском образованном обществе по данной проблеме накануне очередного польского восстания.

По своему происхождению и воспитанию Илья Александрович Арсеньев принадлежал к высшему московскому обществу. Его отец – сенатор, тайный советник А. А. Арсеньев – имел обширный круг знакомых, среди которых были многие известные русские литераторы – А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, М. Ю. Лермонтов и другие, посещавшие его дом и оказавшие существенное влияние на формирование личности будущего публициста. В 1840 г., окончив курс в Московском университете, И. А. Арсеньев поступил на службу в канцелярию московского

генерал-губернатора чиновником особых поручений. В конце 1840-х гг. он перевелся на службу в Межевой корпус в Санкт-Петербурге и уже в конце 1850–начале 1860-х гг. благодаря своей активной публицистской деятельности и писательскому таланту Арсеньев приобрел довольно заметное положение в литературных кругах русского общества⁴. Свои статьи, затрагивавшие преимущественно актуальные экономические вопросы – банковское дело и железнодорожное строительство, он помещал в «Северной пчеле», «С. – Петербургских Ведомостях», умеренно-либеральном «Нашем времени». Нередко публицист позволял себе критические высказывания в адрес государственных учреждений, за которые его статьи подвергались цензурным гонениям⁵. Статья «Обличительная литература и ее обязанность», поднявшая злободневный вопрос о роли современной литературы в процессе подготовки преобразований, была запрещена Московским цензурным комитетом⁶.

Придерживаясь передовых взглядов, отстаивая, как и многие прогрессивно мыслящие современники, право обличительной литературы на указание злоупотреблений властью, Арсеньев тем не менее не пользовался популярностью в обществе, интересы которого стремился выражать. За ним даже закрепилась репутация агента III отделения⁷. В первую очередь это было связано с его сотрудничеством преимущественно с официозными печатными органами, такими как «Северная почта», редактором политического отдела которой он стал в 1864 г., а также наличием тесных контактов с представителями высшей государственной власти. Среди покровителей Арсеньева был герой обороны Севастополя, генерал С. А. Хрулёв. По воспоминаниям самого публициста с генералом он близко сошелся еще в 1849 г. и поддерживал отношения вплоть до начала 1860-х гг., часто встречаясь с ним у графа А. С. Уварова – известного археолога, сына министра народного просвещения С. С. Уварова⁸.

Знакомство с влиятельными лицами позволило публицисту оказаться в самой гуще событий стремительно развивавшегося кризиса в русско-польских отношениях начала 1860-х гг. При анализе взглядов Арсеньева на польскую проблему в этот период необходимо учитывать ряд общественно-политических факторов, оказавших существенное влияние на формирование польского «дискурса» в русском образованном обществе, во многом зависящего от политики русских властей в середине XIX в.

Общая либерализация политического режима в России с приходом к власти императора Александра II и начало подготовки ряда преобразований привели к активизации национально-освободительного движения в Царстве Польском, внешне казавшемся умиротворенным. При этом как в России, так и в Польше, надежда на улучшение условий жизни русского общества, которую

вселяло начало царствования нового императора, связывалась у многих общественных деятелей и с возможностью смягчения политики самодержавия в отношении Царства Польского. Гораздо позднее историк польской литературы В. Д. Спасович, анализируя историю политики русского правительства в Царстве, писал, что когда началась эпоха Великих реформ и вновь активизировалось польское национальное движение, «... русское общество, расположенное в то время ко всяким преобразованиям и улучшениям, отнеслось к нему на первых порах сочувственно»⁹, тем более что с приходом к власти нового императора политика самодержавия в отношении Царства Польского действительно подверглась значительным изменениям и накануне восстания в 1863 г. включала в себя ряд компромиссов и уступок. Смягчение курса в отношении Царства началось с назначения Наместником «дряхлого и ветхого» князя М. Д. Горчакова вместо умершего в 1856 г. «грозного фельдмаршала» И. Ф. Паскевича, четверть века довольно строго управлявшего Польшей. В августе того же года по случаю коронации нового императора вместе с декабристами и петрашевцами были амнистированы и участники восстания 1830–1831 гг. с разрешением вернуться в Царство Польское и пользоваться всеми «правами состояний», которыми они обладали до восстания¹⁰. Эти положения распространялись и на эмигрантов, которые по возвращении в Царство не подвергались судебному преследованию и могли вернуться на государственную службу «по прошествии трех лет раскаяния и безукоризненного поведения»¹¹. Более того, назначением в 1861 г. главой гражданского управления в Царстве Польском маркиза А. Велепольского российское правительство продемонстрировало свое стремление к умиротворению края посредством получения поддержки своей политики со стороны умеренно-либеральной части польского общества. Предполагалось проведение ряда либеральных реформ, предложенных Велепольским, которые должны были осуществляться с позволения русских правящих кругов под руководством маркиза¹².

Однако чем мягче и осторожнее действовали русские власти, тем сильнее обострялась ситуация в Польше и в близлежащих территориях Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии. В этот период в политике управления Царством Польским повторилась ситуация, возникшая в начале XIX в. при Александре I, о которой петербургское общество тогда сообщало польскому князю Л. Сапеге: «Чем больше Государь для вас делает, тем скорее вы устроите восстание»¹³. В. Д. Спасович также отмечал, что либеральные меры нового правительства были восприняты польским обществом как проявление слабости режима, как «трещина» в старой наружной оболочке, созданной за годы николаевского царствования¹⁴.

Первые антиправительственные манифестации прокатились по Варшаве в июле 1860 г.¹⁵ Выдающийся государственный и военный деятель Д. А. Милютин в своих воспоминаниях зафиксировал начальную дату стремительного ухудшения ситуации в Царстве: «В 1860 г. агитация в Царстве Польском приняла уже характер вызывательный»¹⁶. Ситуация ухудшалась на протяжении всего 1861 г., а представители русской власти в Царстве, как и само центральное русское правительство, продолжали колебаться, не в состоянии выработать ясную политику в отношении волнующейся окраины. В своем письме из Варшавы начала февраля 1861 г. сенатор М. А. Коцебу отмечал: «Нельзя не сознаться, что разъединение между обществами русским и польским сделалось чувствительнее, чем когда-либо»¹⁷.

Своеобразной «точкой невозврата» в русско-польских отношениях стали события в Варшаве, развернувшиеся в феврале – марте 1861 г. Поминальная служба годовщины Гроховской битвы 15 февраля превратилась в крупную политическую демонстрацию, провокационный характер которой вынудил русские войска дать залп по толпе, в результате чего были убиты 5 и ранены 6 человек¹⁸. На фоне обострения ситуации в Варшаву в начале 1861 г. был направлен генерал С. А. Хрулёв, отличившийся храбростью и твердостью при подавлении польского восстания 1830–1831 гг. В конце марта после неудачных попыток наместника Горчакова уговорить демонстрантов разойтись снова был отдан приказ стрелять, последовали новые жертвы. Арсеньев как корреспондент русских и иностранных изданий, осознавший всю значимость для настоящего момента присутствия в непосредственной близости от событий, разворачивающихся в Варшаве, направил Хрулёву письмо, в котором просил генерала посодействовать ему в получении литературной командировки в Варшаву для составления корреспонденций о текущих событиях, набирающих все более опасный оборот для русского влияния в крае. Просьба Арсеньева была передана тогдашнему наместнику Царства Польского князю М. Д. Горчакову, который в письме начальнику Арсеньева почт-директору Ф. И. Пряшникову, просил его о временном командировании публициста в Варшаву для того, чтобы «иметь при себе редактора для статей, помещаемых в различных периодических изданиях в России и за границей, по всем предметам, относящимся до Царства Польского»¹⁹.

Арсеньев прибыл в Варшаву уже после смерти Горчакова, когда в мае 1861 г. наместником стал Н. О. Сухозанет. В своих воспоминаниях публицист отмечал, что новый наместник «по дряхлости, старости и болезни... не мог составить себе ясного понятия о положении вверенного ему края»²⁰. Арсеньев поселился в Замке – зимней резиденции наместника Царства

Польского под одной крышей с Хрулёвым, от которого получал многие сведения для своих корреспонденций. Инициативу, проявленную Арсеньевым, следует рассматривать не только как желание продвинуться по «карьерной лестнице» и сделать себе имя в русской журналистике переводчиками из центра русско-польского противостояния, но и как стремление рассказать публике о противоречивых событиях, которые замалчивались и доходили до жителей российских городов в искаженном виде, о чем неоднократно сообщали из Варшавы авторы писем к родным в России. Например, в своем письме к жене из Варшавы от 14 марта 1861 г. И. Павлицев, с 1831 г. служивший в Царстве Польском, занимая различные должности в правительстве, сокрушался от того, что в Петербурге практически все находится «в совершенном неведении» на счет действительного положения, сложившегося в центре Царства Польского²¹. Арсеньев также отмечал, что «все творившееся в Варшаве тщательно скрывалось местной администрацией...»²². Создавалась ситуация, при которой центральное русское правительство было недостаточно осведомлено о степени опасности ситуации в Польше. Арсеньев одним из первых осознал необходимость строгой фиксации особенностей всех происходивших в Варшаве событий в журнальных статьях, которые намеревался помещать не только в русские, но и в иностранные издания с целью информировать публику и российские власти в Петербурге, давая им возможность оперативнее реагировать на стремительно развивающиеся события.

По предварительному соглашению с редактором А. А. Краевским корреспонденции Арсеньева должны были публиковаться в «С. – Петербургских Ведомостях», но уже первая из них, как и все последующие, сообщавшие подробности уличных беспорядков в Варшаве, были запрещены цензурой. Тогда Арсеньев прекратил попытки публиковать свои сообщения в русских газетах и стал отправлять их только в брюссельские издания «Le Nord» и «L'indépendance Belge»²³.

Неприглядная правда очевидца событий оказалась слишком резкой и дискредитирующей авторитет российской власти, не справлявшейся с ситуацией в Царстве Польском. Однако некоторые сведения все же просачивались в центральные районы империи. Интеллектуальной реакцией русской общественности на эскалацию русско-польского конфликта стало появление различных статей и записок, содержащих предложения по урегулированию ситуации, уходящей из-под контроля российских властей. Накануне Польского восстания 1863–1864 гг. такие русские мыслители, как М. П. Погодин, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, И. С. Аксаков, предлагали примирительные меры в отношении Царства Польского по налаживанию русско-польских отношений, преодоление «перегибов»

в русской политике управления этой окраиной, допущенных за годы царствования Николая I²⁴. Не остался в стороне от этого интеллектуального направления и Арсеньев, также осознавший всю значимость открытого обсуждения польской проблемы.

Свой взгляд на решение польского вопроса он изложил в специальной записке, представленной императору в конце ноября 1861 г. шефом жандармов В. А. Долгоруковым. В сопроводительном письме к императору от 20 ноября 1861 г. Долгоруков сообщал, что счел записку, которая была составлена И. А. Арсеньевым, посланным в Варшаву «для журнальных статей» от Почтового ведомства, достойной Высочайшего внимания. В ней публицист, ставший очевидцем событий, способствовавших эскалации русско-польского конфликта, изложил основные причины ухудшения ситуации в Польше. Он подчеркивал особую значимость польского вопроса для внутренней политики России, называя его «кровным» вопросом всех русских. По мнению Арсеньева, оттягивать решительные меры в отношении волнующейся окраины нельзя в первую очередь потому, что в скором времени польский вопрос из внутривластной проблемы Российской империи может превратиться в международную, что повлечет за собой совершенно нежелательное вмешательство могущественных мировых держав – Англии и Франции²⁵.

В записке Арсеньев дал оценку политики российских властей в Царстве Польском, указав на просчеты правительства и отсутствие у высшей власти четко выработанной позиции в решении польского вопроса. По его мнению, меры, предпринятые российскими властями для «усмирения края» в течение 1861 г., «не только не увенчались никаким успехом, но повели к одному лишь развитию неурядиц и беспокойств». Публицист заметил, что еще в августе 1861 г. правительство имело возможность «косвенными, но все-таки энергичными мерами» хотя бы временно замирить волнующуюся окраину. Но именно отсутствие «системы» в управлении краем, выразившееся в «беспрестанных переменах наместников и главных начальствующих лиц; постоянной отдаче и отмене разных то строгих, то уклончивых приказаний»²⁶, привело к резкому ухудшению в русско-польских отношениях. Схожую характеристику деятельности российской администрации в крае в это время давал и министр внутренних дел П. А. Валуев. В своих дневниковых записях 1861 г. он отмечал, что государственные деятели, рассматривавшие польский вопрос на специальных заседаниях Совета министров в марте 1861 г., а также те, кто представлял местное управление краем, «как-то смотрят на польские дела сквозь очки тридцатых годов»²⁷. К тому же, по мнению П. А. Валуева, «...если крамолы продолжались и продолжают, то мы собственными ошибками и неумением

вселить ни уважения, ни даже боязни, наполовину тому причиной. Никто даже не признавал... крайности современных обстоятельств»²⁸. Арсеньев же в полной мере осознал всю сложность сложившегося для российского правительства положения в крае, называя волнения поляков в 1861 г. не иначе как восстанием. При этом он назвал еще более существенную и глубинную причину внезапной волны ненависти к России, захлестнувшей Польшу. По его мнению, поляки сбросили ненавистную для них маску, которую «носили в течение 30-ти лет, с трудом удерживаясь от выражения той ненависти, которая грызла грудь каждого поляка, вступавшего в возраст поминания»²⁹.

В результате постоянных колебаний российских властей, их неопределенности в политике управления окраиной, а также активной пропагандистской работе радикальных элементов в польском обществе, разжигавших революционные настроения, произошло разрушение всякого порядка и полное падение авторитета русской власти в крае. Арсеньев указал на то, что движение за обретение Польшей собственной независимой государственности распространилось повсеместно в польском обществе, и «партии» так называемых красных и белых, ранее составлявшие его и занимавшие противоположные позиции, в «уличном разгуле» слились воедино. Вместе с тем, по мнению Арсеньева, даже в такой ситуации общего настроя на полное освобождение Польши от российской власти еще сохранилось деление на два лагеря, преследующих разные цели, один из которых «требует автономии политической», а другой – «автономии административной»³⁰. Анализируя последствия осуществления первого требования Арсеньев приходит к выводу о том, что оно принесет несомненный вред для России, ведь в таком случае Польша будет стремиться к расширению пределов Царства путем присоединения своих бывших земель, находящихся в составе Российской империи и тем самым станет для нее «естественным» врагом.

Однако превращение Польши в административную автономию, с точки зрения публициста, может принести империи пользу, позволив лишить Царство Польское оснований для упреков России во вмешательстве в экономическую жизнь, частные интересы и юридические права польских граждан. В своей позиции Арсеньев основывался на необходимости соблюдения важного и актуального во внешнеполитическом смысле «принципа национальностей», предполагавшего совершенное невмешательство во внутреннюю жизнь управляемых народов. Для аргументации своей позиции Арсеньев указывал на особое положение польского народа в составе Российской империи. Он отмечал, что законы, предписанные завоевателями – русскими, невыносимы для поляков как народа подвластного, но

«по нравственному развитию своему, по своему образованию» стоящего выше народа русского, что не должно оскорблять русского самолюбия³¹. Арсеньев осознавал важное обстоятельство, которое крайне непоследовательно учитывалось российской властью при управлении краем. Оно состояло в том, что польский народ совершенно отличался от народа русского и это отличие заключалось не только в иной вере, но и в совершенно ином типе политического мышления, сформировавшегося под влиянием традиций самоуправления и развитости личностного начала, особенно в высших слоях польского общества.

Арсеньев считал, что введение административной автономии в Царстве Польском при сложившихся обстоятельствах составляет «единственную разумную меру», которая позволит наладить русско-польские отношения. Но данная мера, предполагающая дальнейшую неразрывную связь России и Польши, «не может быть принята, иначе, как по обсуждению ее помощью общественного мнения страны». Это предложение Арсеньева не было конкретизировано, и публицист отдельно не оговаривает, посредством каких процедур польское общественное мнение сможет участвовать в этом процессе. Он пространно говорит о необходимости призыва всего польского народа на совещание «о лучшем устройстве для Польши, Государственных ее учреждений и о законодательных вопросах»³². Можно предположить, что, указывая на подобную меру, публицист имел в виду введение в управление краем совещательных элементов, неких представительных учреждений, состоящих из польских граждан. Данное предложение также отражало важную особенность первых лет царствования Александра II, состоявшую в стремлении к повсеместному распространению гласности, уверенности в том, что при помощи общественного мнения, путем открытого обсуждения можно найти верное решение имеющихся внутриполитических проблем не только в центре, но и на окраинах империи.

Подразумевая под носителями общественного мнения в Царстве Польском все население этого края, Арсеньев крайне негативно отзывался о «польской аристократической касте», которая, стремясь к достижению «личных эгоистических видов», выдает свои корыстные интересы за мнение всего народа. В связи с этим, по его мнению, польскую аристократию и ее представителей, которые исторически доказали свою непригодность к властным полномочиям, нельзя облагать административной властью, иначе это приведет к дальнейшим смутам и неурядицам. Отсюда проистекало крайне отрицательное отношение Арсеньева к деятельности маркиза А. Велепольского – одного из ярких представителей умеренно-либеральной польской аристократии. Публицист считал, что посредничество Велепольского и его предложения по урегули-

рованию русско-польского конфликта, а также его участие в управлении краем не приведут к прекращению беспорядков, так как этот польский магнат домогается только осуществления своих честолюбивых замыслов и стремится к политической автономии Польши³³. Более того, Арсеньев предупреждал, что предложение, поступившее к русскому правительству с польской стороны, о назначении наместником Царства кого-то из великих князей не может повлечь за собой при настоящих настроениях умов в Варшаве ничего, кроме оскорбления представителя императорской семьи, что может окончиться катастрофой.

Таким образом, под идеей дарования Царству Польскому учреждений и национальной администрации, согласной с желаниями всего польского населения, а не только его меньшинства в виде польской аристократии, предложенной Арсеньевым в его записке, подразумевалось предоставление полякам некоторой самостоятельности в решении вопросов их внутренней жизни, возвращение им «гражданской самобытности». Административная автономия Царства Польского позволила бы ему иметь собственную систему самостоятельно формируемых органов исполнительной и законодательной власти, действующих под надзором центрального русского правительства.

Арсеньев призывал русские власти обратить внимание на реальную ситуацию в Польше, прислушаться к мнению всего ее населения, а не только представителей аристократии. На сопроводительном письме Долгорукова к записке имеется помета императора: «Нахожу в ней много справедливого». При этом было замечено: «Нет, однако, правильного способа для устройства прямого отдельного управления»³⁴. Стремительно развивавшийся русско-польский конфликт российское правительство могло предотвратить только двумя путями: прибегнув к жесткому усмирению края либо проведя коренные реформы, изменив прежнюю систему управления. В ноябре 1861 г. Арсеньев предлагал вступить на второй путь развития русско-польских отношений, поддержав местный элемент, выступавший за административную автономию Царства Польского.

Сбор сведений по польской проблеме и их анализ И. А. Арсеньевым представляли собой новый формат журналистской деятельности. Он предпринял попытку использования современной практики освещения событий и их публичного обсуждения в условиях стихийно развивавшейся гласности для разрешения давней польской проблемы. В ходе своей литературной командировки в Варшаву, продлившейся до 1864 г., публицист стремился не только к максимально беспристрастной и объективной фиксации событий, сотрясавших Варшаву накануне польского восстания, но и к выработке некоего набора рекомендаций, призванных способствовать бес-

конфликтному разрешению польского вопроса. Собираемая им информация подвергалась глубокому анализу, результаты которого были изложены в форме записки, обращенной к русским правительственным кругам. Предлагаемая в ней программа представляла собой альтернативную модель предотвращения конфронтационной траектории развития очередного русско-польского кризиса, суть которой состояла в предоставлении административной автономии Царству Польскому. В аргументированном отстаивании своих взглядов перед лицом власти, в указании на многие явные просчеты в ее политическом курсе, проводимом в Царстве Польском в годы, предшествовавшие кризису, он видел свой не только журналистский, но и гражданский долг. Деятельность Арсеньева стала одним из частных, но показательных проявлений новой общественно-политической реальности начала 1860-х гг., в которой происходило развитие очередного обострения русско-польских отношений, ставшего болезненным «конфликтным пунктом» в исторической памяти двух народов.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли»).

Примечания

- 1 Gluszkowski P. Polsko-rosyjskie stosunki w XIX w. We współczesnej rosyjskiej historiografii // Kwartalnik Historyczny. 2015. Vol. 122. No. 2. P. 305.
- 2 См.: Горизонтов Л. Е. Служить или не служить империи? Поляки в России XIX в. // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты / отв. ред. С. Гжибовский, В. А. Хорев, М.: Волос, 2011. С. 297.
- 3 См.: Иванова С. И. Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60-х годов XIX века // Ежегодник Русско-польского института. 2012. № 1 (2). С. 9–10.
- 4 См.: Арсеньев Илья Александрович // Русский биографический словарь : в 25 т. / А. А. Половцов. СПб., 1900. Т. 2. С. 316–317.
- 5 См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 722. Оп. 1. Д. 5366.
- 6 Там же. Ф. 722. Оп. 1. Д. 5272.
- 7 См.: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (От начала русской образованности до наших дней) : в 6 т. Т. I, вып. 17. СПб., 1889. С. 778.
- 8 Арсеньев И. А. Слово живое о неживых. (Из моих воспоминаний) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1887. Т. XXVIII. С. 85.
- 9 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1729. Оп. 1. Д. 154. Л. 3.
- 10 См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. СПб., 1830–1885. Т. 31, отд-

- ние 1 : 1856. СПб., 1857. № 30877. С. 791 ; № 30878. С. 798–799.
- ¹¹ См.: *Берг Н. В.* Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях : 1831–1862. М., 1873. С. 148.
- ¹² См.: *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1860–1862. М. : Российский архив, 1999. С. 189.
- ¹³ *Сапега Л.* Мемуары князя Л. Сапег. 1803–1863. Пг., 1915. С. 109.
- ¹⁴ См.: *Спасович В. Д.* Жизнь и политика маркиза Велепольского. СПб., 1882. С. 62.
- ¹⁵ См.: Карцев П. П. Варшава в 1860–1861 гг. Из воспоминаний генерал-лейтенанта П. П. Карцева // *Русская старина*. 1882. Т. 36, вып. 12. С. 535–536.
- ¹⁶ *Милютин Д. А.* Указ. соч. С. 54.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 359. Л. 2.
- ¹⁸ См.: *Милютин Д. А.* Указ. соч. С. 74–75.
- ¹⁹ Цит. по: *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 167.
- ²⁰ *Арсеньев И. А.* Варшава в 1861 году. (Из памятной книжки) // *Исторический вестник*. Историко-литературный журнал. 1886. Т. XXVI. С. 532.
- ²¹ См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 359. Л. 39.
- ²² Там же. С. 533.
- ²³ Там же. С. 518.
- ²⁴ См.: *Завьялова О. О.* Польский вопрос в русской общественной мысли во второй половине 50-х–начале 60-х годов XIX века : в поисках диалога с властью // *Современная наука : актуальные проблемы теории и практики*. Сер. : Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 9–13.
- ²⁵ См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 384. Л. 2.
- ²⁶ Там же. Л. 3–3 об.
- ²⁷ *Дневник П. А. Валуева*, министра внутренних дел : в 2 т. М. : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. С. 128.
- ²⁸ Там же. С. 86.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 384. Л. 4.
- ³⁰ Там же. Л. 5–5 об.
- ³¹ Там же. Л. 7 об.
- ³² Там же. Л. 14 об.
- ³³ Там же. Л. 10–12 об.
- ³⁴ Там же. Л. 1.

Образец для цитирования:

Завьялова О. О. «Усмирить подвластный нам край»: взгляды И. А. Арсеньева на польский вопрос в начале 1860-х годов в контексте национальной политики Российской империи // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 417–423. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-417-423>

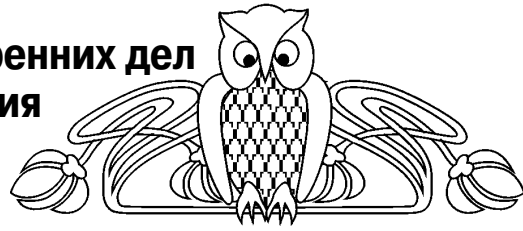
Cite this article as:

Zavyalova O. O. «To Pacify the Land Subject to Us»: the Views of I. A. Arsenyev on the Polish Question in the early 1860s in the Context of the National Policy of the Russian Empire. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 417–423 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-417-423>

УДК 94(47).081

Эксперименты Министерства внутренних дел России в сфере местного управления (конец 1850 – начало 1860-х годов)

Е. Н. Морозова

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, morozovaen@mail.ru

В статье анализируются эксперименты Министерства внутренних дел России, проводимые одновременно с созданием законопроектов Комиссией о губернских и уездных учреждениях во главе с Н. А. Милютиным в сфере местного управления. Впервые вводятся в оборот новые архивные материалы, которые доказывают, что генерал-губернатор кн. И. И. Васильчиков, проводивший преобразования в Киевской губернии, действовал в соответствии с указаниями Министерства внутренних дел, которое использовало его опыт как для подтверждения своих теоретических изысканий, так и в качестве аргумента для поддержки своих проектов верховной властью.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, Н. А. Милютин, С. С. Ланской, И. И. Васильчиков, законопроект, эксперимент, местное управление.

Experiments of Internal Affairs Ministry of Russia in the Sphere of Local Government: the Late 1850s – Early 1860s

Е. N. Morozova

Elena N. Morozova, <https://orcid.org/0000-0003-4420-8156>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, morozovaen@mail.ru

The paper regards the experiments of Russian Internal Affairs Ministry conducted alongside with drafting bills on local management of gubernia and uezd institutions supervised by N. A. Milyutin. The author is a pioneer in introducing the archive materials which prove that General Governor Prince I. I. Vasil'chikov, being in charge of the reforms in Kiev Gubernia, acted in accordance with the directions of Internal Affairs Ministry. The latter used the Prince's experience both as a proof of the theoretical research and as an argument for the support of their project by the supreme power.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, N. A. Milyutin, S. S. Lansky, I. I. Vasil'chikov, draft bill, experiment, local government

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-424-428>

Накануне Великих реформ одним из наиболее значимых и обсуждаемых вопросов (помимо крестьянского) стал вопрос о состоянии местного управления в стране. Оно практически без серьезных изменений функционировало в соответствии с законодательством Екатерины II. Проблема повышения эффективности местного управления была далеко не новой для России, о чем свидетельствуют попытки преобразова-

ний, предпринятые в царствование Александра I и Николая II. Однако в поствоенный период в условиях подготовки отмены крепостного права необходимость реформ в этой сфере стала жизненно необходимой.

Создание правительственных проектов шло на фоне активизации общественного мнения, представители различных направлений которого, несмотря на запреты и циркуляры правительства, в рукописных записках, адресах, ходатайствах создавали свои проекты новой организации местного управления. В Министерстве внутренних дел России на протяжении нескольких лет создавались проекты в сфере уездного (1857–1860 гг.) и губернского (1859–1861 гг.) управления. Наиболее значимыми вехами на этом пути стали проекты полицейской реформы и коренной реформы губернского управления, подготовленные межведомственным институтом – Комиссией о губернских и уездных учреждениях, состоявшей из представителей просвещенной бюрократии во главе с Н. А. Милютиним.

Комиссия выявила главные причины низкой эффективности деятельности полиции, заключавшиеся в организационных недостатках (разделение на земскую и городскую полицию, малочисленность полицейских чиновников, бюрократизация полицейского аппарата) и в слишком широком круге ее полномочий. По проекту полицейской реформы предусматривались серьезные изменения в структуре и компетенции полиции: предусматривалось объединение земской и городской полиции, а ее полномочия сводились к делам исполнительным. Из предметов ведения полиции изымались судебные-следственные и хозяйственно-распорядительные дела. Последние передавались Уездным земским присутствиям¹.

Однако подобные преобразования невозможно было провести лишь на уровне уездов. Изменения неизбежно затронули бы объем полномочий губернских учреждений и власть губернаторов. Поэтому милютинская Комиссия ходатайствовала о необходимости коренных преобразований на губернском уровне². Просвещенная бюрократия видела единственно возможное средство коренного изменения организации власти на местах в широкой административной децентрализации. Управление в губернии рассматривалось как состоящее из двух различных по своей природе частей, основанных на разных принципах и с различной компетенцией. Казен-

ная администрация должна была заниматься делами государственными. Земские учреждения – органы самоуправления – рассматривались как часть местного управления, ведавшая делами «местного интереса». В проектах выявлялись причины низкой эффективности работы административных учреждений: отсутствие четкого разделения полномочий между учреждениями, подведомственных одной власти³.

В целях повышения эффективности управления по милютинскому проекту все административно-полицейские учреждения, находившиеся в ведении Министерства внутренних дел, сливались в один орган – губернское правление под председательством губернатора, состоявшее из пяти отделений. Губернское правление (несмотря на старое название), стало бы абсолютно новым органом, в ведение которого передавались все дела упраздненных комитетов и комиссий⁴. Это помогло бы избавиться от волокиты, сократить бюрократический аппарат, улучшить делопроизводство, упразднить множественность инстанций. Подобные меры позволили бы ликвидировать недостатки, о которых так много говорилось в докладах представителей министерств и ведомств и отражалось в различных формах общественного мнения.

Объем полномочий нового губернского правления был ограничен делами исполнительными: надзор за выполнением общероссийских законов, охрана общественного порядка, наблюдение за исправным отправлением повинностей, охрана народного здоровья, надзор за строительной частью в губернии⁵. Безусловно, эта реформа неизбежно коснулась бы прерогатив губернаторской власти. По проекту предполагалось ее усиление. Под этим термином просвещенная бюрократия понимала деконцентрацию власти, которая позволила бы губернатору превратиться в действительного начальника губернии, а не являть собой правительственного чиновника от Министерства внутренних дел, загруженного ежедневной рутинной письменной работой. По подсчетам Комиссии, губернатор принимал участие в заседаниях «18 учреждений и подписывал до 30 тыс. бумаг в год»⁶.

Комиссия Н. А. Милютин полагала, что «власть губернаторов должна служить средоточием исполнительной правительственной власти по части полиции и казенного хозяйства»⁷. Одним из важнейших путей повышения эффективности местного управления милютинская Комиссия считала передачу хозяйственно-распорядительных дел обществу губернии и уезда. Н. А. Милютин полагал, что «хозяйственное управление, как чисто местное, очевидно, не может и не должно несколько касаться государственных дел», однако вне отраслей правительственной деятельности остается «обширный круг местных интересов, большей частью мелочных, так сказать, обыденных и для Высше-

го Правительства не важных, но составляющих насущную потребность местного населения»⁸. Этот тезис отчетливо поясняет взгляды самого Н. А. Милютин и просвещенной бюрократии на место земских учреждений в политическом строе России. Они считали, что общество не нуждалось в опеке и могло самостоятельно управлять местными делами⁹. Поэтому земскому самоуправлению предоставлялось право заниматься местными хозяйственными делами, часть которых «передавалась из бюрократических в местные инстанции»¹⁰.

Координационным органом между двумя частями управления должен был стать Губернский совет, состоявший из представителей от короны и земских учреждений¹¹.

Проект коренной реформы всего местного управления, представленный Комиссией Н. А. Милютин, отвечал давно назревшим потребностям реформирования местного управления и соответствовал тем принципам, на которых предполагалось проводить крестьянскую реформу. Новый проект коренным образом изменял существующую систему местного управления, как с точки зрения формы, так и содержания. Сам Н. А. Милютин был уверен в успешной реализации подобного преобразования. Незадолго до своей отставки, в феврале 1861 г., через А. В. Головнина он сообщил вел. кн. Константину Николаевичу, который попросил ответить на целый ряд вопросов, касавшихся проектов Комиссии о губернских и уездных учреждениях. «Мы полагаем, – пишет Николай Алексеевич, – иметь ввиду два учреждения в губерниях: губернское правление под председательством губернатора для дел полицейских и распорядительных, и земские присутствия (или земские палаты) под председательством губернских предводителей дворянства или другого выборного лица для заведывания земским хозяйством, Общественным продовольствием и проч. Эти два учреждения вместе с казенной палатой и судебными местами должны образовать полное губернское управление»¹².

Особое место Н. А. Милютин уделил вопросу о степени самостоятельности земских учреждений: «Земской палате мы полагаем дать всевозможную самостоятельность под контролем сословных выборных, в некоторых случаях – под наблюдением губернатора или министерства внутренних дел»¹³. Глава Комиссии о губернских и уездных учреждениях выражал надежду, что с окончанием работы над планом этого преобразования, он «был бы счастлив представить его части великому князю, прежде чем это должно получить официальный ход»¹⁴.

Именно в этой переписке особое внимание уделяется преобразованиям военного губернатора Киевской губернии, Подольского и Волынского генерал-губернатора князя И. И. Васильчикова. Из документа явствует, что Министерство

внутренних дел «еще в 1859 г.» передало Васильчикову «некоторые указания» в сфере преобразований в Киевской губернии, «которыми он частью воспользовался»¹⁵. Архивные сведения подтверждают гипотезу, высказанную автором статьи в монографии «У истоков земской реформы», что, возможно, Васильчиков проводил преобразования в соответствии с предположениями Министерства¹⁶.

Более того, Н. А. Милютин был убежден в том, что эксперимент кн. И. И. Васильчикова станет началом проведения «нашей коренной реформы», «своевременного и необходимого преобразования», что «позволит сделать шаг вперед, и надеюсь, не в одной Киевской губернии»¹⁷. И Н. А. Милютин, и министр внутренних дел С. С. Ланской в официальных документах постоянно подчеркивали, что преобразования в Киевской губернии ведутся по инициативе генерал-губернатора.

1 марта 1859 г. С. С. Ланской в докладе отмечал, что кн. Васильчиков «сообщил предположения свои о способах преобразования губернского и уездного управления»¹⁸. Только в вышеупомянутом частном письме Н. А. Милютина есть ссылка на предварительные переговоры с кн. Васильчиковым. Видимо, придание инициативной роли последнему должно было стать весомым аргументом в пользу законопроектов, готовившихся под руководством Н. А. Милютина.

В «Материалах, собранных для высочайше учрежденной Комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений», сохранился «Обзор положения вверенного ему края за 1857 и 1858 годы» кн. И. И. Васильчикова, где он проанализировал все недостатки местного управления, которые были характерны не только для указанных губерний, но и в целом для России. По мнению кн. И. И. Васильчикова, губернское и уездное управление страдает от «разъединенности, несамостоятельности, недостаточности предоставляемой им власти, формализмом, удваивавшим, если не более, излишнюю переписку, и оттого медлительностью, нерешительностью и отсталостью действий»¹⁹. Формализм и волокита в делопроизводстве превратили последнее в «притчу во языцах», примерами которой были полны обличительные записки предреформенной эпохи. С. С. Ланской, комментируя «Обзор» генерал-губернатора, делает акцент на двух важнейших недостатках местного управления: «Князь Васильчиков указывает на медленность, неуспешность делопроизводства и частое несоблюдение порядка и законности, как на коренные и постоянно замечаемые недостатки в ходе губернского гражданского управления» (курсив мой. – Е. М.)²⁰. Следует заметить, что в бесцензурной и подцензурной печати того времени, в проектах просвещенной бюрократии понятия «законность и порядок» противопоставлялись «произволу», пронизывающему всю сферу

управления. В частности, в «Объяснительной записке» Н. А. Милютина от 20 апреля 1860 г. подчеркивалось, что полицейскую власть следовало «поставить в строгие законные пределы, устранить произвол, который мог бы сделаться источником важных замешательств и беспорядков»²¹.

Помимо этих недостатков управления в Киевской губернии, министр внутренних дел остановился и на других, не менее важных. Он ссылаясь на слова И. И. Васильчикова, который обратил внимание на огромность формальной переписки, превращающей чиновников «в простых механических деятелей от станowego пристава до губернатора включительно», чей «механический труд до того огромен, что ему не достает ни времени, ни полной возможности вникать в нужды управления». Губернатор «должен рассматривать множество вступающих бумаг, утверждать тысячи журналов разных присутствий, председательствовать в этих присутствиях, осматривать и ревизовать разные заведения и места и подписывать до 100000 исходящих бумаг в год»²².

Столь же сильным злом генерал-губернатор считал мздоимство чиновничества, с горечью отмечая, что жалобы населения на нечестных представителей местной власти доходят до самого императора. Однако И. И. Васильчиков честно признавался, что никакая строгость взысканий «не в силах исправить и пресечь зло»²³. По его мнению, скудость жалованья мелких чиновников служит постоянным подстрекательством к взяточничеству. И. И. Васильчиков приводил примеры, когда чиновники в уездных городах получали от 57 руб. 14 коп. (Подольская губерния) до 28 руб. 50 коп. (Киевская губерния) в год. Квартира же стоит в месяц, по словам губернатора, не менее 6 руб. серебром. Князь уверял, что мелкое чиновничество получает меньше, чем любой чернорабочий, или даже сторож своей канцелярии, и гораздо меньше, чем прислуга в частных домах. В то же время чиновники завалены непосильной работой и часто вынуждены из своего мизерного жалованья оплачивать труд нанимаемых ими писцов²⁴. Поэтому, делает вывод генерал-губернатор, искоренить зло можно лишь, увеличив размер жалованья служащих, что позволит не только сократить бюрократический аппарат, но и привлечь в местное управление способных и дельных чиновников.

Необходимость преобразований в местном управлении И. И. Васильчиков объясняет грядущей отменой крепостного права, ибо «новое сословие крестьян свободных, преуспеянием своим, приобретением собственности, возбудит гражданские и другие дела, по которым потребует скорый разбор в судебных и административных местах»²⁵.

Генерал-губернатор предлагал в подведомственном ему крае соединить в новом органе – губернском управлении – дела губернского

правления, различных губернских комитетов и комиссий. Создание единого органа, по мнению И. И. Васильчикова, должно было привести к упрощению делопроизводства, сокращению бюрократических инстанций и расходов на их содержание. Васильчиков предлагал освободить губернское правление и уездную полицию от рассмотрения судебных дел, передав их «надлежащим судебным учреждениям». По такому же принципу планировалось создание уездного управления. На этом обзоре сохранилась резолюция Александра II, в которой он предлагал министрам внутренних дел и юстиции предоставить свои соображения не позже 1 марта 1859 г. «с тем, чтобы кн. Васильчикову разрешено было ныне же привести в исполнение, в виде опыта, его предположения в одной из вверенных управлений губерний»²⁶.

С. С. Ланской в своем докладе от 1 марта 1859 г., представленном в Комитет министров по поводу проекта, предложенного кн. И. И. Васильчиковым, отметил его своевременность и заключил, что эти предположения идут в русле разработки преобразований, которые готовятся в Министерстве внутренних дел²⁷. В целом, соглашаясь с основными позициями проекта, министр внутренних дел выступил против присоединения к новому органу Комитета о земских повинностях, Комиссии о народном продовольствии и Комитета общественного здоровья. Он полагал, что два последних учреждения должны войти в состав Комитета о земских повинностях. Таким образом, речь шла о выделении хозяйственно-распорядительных функций, что полностью совпадало с ранними проектами Министерства внутренних дел и более поздними, созданными в Комиссии о губернских и уездных учреждениях под руководством Н. А. Милютин. Одновременно Ланской поддержал идею Васильчикова о передаче судебно-следственных функций судебным учреждениям²⁸.

18 марта 1859 г. последовало высочайше утвержденное положение Комитета министров «о несомненной пользе» предположений кн. И. И. Васильчикова. По предложению С. С. Ланского ему разрешили провести «в виде опыта» реформу в Киевской губернии. На уровне губернии Васильчикову позволялось образовать губернское управление в составе всех учреждений, подведомственных Министерству внутренних дел. Исключение составили Приказ общественного призрения и Тюремный комитет. Новый орган состоял из следующих отделений: Временного, Полицейского, Следственного, Хозяйственного, Земского (состоявшего из Комиссии народного продовольствия и Особого присутствия о земских повинностях), Врачебного (состоявшего из Врачебной управы и комитетов – Здравия и Оспенного), Строительного (состоявшего из Строительной и Дорожной комиссий). Вновь создаваемый орган освобождался «от

рассмотрения судебных дел». Кроме того, Васильчикову позволили объединить Магистраты с уездными судами²⁹. В сфере уездного управления кн. И. И. Васильчиков должен был осуществить проект объединения городской и земской полиции в «виде двух отделений одного общего полицейского управления» во главе с уездным исправником³⁰.

Если сравнить проекты Н. А. Милютин и его команды, они совпадают практически дословно с предположениями кн. Васильчикова. Но существовало очень важное их отличие от милютинских проектов. По требованию Комитета министров земские учреждения в губернии должны являть собой составную часть губернского управления. Для Н. А. Милютин это было недопустимо. Николай Алексеевич подчеркивал, что единственным отступлением от плана Министерства внутренних дел в киевских преобразованиях являлось слияние в «одно губернское правление двух отраслей, которые, по моему глубокому убеждению должны быть отделены: полицейскую и хозяйственную»³¹. Он утверждал, что выделение хозяйственно-распорядительных дел «необходимо и для правильного устройства полиции, и для лучшего течения хозяйственных дел»³².

Итоги своего эксперимента И. И. Васильчиков оценивал очень высоко, о чем сообщалось в «Обзоре положения губерний Киевской, Подольской и Волынской и действий главного местного управления»³³.

9 февраля 1861 г. Васильчиков докладывал, что в Киевской губернии объединение губернских учреждений своих целей достигло, что выражалось в «уничтожении разъединенности между существенными их частями», ускорении делопроизводства³⁴.

Значительную роль в этом процессе сыграло объединение канцелярии губернатора и канцелярий всех учреждений, входящих в губернское управление. Это позволило, с одной стороны, сократить количество чиновников, с другой – повысить жалованье оставшимся. «Судя по отчету, присланному кн. Васильчиковым в Министерство внутренних дел, – отмечал Н. А. Милютин, – уменьшилось количество журналов, протоколов и пр., что должно содействовать упрощению делопроизводства», «сокращено число канцелярских чинов, что дало возможность усилить оклады остальным чиновникам на 50 и более %»³⁵. Деятельность Васильчикова была положительно оценена Комитетом министров и императором. Генерал-губернатору разрешили распространить этот эксперимент еще на две губернии, подведомственные ему³⁶.

Н. А. Милютин внимательно следил за преобразованиями местного управления в Киевской губернии, продолжавшимися в течение 1859–1861 гг.: «Все эти перемены вполне согласуются с предположениями Министерства внутренних

дел, и мы искренне радуемся, что после долгих тщетных настояний, они введены хоть в одной губернии. Поэтому я не могу не выразить полнейшего сочувствия к начинаниям кн. Васильчикова. Последние, но существенные его преобразования (по части строительной, полицейской, судебной) введены так недавно, что заметные результаты не могли еще обнаружиться, но едва ли можно сомневаться в пользе таких рациональных мер, если [они] будут доведены до конца»³⁷.

Таким образом, можно заключить, что преобразования, проводимые кн. И. И. Васильчиковым, шли под непосредственным руководством Министерства внутренних дел, и прежде всего, Н. А. Милютина. Но, к сожалению, все упования временно исполняющего обязанности товарища министра внутренних дел, главы Комиссии о губернских и уездных учреждениях оказались тщетными. Эксперимент кн. И. И. Васильчикова так и остался успешным опытом преобразований в сфере местного управления в рамках одной губернии. Проект коренной реформы местного управления, разработанного Н. А. Милютиным и его командой, остался памятником законотворческой мысли. После отставки Н. А. Милютина все документы были переданы новому главе Министерства внутренних дел П. А. Валуеву, под руководством которого была реализована только одна часть милютинских предположений – земская реформа.

Примечания

- 1 См.: Труды комиссии о губернских и уездных учреждениях. Учреждения уездные. Ч. 1, кн. 1–4. СПб., 1860. Кн. 2. С. 34, 39, 46–47; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 869. Оп. 1. Д. 395. Л. 97–98.
- 2 См.: Материалы, собранные для высочайше учрежденной Комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел административный. Ч. 1. Отд. 4–6. Материалы исторические и законодательные. СПб., 1870, 1872. Ч. 1, отд. 5. С. 196.
- 3 См.: РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 123. Л. 45.
- 4 См.: Материалы, собр. для Комиссии... Ч. 1, отд. 5. С. 3–72.
- 5 Там же. С. 18–23.
- 6 Материалы, собр. для Комиссии... Ч. 1, отд. 4. С. 3.
- 7 РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 123. Л. 47.
- 8 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 379. Ф. П. Корнилов. Д. 269. Л. 2.
- 9 См.: Львов Г. Е., Полнер Т. И. Наше земство и 50 лет его работы. 13-е изд. М., 1917. С. 9.
- 10 Труды комиссии... С. 86–87.
- 11 См.: Материалы, собр. для Комиссии... Ч. 1, отд. 5. С. 34–35.
- 12 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 25.
- 13 Там же. Л. 23.
- 14 Там же.
- 15 Там же. Л. 26.
- 16 См.: Морозова Е. Н. У истоков земской реформы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 203.
- 17 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 25–26.
- 18 Материалы, собр. для Комиссии... Ч. 1, отд. 4. Материалы по преобразованию губернских учреждений Министерства внутренних дел в Киевской губернии. 1859 г. С. 8.
- 19 Там же. С. 1.
- 20 Там же. С. 9.
- 21 Труды комиссии... Ч. 1, кн. 2. С. 59.
- 22 Материалы, собр. для Комиссии... Ч. 1, отд. 4. С. 3, 9.
- 23 Там же. С. 5.
- 24 Там же. С. 4–5.
- 25 Там же. С. 6.
- 26 Там же. С. 6–7, 13–14.
- 27 Там же. С. 15.
- 28 Там же. С. 17, 20.
- 29 Там же. С. 28–30.
- 30 Там же. С. 25–27.
- 31 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 24–25.
- 32 См.: Труды комиссии... Ч. 1, кн. 2. С. 87.
- 33 См.: РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 401. Л. 12–23.
- 34 См.: РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 123. Л. 39–42.
- 35 См.: РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 24–25.
- 36 См.: Середонин С. М. К столетию Комитета министров Комитета министров (1802–1902). Исторический обзор деятельности Комитета министров: в 3 т. Комитет министров в царствование императора Александра Второго (1855 февраля 19 – 1881 марта 1). СПб., 1902. Т. 3, ч. 2. С. 90.
- 37 РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 24–25.

Образец для цитирования:

Морозова Е. Н. Эксперименты Министерства внутренних дел России в сфере местного управления (конец 1850 – начало 1860-х годов) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 424–428. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-424-428>

Cite this article as:

Morozova E. N. Experiments of Internal Affairs Ministry of Russia in the Sphere of Local Government: the Late 1850s – Early 1860s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 424–428 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-424-428>

УДК 34(091).084.8

Первые кооперативные съезды в дореволюционной России и реакция власти на их проведение (1908–1913 годы)

И. Н. Коновалов

Коновалов Иван Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, политологии и социологии, Саратовская государственная юридическая академия, i.n.konovalov@mail.ru

Исследуются итоги работы первых российских кооперативных съездов, их состав и численность. Анализируются решения съездов, определивших направление развития сельскохозяйственных, кредитных, потребительских, промысловых, маслодельных и перерабатывающих кооперативов, на долгие годы вперед. Особое внимание уделяется реакции власти на их проведение и выявлению причин участия в кооперативных съездах политических партий.

Ключевые слова: кооперативные съезды, кооперативы, единый кооперативный закон, правительство, департамент полиции, административное давление на кооперативы, политические партии.

The First Cooperative Congresses in Pre-revolutionary Russia and the Reaction of the Authorities to their Organization (1908–1913)

I. N. Konovalev

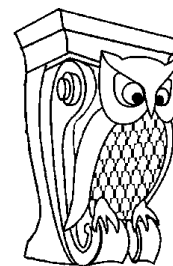
Ivan N. Konovalev, <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>, Saratov State Academy of Law, 1 Volska St., Saratov 410056, Russia, i.n.konovalev@mail.ru

The results of the work of the first Russian cooperative congresses, their composition and size are investigated. The decisions of the congresses, which determined the direction of development of agricultural, credit, consumer, industrial, creamery and processing cooperatives, are analyzed for many years to come. Special attention in the article is paid to the reaction of the authorities to their organization and to identifying the reasons for participation in political parties in cooperative congresses.

Keywords: cooperative congresses, cooperatives, unified cooperative law, government, police department, administrative pressure on cooperatives, political parties.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-429-432>

В 1908–1913 гг. кооперативное движение поднялось на новую ступень. Роль его в экономической жизни страны стала еще более заметной. Кооперативы взяли на себя не только обеспечение населения продовольствием, предметами первой необходимости, кредитами, но и в какой-то мере снабжение сельскохозяйственного производства машинами и орудиями, реализацию товарного хлеба. В этой связи возросли и их претензии на роль в общественно-культурной жизни, усилились оппозиционные настроения. Именно в этот период кооперативные съезды и совещания стали регулярными. В их работе участвовали

делегаты от сельскохозяйственных, кредитных, потребительских, промысловых, маслодельных, перерабатывающих кооперативов, со всех губерний России. Причем делегации от крестьянских кооперативов были самыми многочисленными.

Первый Всероссийский кооперативный съезд состоялся в Москве в 1908 г. В его работе приняли участие 824 представителя от 650 кооперативов различных видов¹. Главной проблемой кооперативного движения этого периода являлось отсутствие единого кооперативного закона, что было выгодно правительству, поскольку позволяло ему сохранять контроль над кооперативами. В этой связи основным вопросом первого и последующих съездов являлась выработка проекта кооперативного закона, который: 1) устранил бы опеку над кооперацией и заменил разрешительный (концессионный) порядок открытия товариществ явочным (регистрационным); 2) стал бы единым законом для всех видов кооперативов; 3) обеспечил бы свободу соединения товариществ в союзы.

Московским съездом была избрана особая комиссия, которая и выработала первый проект кооперативного закона. По закрытии съезда дальнейшая разработка проекта перешла к комиссии законодательных предположений при Петербургском отделении Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах во главе с кн. К. В. Кекаутовым. Кроме него в нее вошли известные кооператоры М. Л. Хейсин, А. В. Меркулов, А. А. Исаев².

По данным полиции, в Московском съезде принимали активное участие представители социалистических партий³. Накануне съезда партия социалистов-революционеров распространила в местных организациях письмо, в котором рекомендовалось принять «самое живое и деятельное участие в этом съезде, поскольку он может оказать значительное влияние на деятельность кооперативных учреждений»⁴.

Для организации на съезде партийной работы ЦК РСДРП командировал в Москву из Петербурга члена ЦК В. П. Ногина. Повышение интереса к съезду со стороны левых партий, естественно, вызвало беспокойство властей. Перед началом его работы председатель Совета министров П. А. Столыпин направил московскому генерал-губернатору телеграмму, в которой предупредил его о том, что «предстоящий в Москве кооперативный съезд имеет целью противозаконное объединение существующих в империи

кооперативных учреждений (потребительских, производственных обществ, ссудо-сберегательных, кредитных товариществ) и намерен подчинить их скрытому влиянию социал-демократической партии. Установите за его деятельностью тщательное наблюдение, примите меры к тому, чтобы на съезде не был создан центральный союзный орган, предупредите всякие попытки противоправительственной агитации»⁵.

После первого же дня работы съезда полиция предупредила его председателя профессора Петербургского политехнического института А. С. Постникова, что доклад В. А. Поссе, прочитанный в день открытия съезда, «содержал в себе призыв к изменению существующего строя». Московский градоначальник потребовал немедленного прекращения работы «пропагандистской комиссии» и запретил обсуждать «резольюции и поправки к ним, составленные в духе социалистических партий»⁶. С целью дезорганизации партийной работы социал-демократов полиция арестовала проживающего без прописки в Москве В. П. Ногина и делегата И. И. Егорова, члена рабочей фракции съезда⁷.

Несмотря на противодействие правительства, левые партии получили на съезде 56 совещательных голосов, из которых 30 имели право решающего голоса. С. Н. Прокопович был избран товарищем председателя съезда и руководителем комиссии «О положении служащих в кооперативах», секретарями съезда стали В. Ф. Тотомианц, М. Л. Хейсин, Д. М. Бобылев, П. С. Горбунов, Ю. Ю. Соколов. Комиссию «О кооперативной пропаганде» возглавила Е. О. Ленская. Комиссии С. Н. Прокоповича и Е. О. Ленской приняли более 10 резолюций, носивших, по определению полиции, «революционный характер», в том числе о праздновании 1 Мая и о том, что «в основу кооперативной пропаганды должна лечь пропаганда социализма»⁸.

Правоохранительное ведомство внимательно следило за работой каждой секции съезда. В донесении П. А. Столыпину начальник московской охраны писал: «Общее впечатление, производимое съездом, несомненно, неблагоприятное. Громадное большинство делегатов настроено революционно. Об этом свидетельствуют не только речи ораторов, но и разговоры в кулуарах»⁹. Первый съезд кооперативных организаций встретил горячее приветствие оппозиционной печати. Заграничный орган «Голос социал-демократа», вышедший в июне 1908 г. (№ 6–7), писал: «Настроение, господствующее на съезде, было крайне левое. Под конец съезда рабочая социал-демократическая и крестьянская трудовая социалистов-революционеров группы вдвоем имели почти верное большинство»¹⁰. Свою оценку съезду дал и Департамент полиции: «Нельзя безразлично относиться к свободному и бесконтрольному развитию кооперативного движения. К ним (кооперативам) нужно

придерживаться «утеснительной политики»¹¹. Начальник земского отдела В. И. Бафтановский считал нужным внести в циркуляр для губернаторов, подготовленное Департаментом, следующее указание: «При возбуждении ходатайств о разрешении новых кооперативных учреждений собирать сведения о политической благонадежности учреждений и, в случае получения сведений о неблагонадежности учредителей, стараться отказывать в разрешении под тем или иным благовидным предлогом»¹².

В очередном докладе министру внутренних дел полицейское ведомство доносило, что «в последнее время возрастает стремление левых партий использовать развитие кооперативного движения как в целях сплочения масс для борьбы с существующим государственным строем, так и для приобретения материальных средств на революционное дело»¹³.

В своих министерских отчетах Департамент полиции фактически пытался сформулировать направление дальнейшей политики правительства в отношении кооперативов. Обосновывая свою позицию по этому вопросу, охранительное ведомство уделяло особое внимание процессу их политизации. Однако мнения в правительстве разделились. Департамент полиции продолжал считать, что, «сосредоточив громадные капиталы, кооперация при известных условиях может представлять большую государственную опасность»¹⁴. Междуведомственное правительственное «совещание по поводу образования семи новых кредитных союзов», проходившее в сентябре 1910 г., пришло к другому заключению: «Попытки левых партий воспользоваться для своих целей кооперативными организациями не должны, разумеется, оставаться без внимания правительства, но то обстоятельство, что те или иные партии относятся с сочувствием к кооперативам, не должно служить основанием к задержке их развития»¹⁵.

Позиция Департамента полиции сказалась на работе второго Всероссийского съезда деятелей мелкого кредита и сельскохозяйственной кооперации, который состоялся в 1912 г. в Петербурге. Охранное отделение сделало все, чтобы не допустить на него представителей рабочих потребительских кооперативов. По этой причине в съезде приняли участие всего около 500 делегатов от 450 товариществ. Большинство участников съезда являлись представителями кредитных кооперативов и сельскохозяйственных обществ, видящих в учреждении мелкого кредита лишь материальную сторону дела и далеких от политики. Если на первом съезде представители левых партий получили 7 мест в руководящих органах съезда, то на втором – только одно. Его секретарем стал эсер-«починовец» А. В. Меркулов. Руководителями секций мелкого кредита был избран вице-директор Департамента министерства торговли С. В. Бородаевский,

сельскохозяйственной кооперации – губернский агроном пензенского земства М. А. Трофимов, земско-кооперативной-делегат от Харьковской губернии земский деятель Б. И. Каразин¹⁶.

Несмотря на меры, принятые полицией, ряд резолюций, предложенных участниками съезда, носил политический характер. Так, члены организационного комитета съезда (М. И. Туган-Барановский, В. Ф. Тотомианц) высказали пожелание «считать настоящий съезд преемником первого Всероссийского съезда в Москве». Самая резкая критика в адрес правительства была высказана левыми делегатами съезда. В частности, П. Б. Шимановский заявил, что «нормальное и успешное развитие сельскохозяйственных кооперативных организаций в России возможно лишь при соблюдении самых элементарных (правовых, социальных и политических) норм для крестьянского населения, которых оно лишено». По мнению другого делегата Б. Р. Фроммета, «...устав для учреждений мелкого кредита будет хорош лишь тогда, когда будет устранена всякая правовая опека над кооперативами». В связи с этим «съезд обязан показать демократии тот гнет, который обрушивается на все культурно-просветительские начинания кооператоров»¹⁷.

Петербургский съезд обсудил существующее положение с крестьянским кредитом, вопросы о приспособлении этого кредита к целям землеустройства. В постановлении съезда отмечалось, что «дальнейшее развитие ссудной операции тормозится образцовым уставом, статьи которого выдачу ссуд ставят в определенные рамки – на производительные нужды, требуя каждый раз объяснить их назначение. Такая опека над заемщиком имеет свои практические неудобства, так как иногда просто невозможно разграничить потребление от производства»¹⁸. Также съезд рассмотрел вопрос о расширении залоговой операции в учреждениях мелкого кредита.

Самый многочисленный третий Всероссийский кооперативный съезд состоялся в 1913 г. в Киеве. В нем приняли участие около 1400 представителей от 900 кооперативов. Трудовая крестьянская группа социалистов-революционеров и рабочая группа социал-демократов различных направлений были самыми большими и насчитывали, соответственно, около 200 и 120 делегатов¹⁹. Принятые меры предосторожности помогли избежать конфликта с властями. В повестке дня вновь стояли вопросы, так или иначе обсуждавшиеся на Московском съезде. Киевский съезд принял проект нового кооперативного закона окончательно, поручив комиссии законодательных предположений внести необходимые редакционные поправки и принять меры, необходимые для внесения законопроекта в законодательные учреждения.

Несмотря на активность социал-демокра-

тов, внесших через рабочую группу ряд ценных предложений, съезд удалось благополучно довести до конца. По заключению Министерства финансов он прошел вполне удовлетворительно.

Главной заслугой киевского съезда является разработка первой программы культурно-просветительской деятельности кооперативов. В принятом постановлении съезда по этому поводу говорилось, что «необходимо возможно большее участие кооперации в просветительской деятельности и выделение большего количества сил и средств на поднятие народного образования и народного сознания». Другие постановления съезда – «О кооперативных народных домах», «О школе для подготовки служащих», «О борьбе кооперативов с пьянством», «Об участии женщин в кооперативном движении» – завершили формирование перспективной программы культурно-просветительской деятельности кооперативных учреждений²⁰.

Таким образом, все Всероссийские кооперативные съезды, прошедшие в 1908–1913 гг., еще раз подтвердили, что быстрое развитие кооперативного движения вошло в противоречие со сложившейся административной практикой. Кооператоры требовали принятия единого кооперативного законодательства, явочного порядка учреждения кооперативов, предоставления кооперативам права свободного объединения в союзы, признание за кооперативами права заниматься не только хозяйственной, но и культурно-просветительской деятельностью. Это толкало их к союзу с левыми партиями, участие в избирательных кампаниях и работе в самой Государственной Думе, что вызывало противодействие правительства.

Примечания

- 1 См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 395. Оп. 1. Д. 1152 (6). Л. 21 об.
- 2 См.: *Анциферов А. Н.* Новый кооперативный закон и ближайшие задачи русской кооперации. М., 1917. С. 5.
- 3 См.: Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. 1908. Д. 121. Т. 3. Ч. 2. Л. 272.
- 4 ГА РФ. Ф. 102. 1908. Д. 121. Л. 62.
- 5 Там же. Л. 61.
- 6 Там же. Л. 64.
- 7 См.: Центральный государственный архив историко-партийных документов в Санкт-Петербурге (далее – ЦГА ИПД СПб.) Ф. 4000. Оп. 5. Д. 44. Л. 266.
- 8 ГА РФ. Ф. 102. 1908. Д. 121. Л. 12 об., 13, 43 об.
- 9 Там же. Л. 26 об.
- 10 Там же. Л. 86 об.
- 11 ГА РФ. Ф. 102. 1908. Д. 121 (3). Л. 190.
- 12 Там же.
- 13 Там же. Л. 194.
- 14 ГА РФ. Ф. 102. 1908-1913. Д. 121. Т. 5. Ч. 1. Л. 13.
- 15 РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 575. Л. 85 об.

¹⁶ См.: ГА РФ. Ф. 102. 1912. Оп. 121. Д. 143. Л. 11, 12.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 54. Д. 14. Л. 59, 62, 63.

¹⁹ См.: РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1152 (б). Л. 21 об., 22.

²⁰ См.: Махновец В. По поводу работы комиссии о просветительской деятельности кооперативных обществ на Киевском съезде // Союз потребителей. 1913. № 24. С. 639–640.

Образец для цитирования:

Коновалов И. Н. Первые кооперативные съезды в дореволюционной России и реакция власти на их проведение (1908–1913 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 429–432. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-429-432>

Cite this article as:

Kononov I. N. The First Cooperative Congresses in Pre-revolutionary Russia and the Reaction of the Authorities to their Organization (1908–1913). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 429–432 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-429-432>

УДК 94(47)+929

«Европейская идеологическая дорога пройдена...» (евразийский взгляд Николая Трубецкого)

В. А. Митрохин

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, MitrokhinVA@yandex.ru

В статье рассматривается общественная и политическая позиция одного из признанных авторитетов первой волны российской эмиграции, лидера евразийского сообщества, князя Николая Сергеевича Трубецкого. На материале разнообразных источников проанализировано его отношение к ключевым вопросам государственного строительства, сформировавшееся под влиянием радикальной общественной трансформации в России. Важнейшие среди которых – национальный вопрос, место и роль идеологии, культурная и мировоззренческая ориентация интеллигенции, формирование «правлящего слоя», геополитическая составляющая будущей России – Евразии.

Ключевые слова: эмиграция, власть, идеология, национализм, запад, восток, интеллигенция.

“European Ideological Path has been Passed over...”
(Eurasian Stance of Nickolay Trubetskoy)

V. A. Mitrokhin

Vladimir A. Mitrokhin, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, MitrokhinVA@yandex.ru

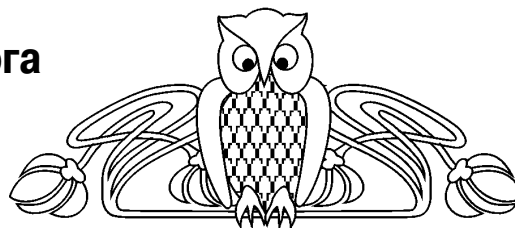
The article considers public and political stance of one of the respected thought leaders within the Russian “first wave” emigration, a front man of the Eurasian community, duke Nickolay Sergeevich Trubetskoy. His attitude to the key issues of state-building formed under the influence of radical societal transformation in Russia has been analyzed on the basis of different sources. The main of them are the so-called “national issue”, the role of ideology, cultural and worldview orientation of the intellectuals, “ruling class” formation, geopolitical constituent of the future Russia – Eurasia.

Keywords: emigration, power, ideology, nationalism, West, East, the intellectuals.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-433-438>

Одним из итогов драматических событий в России в 1917 г., последовавшей за ними братоубийственной войны стало формирование русского зарубежья или «России № 2», как его порой именовали бывшие подданные рухнувшей империи.

Рассеянные по разным, на первых порах европейским, странам россияне с разной степенью успешности осваивались на чужбине. Новая жизнь, а для многих просто невыносимое существование заставили не только решать насущные

бытовые и экономические проблемы, но и пересмотреть устоявшиеся взгляды и представления, по-иному взглянуть на прошлое и будущее. Не последнюю роль в формировании новой «картины мира» играли ожесточенная идейная борьба, развернувшаяся в межвоенной Европе и связанная с ней политическая практика.

Похоже, прав был Карл Кочаровский, видевший в самом существовании русского зарубежья своеобразную социальную «лабораторию», «крах максимализмов» и, что чрезвычайно важно, «начертание будущего Отечества»¹.

Яркой персоной русского зарубежья и по сути политическим лидером евразийского проекта стал Николай Сергеевич Трубецкой. Его заграничная жизнь началась с эмиграции в Болгарию в 1920 г., где он некоторое время преподавал в Софийском университете. Именно в Болгарии сложится основной костяк сообщества, члены которого разработают идеологию, а в дальнейшем изыщут организационные формы существования евразийского движения. Среди авторов вышедшего в 1921 г. в Софии сборника «Исход к Востоку», помимо Н. С. Трубецкого, обозначены П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский².

Уже на первых страницах «Предисловия» к изданию будущие евразийцы определили свою позицию по одному из самых обсуждаемых в эмигрантской среде вопросов – «Россия и Запад»: «Мы чтим прошлое и настоящее европейской культуры, но не её мы видим в будущем... Смотреть, вслед за некоторыми западниками на Россию, как на культурную провинцию Европы, с запозданием повторяющую ее зады, в наши дни возможно лишь для тех, в ком шаблоны мышления превозмогают власть исторической правды...»³.

Тема была продолжена Н. С. Трубецким в статье «Об истинном и ложном национализме». С точки зрения автора, подавление самобытной национальной культуры любого народа, включая русский, является ошибкой. Попытки подражать, а того хуже механически, бездумно переносить в свой мир чужую культуру приводит к обезличиванию. Как правило, это делается под благовидными предложениями включения в «семью цивилизованных народов», приобщению к «общечеловеческой культуре» и т. д. В вышедшей позже статье «Вавилонская башня и смешение языков» Николай Трубецкой напишет: «Братство народов, купленное ценой духовного обезличивания».

вания – гнусный подлог. Никакое братство и не осуществимо вовсе, когда во главу угла ставятся эгоистические материальные интересы»⁴.

Именно такая история случилась с русскими, как считал ученый, после петровских реформ начала XVIII в. Русские не хотели быть «самими собой», а устремились стать «настоящими европейцами». В связи с этим Н. С. Трубецкой писал: «Европеизация, стремление к точному воспроизведению во всех областях жизни общегерманского шаблона приводит к полной утрате национальной самобытности»⁵.

Разумеется, на пути развития национальной культуры существуют свои ловушки и угрозы. В частности, это могут быть национальный эгоцентризм (ярко проявляется в высокомерии германцев), различные формы «ложного национализма», включая воинствующий шовинизм, культурный консерватизм и их разновидности. Однако, по мнению Н. С. Трубецкого, существует и «истинный национализм»: «Морально и логически оправданным может быть признан только такой национализм, который исходит из самобытности национальной культуры и направлен к такой культуре»⁶.

Тема «истинного национализма» получила развитие в изданиях и программных документах евразийцев на протяжении 20-х гг. По этому поводу Н. С. Трубецкой писал: «Национальный субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом»⁷.

Само будущее «демократическое» государство также виделось как совокупность народов, «многонародной нации» (идейные последователи, например, Л. Н. Гумилёв, назовут это суперэтнотом). Пребывание в едином культурном и политическом пространстве по идее должно способствовать развитию как отдельных национально-культурных областей, так и всей идеократической государственной системы.

Определенные шаги в этом направлении были сделаны после 1917 г. Народная воля, бессознательными выразителями которой явились, по мнению евразийцев, большевики, породила формы демократии, также способные органично влиться в ткань будущей государственности. Следует также отдать должное политической проницательности евразийцев. Они во многом смогли уловить сущность тенденций развития Советской России. Это может быть отнесено не только к их прогнозам геополитического характера. По сути дела евразийцы стали идеологами государства «мобилизационного типа», способного к масштабным модернизаторским усилиям в течение достаточно короткого исторического отрезка.

Сохранение системы Советов с многоступенчатыми выборами, с точки зрения идеологов пореволюционного учения, устраняло опасности развития по западному пути (в первую очередь спекуляций политиков-профессионалов и многопартийности).

Плодотворным результатом революционной стихии, по мнению евразийцев, также стала национально-федеративная структура государства, как считалось, «наилучшим образом выражающая евразийскую идею». Федеративное устройство, по мнению сторонников евразийского учения, не только оттеняло многоликость культуры, но и обеспечивало сохранность ее единства. Г. В. Флоровский в статье «О патриотизме праведном и греховном» в связи с этим писал: «Как бы не относиться к программе большевиков в смысле её соответствия потребностям исторической жизни, необходимо признать верность руководящего ими инстинкта: они поняли, что нужно ломать и создавать заново... важно сознание, что революция была неизбежна»⁸. Такой подход (единство в многообразии) отражал их представление об органичном сосуществовании различных национальных миров, сохранении всей полифонии культур, исторически сложившейся на евразийском континенте и недопустимости примитивной унификации. Чрезвычайно актуальна эта мировоззренческая установка в современных условиях. Западные государства в худших традициях своей колониальной истории пытаются навязать свое видение демократии всему миру. В неумемном стремлении к унификации, созданию «нового мирового порядка» используется самый разнообразный инструментарий: военная сила, информационное давление, санкции и т. д.

Новая историческая реальность, ставшая результатом невиданной трансформации российской государственности, с точки зрения идеологов евразийства, не допускала реставрации старого порядка. В одном из писем Н. С. Трубецкого П. Н. Савицкому говорилось буквально следующее: «Монархия фактически исключена... после потрясающей, более чем десятилетней революции, монарх может удержаться на престоле только путем беззастенчивой демагогии, потакая инстинктам толпы... Она фактически не осуществима и тактически нецелесообразна»⁹. «Чудесное воскрешение» монархической системы Н. С. Трубецкой рассматривал в качестве препятствия на пути реализации евразийских замыслов.

При всей самобытности евразийского подхода к осмыслению исторических судеб «континента Евразия» его идеологи опирались в том числе на отечественное теоретическое наследие. Вслед за консерваторами XIX в. Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым они предупреждали об опасности европеизации России, были убеждены, что наиболее жизнеспособными являются культуры отдельных национальных организмов.

В частности, тема отношений с западным миром была продолжена Николаем Трубецким в статье «Русская проблема»¹⁰.

Крайне опасным автору статьи виделся геополитический перекокс в сторону западного мира. Само по себе взаимодействие с западными соседями полностью не отторгалось. Вместе с тем интересы будущей России, по мнению главного идеолога евразийства, также неразрывно связаны с Турцией, Персией, Афганистаном, Индией, «быть может, Китаем». Не западная, а азиатская ориентация страны должна стать спасительной: «Будущее России, стоящей во главе своих азиатских сестёр, в их совместной борьбе против романо-германской европейской цивилизации... В победоносном исходе этой борьбы – единственная надежда на спасение»¹¹. Таким образом, «новая историческая роль» Русского государства виделась ученому в консолидации народов Востока перед лицом неизбежной западной экспансии и он предсказал будущее. Менее чем через 20 лет объединенная Гитлером Европа под благовидным предлогом борьбы с мировым злом – коммунизмом – предпримет очередную попытку покорить Россию и Восток.

Такой подход Николая Трубецкого стал смелой попыткой переосмыслить теоретические конструкции, возводившиеся эмигрантской мыслью. По большому счету речь шла не только о качественно ином осмыслении исторического опыта России, но и об определении вероятного вектора развития государства. В значительной мере Восток был (и остается поныне) политической загадкой для европейской науки и это придавало естественность и объективность явлениям, перед необходимостью разгадки которых оказался российский просвещенный класс. Близость России к Востоку проясняла многое из того, что было непонятно при идентификации ее как «европейской державы».

Весьма красноречивым и убедительным представляется созданный на этом фоне образ «западного мира»: «Война смысла белила и румяна «гуманной» романо-германской цивилизации, и теперь потомки древних галлов и германцев показали миру свой истинный лик – лик хищного зверя, лязгающего зубами»¹².

Вполне определенной виделась судьба России в контексте отношений с западным миром: «Пока её не поделят и не отдадут одному из романо-германских зверей, Мировую войну нельзя считать законченной. В этом и состоит сущность «русской проблемы» для европейцев»¹³. В связи с этим Николай Трубецкий предлагал отмечать все иллюзии в отношении «филантропичности» западных соседей. Любое их содействие или помощь обескровленной стране будет незамедлительно использовано в собственных национальных интересах. Скорее всего «России будет предоставлена тень, видимость самостоятельности... будет посажено безусловно покорное

иностранцам правительство... если не произойдёт чуда»¹⁴. Этот, по сути колониальный проект, привычным образом будут воплощать в жизнь «реальные европейские политики».

Тема восстановления и сохранения исторически сложившейся территориальной целостности страны волновала даже далеких от политики эмигрантов. Например, клеймил позором сторонников кабального Версальского договора, юридически закрепившего раздел Российского государства, русский писатель И. Ф. Наживин. Еще более непримиримой была его позиция в отношении либеральных планов будущего устройства страны. Показательна в этой связи его реакция на «заигрывание» лидера эмигрантских либералов с украинскими сепаратистами. Так, жесточайшей критике была подвергнута встреча П. Н. Милюкова и «самостийников» в Праге, где, в частности, признавалось возможность будущего мирного сосуществования «Великороссии» и «Украины» как самостоятельных субъектов мировой политики.

Какой же перед лицом колониальной перспективы виделась будущность советской власти? В эмиграции по этому насущному вопросу велась острейшая полемика. С точки зрения Николая Трубецкого, либо большевики смиряются и отступят перед западным давлением, либо будут вынуждены передать власть «другому покорному правительству. Третьего не дано»¹⁵. Прогноз оказался неточным. Как и большинство русских эмигрантов да и европейских аналитиков, Н. С. Трубецкий недооценил политические и организационные возможности новой власти. Даже в самой евразийской среде к концу 20-х гг. сформировались два непримиримых подхода (сторонники и противники) в отношении происходящего в Советской России, что послужило одной из причин Кламарского раскола. В статье «Мы и другие» Н. С. Трубецкий писал: «Большевизм есть движение разрушительное, а евразийство – созидательное. Оба движения противоположны друг другу и никакое сотрудничество между ними немыслимо. Большеизм – движение богоборческое, евразийство – религиозное, богоутверждающее»¹⁶.

Однако «чудо» случилось и его сумел предсказать близкий к евразийским кругам русский правовед и философ Николай Устрялов. Будучи свидетелем и участником гражданской войны, он пришел к выводу о неизбежности «обмирщения красной церкви» и переориентации советской власти на путь национально-государственного строительства. Это, по его мнению, был «третий путь», который должен привести страну к «созданию культурно-государственного типа, авторитетного для запада» и формированию «первоклассной мировой державы»¹⁷.

Серьезным препятствием на пути создания новой государственности являлась, по мнению евразийцев, культурная ориентация

русской интеллигенции, ее увлеченность западными идеями.

Главным делом будущего, с точки зрения князя Н. С. Трубецкого, должно стать освобождение интеллигентского сознания от западных идейных шор и освоение богатств национальной русской духовной стихии. Задачу коренного нравственного перерождения интеллигенции он сформулировал следующим образом: «Мы должны безжалостно свергнуть и растоптать кумиры тех заимствованных с Запада общественных идеалов и предрассудков, которыми направлялось до сих пор мышление нашей интеллигенции»¹⁸.

Пребывание русского интеллигента в плену западной культуры не только сыграло трагическую роль в прошлом, но «может оказаться роковым для России в будущем». В условиях неизбежной конфронтации европейской цивилизации и России русская интеллигенция, по мнению автора, видя перед собой отсталую страну, «без зазрения совести» пойдет служить иностранцам¹⁹. Тем самым Н. С. Трубецкой еще в 1922 г. не исключал возможности использования Западом русского просвещенного слоя в качестве орудия расшатывания будущей российской государственности и реализации своих интересов.

В «громадной» работе по созданию «нового мировоззрения», познанию «сокровищницы национальной русской духовной стихии» нашлось место и для людей, по разным причинам оказавшимся за пределами своего Отечества. Обращаясь к выходцам из России, Н. С. Трубецкой утверждал: «Если эмиграция хочет действительно сыграть почетную роль в истории России, ей нужно бросить всю эту недостойную игру в политику и заняться работой по перестройке духовной культуры... в противном случае будущий историк вынесет тяжкий приговор»²⁰.

Стабильное существование и развитие любой социальной системы немислимо без понятной и разделяемой большинством идеи развития. Особый смысл объединяющая идея, воплощенная в действиях авторитетного духовно-политического центра, имеет для русского человека. Это хорошо понимали в эмигрантской среде. Например, Василий Шульгин считал, что лучшие качества русских раскрываются «будучи толкаемы в одном направлении». Отсутствие консолидирующей идеи парализуют духовную энергию народа и порождает «неистовые взаимотрения... грызнию, взаимное недоброжелательство»²¹. Собственно, непосредственный опыт русского зарубежья, буквально погрязшего в «борьбе всех против всех», явился лучшим подтверждением этой мысли. Неоднократные попытки объединить эмиграцию, взявшую на вооружение идею европейского плюрализма, так и не увенчались успехом. Исходя из этого, русские евразийцы считали неприемлемым использование европейского политического опыта для будущего русского государственного строительства. Критикуя

западную демократию, Николай Трубецкой указывал на манипулятивный характер управления общественным сознанием. По его мнению, суть системы состоит в том, «чтобы внушать группам граждан разные мысли и желания под видом мнения самих этих граждан»²².

«Европейская идеологическая дорога... справа налево пройдена до конца... не только вся она приводит в тупик, но нет на ней ни одной точки, на которой можно было бы остановиться» – так с призывом бросить «европейскую идеологическую дорогу» («целиком и окончательно») обратился к соотечественникам Н. С. Трубецкой в 1923 г. В статье «У дверей реакция? Революция?» он писал: «Мы, русские, должны, прежде всего, отказаться от европейских форм политического мышления, перестать поклоняться идолу (к тому же чуждому) формы правления, перестать верить в возможность идеального законодательства, механически и автоматически гарантирующего всеобщее благополучие»²³.

На вопрос неприемлемости римского права для русского правосознания обращал постоянное внимание выдающийся юрист, сторонник евразийского учения Н. Н. Алексеев. Будучи разработчиком теории «гарантийного государства», он утверждал, что право в России должно строиться на иных началах, нежели на Западе. Связано это в первую очередь с тем, что страна создавалась при преимущественном преобладании «начала обязанностей над началами права». Кроме того, с точки зрения Н. Н. Алексеева, русское понимание правды и западное право не всегда совпадают. Эта позиция нашла отражение в программном евразийском документе «Евразийство (опыт системного изложения)»: «Римское право в России не прижилось. Его принципы слишком чужды духу русского правосознания»²⁴.

По убеждениям автора грядущий идеал следует искать не в отвлеченном европейском рационализме, а «в духе, созидающем и укрепляющем государство через быт и устойчивую идеологию»²⁵.

Исключительное значение идеологии в деле государственного строительства подчеркивалось в издании «Евразийство (опыт системного изложения)»: «Идеология, будучи смыслом и существом конкретной действительности, раскрывается в систему и программу... объясняет путь и сознательно-волевое воздействие на него»²⁶.

Анализ европейской действительности, а также весьма жесткая реакция определенных кругов эмиграции актуализировали в евразийском сообществе еще одну тему – тему свободы личности.

Противники евразийской модели общества утверждали, что предложенный порядок мироустройства приводит к нивелированию индивидуального начала, превращению личности в звено государственного механизма. Однако большинство сторонников евразийского мировоззрения

также считали недопустимым «поглощение личности» даже в случае реализации плана тотального «огосударствления» всех сфер жизни.

«Воззрение на возможность полного поглощения личности обществом должно быть решительно отвергнуто»²⁷, – писал Н. Н. Алексеев. Мысль о недопустимости полного обобществления и подавления частной хозяйственной инициативы нашла отражение в сборнике «Евразийство...»: «При полном обобществлении личность становится бессильной и бесправной перед лицом общества-государства»²⁸. В этом же издании дано евразийское понимание свободы, как основополагающей категории будущего мироустройства: «Евразийство ценит и чтит начало свободы, однако не делает из него идола. Свобода сама по себе есть идея, лишенная содержания и приобретающая ценностный смысл в зависимости от того, чем она наполнена»²⁹.

Николай Сергеевич Трубецкой в процессе разработки теории евразийской государственности также неоднократно обращался к проблеме сочетания индивидуально-личностного и общего. Поиск оптимального соотношения этих двух начал стал предметом бурного обсуждения на страницах эмигрантской прессы, в евразийских кружках, где обсуждались статьи Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Г. В. Флоровского, Н. Н. Алексеева и других лидеров евразийской когорты. В фонде 5783 (Савицкий Пётр Николаевич) ГАРФа представлены протоколы заседаний евразийских групп. Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что на протяжении 20-х годов в Европе была создана и успешно работала евразийская сеть со своей идеологией и организационной структурой.

Констатируя бесспорный факт общественного резонанса, Н. Трубецкой отмечал, что в нападениях на евразийство объединились представители разных лагерей, «начиная с 3-го Интернационала и кончая русскими национально-монархическими кругами»³⁰.

Сам Н. С. Трубецкой решение насущной социальной проблемы соотношения индивидуально-личностного и общего связывал в первую очередь с продуманной системой отбора людей во власть, то есть «правлящего слоя». Этот правящий слой, с его точки зрения, должен чувствовать, воспринимать и воплощать в практической политике интересы народа. В статье «О государственном строе и форме правления» он утверждал, что не форма правления, как таковая, а «тип отбора» правящего слоя – определяющая характеристика государства. Именно люди с их человеческими качествами, умением работать и чувствовать пульс развития общества определяют лицо власти³¹.

Как представляется, поставленный евразийцами вопрос грамотного отбора людей во власть остается актуальным поныне. Кадровая ситуация и внутриэлитные отношения в системе российской власти сегодня больше напоминают

классический античный клиентелизм, где интересы патрона выше интересов людей. Такое состояние вещей во все времена обращалось против власть имущих.

Тем не менее проблема «взаимообщения правительства, правящего класса и народных масс» хоть и была поставлена, но не была до конца разработана теоретиками евразийства.

Научная и организаторская деятельность лидера русских евразийцев, князя Николая Сергеевича Трубецкого – пример преданного служения своей Родине (даже за ее пределами), вдумчивого и проницательного анализа социально-политических процессов, протекавших в России и мире, в том числе с позиции футурологии. Н. С. Трубецкому вместе с соратниками удалось создать во многом оригинальное, теоретически и философски проработанное учение. Не будет преувеличением сказать, что многие его оценки и суждения оказались просто пророческими, свидетельством чего стало постоянное внимание к идеям русского евразийства со стороны современных политиков, общественных деятелей и даже появление «неоевразийства».

Авторское видение животрепещущих проблем, таких как роль культуры в преобразовании общества, грамотная организация взаимодействия власти и народа, влияние и формирование правящего слоя, национальное строительство и многое другое, сохраняют свою актуальность и в наши дни. И несмотря на то, что ряд оценок Н. С. Трубецкого носит дискуссионный характер, его теоретическое наследие и деятельность – достойный вклад в сокровищницу русской политической мысли и историю страны.

Примечания

- 1 Кочаровский К. Р. Зарубежье и Отечество. В чём мы согласны-что нам делать. Белград : [б. и.], 1937. С. 13.
- 2 Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София : Тип. «Балкан», 1921.
- 3 Там же. С. 4.
- 4 Евразийский временник : в 3 кн. Кн. 3. Берлин : Евразийское книгоизд-во, 1923. С. 144.
- 5 Там же. С. 80.
- 6 Там же. С. 79.
- 7 Евразийская хроника : в XII вып. Вып. IX. Париж : [б. и.], 1927. С. 28.
- 8 На путях. Утверждение евразийцев. Берлин : Геликон, 1922. С. 235.
- 9 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 312. Л. 77.
- 10 См.: На путях. Утверждение евразийцев. С. 296–316.
- 11 Трубецкой Н. С. Русская проблема // На путях. Утверждение евразийцев. С. 306.
- 12 Там же. С. 296.
- 13 Там же. С. 297.
- 14 Там же. С. 298.

- ¹⁵ Трубецкой Н. С. Русская проблема // На путях. Утверждение евразийцев. С. 302.
- ¹⁶ Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 80.
- ¹⁷ Устрялов Н. В. Под знаком революции. Харбин : Русская жизнь, 1925. С. 108.
- ¹⁸ Трубецкой Н. С. Русская проблема. С. 314.
- ¹⁹ Там же. С. 307.
- ²⁰ Там же. С. 316.
- ²¹ Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. СПб. : Изд-во «Хорос», 1992. С. 95.
- ²² Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Вып. VIII. Париж, 1927. С. 5.
- ²³ Трубецкой Н. С. У дверей реакция? Революция? // Евразийский временник. Кн. 3. С. 28.
- ²⁴ Евразийство (опыт системного изложения). Париж ; Берлин : Евразийское книгоизд-во, 1926. С. 65.
- ²⁵ Там же. С. 28.
- ²⁶ Там же. С. 17.
- ²⁷ Алексеев Н. Н. Евразийство и марксизм // Евразийский сборник. Прага, 1929. С. 14.
- ²⁸ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага : Евразийское книгоизд-во, 1932. С. 19.
- ²⁹ Там же. С. 11.
- ³⁰ Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923. С. 149.
- ³¹ Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Вып. VIII. С. 4.

Образец для цитирования:

Митрохин В. А. «Европейская идеологическая дорога пройдена...» (евразийский взгляд Николая Трубецкого) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 433–438. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-433-438>

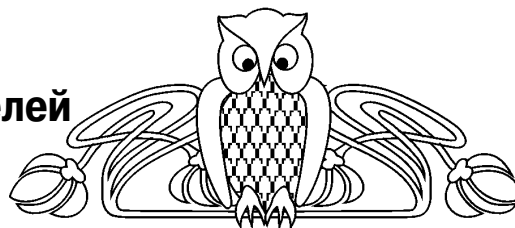
Cite this article as:

Mitrokhin V. A. "European Ideological Path has been Passed over..." (Eurasian Stance of Nickolay Trubetskoy). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 433–438 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-433-438>

УДК 94(47).084.6

Религия и советское общество в работах американских наблюдателей 1930-х годов

Д. Н. Христенко

Христенко Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет, khristenko1983@mail.ru

Статья посвящена анализу взглядов американских наблюдателей на положение религии в советском обществе в 1930-е гг. В их составе выделяются две различные группы: инженеры и рабочие, приехавшие участвовать в индустриализации СССР, и профессиональные журналисты из США. Зачастую по-разному воспринимаемая социально-политические процессы, происходившие в нашей стране, американские наблюдатели сходились в одном. С их точки зрения, падение роли и значения религии в советском обществе представляется не как результат репрессий со стороны государства, а как итог массового разочарования населения в церкви, связанного с глубокой внутренней социальной трансформацией советского общества. Формулируется вывод об осуществлении в 1930-е годы масштабной культурной революции, которая кардинально изменила положение религии в Советском Союзе.

Ключевые слова: СССР, США, религия, церковь, американские журналисты, общество, наблюдатели, восприятие.

Religion and Soviet Society in the Works of American Observers of the 1930s

D. N. Khristenko

Khristenko Dmitrii N., <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>, Yaroslavl State Medical University, 6 Chkalova St., Yaroslavl 150054, Russia, khristenko1983@mail.ru

The article is devoted to the analysis of American observers' views on the status of religion in the Soviet society in the 1930s. There were two different groups among them: engineers and workers who came to participate in the industrialization of the USSR, and professional journalists from the United States. Perceiving the socio-political processes that took place in our country often in different ways, the American observers agreed on one position. From their point of view, the decline of the role and significance of religion in Soviet society was not the result of repression by the state, but the result of the mass disillusionment of the population in the church, that was related to the deep internal social transformation of Soviet society. As a result, the article draws the conclusion about carrying out large-scale cultural revolution in the USSR in the 1930s, which radically changed the position of religion in the Soviet Union.

Keywords: USSR, USA, religion, church, American journalists, society, observers, perception.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-439-445>

Сталинским периодом, а особенно началом индустриализации вызвали у иностранных наблю-

дателей широкий интерес к СССР. Особенно это характерно было для США, где профессиональное и интеллектуальное сообщество, несмотря на отсутствие официальных дипломатических отношений вплоть до 1933 г., после начала Великой депрессии все чаще обращало свой взор в сторону СССР. Многие американские наблюдатели, посетившие нашу страну в 1930-е гг., опубликовали на основе своих впечатлений интересные работы, посвященные радикальным изменениям в нашей стране, в которых затрагивалось и положение религии, и изменение взаимоотношений церкви, общества и государства в Советском Союзе.

Следует отметить, что всех наблюдателей необходимо разделить на две группы. В первую можно отнести американских инженеров, рабочих, строителей, которые прибыли в СССР трудиться на стройках пятилетнего плана и чьи наблюдения над религиозной жизнью советского общества носили случайный, но в то же время искренний и абсолютно неангажированный характер. Так, американский золотопромышленник Литтелпейдж, по контракту приехавший в СССР работать на золотых рудниках Сибири, отмечал: «На следующий день после нашего прибытия в Россию [1928 г.] началась Пасхальная неделя. Все сотни церквей в Москве, на протяжении пяти или шести дней, днем и ночью, почти непрерывно звонили в свои колокола. Для наших ушей, это звучание было незнакомым и раздражающим, и мешало спать. Мы и не представляли тогда, что это была последняя русская Пасха, которую торжественно праздновали; вскоре после этого власти закрыли большую часть церквей, а оставшимся запретили звонить в колокола. Сегодня больше никто уже не сможет услышать звук церковного колокола в Советской России»¹.

Колокольный звон действительно перестал звучать в 1930-е гг. С началом пятилетнего плана десятки тысяч церквей, мечетей и синагог были превращены в клубы, кинозалы и места комсомольских собраний. Из 30 тыс. православных церквей в 1930 г. спустя 6 лет продолжало работать всего 4225 церквей и меньше 300 храмов осталось к 1939 г.² Колокола конфисковывались для переплавки в металл на нужды сталинской индустриализации, а сам церковный звон был запрещен в связи «ущербом, наносимым здоровью и обществу»³. Закрытые церкви нередко разбирались и шли на промышленное строительство.

По свидетельству инженера Франка Беннета, прибывшего из Детройта для участия в строительстве сталинского автомобильного завода в Москве, полы в цехах вместо высококачественного асфальта заливались низкокачественной смесью с добавлением кирпичей из старых зданий. Когда он осмотрел один из кирпичей, он понял, что он взят из церковной стены⁴.

Православные священники арестовывались и ссылались. Американский рабочий Джон Скотт, работавший в 1930-е гг. в Магнитогорске, впоследствии вспоминал: «Однажды, возвращаясь домой с работы, я увидел любопытную картину – бригаду из сорока или пятидесяти православных священников и епископов, одетых в грязные изодранные черные робы и такие же черные, напоминающие митру, шляпы. Все они носили длинные волосы, некоторые даже до пояса. Они упорно работали заступами и лопатами, срывая небольшой холмик. Курносый деревенский парень сидел неподалеку на бугорке, со старой винтовкой на коленях, и безмятежно наблюдал за ними. Я спросил одного из священников, за что он здесь, но он даже не ответил мне»⁵. В этом отношении обращают на себя внимание действия «курносого деревенского парня», который вовсе не сочувствует священникам и вовсе не тяготеет своей ролью надзирателя.

Необходимо отметить, что под удар попадали не только православные, но и другие направления христианства. Так, в 1934 г. была закрыта Киевская украинская греко-католическая церковь, на следующий год арестован священник, а здание церкви разрушено. Имели место случаи, когда действия власти вызывали даже дипломатические скандалы. Католический священник Питер Вайгель находился в составе зарубежной миссии Ватикана, работая среди немецкого населения Поволжья. В 1930 г. он был арестован и, несмотря на прямое обращение Римского папы, переданное через Красный Крест, был сослан на Соловки, где и умер в 1937 г.⁶

Не менее жестко преследовались и другие конфессии. Сократилось количество мечетей. С 1912 по 1942 г. их число уменьшилось с 26 279 до 1312. Ярким примером гонения на ислам в сталинском СССР может служить и Указ от 1935 г., запретивший хадж в Мекку. Помимо чисто религиозных мотивов, коммунистическое руководство подозревало мусульман в контактах со своими единоверцами за рубежом и, в частности, в пантюрокских настроениях⁷. В результате количество верующих в стране значительно снизилось. Американский инженер Зара Виткин, посетивший в начале 1930-х гг. Киево-Печерскую Лавру, свидетельствовал в своих мемуарах, что в знаменитом монастыре, во время службы присутствовала лишь «горсть прихожан»⁸.

К середине 1930-х гг. в СССР, по свидетельству иностранных наблюдателей, стали воз-

никать «города без церквей». Уже упомянутый Джон Скотт вспоминал о приезде в Магнитогорск своего друга: «Джо хотел осмотреть церковь, но я сказал ему, что Магнитогорск – один из немногих городов, возможно, единственный в мире, с населением в четверть миллиона человек, где нет ни одной церкви...». При этом американский рабочий отмечал, что редкие верующие воспринимались основной частью населения скорее как своего рода «безобидные чудачки», а не как мученики за веру и религию: «Иногда можно было увидеть, как крестьянин, только что приехавший из какой-нибудь отдаленной деревеньки, осеняет себя по старой традиции крестом; в бане время от времени можно было встретить пожилого мужчину с крестиком, висевшим у него на шее на шнурке. Эти остатки огромного прежде влияния на русских людей греческой ортодоксальной церкви не были объектом преследования со стороны властей. Население в целом улыбалось и подсмеивалось над этими еще сохранившимися верующими, а в прессе и в школах проводилась неослабевающая кампания атеистической пропаганды»⁹.

Действительно, с середины 1930-х гг. Советское государство прекратило поддержку таких радикальных антирелигиозных организаций, как Лига воинствующих безбожников. Особенно это было заметно в сравнении с более ранним этапом. По оценкам исследователей в период своей максимальной активности с 1927 по 1930 гг. Лига воинствующих безбожников и другие атеистические организации увеличили выпуск антирелигиозной литературы с 12 млн до 800 млн страниц¹⁰. Однако в середине 1930-х курс поменялся, став более гибким и сравнительно мягким. В результате за 4 года, начиная с 1932 г., количество членов Лиги уменьшилось в 3 раза. На местном уровне это было более заметно. В 1936 г. в Ленинграде организация переживала настоящий коллапс, поскольку буквально никто не был вовлечен в антирелигиозную работу¹¹.

Вместо того, чтобы отрицать Бога, советская пропаганда прославляла своих новых «богов»: исследователей, авиаторов, рабочих. В «Марше веселых ребят» (1934 г.) говорилось: «Мы покоряем пространство и время, мы молодые хозяева земли». Примером для них служил летчик Валерий Чкалов, дважды облетевший вокруг Северного полюса и ставший не только национальным, но и международным героем¹².

Избегая прямых репрессий во второй половине 1930-х, в качестве давления на церковь нередко использовались экономические меры, прежде всего, налоговое обложение. В 1936 г. Минский кафедральный собор обложили налогом в 4000 руб., а когда он сумел его выплатить, то в 1937 г. налог подняли до 7800 руб. Лишь после того как католическая церковь сумела найти и эти деньги, «рабочий комитет» призвал к насильственному закрытию церкви¹³.

На этом фоне представляет интерес как противоречивый труд американского инженера-химика Хирша, посвященный описанию его работы в СССР. Хирш отмечал, что «положение религии в СССР вызывает больше всего смущения и непонимания в Америке, в сравнении с другими сторонами жизни в советском государстве»¹⁴. Хирш пытался, как он говорил, прояснить положение, но в реальности сам способствовал серьезному искажению картины. К сожалению, американский инженер явно переоценивал положение религии и представлял его лучше, чем оно было в действительности. Он уверял читателей, что «в Советской России сегодня не существует писанного или неписанного закона, который запрещал посещать церкви или исповедовать какую-то веру». Хирш доказывает со ссылкой на данные советских атеистических обществ, что в СССР со времен Революции было закрыто не более 20 % церквей. «Представляется, что около 40 тысяч церквей, включая православные храмы, синагоги, мечети, сейчас действуют в России. В одной только Москве существует около 80 церквей... В деревнях было закрыто меньше 5 процентов церквей и согласно закону, они могли быть закрыты только после петиции со стороны местного населения, поддержанной 2/3 голосов»¹⁵, – искренне утверждал Хирш.

Трудно сказать, попал ли американский промышленник под влияние советской пропаганды, но именно с помощью подобных работ в 1930-е гг. в Америке формировался положительный и идеализированный образ сталинского режима в Советском Союзе. С другой стороны, когда Хирш переходит от общих заключений о религиозной ситуации к изображению сцен, свидетелем которых он был лично, в его описаниях чувствуется и внимательный стиль наблюдений, и достоверность. Так, Хирш красочно описывал сцены «чисток» в коммунистической партии, которые происходят весьма часто и всегда публично, и сравнивал процедуру «чистки» с процедурой исповеди в религии. «Человеку, в отношении которого идет расследование, предлагается исповедоваться в своих грехах, и хотя советские власти не приветствуют использование религиозных терминов, оно настолько точное в данном случае, что они открыто прибегают к нему. Человек должен рассказать все о себе, начиная с рождения вплоть до настоящего момента, и не только о себе, но и о родственниках, друзьях и случайных знакомых, ничего не скрывая. Не имеет значения, насколько велики его грехи, гораздо лучше признаться в них, чем пытаться утаить. После того как обвиняемый закончит раскрывать свою душу, собравшимся предлагают рассказать все, что они знают об этом человеке. Каждое заявление должно быть подтверждено, и выступающие должны быть очень аккуратны в этом, поскольку лжесвидетельство грозит серьезными последствиями уже для них самих»¹⁶.

Сам Хирш достаточно критично относился к православной церкви, утверждая, что даже иностранец, проживший в стране более-менее длительное время, понимает, что действия советских властей по отношению к ней можно оправдать. В прежние времена, утверждал он, церковь беззащитно наживалась на безграмотных крестьянах, обещая награду в другом мире. Поэтому сейчас она справедливо лишена экономической власти, морального авторитета и престижа.

Хирш полагал, что коммунизм является определенного рода религией, и отмечал, что сами советские представители не приемлют такого сравнения только потому, что «два главных основополагающих основания религии, божественная власть и сверхъестественная природа, не существуют в коммунизме». Однако, с западной точки зрения, доказывал он, религиозные черты коммунизма несомненны. «Коммунист – это разновидность крестоносца, чья жизнь и работа должна быть без остатка посвящена строительству социализма»¹⁷.

Подводя итог своим размышлениям о религии в СССР, американский инженер делает вывод: «Как я уже говорил прежде, русские – реалисты. Они скептически воспринимают Бога и загробную жизнь, но чувствуют, что гуманность и жизнь на этой земле реальны, и именно это заботит их. Если у них и есть религия, то это она»¹⁸.

С данным выводом был согласен и американский инженер Рюкейзер, который утверждал, что советский коммунизм сам превратился в новую религию, которая охватывает 1/6 часть света и 1/10 всего населения мира. По его мнению, фигура ставшего к 1932 г. уже легендарным Ленина, так глубоко вошла в изначально религиозное сознание народных масс, что фактически заменила Бога в мистических умах русских мужиков. Он отмечал, насколько велика человеческая склонность опереться на что-то, ... и в Кремле даже раздумывали над тем, чтобы убрать тело Ленина с публичного обозрения, в целях избежания подобных настроений.

Тем не менее Рюкейзер вспоминал, то практически мистическое чувство, которое охватило его, когда он проходил вдоль захоронений революционеров у Кремлевской стены, как он выражается «мучеников-апостолов – тела тех последователей, которые даже в смерти окружили своего лидера [Ленина]». «Советский эксперимент, – восклицал Рюкейзер, – обрел для меня новое значение»¹⁹.

Подводя предварительные итоги, можно констатировать, что мемуары и воспоминания первой группы американских наблюдателей позволяют нам наполнить историческое повествование о религиозной жизни в СССР красноречивыми деталями, дают возможность оживить картину ушедшей эпохи.

Гораздо больший интерес представляет вторая группа наблюдателей. Она включает в себя

профессиональных журналистов из США, авторов многочисленных произведений о нашей стране 1930-х гг., которые были близко знакомы с советской действительностью, на протяжении нескольких лет находясь в СССР. Они хорошо знали русский язык и были способны не просто наблюдать ситуацию в стране, но и проводить глубокий анализ и давать точные оценки происходящему. В то же время они различались по своим политическим взглядам. Для американских журналистов Уильяма Чермберлина и Юджина Лайонса было характерно критическое восприятие советской действительности, общее положение религии в СССР они рассматривают как достаточно тяжелое и обвиняют Советское государство в репрессиях в отношении церкви и ее служителей. Американцы подробно исследовали различные методы «коммунистической» пропаганды, особо отмечая открытие в бывших храмах музеев атеизма. Весьма интересное замечание сделал У. Чемберлин, сравнив положение церкви в Советском Союзе с положением рабочих профсоюзов до революции 1917 г. Он отмечал, что в царской России профсоюзы были легальными организациями, но их члены находились под наблюдением и зачастую преследовались. То же самое, по его мнению, было характерно для церкви и ее прихожан в СССР²⁰. При этом он связывал усугубление положения церкви с концом НЭПа и началом первого пятилетнего плана, что выразилось в изменении Конституции СССР. Если согласно ст. 4 Конституции РСФСР 1925 г. «свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами», то согласно редакции от 1929 г. за верующими признавалось только право религиозных исповеданий, а пропаганда могла носить исключительно антирелигиозный характер²¹. У. Чемберлин доказывает, что коммунизм в СССР враждебен всем религиям, так как сам, по своей природе является если не новой религией, то фанатичной верой.

Подобные заключения содержатся в работе Луиса Фишера. Он вспоминает свой разговор с девушкой-комсомолкой при посещении Киева в середине 1930-х гг. «Как это происходит, – вопрошала она, – что всегда, когда люди восстают, будь то в Мексике, или Испании, или России, они всегда атакуют церкви, сжигают монастыри и изгоняют священников? Рабочие и крестьяне никогда не являются действительно религиозными. Но церковь восхищает их своим богатством и своей предполагаемой тесной связью с Богом. Церковь держит их во тьме. Она запугивает их перспективой смерти. Она обещает им награду на небесах, в случае, если они не будут восставать на земле. Поэтому церковь является активным агентом в противодействии революциям. Капиталисты используют ее для этой цели. Разве церкви во всем мире осуждали [первую] Мировую войну? Нет, потому что это была капиталистическая война». – Она [комсомолка] говорила

с религиозным жаром»²², – подчеркивал американский журналист.

Сам Луис Фишер отмечает, что начало коллективизации сопровождалось закрытием Киево-Печерской Лавры в январе 1930 г., а начало второго пятилетнего плана совпало с прекращением богослужения в соборе Святой Софии весной 1934 г. Каждая новая волна революционных чувств и активности, замечал он, поглощает еще один религиозный оплот. Положение религии в России находится в обратной пропорции к успеху большевистской экономики. Поэтому, считал Л. Фишер, любая оценка будущего религии в России напрямую зависит от оценки экономических перспектив большевиков²³.

Не менее интересными и глубокими были и личные наблюдения, и замечания американских журналистов Мориса Хиндуса и Уолтера Дюранти. Так, М. Хиндус доказывает, что православная церковь закоснела и сама дискредитировала себя, одновременно отмечая амбивалентное положение протестантов в СССР. До революции они притеснялись как православной церковью, которая видела в них опасных сектантов, так и царскими властями. После революции большевики первоначально поддерживали протестантов, рассматривая их как своих союзников в борьбе с ортодоксальным православием. Но с началом пятилетнего плана ситуация изменилась. Вскрылись некоторые противоречия. Во-первых, фундаментализм протестантов, которые запрещали разводы, аборт, контроль над рождаемостью и отчасти придерживались принципа неравенства полов. Во-вторых, догматизм, с которым протестанты отстаивали свои религиозные убеждения. В-третьих, социальная толерантность, связанная с тем, что для протестантов на первом месте стоял человек, а не его классовое происхождение, экономический достаток или политические взгляды. Для советского правительства, которое объявило «войну» кулакам, «вредителям», нэпманам и иным контрреволюционерам, подобный подход был неприемлем. В результате с началом сталинской индустриализации и коллективизации протестанты подверглись тем же репрессиям, что и остальные верующие²⁴.

В свою очередь У. Дюранти полагал, что основная причина кризиса религии связана с отсутствием веры среди широких слоев населения, которые относятся к церкви абсолютно равнодушно. Он писал, что советский трудящийся достаточно легко отказывается от религиозных церемоний по экономическим причинам и привел слова одного рабочего на свадебной церемонии, с удовлетворением отмечавшего, что регистрация в ЗАГСе обошлась молодоженам всего в 30 коп., тогда как за религиозный обряд пришлось бы заплатить в 100 раз больше – 30 руб.²⁵.

Неуклонное снижение уровня религиозности подтверждали и результаты социологических исследований того времени. Опрос

колхозников в Центральной черноземной области в 1934 г. показал, что в возрастной группе 25–39 лет 38 % женщин и 10 % мужчин все еще соблюдали религиозные ритуалы, но в возрастной группе 16–24 лет только 12 % женщин и 1 % мужчин придерживались их. Данные по одной из деревень в Тверской области также показали, что только 35 % свадеб праздновалось по религиозному обряду, хотя всего десятилетием раньше их число доходило до 88 %²⁶.

С этим фактом равнодушия населения вынужден согласиться и У. Чемберлин. Он цитировал высказывание жены рабочего из Коломны, которая простодушно замечает: «Перед революцией все говорили мне, что я должна ходить в церковь, и я ходила. Сейчас все говорят мне, что я не должна, и я не хожу». Чемберлин приводил данное рассуждение как пример широко распространенного мнения и утверждал, что большинство советской молодежи, даже те ее представители, которые не являлись комсомольцами, относились индифферентно, если не враждебно, к любой форме религии²⁷.

Сведения, приводимые в современной литературе, опирающейся на раскрытые архивы, отчасти подтверждают это мнение. Опросы школьников в Старорусском районе показали, что от 30 до 80 % школьников верили в Бога, но их вера носила, скорее, не религиозный, а традиционный характер. Распространенными были следующие объяснения: «Я верю в Бога потому, что мои родители верят... Я не знаю, является ли религия вредной или полезной»²⁸.

Юджин Ллойд фиксировал схожие настроения советских граждан. Он описывал случай, когда в Москве в 1929 г. была снесена Иверская часовня – одна из наиболее почитаемых в России православных святынь. По его словам, разговоры людей продолжались в Москве всего 3–4 дня, а потом прекратились. Ю. Ллойд пришел к выводу, согласно которому людей в основном интересовали текущие вопросы социально-экономического развития: «Русские гораздо больше думают о потере своей земли и другой собственности [отсылка к коллективизации], чем о своих иконах»²⁹.

Вызывают большой интерес и наблюдения американской коммунистической писательницы Миры Пейдж, которая в 1932–1933 гг. несколько месяцев прожила в подмосковном Подольске. Наряду с другими сторонами жизни она достаточно подробно описала и религиозную ситуацию. М. Пейдж приводит свой разговор с редактором местной газеты о положении религиозных организаций в городе. На ее вопрос, есть ли в Подольске церкви, редактор ответил: «Когда-то в Подольске было несколько церквей. Неважно, насколько маленьким или бедным был город, духовенство всегда процветало. Но после революции эти места пустели все сильнее и сильнее. Затем население начало требовать, чтобы эти невестребованные здания были забраны

государством и превращены в клубы и музеи. Так и было сделано. Те, кто все еще хочет посещать церковь, приходят в кафедральный храм. Он остался только один – но он самый большой и самый лучший»³⁰.

М. Пейдж решила лично посетить храм и зафиксировала свои впечатления от посещения кафедрального собора. Она описала молодую девушку, недавно приехавшую из деревни, и присматривавшую за храмом. На вопрос М. Пейдж, много ли посетителей приходит на службу «девушка безразлично ответила, что по воскресеньям бывает 40, максимум 50 человек. Все старые». Мнение девушки о настоятеле храма тоже было нелестным: «Когда она говорила о священнике, то громко хмыкнула. Паразит. Она, по крайней мере, чистит здание, разгребает снег. Но что делает он, только бормочет в свою бороду, зарабатывая право на народные деньги. Нет, она сама никогда не ходит на службу. «Хотя я зарабатываю здесь себе на жизнь, я согласна с разговорами в городе. Это место надо закрыть». На резонный вопрос американской писательницы: «А что будет с твоей работой? – Она не отреагировала. – Я могу пойти работать на фабрику. Или если храм станет клубом или чем-то другим, то я могу остаться здесь».

Отношение М. Пейдж к словам девушки-прислужницы было явно сочувственным: «Я размышляла над судьбой храма. Место, построенное в расчете на 1500 человек, используется один раз в неделю полусотней человек. И это в то время, когда для других целей так сильно не хватает помещений!».

Когда американская писательница обратилась за разъяснениями к уже упомянутому редактору газеты, он ответил, что советские власти пока не собираются закрывать храм. «Правда, что совсем мало людей посещают его, но это последний храм не только в Подольске, но и во всей округе. Если государство заберет его сейчас, то людям преклонного возраста негде будет молиться, и коварные кулаки смогут воспользоваться этим для распространения разного рода слухов, возбуждая проблемы. Лучше подождать несколько лет еще, пока старые люди не умрут, или пока им не надоест кормить священников даром. Тем более, что нет опасности, что молодое поколение может попасть под влияние церкви»³¹.

М. Пейдж согласилась с этим мнением и уверяла, что коммунисты вовсе не так яростно преследуют церковь, как это зачастую представляется. В частности, она подробно описывала уважительное отношение советских властей к религиозным обрядам погребения, чтобы не раздражать верующее население. С ее точки зрения, главная причина падения авторитета церкви заключается не в репрессиях, а в подъеме просвещения народных масс на новый уровень. Она отмечала: «В Подольске, как и в других местах СССР, взрослый человек может ходить или не хо-

дить в церковь как ему вздумается. Но церковь, очевидно, это умирающий институт. В Харькове, Москве, Баку, на Донбассе, происходит все то же самое: пустеющие религиозные цитадели, в конце концов, трансформируются в общественные здания. В деревнях священники продолжают держать сторону кулаков. Но трактор и колхозная жизнь учат крестьян смеяться над старыми суевериями, которые когда-то заставляли их каждую весну жертвовать лучшего поросенка или цыплят священнику в обмен на его обращение к святым, чтобы они послали хороший урожай! Прошло пятнадцать лет со времен революции. Распространение науки, желание участвовать в создании нового мира и значительный горький опыт взаимодействия с церковью, которая поддерживала царские жестокости, неправедных богачей и всегда давала убежище врагам народа и советской власти, обратили население против религии. Не всех, но основное большинство»³².

Подводя итоги, можно сделать несколько выводов, которые вытекают из работ американских наблюдателей о положении религии в Советском Союзе в 1930-е гг.

Во-первых, они явно опровергают картину насильственного подавления религии в противовес чувствам большинства населения СССР, как это зачастую представляется в современных исследованиях.

Во-вторых, американские наблюдатели заставляют поднимать сложные и непростые вопросы: была ли Россия действительно религиозной страной до революции 1917 г.? Существовала ли возможность сохранить веру в условиях сталинского режима при молчаливом попустительстве и равнодушии населения? Насколько отражает действительность перепись 1937 г., согласно которой более половины населения СССР обозначили себя как верующих, и что было бы верующим в их понимании?

В-третьих, приходится констатировать, что ответ на эти вопросы, полученный через призму наблюдений иностранцев, будет, скорее, отрицательным. В глазах иностранных наблюдателей население СССР было нерелигиозным. Не только советская молодежь, но и рабочие, и крестьяне – основные социальные слои советского государства – когда индифферентно, а когда и сочувственно воспринимали действия властей.

В-четвертых, необходимо отдельно выделить прослойку членов партии и убежденных коммунистов, которые в описании иностранцев сами являлись религиозными фанатиками, но религией для них была новая вера – «строительство социализма».

В-пятых, положение религии было не статичным, а динамичным – после атаки на религию в начале 1930-х гг., затем власти оставили антирелигиозных радикалов (общество воинствующих безбожников) без поддержки, стремясь сохранить стабильность в обществе.

Падение роли и значения религии в советском обществе в работах американских наблюдателей представляется не столько как результат репрессий властей, как постоянно утверждается в отечественных исследованиях (работы О. Губкина³³, Д. В. Поспеловского³⁴, С. Л. Фирсова³⁵, А. Л. Худобородова и М. А. Яшина³⁶), сколько как результат глубокой внутренней социальной трансформации самого общества. Широкие слои населения оказались захвачены духом сциентизма и опоры на науку, которая приходила на смену религии, а вместо веры была сделана ставка на материализм и рациональное понимание и объяснение действительности. Фактически, в 1930-х гг. в СССР произошла масштабная культурная революция, которая кардинально изменила положение религии в стране, формируя новое светское миропонимание жизни в Советском Союзе.

Примечания

- 1 Littlepage J., Bess D. In Search of Soviet Gold. New York, 1938. P. 18.
- 2 Zuger C. L. The Forgotten : Catholics of Soviet Empire from Lenin through Stalin. New York, 2001. P. 244.
- 3 Ibid. P. 243.
- 4 Tzouliadis T. The Forsaken : An American Tragedy in Stalin's Russia. New York, 2008. P. 43.
- 5 Scott J. Behind the Urals : An American Worker in Russia's City of Steel. Massachusetts : The Riverside Press, 1942. P. 86.
- 6 Zuger C. L. Op. cit. P. 248.
- 7 Weeks R. T. Across the Revolutionary Divide : Russia and the USSR 1861–1945. New York, 2011. P. 170.
- 8 An American Engineer in Stalin's Russia. The Memoirs of Zara Witkin, 1932–1934. Edited with an Introduction by Michael Gelb University. Berkeley, 1991. P. 69.
- 9 Scott J. Op. cit. P. 235.
- 10 Walters P. A survey of Soviet Religious Policy // Religious Policy in the Soviet Union / ed. by S. P. Ramet. Cambridge, 2005. P. 14.
- 11 Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997. P. 75.
- 12 Weeks R. T. Op. cit. P. 170.
- 13 Zuger C. L. Op. cit. P. 250.
- 14 Hirsch A. Industrialized Russia. New York, 1934. P. 218.
- 15 Ibid. P. 219–220.
- 16 Ibid. P. 222.
- 17 Ibid.
- 18 Ibid. P. 225.
- 19 Rukeyser W. A. Working for the Soviets : An American Engineer in Russia. New York, 1932. P. 278.
- 20 Chamberlin W. H. Russia's Iron Age. New York, 1934. P. 322.
- 21 Ibid. P. 319.
- 22 Fischer L. Soviet Journey. New York, 1935. P. 305.
- 23 Ibid. P. 305.
- 24 Hindus M. Great Offensive. New York, 1933. P. 167–175.

- ²⁵ *Duranty W.* *Duranty Reports Russia.* New York, 1934. P. 379–380.
- ²⁶ *Fitzpatrick S.* *Stalin's Peasants : Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization.* Oxford, 1996. P. 205.
- ²⁷ *Chamberlin W. H.* *Op. cit.* P. 325.
- ²⁸ *Davies S.* *Op. cit.* P. 75.
- ²⁹ *Lyons E.* *Assignment in Utopia.* New York, 1937. P. 244.
- ³⁰ *Page M.* *Soviet Main Street.* Leningrad, Moscow : Cooperative Publishing Society of Foreign Workers in the USSR, 1933. P. 104.
- ³¹ *Ibid.* P. 104–105.
- ³² *Ibid.* P. 105.
- ³³ См.: *Губкин О.* *Русская Православная Церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы.* СПб. : Санкт-Петербургская православная духовная академия, 2006.
- ³⁴ См.: *Поспеловский Д. В.* *Русская православная церковь в XX веке.* М., 1995.
- ³⁵ См.: *Фирсов С. Л.* *Власть и огонь : Церковь и советское государство в 1918 – начало 1940-х гг. : очерки истории.* М. : Изд-во ПСТГУ, 2014.
- ³⁶ См.: *Худобородов А. Л., Яшина М. А.* *Репрессивная политика советского государства в отношении Русской православной церкви (1920–1930-е гг.)* // *Вестник ЮУрГУ.* 2011. № 30. С. 61–65.

Образец для цитирования:

Христенко Д. Н. Религия и советское общество в работах американских наблюдателей 1930-х годов // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2019. Т. 19, вып. 4. С. 438–445. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-438-445>

Cite this article as:

Khristenko D. N. Religion and Soviet Society in the Works of American Observers of the 1930s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 438–445 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-438-445>

УДК 94(47).084.3+94(47).084.5+94(47).084.6

Форсированная модернизация «кочевых» регионов СССР: цели и задачи (рубеж 1920–1930-х годов)

Ф. Л. Сеницын

Сеницын Федор Леонидович, доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Государственный университет по землеустройству, Москва, permcavt@gmail.com

На рубеже 1920–1930-х гг. программа модернизации в СССР носила форсированный характер. В «кочевых» регионах страны она приняла форму перевода кочевников на оседлость с сопутной коллективизацией. Завершение этих процессов по задумке властей должно было решить не только задачи модернизации страны, но и проблемы, связанные с наличием в СССР «кочевой» цивилизации, которая не контролировалась государством и не стремилась к советизации. Модернизация «кочевых» регионов преследовала цели и задачи, которые лежали в политической, экономической и демографической плоскостях.

Ключевые слова: кочевые народы, СССР, модернизация, коллективизация, оседлость, Казахстан.

Accelerated Modernization of the “Nomadic” Regions of the USSR: Goals and Objectives (on the Turn of the 1920s and 1930s)

F. L. Sinitsyn

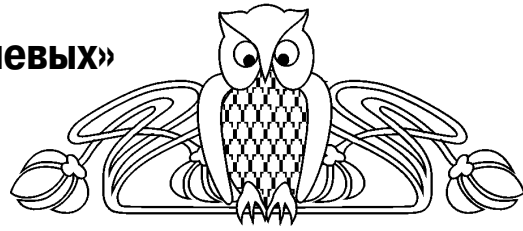
Fedor L. Sinitsyn, <https://orcid.org/0000-003-2299-204X>, State University for Land Management, 15 Kazakova St., Moscow 105064, Russia, permcavt@gmail.com

At the turn of the 1920s and 1930s, the modernization program in the USSR took an accelerated character. In the “nomadic” regions of the country, it took the form of sedentarizing nomads along with collectivization. The completion of these processes, according to the authorities, was to solve not only the problems of modernization of the country, but also the problems associated with the presence of a “nomadic civilization” in the USSR, which was not controlled by the state and was unyielding to Sovietization. Modernization of the “nomadic” regions pursued goals and objectives that laid in the spheres of policy, economy, and demography.

Keywords: Nomadic Peoples, USSR, Modernization, Collectivization, Sedentarization, Kazakhstan.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-446-450>

Политика Советского государства по отношению к «кочевой цивилизации» в целом недостаточно освещена в исторической науке. В советский период считалось, что перевод кочевников на оседлость и их коллективизация были исторически обусловлены и воспринимались основной массой кочевого населения положительно¹. С конца 1980-х гг. ситуация, сложившаяся в «кочевых» регионах СССР, рассматривалась в отечественной историографии более критически². Зарубежные историки также издают труды,

в которых анализируют принудительный перевод кочевников на оседлость, причины и последствия голода в Казахстане³. Однако цели и задачи перехода Советского государства к форсированной модернизации «кочевых» регионов до сих пор остаются лишь фрагментарно изученными.

Причин ускорения модернизации на рубеже 1920–1930-х гг. было несколько, и мы их рассмотрим в приложении к «кочевым» регионам. Во-первых, это убежденность советских властей в наличии непосредственной и близкой внешней опасности для страны. Ожидалось нападение «империалистического блока», в том числе Великобритании, на западные, южные и восточные границы СССР через территорию Персии и Китая в Средней Азии и на Дальнем Востоке⁴, т. е. непосредственно на советские «кочевые» регионы – Казахстан, Киргизию, Туркмению и Бурятию.

В дальнейшем ситуация вокруг восточных и южных границ СССР ухудшилась. В 1929 г. произошел советско-китайский вооруженный конфликт на КВЖД, охвативший многие области Маньчжурии. Сохранялась опасность китайской интервенции на территорию главного в те годы союзника СССР – МНР⁵.

В китайском Синьцзяне, пограничном с советскими Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, начались восстания мусульманского населения, направленные против власти Пекина. Хотя отношения СССР с властями этого китайского региона оставались нормальными, тем не менее, советская разведка считала, что в Синьцзяне имели свой интерес Великобритания и Япония. В граничащем с советской Средней Азией Афганистане в конце 1928 г. произошел государственный переворот, в результате которого был свергнут дружественный СССР король Аманулла-хан и к власти пришел Мухаммед Надир-шах, ориентированный на Великобританию. Сильное британское экономическое и политическое влияние продолжало иметь место в Персии⁶.

С начала 1930-х гг., пожалуй, главную роль в восточной политике СССР стал играть японский фактор. В 1931 г. Япония захватила Маньчжурию и нацеливалась на МНР. В июне 1933 г. советская разведка докладывала о возможности нападения Японии на СССР и МНР при участии белогвардейских отрядов, войск Внутренней Монголии и хунхузов⁷.

Во-вторых, форсированная модернизация СССР имела экономические причины, в том числе связанные с подготовкой к войне. Для «кочевых» регионов это в первую очередь означало необходимость кардинальной реконструкции сельского хозяйства с целью увеличения производства хлопка, зерна и мясо-молочной продукции.

Как известно, хлопок применяется для изготовления тканей, а в условиях подготовки к войне – для производства пороха. В 1920-х гг. правительство СССР поставило задачу освободиться от необходимости иностранных поставок хлопка. Для этого необходимо было существенно расширить свои хлопковые площади⁸ за счет вытеснения других сельскохозяйственных культур⁹. Хлопка нужно было настолько много, что власти Советского Союза даже пытались развивать его производство в Афганистане и западном Китае (Синьцзяне). Кроме того, это должно было дать и политические дивиденды, включая «замирение смежных... районов» Афганистана¹⁰, что было важным в условиях постоянного трансграничного кочевья.

Одновременно необходимо было максимизировать производство зерна¹¹. Цель этой программы, во-первых, заключалась в заготовке хлеба для нужд развернутой в конце 1920-х гг. широкомасштабной индустриализации страны¹². На юге же СССР нужно было обеспечить «бесперебойное и достаточное снабжение» хлебом «хлопковых» районов¹³. Во-вторых, зерно было нужно для продажи его за рубежом с целью получения финансов, технологий и машин для индустриализации страны.

Еще одна экономическая причина форсирования модернизации «кочевых регионов» – необходимость максимального изъятия производимой животноводческой продукции в пользу города, а также «зерновых» и «хлопковых» районов¹⁴. Руководитель Казахстана – крупнейшего «кочевого» региона СССР – Ф. И. Голощекин провозгласил, что поскольку в стране установлена пролетарская диктатура, то приоритетом является «снабжение рабочего класса», и задача Казахстана – «снабдить рабочих мясом»¹⁵. Однако ее выполнению мешало то обстоятельство, что к концу 1920-х гг. в СССР был выявлен огромный сдвиг в распределении валового внутреннего продукта в пользу личного потребления и, соответственно, в ущерб накоплению и обороне¹⁶. Для «кочевых» регионов эта проблема была более чем актуальной. 29 июня 1930 г. на XVI съезде ВКП (б) Ф. И. Голощекин заявил: «У нас животноводством занимается казакское (имеются в виду казахи. – Ф. С.) население, которое хлеба не сеет... При отсутствии хлебоснабжения происходит оседание продукции: раз нет хлеба, едят больше мяса, пьют больше молока»¹⁷. В связи с этим власти поставили задачу максимизировать изъятие у кочевников производимой ими продук-

ции (мясо, молоко, кожи, шкуры, шерсть и пр.). В обмен кочевникам обещали снабжение хлебом (власти считали, что кочевники, которые занимаются исключительно скотоводством, «постоянно нуждаются в хлебе»¹⁸), а также централизованно и планомерно произведенными промышленными товарами.

В-третьих, для модернизации «кочевых» регионов большую роль играли экономика-демографические причины. В середине 1920-х гг. эти территории стали объектом общегосударственной программы переселения, одной из целей которой было развитие зернового хозяйства¹⁹. На декабрьском 1929 г. пленуме Казахского крайкома ВКП (б) было одобрено выделение 90 тыс. земельных долей для переселенцев с увеличением этого числа к концу пятилетки до 500 тыс. долей²⁰. Проведение такого массового освоения степных территорий было достижимо только после «освобождения» ее от кочевников²¹.

В-четвертых, модернизация «кочевых» регионов была нацелена на формирование пролетариата для нужд индустриализации и одновременно на развитие промышленности на бывших «кочевых» территориях. Казахстан был признан регионом, где «неизмеримо богаты запасы каменного угля, цветных металлов и пр.»²². В Калмыкии одной из главных возможностей поднять уровень экономики региона считалось развитие рыбной промышленности²³.

Свое практическое воплощение модернизация на «кочевых» территориях, как и в других регионах СССР, получила в коллективизации сельского хозяйства. Однако здесь коллективизация имела свою особенность: ее было решено осуществить при одновременном переводе кочевников на оседлость²⁴. Таким образом, ни о каких «кочевых колхозах», создание которых в 1920-х гг. предлагали отдельные ученые, более не могло идти речи. Коллективизация означала полную ликвидацию кочевания и крах всей «кочевой цивилизации».

Программа перевода кочевников на оседлость с одновременной коллективизацией была развернута в разных «кочевых» регионах (так, например, в Горном Алтае такой курс был взят уже с июля 1929 г.). Однако «флагманом форсирования» стал самый большой из них – Казахстан.

По сталинскому плану коллективизацию в Казахстане нужно было закончить весной 1932 г. кроме кочевых и полукочевых районов. Однако местные власти решили этот план «перевыполнить»²⁵. Здесь «кстати» пришлась программа первого секретаря крайкома ВКП (б) Ф. И. Голощекина по советизации кочевий («Малый Октябрь»), которую он пытался воплотить фактически с самого начала своей деятельности в регионе (1925 г.). Эти идеи также разделяли соратники Ф. И. Голощекина, в том числе второй секретарь крайкома ВКП (б) И. Курамысов и председатель СНК Казахстана У. Д. Исаев²⁶.

В декабре 1929 г. на пленуме Казахского крайкома ВКП (б) был поставлен вопрос о форсировании перевода кочевников на оседлость, а также «освоения огромных пахотоспособных, но не освоенных площадей»²⁷. Использование этих территорий кочевниками власти не учитывали, равно как и полную непригодность многих районов для земледелия.

Программа перевода на оседлость с одно-временной коллективизацией была санкционирована из центра – в частности, в принятом СНК СССР 16 февраля 1930 г. постановлении о планах развития народного хозяйства Казахстана²⁸.

Цели и направления программы форсированной модернизации «кочевых» регионов через перевод кочевников на оседлость с попутной коллективизацией находились в русле общих причин модернизации, о которых было сказано выше. Во-первых, обоседление рассматривалось как «один из факторов поднятия и развития нашей экономики»²⁹, так как «экстенсивное кочевое хозяйство... исключает возможность роста в нем социалистических элементов и направляет его развитие по капиталистическому пути»³⁰. Такое утверждение звучало противоречиво, поскольку ранее власти утверждали, что в кочевых регионах царят феодализм и отсталость. Здесь же говорилось о развитии кочевой экономики – причем, не по феодальному, а по капиталистическому, то есть достаточно «продвинутому» пути.

Оседание кочевников имело своей целью расширение земледелия. Освоение степи под зерновые и технические культуры предполагалось реализовать путем «наступления на неиспользованные целинные пространства пахотоспособных земель» (в таких высказываниях прослеживается риторика войны с природой. – Ф. С.). Во вновь созданных земледельческих предприятиях в Казахстане должны были работать вчерашние кочевники, став новой «пролетарской армией»³¹. Председатель ЦИК Казахстана Е. Ерназаров отмечал, что оседание как раз и «заключается в том, чтобы суметь посеять и прикрепить к земле»³².

Известно, что ученые еще в 1920-х гг. пришли к выводу о том, что черноземные степи пригодны для выращивания яровой пшеницы³³. При этом в Казахстане и Каракалпакии к 1930 г. «по назначению» было использовано менее половины территории, пригодной для земледелия³⁴. Однако вся эта «незанятая» и пригодная для земледелия площадь составляла не более 10–15 % от территории региона, но никак не все земли, на которых вели свое хозяйство кочевники.

Некоторые бывшие «кочевые» территории предполагалось использовать под выращивание хлопка. Планировалось, что вывоз хлопка-волокна из Казахстана в 1932–1933 гг. составит не менее 53,1 тыс. т.³⁵ В Средней Азии хлопок должен был максимально вытеснить злаковые культуры на поливных площадях³⁶, что и произошло. Че-

рез несколько десятков лет это привело к разбору почти всей воды из Амударьи и Сырдарьи и обмелению Аральского моря. В случае сохранения скотоводства или даже выращивания зерновых либо других культур, которые требуют намного меньше воды и правильно построенной системы ирригации, такого наверняка бы не произошло.

Власти уверяли, что животноводство при оседании не пострадает, так как последнее повлечет «значительное увеличение стада»³⁷. На практике это оказалось не так. Зампредседателя СНК Казахстана У. Д. Кулумбетов говорил об оседании с сохранением сезонных откочевок, правда, с сокращением радиуса³⁸. Таким образом, власти хотели достичь сразу двух целей – сделать из кочевников земледельцев и одновременно сохранить животноводство.

Кроме того, часть бывших кочевников должна была войти в состав промышленного пролетариата³⁹. В советском лексиконе даже появился специальный термин «оседание в промышленности», который является несколько абсурдным, т. к. «оседание» кочевника в классическом варианте предполагает сохранение его принадлежности к сельскому хозяйству.

Оседание кочевников приводило также к «освобождению» территории для строительства промышленных предприятий, шахт, создания карьеров по добыче полезных ископаемых и пр.

Перевод кочевников на оседлость должен был стать финальным аккордом затянувшейся и не удававшейся советизации «кочевых» регионов. Группа экспертов ВЦИК, изучившая ситуацию в Казахстане в 1930 г., сделала вывод, согласно которому «власть феодально-родовых пережитков, коренящихся в самой форме кочевого быта... представляет собою непреодолимые препятствия для хозяйственного прогресса и хозяйственного переустройства аула»⁴⁰. Это совпало с мнением местных властей: «При кочевом образе жизни, при расселении 3–5–10 кибитками не может быть серьезной речи о школе, клубе, больнице, учителе, агрономе, ветвраче, театре, кино и даже бане»⁴¹. Ф. И. Голощекин, давно развернувший борьбу с родовыми властителями (баями), приказал «нанести удар родовым отношениям»⁴² – очевидно, удар финальный. Он проорочествовал: «Старый, отсталый, кочевой, полукочевой аул умирает, должен умереть. На его место должен прийти, приходит новый... колхозный аул с поселковым расселением, с европейского типа строениями, с животноводческим хозяйством типа товарных ферм»⁴³.

Перевод кочевников на оседлость власти считали одним из направлений национальной политики, так как оседание «способствует ликвидации фактического национального неравенства и уничтожает сохранившуюся местами национальную рознь»⁴⁴. Кроме того, власти предвкушали эффект, который форсированное оседание кочевников в СССР должно было про-

известии в международном масштабе⁴⁵.

Все цели и задачи форсированного перевода кочевников на оседлость были взаимосвязаны. Власти планировали, что «не дальше, как в 1933 году Казакстан, бывшая царская колония, будет краем сплошной цивилизации»⁴⁶. Другие «кочевые» регионы имели такую же перспективу.

Таким образом, в 1929 г. в СССР был взят курс на форсированную модернизацию его «кочевых» регионов, которая приняла форму перевода кочевников на оседлость с одновременной коллективизацией. Этот процесс, по задумке властей, должен был решить и проблемы, связанные с наличием в СССР несоветизированных кочевий, и задачи модернизации страны. Власти безоговорочно отвергли идеи и предложения об осторожном отношении к «кочевой цивилизации», которые в 1920-х гг. выдвигали многие советские ученые.

Причиной такого решения послужили, во-первых, политические причины, а именно несовместимость кочевой цивилизации с советской властью. Сила традиций и власть родовых «авторитетов» оказались сильнее. До революции было проще: власти Российской империи могли действовать через родовых властителей, в связке с ними. Для Советского государства это было неприемлемо, так как родовые «авторитеты» являлись для него «классовым врагом». Поэтому был выбран путь разрушения несоветского, традиционного кочевого общества. Предполагалось, что обоседление разрушит власть родовых «авторитетов» и поставит бывших кочевников под контроль.

Кроме того, перевод кочевников на оседлость для властей означал улучшение обороноспособности страны: население оказывалось под контролем, прекращались несанкционированные кочевания внутри страны и за границу, легче стало бы осуществлять мобилизацию в Красную армию.

Во-вторых, существовали экономические причины. В Казахстане и большинстве других «кочевых» регионов производству зерна принадлежал приоритет перед животноводством. В Средней Азии преимущество получил хлопок, за счет которого вытеснялись зерновые и другие культуры. Эти культуры «уходили» в северные «кочевые» районы, вытесняя животноводство.

Власти СССР решили, что зерно для обеспечения продовольственной безопасности и обороноспособности страны важнее. Очевидно, потому, что хранение и перевозка мяса требуют расходов и специальных условий (охлаждение или заморозка). У сырого мяса короткий срок хранения (как и у молочных продуктов). Хотя для увеличения этого срока еще в XIX в. было изобретено консервирование (в том числе, «тушенка»), переработка мяса требует существенных затрат. Зерно можно перевозить и хранить

без всякой переработки и заморозки, а срок его использования при правильном хранении, составляет до 6 лет.

Еще одна экономическая причина перевода кочевников на оседлость заключалась в том, что ликвидация родовых «авторитетов», которые одновременно являлись наиболее зажиточным слоем кочевников, фактически означала их ликвидацию, ведь кочуют только имущие – без наличия достаточного количества скота кочевать не имеет никакого смысла.

В-третьих, имели место политико-демографические причины (они же и политические). Программа переселения в «кочевые» регионы была связана с проблемой военной опасности. Заселение этих территорий более «надежными» и «советизированными» европейцами, с точки зрения властей, могло способствовать улучшению обороноспособности страны.

Руководство Казахстана было закоперщиком форсированного обоседления и коллективизации кочевников. Во-первых, это был самый большой по территории и населению «кочевой» регион, имевший важное стратегическое положение. Однако кочевое население здесь было практически «недоукомплектовано» для власти и «несоветизировано». Во-вторых, на решение «кочевой проблемы» наложились личные амбиции Ф. И. Голощекина. Именно это привело к известным трагическим последствиям форсированной модернизации Казахстана, включая голод, гибель и массовую откочевку населения в 1930–1933 гг.

Примечания

- 1 См., напр.: *Турсунбаев А.* Опыт перехода от нómáдизма к оседлости // *Формы и методы преодоления экономической отсталости: Из исторического опыта советских республик Востока.* М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1972. С. 73–90.
- 2 См., напр.: *Козлов А. П.* Проблемы седентаризации казахского аула в аграрной политике советской власти 1920–1930-х гг. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики.* 2015. № 6, ч. II. С. 92–95.
- 3 См., напр.: *Киндлер Р.* Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М.: РОССПЭН, 2017.
- 4 См.: *Цыплин В. Г.* К вопросу о потенциальных противниках СССР в возможной войне в 1920-х годах // *Изв. Саратов. ун-та. Сер. «История. Международные отношения».* 2012. Т. 12, вып. 1. С. 70, 72.
- 5 См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 116. Л. 66.
- 6 См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 25871. Оп. 3. Д. 22. Л. 12–13; Ф. 25895. Оп. 1. Д. 862. Л. 17.
- 7 Там же. Ф. 25871. Оп. 3. Д. 22. Л. 14, 54, 61.

- ⁸ См.: Бушурев М. Итоги борьбы за сырьевую независимость СССР по производству текстильного сырья и удельный вес хлопка в соотношении прядильных волокон на 2-е пятилетие // *Материалы к всесоюзной конференции по земледелию и переработке растительного сырья*. М. : [б. и.], 1932. С. 14.
- ⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 3. Д. 378. Л. 204–206.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 52. Л. 61, 63.
- ¹¹ См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.
- ¹² См.: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 3. Д. 378. Л. 209.
- ¹³ См.: Кенарский Л. В. Хлопководство в КССР // *Народное хозяйство Казакстана* (далее – НХК). 1926. № 1. С. 39–40.
- ¹⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 3. Д. 378. Л. 205.
- ¹⁵ Голощекин Ф. И. Три актуальных задачи текущего момента // *НХК*. 1931. № 8–9. С. 12, 16.
- ¹⁶ См.: Ханин Г. И., Фомин Д. А. Сталинская коллективизация и советская модернизация // *Свободная мысль*. 2015. № 6. С. 72.
- ¹⁷ Голощекин Ф. И. Казакстан на подъеме // *НХК*. 1930. № 5–6. С. 21.
- ¹⁸ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 873. Л. 35.
- ¹⁹ См.: Огановский Н. Проблема развития зернового хозяйства // *Экономическое обозрение*. 1928. № 1. С. 40–41.
- ²⁰ См.: Казиев С. Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казакстане (1917–1991 годы) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. С. 282.
- ²¹ См.: Поднек А., Павлов К. Казакстан в системе народного хозяйства СССР. Алма-Ата : Крайиздат, 1930. С. 24.
- ²² Полочанский Е. А. За новый аул-Кстау. М. : Казах. представительство, 1926. С. 9.
- ²³ См.: Бугаев А. И. Калмыкия в период новой экономической политики (1921–1929 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2007. С. 19.
- ²⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 571. Л. 8.
- ²⁵ Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Казакстанская трагедия // *Вопросы истории* (далее – ВИ). 1989. № 7. С. 53.
- ²⁶ См.: Киндлер Р. Указ. соч. С. 157.
- ²⁷ Казиев С. Ш. Указ. соч. С. 279.
- ²⁸ См.: Турсунбаев А. Указ. соч. С. 83–84.
- ²⁹ Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 375. Л. 155.
- ³⁰ Зверяков И. А. От кочевания к социализму. Алма-Ата : Крайиздат Огиза, 1932. С. 52.
- ³¹ Голощекин Ф. И. Десять лет пройденных и предстоящие задачи. Алма-Ата : Госиздат РСФСР. Казах. Краев. отд-ние, 1930. С. 46.
- ³² [Е.] Ерназаров. Оседание в Казакстане. М. ; Алма-Ата : Крайиздат Огиза, 1931. С. 9–10.
- ³³ См.: Огановский Н. Указ. соч. С. 38, 42.
- ³⁴ См.: Черданцев Г. Н. Казакстан. М., 1930. С. 15.
- ³⁵ Там же. С. 201.
- ³⁶ См.: Рыскулов Т. Турксиб. М. ; Л., 1930. С. 42.
- ³⁷ См.: Зверяков И. А. Указ. соч. С. 37.
- ³⁸ См.: Киндлер Р. Указ. соч. С. 161.
- ³⁹ См.: Бадмаева Е. Н. Продовольственный вопрос в аграрной политике советского государства : опыт решения в 1933–1943 гг. (на примере Калмыкии). Элиста : КИГИ РАН, 2016. С. 24.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 6985. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.
- ⁴¹ Голощекин Ф. И. Десять лет пройденных... С. 48.
- ⁴² Голощекин Ф. И. Три актуальных задачи. Доклад секретаря крайкома ВКП (б) на III Алма-Атинской горпартконференции. Алма-Аты : Контора краевой газеты Казакстана, 1931. С. 7.
- ⁴³ Голощекин Ф. И. Еще раз о путях развития животноводства и об оппортунистах на этом фронте // *НХК*. 1931. № 8–9. С. 28.
- ⁴⁴ Зверяков И. А. Указ. соч. С. 54.
- ⁴⁵ Голощекин Ф. И. Казакстан на подъеме. Алма-Ата : Крайиздат Огиза, 1931. С. 19.
- ⁴⁶ Жалнин И. Очередные задачи колхозного движения в Казакстане // *НХК*. 1931. № 8–9. С. 106.

Образец для цитирования:

Синицын Ф. Л. Форсированная модернизация «кочевых» регионов СССР: цели и задачи (рубеж 1920–1930-х годов) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 446–450. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-446-450>

Cite this article as:

Sinitsyn F. L. Accelerated Modernization of the “Nomadic” Regions of the USSR: Goals and Objectives (on the Turn of the 1920s and 1930s). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 446–450 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-446-450>

УДК 94(470.57)

Революция 1917 года в культурной жизни Башкирии и Оренбургской области в период «оттепели»

И. П. Морозова

Морозова Ирина Павловна, учитель истории и обществознания, Муниципальное общеобразовательное автономное учреждение «Лицей № 2» в г. Оренбурге, 2@orenschool.ru

В статье рассматривается, как в период «оттепели» в культурной жизни Оренбургской области и Башкирии поднимается тема революции 1917 г. Посредством анализа СМИ выявляется тенденция к предпочтению Правительства СССР кинематографа в освещении событий Великого Октября. Установлено, что обращение к этим событиям в 50–60-е гг. прошлого столетия были не случайны: обществу требовался новый «герой времени». Тема революции 1917 г. была наиболее актуальна в 1950-е гг., к середине 60-х годов она все реже «выходит» к массовому зрителю. В период «оттепели» впервые заговорили о театральном искусстве Оренбурга. Проанализировав периодику за 1953–1964 гг., можно отметить доминирующую роль кино в освещении темы революции. На наш взгляд, интерес к данной теме обусловлен тем, что именно революция 1917 г., сделав новый виток в сознании людей, стала той силой, которая способствовала формированию нового гражданина Советского Союза, в котором сильно нуждалась страна.

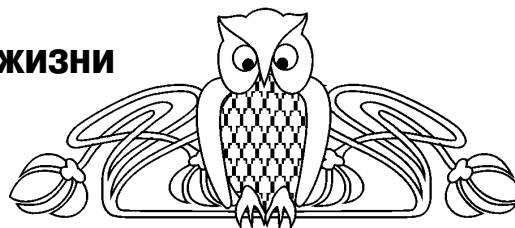
Ключевые слова: революция, 1917 год, театр, кинематограф, «оттепель», музей.

The Revolution of 1917 in the Cultural Life of the Bashkiriya and Orenburg Region in the Period of «Thaw»

I. P. Morozova

Irina P. Morozova, <https://orcid.org/0000-0002-3493-8166>, Municipal Autonomous Educational Institution «Lyceum № 2» in Orenburg, 1 Uralskaya St., Orenburg 460001, Russia, 2@orenschool.ru

This article discusses how in the period of «thaw» in the southern Urals in the Orenburg region and the Bashkiriya the theme of the revolution of 1917 is risen in the cultural life. Through the analysis of the media a tendency of the Soviet government towards cinematic coverage of the events of the Great October is revealed. It is established that the appeal to these events in the 50s–60s of the last century were not accidental – a new society needed a «hero of the time». Culture and cinema, in particular, contributed to more «cultural» consciousness of the Soviet citizens. The theme of the revolution of 1917 was the most relevant in the 1950s of the last century, by the mid-60s, this topic is less and less «out» to the mass audience. During the «thaw» there were the first time talks about the theatrical art of Orenburg. After analyzing the periodicals of 1953–1964, we can clearly note the dominant role of cinema in covering the theme of the revolution. Interest in this topic has arisen due to the fact, in our opinion, that the revolution of 1917, making a new round in the minds of the people, became the force that contributed to the development of a new citizen of the Soviet Union, which the country badly needed. «Dawn of birth» of the XXI century, our country also needs a new minded citizen of

the country. That is why the relevance of this topic has not dried up in society.

Keywords: revolution, 1917, theatre, cinema, «thaw», Museum.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-451-453>

1917 год для российской истории стал знаковым. В октябре имели место события, перевернувшие ход истории и развития страны, названные Великой Октябрьской социалистической революцией. Эти события сопровождалась кровью, большим количеством смертей, тысячами сломленных жизней и душевными трагедиями многих людей. Контуры нового советского государства только-только намечались, а задачи формирования «нового человека коммунистического общества, свободного от пережитков прошлого», были пока лишь в мыслях большевистских теоретиков. Но, как оказалось, данные факторы и стали теми определяющими условиями, которые дали старт для развития уникальной российской культуры.

Историческое предназначение любой революции – разрушить устаревший порядок и расчистить дорогу новым формам общественной жизни. Революция 1917 г. стала одним из кульминационных событий развития истории России. Если в 1917 г. русская интеллигенция разделилась на два лагеря, один из которых принял, а другой отверг революцию, то сегодня, спустя 100 лет, мы также не можем дать ей однозначную трактовку. Во-первых, если говорить о такой вещи, как отношение к историческому событию, то необходимо иметь в виду, что отношение к происходящему у многих деятелей культуры менялось. На их мнение влияла и политика, проводимая советской властью, и новые жизненные обстоятельства. Например, А. Блок был не только автором поэмы «Двенадцать», но и статьи «Крушения гуманизма». Во-вторых, патриотизм и положительное отношение к революции не являются тождественными. В качестве примера приведем гражданскую позицию поэта XX в. М. Волошина, который не принял революции, но даже во время Гражданской войны не покинул страны.

Спустя полвека после обозначенных событий, в период «оттепели», тема революции вновь входит в российскую культуру. Именно культура, как нельзя точно, дает оценку событиям. Культура – это калейдоскоп, через который мастер смотрит на мир, давая собственную оценку и выражая субъективный взгляд на происходящее.

С приходом к власти после смерти И. В. Сталина в 1953 г. Н. С. Хрущева наметилась тенденция к ослаблению цензуры и доступности средств для выражения собственного мнения. Однако несмотря на это, Н. С. Хрущев не позволяет писателям отходить от идеологии коммунистической партии. Сильнее всего это сказывается на театре и кино. Театр в силу своей доступности передает эмоциональный подъем, вызванный определенными событиями, а также служит инструментом идеологического воздействия.

Новое правительство понимало всю важность театрального искусства. 9 ноября 1917 г. выходит декрет Совета народных комиссаров о передаче всех российских театров в ведение отдела искусств Государственной комиссии по просвещению, а 26 августа 1919 г. появляется декрет о национализации театров: впервые в истории России театр полностью стал делом государственным.

Революция 1917 г. нашла свою нишу среди широкого спектра тем, освещаемых в культуре периода «оттепели» на территории Южного Урала. Обращаясь к источникам, повествующим о культурной жизни Башкирии и Оренбургской области, отметим, что наибольшей популярностью пользовался кинематограф. Министр культуры и внешних связей Оренбургской области Евгений Шевченко зачастую говорит о том, что кино – «самый демократический вид искусства, который располагает более легкой формой подачи, его язык доступен, а восприятие зрелищно. Поэтому кино любят, кино ждут и нередко предпочитают многим другим видам времяпрепровождения. Впрочем, кино – это не только развлечение»¹.

Проанализировав ряд источников СМИ Оренбургской области и Республики Башкортостан, мы отметили, что тема революции 1917 г. была наиболее актуальна в 1950-е гг., к середине 60-х гг. данная тема все реже «выходит» к массовому зрителю.

В каждой отрасли культуры звучит семнадцатый год: в театрах – это постановки, в музеях – выставки, в кинематографе – фильмы. Театр медленно приспосабливался к потребностям нового времени, находясь в постоянном поиске. Однако представлять время театральной «оттепели» исключительно в оптимистических красках будет неправильным. Конец 1950 – 1960-е гг. – время по-своему драматическое, в чем-то даже парадоксальное. С одной стороны, гражданская зрелость общества требовала своего воплощения во всех сферах общественного бытия. С другой стороны, в искусстве, в том числе и театральном, по-прежнему господствовали командный стиль, волевое администрирование. Парадокс времени в том и существовал, что представители творческой интеллигенции – носители самых передовых общественных идеалов – неизбежно сталкивались с практическими трудностями в их осуществлении.

Сложная ситуация складывалась на Урале, в частности на территории нынешней Оренбургской области. В период «оттепели» впервые заговорили о театральном искусстве Оренбурга. Так, о спектаклях Оренбургского государственного областного драматического театра им. М. Горького под руководством Ю. С. Иоффе писали в журналах «Театр», «Театральная жизнь», отмечая «самобытный репертуар, яркие актерские работы, прекрасную сценографию и постановочную культуру»². Труппа стала известной в театральной России, а г. Оренбург приобрел славу театрального.

В. Ф. Наточий отмечает, что в период «хрущевской оттепели» меняется репертуар Областного театра музыкальной комедии, он «избавляется от штампов старой оперетты»³.

«Большим событием в культурной жизни Бугулука было открытие здесь накануне праздника 42-й годовщины Великой Октябрьской революции народного театра»⁴, – писал «Южный Урал». Это второй народный театр, созданный на тот момент в Оренбургской области. Зрители в честь открытия увидели премьеру спектакля «Разлом» по пьесе известного советского драматурга Б. Лавренева. 18 октября 1959 г. Оренбургский областной драматический театр им. М. Горького после длительного перерыва снова поставили одну из лучших пьес – «Егор Булычов и другие».

Проанализировав периодику за 1953–1964 гг., можно отметить доминирующую роль кино в освещении темы революции. Порядка 30 тематических фильмов были показаны в тот период в кинотеатрах Оренбуржья. На сцене было сыграно 7 новых спектаклей, среди которых 2 постановки были осуществлены по произведениям «буревестника» русской революции М. Горького. В кинотеатрах «Октябрь», «Молот», «Победа» демонстрировался художественный фильм «Ленин в Октябре», в кинотеатрах «Буревестник», «Комсомолец» – «Ленин в 1918 году», в кинотеатре «Пионер» – документальный фильм «Владимир Ильич Ленин»⁵.

Сразу три областных газеты («Точская правда» (1958. № 127), «Советская степь» (1958. № 133) и «Бугурусланская правда» (1958. № 210)) пишут о том, что к очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции была показана киноповесть «Юность наших отцов» по мотивам романа А. Фадеева «Разгром».

Газета «Ленинское знамя» (Башкирия) рассказывала о том, что в местном кинотеатре был показан фильм «По путевке Ленина»⁶. Кинокартина была снята в конце 50-х гг. Фильм повествует о том, что еще не везде отгремели ожесточенные бои за жизнь молодой Советской республики, а «В. И. Ленин думает о культуре многонациональной республики Советов»⁷.

В Башкирской газете «Вперед» сообщалось о том, что в местных кинотеатрах был показан «кинороман «Две жизни» в двух сериях, по-

ставленный режиссером Леонидом Луковым по сценарию Алексея Каплера, который воскрешает на экране события 1917 г.»⁸. К 44-й годовщине Великого Октября на территории Башкирии проходили кинопоказы, в частности, в Темясовском сельском клубе демонстрировался «цикл кинофильмов, посвященных Великой Октябрьской социалистической революции»⁹. Отметим, что Темясовский сельский клуб в 1961 г. праздник встречал с особым энтузиазмом: «Клуб был оформлен новыми лозунгами «Все во имя человека, для блага человека», «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»¹⁰. Такие лозунги, взятые из новой Программы КПСС, напоминали каждому посетителю о величии времени.

Кинематограф и театр были не единственными, кто приобщал своего зрителя к событиям революции 1917 г. Уфимский художник Борис Ежов завершил работу над новой картиной «Ленин в Уфе», где вождь изображен погруженным в думы о революции, о будущем России. Местный Союз художников признал эту работу одной из лучших среди картин, посвященных пребыванию Ильича в Уфе. От имени трудящихся Башкирии она была преподнесена в дар братскому Азербайджану по случаю 40-летия Советской власти в этой Республике»¹¹.

Таким образом, проанализировав ряд периодических изданий Оренбургской области и Башкирской АССР, можно отметить, что образ революции 1917 г. вошел в культуру Советского Союза и прочно в ней закрепился. В период с 1953 г. по 1964 г. к данной теме неоднократно обращались через искусство кино, театра и просветительскую деятельность. Внимание и интерес к этому обусловлены тем, на наш взгляд, что именно революция 1917 г., сделав новый виток в сознании людей, стала силой, способствовавшей формированию нового гражданина Советского Союза, в котором сильно нуждалась страна. В XXI в. Россия также нуждается в новом мыслящем человеке. Именно поэтому данная тема по-

прежнему актуальна. В год 100-летия Великой Октябрьской революции в Оренбуржье проводились тематические мероприятия, например, в рамках юбилейного X Международного кинофестиваля «Восток & Запад. Классика и Авангард» прошел специальный показ фильма британского режиссера Марги Кинмонс «Революция – новое искусство нового мира», в котором исследуются истоки русского авангарда и его связи с политической повесткой. Для режиссера было важно показать, какой революцию увидели русские художники, и что она для них значила. На сцене Оренбургского областного драматического театра им. М. Горького состоялся поэтический вечер «Пульс века», в рамках которого артисты театра и кино Анатолий Белый и Алена Бабенко прочли стихи тех, кто своими глазами видел события столетней давности. Образ революции 1917 г. прочно закрепился в культурной жизни общества.

Примечания

- 1 URL: <http://ria56.ru> (дата обращения: 27.10.2017).
- 2 Оренбургский государственный областной драматический театр им. Н. В. Горького. История театра. URL: <http://orendrama.ru/theatreabout/history.html> (дата обращения: 27.10.2017).
- 3 *Наточий В. Ф.* Силуэты : хроника Оренбургского театра музыкальной комедии. Оренбург : Кн. изд-во, 2001. С. 143.
- 4 На сценах театров и клубов // Южный Урал. 1959. № 262. С. 4.
- 5 Приглашение в кинотеатр // Чкаловская коммуна. 1956. № 260. С. 4.
- 6 Кино «Правда» // Ленинское знамя. 1958. № 40. С. 4.
- 7 Там же.
- 8 Хроника культурной жизни // Вперед. 1961. № 131. С. 4.
- 9 *Тугубаева К.* Праздник в сельском клубе // Знамя коммунизма. 1961. № 134/135. С. 5.
- 10 Там же.
- 11 *Каримов Ф.* Картина «Ленин в Уфе» // Знамя труда. 1960. № 52. С. 4.

Образец для цитирования:

Морозова И. П. Революция 1917 года в культурной жизни Башкирии и Оренбургской области в период «оттепели» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 451–453. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-450-451>

Cite this article as:

Morozova I. P. The Revolution of 1917 in the Cultural Life of the Bashkiria and Orenburg Region in the Period of «Thaw». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 450–451 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-450-451>

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(394)

Новые данные о падении Угарита

А. В. Сафронов

Сафронов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков, Московский государственный областной университет; старший научный сотрудник ФГБУН Институт востоковедения РАН, safronov1477@yandex.ru

В статье рассматриваются причины падения северосирийского торгового города Угарита (землетрясение, вражеское нашествие). Основываясь на данных аккадского письма RS 94.169 из архива Уртену, автор присоединяется к мнению, согласно которому Угарит был разрушен « народами моря », и полагает, что это письмо было написано последним царем Угарита Аммурапи Рамсесу III и содержало просьбу о военной помощи к фараону, но не к царю Каркемиша, как предположили издатели RS 94.169. Внезапная атака « народов моря » на Угарит помешала отправить письмо адресату.

Ключевые слова: архив Уртену, Каркемиш, « народы моря », Угарит, Хеттское царство.

New Data on the Destruction of Ugarit

A. V. Safronov

Alexander V. Safronov, Moscow State Regional University, 10a Radio St., Moscow 105005, Russia; Institute of the Oriental Studies, 12 Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russia, safronov1477@yandex.ru

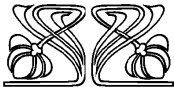
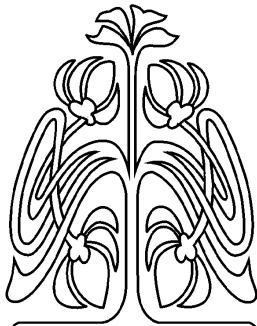
The article deals with the issue concerning the destruction of famous commercial city Ugarit in northern Syria (earthquake, enemy invasion). Based on the Akkadian letter RS 94.169 from Urtenu archives, the author joins the opinion that Ugarit was devastated by the Sea Peoples. In his view, this letter was written by the last king of Ugarit Ammurapi to the Pharaoh Ramses III to ask for military aid but not to the king of Carkemish, as the publishers of RS 94.169 believed. A sudden attack of the Sea Peoples prevented to send the letter to addressee.

Keywords: archives of Urtenu, Carkemish, Hittite Kingdom, Sea Peoples, Ugarit.

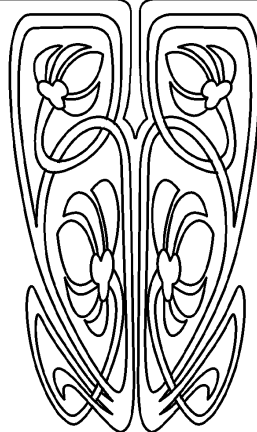
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-454-458>

Более 60 лет назад проводивший раскопки в Угарите К. Шефер выдвинул гипотезу, согласно которой этот важный северосирийский центр международной торговли был разрушен в самом начале XII в. до н. э. катастрофическим землетрясением и последовавшим за ним пожаром. Исследователь аргументировал свое предположение археологическим материалом финальной стадии существования города, где были зафиксированы частичное обрушение верхних частей стен царского дворца и некоторых зданий, разрушение дворцовой печи для обжига глинописных табличек и следы огромного пожара по всему городу. Кроме того, К. Шефер указывал на отсутствие останков людей, что свидетельствовало, по его мнению, о бегстве населения, видимо, предвидевшего предстоящую катастрофу и успевшего спастись¹.

Эта точка зрения на долгие годы стала доминирующей в историографии, а ее отголоски встречались еще в сравнительно недавних работах². Однако у гипотезы К. Шефера были слабые места. Отсутствие останков защитников Угарита вполне можно объяснить тем, что после ухода врага бежавшие из города жители вернулись и похоронили павших. Следы пожара и разрушение дворцовой печи можно с равным успехом приписать результатам вражеского нападения на город, а частичное обрушение стен некоторых зданий объяснить тем фактом,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

что после запустения Угарита территория города превратилась в огромную каменоломню³. Нельзя списывать со счетов и последствия более поздних землетрясений, без сомнения, случившихся в этом сейсмоопасном районе, а также последствия грабительской деятельности людей⁴, продолжавшейся с эпохи Античности до XX в. и нанесшей вред археологической стратиграфии и целостности памятника⁵.

В начале 90-х гг. XX в. руководитель французской археологической миссии в Угарите М. Йон выдвинула альтернативную гипотезу, согласно которой город был разрушен «народами моря»⁶. В своей статье она привела данные полевых изысканий, из которых следовало, что в центре Угарита в слое разрушений на площади 1500 м² были обнаружены разбросанные в домах и по городским улицам 25 наконечников стрел. Пoblости не располагалось ни одного здания, которое могло бы быть идентифицировано как городской арсенал и с которым можно было бы связать найденные стрелы. Та же самая картина была зафиксирована в южной части Угарита, где в развалинах домов было найдено около 30 наконечников стрел. Исследовательница предположила, что их находки в слое пожара в жилой части города свидетельствуют об ожесточенных уличных боях, происходивших перед сожжением Угарита⁷.

Гипотеза о человеческом факторе, обусловившем конец Угарита, стала господствующей в современной историографии. Она разделяется такими авторитетными исследователями, как М. Ливерани⁸, И. Сингер⁹, Ж. Фрэ¹⁰. Однако отсутствие следов реокупации города, который был вновь заселен в только период между VIII и V в. до н.э.¹¹, не дает возможности лишь на основании археологических данных окончательно ответить на вопрос, кто был виновен в гибели Угарита. Это привело к появлению скепсиса относительно возможности идентифицировать разрушителей города как «народов моря»¹², а также к возникновению спекулятивной гипотезы, согласно которой Угарит был разрушен хеттами в наказание за попытку переориентироваться на Египет¹³, которая действительно имела место в конце XIII в. до н.э.¹⁴.

Если обратиться к найденным в Угарите письменным источникам, то становится ясным, что последние три десятилетия существования города до его разрушения в начале XII в. до н.э. ему угрожали «народы моря». Так, в письме RS 34.129 на аккадском языке, посланном в Угарит хеттским царем Тудхалиясом IV около 1220 г. до н.э., упоминается о представлявших угрозу городу пиратствующих «людях шикалайю», которые также встречаются под именем шакалуша в египетских надписях Мернептаха и Рамсеса III о «народах моря»¹⁵. В письме RS 34.129 морские разбойники единожды названы конкретно, обычно они скрываются в текстах за общим обозначением ^LÚKÚR «враг».

В относящемся к последней стадии существования северосирийского города-государства письме RS L.1 правитель Кипра советует царю Угарита Аммурапи укрепить стены города и собрать в нем войска и колесницы ввиду появления вражеских кораблей «посреди моря»¹⁶. В письме 20.238 Аммурапи, видимо, отвечает правителю Кипра и просит его поделиться информацией о вражеских кораблях. Он также сетует, что семь кораблей врага уже напали на угаритские владения и сожгли несколько населенных пунктов. Кроме того, Аммурапи пишет, что не может противостоять угрозе, потому что его войска и флот мобилизованы хеттами и находятся за пределами Угарита¹⁷. К корпусу кипро-угаритской переписки следует отнести также письмо RS 20.18, в котором «великий сановник» Кипра Эшувара сообщает угаритскому царю о передвижениях и локализации двадцати вражеских кораблей¹⁸.

В аккадском письме RS 20.162, отправленном в Угарит неким Парсу, видимо, сановником соседнего государства Амурру, запрашивается информация о вражеских кораблях, а также упоминается о договоренностях между двумя государствами по совместному противодействию общему врагу на море путем создания объединенного флота¹⁹.

Письмо RS 34.143 свидетельствует о подготовке хеттским царем и его вассалом царем Каркемиша военного плацдарма против врагов в государстве Мукиш, располагавшемся к северу от Угарита. Царь Каркемиша грозит хеттским судом угаритскому правителю и обвиняет его в том, что тот не прислал свои лучшие войска и колесницы для защиты Мукиша, но оставил их при себе²⁰. С этим текстом связано письмо на угаритском языке RS 16.402, в котором некий Эвир-Шаррума пишет угаритской царице, что боевые действия ведутся уже в Мукише и просит прислать две тысячи лошадей, видимо, для армейских нужд²¹.

Переписка между частными лицами, поданными Угарита, также свидетельствует о том, что война докатилась уже до границ самого государства Угарит. В письме RS 19.011 некий слуга по имени Drdn сообщает своему господину, что армия была разбита, некий город захвачен врагом, а посева и виноградники сожжены. И. Сингер полагал, что речь идет об Угарите²², однако тот факт, что письмо было найдено в этом городе, говорит, скорее, о том, что речь идет о каком-то периферийном центре, но не о столице. Наконец, в переписке между двумя подданными Угарита (письмо RS 4.475) прямо говорится о разгроме угаритской армии, к сожалению, без указания на локализацию битвы²³.

На основании вышесказанного можно заключить, что в последние годы и месяцы существования Угарита этому государству сильно досаждали «народы моря» как на суше, так и с моря. Но ни одно письмо не содержит конкрет-

ного указания, которое позволило бы идентифицировать именно их как разрушителей Угарита. Это, как уже говорилось, породило скептическое отношение к возможности определить конкретных виновников падения Угарита²⁴.

Однако в 2016 г. после долгожданной публикации остатков архива Уртену, найденных еще в 1994 г.²⁵, в научный оборот было введено аккадское письмо RS 94.169²⁶, обнаруженное в Угарите и, судя по всему, так и не отправленное некоему царственному адресату. В письме говорится следующее: (1) *a-na LUGAL EN-ia* (2) *qi-bi-ma* (3) *um-ma Am^m-mu-ra-pi IR-ka-ma* (4) [*a-na GÌR.MEŠ (LUGAL³) EN-ia iš-tu* (5) [*ru-qiš²* 2-] *šú 7-šú am-qut* (6) [*a-na UGU-hi²*] *EN-ia dan-niš lu-ú šul-mu* (7) [*aš-ra-nu it-ti EN-ia²*] *mi-nu-me-e [šul-ma-nu]* (8) [*te⁴-ma li-te-er-ru-ni* (9) *EN-ia* [x x (x)]-*ma ša LÚ KÚR.MEŠ* (10) 2-*šú 3-šú a-na [UGU]-hi EN-ia* (11) *al-ta-pár* [...] (12) [*ša am²*] [...] (13) *ša EN-ia* (Tr., 14) *i-qi-pa-an-[ni...]* (15) *i-na-an-na ERÍN.MEŠ L[U² KUR?]* (Rev. 16) *i-na URUSAG.DU* (?) (17) *aš-bu ú pa-nu-šú-nu* (?) (18) *a-na URU-ga-rit^x* *muš-šu-ru* (19) *EN-ia lu-ú i-di* (20) *i-na-an-na EN-ia ERÍN.MEŠ KI.KAL.BAD* (21) *ú GIŠ.GIGIR.MEŠ a-na* (22) *ha-ma-ti-ia li-di-na* (23) *ú EN-ia iš-tu qa-ti* (24) *ERÍN.MEŠ KÚR an-ni-i* (25) *li-bal-li-tá-an-ni* «(1) Царю, моему господину, (2) скажи! (3) Так (говорит) Аммурапи, твой раб. (4) [К ногам (царя)] господина моего (5) [издалека два] раза, семь раз я припадаю! (6) [Что касается моего господина], да будет он очень здоров (7) там! [(Что) у господина] моего всё (8) [благополучно], весть пусть пошлют мне²⁷. (9) Мой господин, [x x (x)] врагов (10) два раза, три раза к господину моему (11) я посылал [...] (12) (13) господина моего (Tr., 14) он доверил [мне...]. (15) Теперь войска вра[га] (Rev., 16) в городе Рагшу (?) (17) пребывают, а их передовые части (?) (18) к городу Угариту отправились. (19) Господин мой пусть знает! (20) Теперь господин мой войска, пехоту (21) и колесницы для (22) поддержки мне пусть даст, (23) и пусть мой господин от (24) войск врага этих (25) спасет меня (букв. «позволит мне жить»)!».

Это письмо, как представляется, окончательно ставит точку в спорах о том, кто был разрушителем Угарита. В строках 9, 15, 24 упоминается войска врага, который обозначен шумерограммой LUKUR, т. е. именно той лексемой, использовавшейся в последних угаритских письмах для обозначения «народов моря». В строке 16 встречается город SAG.DU, который, как полагают, следует сопоставлять с угаритским центром Рагшу и идентифицировать с современным Рас ибн Хани²⁸, расположенном на побережье Средиземного моря прибли-

тельно в 5 км к юго-западу от Угарита. Если эта локализация Рагшу верна, то становится ясным, что отряды «народов моря» высадились на сирийском побережье и захватили Рагшу, после чего быстро овладели Угаритом, который находится всего в часе ходьбы от Рас ибн Хани. Также понятно, почему письмо RS 94.169 так и не было отправлено адресату. Нападение «народов моря» было, видимо, внезапным, и во время спешной эвакуации населения отправлять письмо было не с кем да и незачем, поскольку помощь все равно бы опоздала.

Следует упомянуть еще одну проблему, которая возникла при рассмотрении письма RS 94.169. Она заключается в идентификации его отправителя и несостоявшегося адресата. Имя отправителя известно – Аммурапи. Однако это имя маркировано только детерминативом, выписывающимся перед мужскими именами. Никаких указаний на то, что носитель имени тождественен последнему угаритскому царю, нет. Поэтому придется прибегнуть к логическим рассуждениям и рассмотреть три имеющихся варианта идентификации отправителя и возможного адресата письма RS 94.169:

1. Письмо было написано человеком по имени Аммурапи, который предполагал отправить его некоему царю за рубеж.

2. Письмо было написано человеком по имени Аммурапи царю Угарита Аммурапи, которого с войсками на момент взятия города там не было.

3. Письмо было написано царем Угарита Аммурапи некоему царю с просьбой о военной помощи.

Первый вариант сразу следует отклонить, поскольку даже самый высокопоставленный сановник Угарита едва ли мог послать царю другого государства письмо с просьбой прислать войска для его личного спасения.

Второй вариант выглядит вполне реальным, однако упомянутые угаритские письма RS L.1 и RS 20.238 позволяют предположить, что царь Аммурапи в последний период существования города находился в Угарите. Кроме того, из письма RS 94.169 следует, что его отправитель, будь он сановником, должен был бы принадлежать к самой верхушке угаритской знати, если он напрямую переписывался с царем. Но человек с именем Аммурапи среди нобилитета Угарита в финальный период существования города не встречался.

Остается третий вариант, согласно которому отправителем письма был сам царь Угарита. Однако и в этом случае возникает ряд вопросов. Во-первых, почему Аммурапи упоминается без своего обычного титула «царь Угарита»? Во-вторых, кем был адресат, кого Аммурапи величает господином, и чьим рабом называет себя подобострастно? Подобная фразеология характерна для переписки между сановниками и царем (см., например, письма RS 94.2365, 94.2527)²⁹, но до-

статочно редка для корреспонденции между двумя царями.

Ответить на первый вопрос достаточно просто: учитывая обстоятельства, при которых было написано письмо RS 94.169, а именно приближение авангарда «народов моря» к Угариту, выписывать титулы Аммурапи было просто уже некогда. Кроме того, в архиве Уртену зафиксированы случаи, когда во вводных строках письма имя Аммурапи стоит без титула (ср. RS 94.2530)³⁰.

Что касается второго вопроса, то очевидно, что Аммурапи мог называть своим господином только царя, превосходящего его по рангу и обладающего реальной военной силой, чтобы спасти Угарит.

Издатели письма RS 94.169 полагали, что речь идет о царе Каркемиша. В качестве доказательства они привели письмо RS 88.2009. Как следует из его текста, сановник Урхи-Тессоб информирует совет угаритских старейшин о том, что царь Каркемиша покинул Хеттское царство и движется с войсками на помощь Угариту, который угаритская знать должна охранять до его прибытия³¹. Исследователи считали, что историческая ситуация, описанная в письмах RS 94.169 и RS 88.2009, одинакова и, следовательно, неназванным царем письма RS 94.169 должен быть правитель Каркемиша³².

Однако, как показал автор данной работы, письмо RS 88.2009 должно относиться не ко времени падения Угарита, но датироваться почти на три десятилетия ранее³³. Следовательно, предполагаемый синхронизм описанных в двух письмах событий явно надуман.

Кроме того, как отмечали и сами издатели RS 94.169, в переписке между Аммурапи и царем Каркемиша первый никогда не определялся как раб, а последний – как господин³⁴. Также следует заметить, что царь Каркемиша согласно упомянутому письму RS 34.143 сам требует от Аммурапи предоставить войска для защиты Мукиша от «народов моря». Этот факт слабо согласуется с просьбой угаритского царя адресату письма RS 94.169 прислать войска в Угарит, чтобы спасти его. Все это позволяет отклонить сопоставление неназванного правителя письма RS 94.169 с царем Каркемиша.

Другой фигурой на роль адресата данного письма мог бы быть последний хеттский царь Суппилиумас II. В корпусе хетто-угаритской переписки есть примеры, когда угаритские правители называют хеттского царя своим господином (см., например, письма RS 94.5015 и RS 16.078⁺:1–2 на угаритском языке)³⁵. Однако из рассмотренных писем 20.238 и RS 34.143 следует, что угаритская армия и флот были мобилизованы хеттами, а «правая рука» хеттского царя в Сирии, правитель Каркемиша добивался от Аммурапи выполнения его военных обязательств перед хеттами. Это слабо согласуется с мольбами Аммурапи адресату письма RS 34.143 прислать

войска на помощь Угариту. Также следует отметить, что расстояние между Угаритом и Хаттусой составляет около 650 км. Понадобилось бы много дней, чтобы гонец Аммурапи добрался до столицы хеттов, и даже если бы помощь и была отправлена, Угарит к этому времени уже был бы взят. Поэтому хеттский царь тоже едва ли может претендовать на роль адресата RS 94.169.

Остается последний вариант: угаритский царь написал письмо египетскому фараону. Если исходить из даты падения Угарита в конце первого десятилетия 12 в. до н.э.³⁶, им мог быть только Рамсес III.

Как известно, в правление Аммурапи Угарит предпринимал попытки политической переориентации на Египет³⁷. В сохранившихся письмах египетско-угаритской корреспонденции Аммурапи то и дело называет себя рабом фараона (ср. письмо RS 88.2158,³⁸ RS 94.2002+2003³⁹, RS 34.356⁴⁰ и хронологически более раннее RS 20.182 A + B⁴¹), т. е. так же, как в письме RS 94.169. Поэтому резонно предположить, что перед угрозой нападения «народов моря» Аммурапи мог также обратиться к египетскому правителю за помощью.

Однако как это согласуется с тем фактом, что расстояние от Угарита до Египта в 2 раза больше, чем до Хаттусы, и гонец добирался бы туда еще дольше? Остается предположить, что Рамсес III находился с войсками не так далеко от Угарита, видимо, где-то в Ливане (ср. находку фрагмента статуи Рамсеса III в Библе и его стелы в Тире)⁴², где готовился встретить «народы моря», скорее всего, для того, чтобы защитить от удара Библ, важнейший египетский форпост в Передней Азии⁴³. Поскольку гонцы на Переднем Востоке передвигались как пешком и на колеснице⁴⁴, так и верхом⁴⁵, и колесница развивала скорость до 20 км/ч, а лошадь на рыси – от 15 до 20 км/ч⁴⁶, гонец Аммурапи мог добраться из Угарита до Библа менее чем за сутки (расстояние между Библом и Угаритом – около 200 км).

Если наши рассуждения верны, то письмо RS 94.169 является наиболее поздним экземпляром египетско-угаритской корреспонденции и, вероятно, было написано царем Угарита Аммурапи Рамсесу III накануне захвата Угарита «народом моря».

Примечания

- ¹ *Schaeffer Cl. F. A.* Commentaires sur les lettres et documents trouvés dans les bibliothèques privées d'Ugarit // *Ugaritica*. 1968. T. 5. P. 762–766, 768.
- ² *Nur A., Cline E. H.* Poseidon's Horses: Plate Tectonics and Earthquake Storms in the Late Bronze Age Aegean and Eastern Mediterranean // *Journal of Archaeological Science*. 2000. Vol. 27. P. 58.
- ³ *Callot O.* La tranchée «Ville Sud». Études d'architecture domestique. Paris, 1994. P. 213.

- ⁴ Schaeffer Cl. F. A. Op. cit. P. 767.
- ⁵ Caubet A. Reoccupation of the Syrian Coast after the Destruction of the «Crisis Years» // *The Crisis Years : the 12th century B.C. : from beyond the Danube to the Tigris* / W. A. Ward, M. S. Joukowski, P. Åström (eds.). Dubuque, 1992. P. 123.
- ⁶ Yon M. The End of the Kingdom of Ugarit // *The Crisis Years: the 12th Century B.C. from beyond the Danube to the Tigris* / W. A. Ward, M. S. Joukowski, P. Åström (eds.). Dubuque, 1992. P. 120.
- ⁷ Ibid. P. 117.
- ⁸ Liverani M. La fin d'Ougarit: quand? pourquoi? comment? // *Le pays d'Ougarit autour de 1200 av. J.-C. Histoire et archéologie. Actes du Colloque International, Paris, 28 juin – 1er juillet 1993* / Edités par M. Yon, M. Sznycer, P. Bordreuil. Paris, 1995. P. 114–115.
- ⁹ Singer I. A Political History of Ugarit // *Handbook of Ugaritic Studies* / W.G.E. Watson, N. Wyatt (eds.). Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 730.
- ¹⁰ Freu J. Histoire politique du royaume d'Ugarit. Paris, 2006. P. 246–247.
- ¹¹ Caubet A. Op. cit. P. 123–124.
- ¹² Cline E.H. 1977 B.C. The Year Civilization collapsed. Princeton; Oxford, 2014. P. 109, 112.
- ¹³ Hayala I. The Demise of Ugarit in the Lights of Its Connection with Hatti // *Ugarit-Forschungen*. 2010. Bd. 42. P. 325–326.
- ¹⁴ См.: Сафронов А.В. Незамеченное свидетельство египетско-угаритских дипломатических контактов периода правления Сети II // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. : История и политические науки*. 2013. № 3. С. 31–35.
- ¹⁵ Сафронов А.В. Датировка письма RS 34.129 и хетто-угаритские отношения в XIII в. до н.э. // *Вестн. древней истории*. 2011. № 4. С. 211–217.
- ¹⁶ См.: Сафронов А.В. Датировка угаритского письма RS 88.2009 // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. : История и политические науки*. 2013. № 2. С. 6–7.
- ¹⁷ Там же. С. 7.
- ¹⁸ Cochavi-Rainey Z. The Alashia Texts from the 14th and 13th Centuries BCE: A Textual and Linguistic Study. Münster, 2003. P. 43–44.
- ¹⁹ Nougayrol J. Textes suméro-accadiens des archives et bibliothèques privées d'Ugarit // *Ugaritica*. 1968. Vol. 5. P. 115–116.
- ²⁰ Singer I. Op. cit. P. 723.
- ²¹ Astour M. New Evidence on the Last Days of Ugarit // *American Journal of Archaeology*. 1965. Vol. 69, № 3. P. 257–258.
- ²² Singer I. Op. cit. P. 726.
- ²³ Ibid. P. 726–727.
- ²⁴ Cline E. H. 1977 B.C. The Year... P. 109, 112.
- ²⁵ Yon M. The City of Ugarit at Tell Ras Shamra. Winona Lake, 2006. P. 87–88.
- ²⁶ Lackenbacher S., Malbran-Labat F. Lettres en akkadien de la «Maison d'Urtēnu» : Fouilles de 1994. Leuven, 2016. P. 33–34. Pl. 8.
- ²⁷ The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago / J. A. Brinkman, M. Civil, I. Gelb, L. Oppenheim, E. Reiner (eds.). Chicago ; Glückstadt, 1992. Vol. 17, pt. 3. P. 245.
- ²⁸ Soldt W. van. The Topography of the City-State of Ugarit. Münster, 2005. P. 83.
- ²⁹ Lackenbacher S., Malbran-Labat F. Op. cit. P. 135, 140.
- ³⁰ Ibid. P. 26–27.
- ³¹ См.: Сафронов А.В. Датировка... С. 6.
- ³² Lackenbacher S., Malbran-Labat F. Op. cit. P. 34–35.
- ³³ См.: Сафронов А.В. Датировка... С. 9.
- ³⁴ Lackenbacher S., Malbran-Labat F. Op. cit. P. 34
- ³⁵ Bordreuil P., Pardee D., Hawley R. Une bibliothèque au sud de la ville***: Textes 1994–2002 en cunéiforme alphabétique de la Maison d'Ourtenou. Lyon, 2012. P. 147–150.
- ³⁶ Dietrich M., Loretz O. Der Untergang von Ugarit am 21. Januar 1192 v. Chr.? Der astronomisch-hepatoskopische Bericht KTU 1.78 (=RS 12.061) // *Ugarit-Forschungen*. 2002. Bd. 42. S. 71–72.
- ³⁷ См.: Сафронов А. В. Незамеченное свидетельство ... С. 31–35.
- ³⁸ Yon M., Arnold D. (dir.). Études ougaritiques, I: Travaux 1985–1995. Paris, 2004. P. 239–241.
- ³⁹ Lackenbacher S., Malbran-Labat F. Op. cit. P. 81–84.
- ⁴⁰ Bordreuil P. Quatre documents en cunéiformes alphabétiques inédits ou mal connus // *Semitica*. 1982. T. 32. P. 10–12.
- ⁴¹ Nougayrol J. Textes suméro-accadiens... P. 111–113.
- ⁴² Morris H. The Architecture of Imperialism. Military Bases and the Evolution of Foreign Policy in Egypt's New Kingdom. Leiden; Boston, 2005. P. 707.
- ⁴³ См.: Сафронов А. В. Где следует локализовать сухопутную битву Рамсеса III с «народом моря»? // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. : История и политические науки*. 2013. № 2. С. 35–37.
- ⁴⁴ Crown A.D. Tidings and Instructions: How News Travelled in the Ancient Near East // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 17, № 3. P. 263.
- ⁴⁵ См.: Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н.э.). СПб. : Петербургское востоковедение, 2001. С. 56–57.
- ⁴⁶ Там же. С. 32, 35.

Образец для цитирования:

Сафронов А. В. Новые данные о падении Угарита // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 454–458. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-454-458>

Cite this article as:

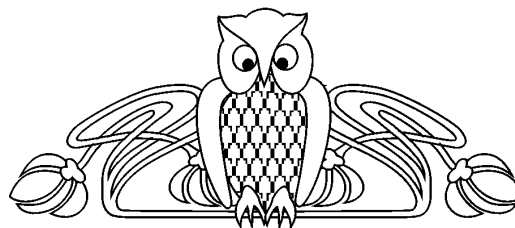
Safronov A. V. New Data on the Destruction of Ugarit. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 454–458 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-454-458>

УДК 94(3)

Свинец в античном судостроении

В. М. Петровский

Петровский Василий Михайлович, аспирант кафедры истории древнего мира, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, petrovskiyvm@yandex.ru

В статье рассматривается история использования свинца в античном судостроении. Автор констатирует, что удлинение торговых путей в VI–V вв. до н.э. потребовало создания нового типа торгового судна, которое могло дольше оставаться в море и нести больше груза. Решая проблему создания такого судна, античные судостроители столкнулись с рядом технических проблем. В их числе была защита подводной части корпуса судна от морских вредителей. Кроме того, требовалось подобрать материал для ряда вспомогательных деталей и механизмов – якорей, балансиров, труб и т. п., которые не могли быть изготовлены из дерева. Автор приходит к выводу, что, поскольку уровень развития металлургии в античное время был невысок, то свинец оказался единственным металлом, который по ряду причин стал широко использоваться в судостроении и оказал определенное влияние на его развитие.

Ключевые слова: античная торговля, торговые суда, свинец, металлообработка, судостроение.

Lead in Antique Shipbuilding

V. M. Petrovsky

Vasily M. Petrovskiy, <https://orcid.org/0000-0002-8191-0879>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, petrovskiyvm@yandex.ru

The article considers history of lead in the use of antique shipbuilding. The author shows that extension of trade routes in the 6th-5th centuries BC required the creation of a new type of merchant ship that could stay at sea longer and carry more cargo. Trying to solve the problem of creating such a ship, ancient shipbuilders faced a number of technical problems. Among these problems was the protection of the underwater hull from pests. In addition, it was required to pick up material for a number of auxiliary parts and mechanisms – anchors, balancers, pipes, etc. which could not be made of wood. The author concludes that level of development of metallurgy in ancient times was low, lead was the only metal that became widely used in shipbuilding. It became the second most important material of the ancient ship after the woods.

Keywords: antique trade, merchant ships, lead, metal processing, shipbuilding.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-459-464>

К началу V в. до н. э. с ростом количества торговых путей в Средиземном море, с увеличением их протяженности требовалось держать в море все больше торговых судов, маршруты их плавания удлинялись. Если до начала классиче-

ского периода количество торговых судов было заметно меньше¹, а их эксплуатация отличалась короткими плаваниями вдоль берега или между островами Эгейского моря, то теперь судно вынуждено было находиться в море месяцами без возможности вытащить его на берег. Такое длительное нахождение судна в воде выявило проблему – его подводная часть подвергалась разрушению древоточцем *Teredo navalis*. Этот моллюск отличается тем, что высверливает ходы в древесине, в том числе древесине подводной части кораблей, что, естественно, ведет к ее полному разрушению. Чем дольше судно находится в воде, тем быстрее придет в негодность его корпус.

Таким образом, перед античным мореплавателем встала задача избавиться от вредного воздействия древоточца. Известно, что он полностью отмирает в древесине корпуса судна в том случае, если судно вытаскивают на берег, также помогает перевод корабля на некоторое время из соленой в пресную воду. Восточное Средиземноморье, однако, практически не имеет крупных рек, в которые можно было регулярно вводить морские суда для уничтожения *Teredo navalis*. Вытаскивание на берег судна возможно только в крупных портах, там, где можно сформировать многочисленную команду, поскольку обычное для V в. до н. э. 25–30-тонное судно вытащить на берег силами его экипажа, состоящего, как правило, из 5–10 человек, невозможно. То есть оба способа вытравить уже паразитирующего на древесине вредителя были неприемлемы как с технической, так и экономической точки зрения. Тогда судостроители попытались решить эту проблему иначе – бороться не с уже попавшим внутрь корпуса паразитом, а отрезать древоточцу доступ к древесине корпуса судна, т. е. в определенный момент зародилась идея заключить подводную часть корпуса в обшивку из металла. Наиболее доступным в древности для этой цели оказался свинец. И, судя по тому, что нет никаких сведений (например, медью, как на судах Нового времени), свинец был единственным доступным по экономическим и технологическим соображениям металлом для этой цели. Тем более, что свинец был одним из древнейших металлов, открытых человеком. Легкость в обработке и относительно большая распространенность в природе привели к тому, что свинец в качестве

украшений был известен уже первым земледельческим поселениям на Ближнем Востоке и в Египте. Самые ранние, связанные с морским мотивом, образцы изделий из свинца относятся к III тыс. до н.э., это найденные в захоронении на о. Наксос модели трех лодок².

Месторождения свинца в древности были известны на Кипре, Родосе, в Троаде, Фессалии, вблизи Дельф и в Лаврионе, позже, с расцветом Римского государства, к ним добавились месторождения в Испании и Британии³.

Поскольку самородный свинец в природе встречается очень редко, то, как правило, античным горнякам приходилось иметь дело с теми или иными рудами, содержащими данный металл. Это в первую очередь галенит (PbS). Кроме того, некую часть потребляемого античной экономикой свинца давала добыча серебра, поскольку оба эти металла часто встречаются рядом. Таковыми были, например, рудники Лавриона, где добывалось в основном серебро, здесь оно входило в состав галенита⁴, то есть свинец был в некотором роде побочным материалом.

К началу классического периода месторождения свинца, методы его добычи и переработки были хорошо известны и информация о них дошла до нас в многочисленных литературных памятниках. В целом античные авторы дают похожее описание добычи этого металла. Им были известны все принятые в наше время методы извлечения металла из руды. Так, на территории Болгарии, в богатом металлургическом районе гор Странджа, современные исследователи обнаружили все формы горных выработок – шахты вертикальные и наклонные, штольни, шурфы и открытые карьеры, площадь последних достигала порой 1500 кв. м⁵.

Начиналась выработка месторождения, очевидно, как и в наше время, закладкой разведывательных шурфов, целью которых являлся поиск рудной жилы или пласта и их направлений. После того как тот или иной разведочный шурф обнаруживал жилу, рудокопы следовали по такой жиле до полного ее истощения. Вся рудоносная провинция при этом, как правило, изрывалась полностью. Например, на Лаврийских рудниках известно в настоящее время около 2000 древних шахт и штолен⁶. Здесь добывалось в основном серебро, а свинец шел в качестве побочного продукта. Существовали и чисто свинцовые рудники. Страбон сообщает о таковых в испанских Касталоне и Кантабрии (Strab. III. II. 10). Руда этих рудников содержала большое количество свинца при малом содержании серебра, так что этот свинец даже не очищали от серебра и пускали в производство как есть (Strab. III. II. 10).

Породу, извлеченную из рудника, дробили, затем промывали, пропуская воду через сито. Эту операцию повторяли 5 раз, получая таким образом все более мелко измельченную породу, из

которой легкие фракции постепенно уносились водой, оставляя на дне только самые тяжелые – свинец и серебро (Strab. III. II. 10). Поскольку температура плавления свинца и серебра разная (327°C и 962°C соответственно), то их легко разделяли, выплавляя сначала свинец. «Та жидкость, которая в печах течет первой, называется стагном, та, которая второй, – серебром, то, что остается в печах, – галеной, которая составляет третью часть положенной рудной жилы; она, после повторной плавки, дает черный свинец, лишившись двух девярых своих частей» (Plin. N. H. XXXIV. XLVII. 159).

Греки не различали свинец и молибден и оба эти металла обозначались одним словом – Μόλυβδος (Гомер использовал слово μόλυβδαίνα). Кроме того, они не различали природу свинца и олова, называя первый черным свинцом, а последний – белым (Plin. N. H. XXXIV. XLVII. 156). Белый свинец, точнее олово, носило название κασσίτερος. Римляне также считали олово и свинец родственными металлами и различали Plumbum album – «белый свинец», т. е. олово и Plumbum nigrum – «черный свинец». Причиной, по которой свинец и олово не различали, была не только их внешняя схожесть, но и то, что они легко вступали во взаимодействие друг с другом, образуя сплав. Такой сплав плавился уже при температуре 280°C при добавлении 15 % олова и при 191°C, если процент олова в сплаве достигал 61 %.

Таким образом, уже на раннем этапе развития античной техники был получен материал для пайки и антикоррозийной защиты. Особенно ценным это могло оказаться в судостроении, так как свинцовые листы, шедшие на обшивку подводной части, невозможно было соединить между собой обычной спайкой, полной герметичности шва можно добиться только пайкой свинцово-оловянным припоем. Известно, что такая пайка широко применялась в Древнем мире при изготовлении труб (Plin. N. H. XXXIV. XLVII. 160). Однако в настоящее время точно не установлено, применялась ли такая спайка и для подводной обшивки судов. Свинец в силу своей природы легко вступает в соединения со многими другими металлами, он же образует летучие соединения при плавке.

Летучесть паров свинца заметили и в Античности. Так, Витрувий сообщает, что пары свинца, оседая день ото дня на телах литейщиков «выжигают их кровь», что заметно по бледному цвету кожи этих мастеров (Vitruv. VIII. VI. 11). Он же не советует проводить воду по свинцовым трубам, а пользоваться глиняными. Однако в этом отношении будет справедливо следующее уточнение: если по свинцовой трубе некоторое время течет вода, то содержащиеся в ней элементы (например кальций), вступив в соединение с внутренней поверхностью свинцовой трубы, создают своего рода защитный слой и при даль-

нейшем использовании такой трубы текущая в ней вода уже не будет отравлена солями свинца⁷, что, впрочем, не отменяет летучести паров свинца, которые поднимаются в воздух при переплавке. Это уже в наше время привело к открытию отложений солей свинца в ледниках Гренландии, куда они попали воздушным путем при испарении во время переплавки. Соответственно, чем больше в античное время выплавлялось свинца, тем больше его солей оседало в ледниках. Поскольку керны, извлеченные из толщи ледников, датируются с точностью до одного года, то это позволило подробно датировать периоды зарождения свинцового производства, спады и подъемы в его обработке в античное время⁸.

После добычи руды и извлечения из нее свинца последний пускали в производство. Он использовался в самых различных отраслях хозяйства, в том числе и в судостроении. Из свинца делали не только обшивку, но и детали якорей, пластыри для заделки пробоин, грузила, посуду, элементы помп и насосов⁹.

Для производства якорей свинец применялся в период с VI в. до н. э. по I в. н. э. В этом случае он шел на изготовление штоков деревянного якоря. Наиболее древний тип штока получали путем заливки свинца в деревянный короб, который крепился к деревянному веретену якоря¹⁰. Впоследствии, примерно с начала II в. н. э., этот тип штока уступил место другому, при изготовлении которого деревянный короб уже не применялся, шток отливался в форму, а затем прикреплялся к веретену. Во время использования якоря свинец, таким образом, не был защищен деревянным коробом¹¹.

Самый ранний свинцовый наполнитель якорного штока найден среди обломков кораблекрушения *Von Porte* (Сан-Тропе, Франция), которое датируется примерно 530–525 гг. до н.э.¹² Вообще же количество находок тех или иных свинцовых частей деревянных якорей весьма велико, и сейчас ввиду того, что деревянные части были полностью уничтожены временем, являются единственной деталью, по которой можно восстановить типологию и хронологию античных деревянных якорей.

Количество якорей, которое несло судно на борту, не зависело от его тоннажа, размеров или грузоподъемности. Судя по находкам, по меркам того времени среднее судно могло быть оснащено пятью якорями, как, например, судно *Tektaş Vurgu*, погибшее примерно в 440–425 гг. до н.э. Однако сравнимое с ним по грузоподъемности (до 30 т) судно *Porticello* того же периода имело на борту всего один якорь¹³.

Вес свинцовых штоков варьировался значительно в зависимости от типа самого якоря. Так, на судне *Chrétienne-C*, погибшем примерно в 175–150 гг. до н. э., было найдено 3 якорных штока весом 104, 84 и 66 кг¹⁴. На судне *Mahdia*, погибшем около 120–80 гг. до н. э., были най-

дены 5 свинцовых штоков якорей, 2 из которых весили 628 и 695 кг¹⁵. Таким образом общий вес всех якорей (включая их деревянные части) на этом судне мог достигать 13 т, при том, что грузоподъемность самого судна достигала 120 т. Такая разница в весе объясняется тем, что, как и на парусных судах Нового времени, якоря различного размера служили разным целям. Более крупные якоря использовались для стоянки в тех местах, где дно моря состояло из грунтов, имевших слабую держащую силу (текучие илы, вязкие глины и т. п.), самые малые (так называемые верпы и верп-анкеры) – для маневрирования вблизи берега.

Однако наибольшего количества свинца среди всех деталей судна требовала его подводная обшивка. Для ее изготовления на деревянный корпус судна наносили слой просмоленной шерсти, льна или войлока, поверх него, очевидно, на свежую смолу прикрепляли тонкие, в 1–1,5 мм толщиной листы свинца и прибивали их к корпусу гвоздями. Дополнительно стыки листов обшивки пропаявались или особым образом соединялись загнутыми краями. Вся это служило одной цели – уберечь древесину корпуса от уничтожения моллюском *Teredo navalis*, чтобы продлить срок службы корабля¹⁶. Кроме того, свинцовая обшивка оберегала подводную часть корпуса от наростов морских организмов, которые со временем создавали плотную корку бактерий и водорослей, что увеличивало сопротивление воды и снижало скорость судна.

Свинцовые листы прикрепляли медными, бронзовыми или железными гвоздями, при этом под воздействием морской воды медь и свинец образовывали гальваническую пару, в которой анодом являлся свинец, в результате образовывался коррозионный элемент, и листы свинца вокруг медных гвоздей растворялись и начинали отваливаться. Для предотвращения коррозии античные судостроители покрывали свинцом и внешнюю часть шляпки медного гвоздя¹⁷. Что касается непосредственно самих листов, то характерный пример их дает изучение останков крушения античного судна, погибшего в начале III в. до н.э. в районе оз. Донузлав, на котором сохранились части свинцовой обшивки. Все 9 найденных листов имели размеры 60×50 см и толщину 1 мм. Большинство из них были пробиты гвоздями длиной до 28 см и с диаметром шляпки 16 мм. Расстояние между гвоздями составляло от 45 до 75 мм¹⁸. Гвозди были сделаны из бронзы, но сохранилось всего несколько штук, что говорит, скорее, о том, что прочие были не бронзовыми, а железными и не сохранились. Все остальные находки кораблекрушений того времени показывают схожую картину, т. е. лист свинца толщиной в 1–2 мм при площади самого листа около или чуть больше 1 кв. м¹⁹.

Общий вес обшивки зависел от размеров каждого конкретного судна и толщины свинцовых листов. Исследователи расходятся в оценках ее веса и считают, что среднее торговое судно длиной 14–18 м и при толщине свинцовых листов в 1 мм несло на себе свинцовую обшивку весом от 500 до 1000 кг²⁰. Другое исследование дает несколько иные расчеты. Если принять во внимание, что среднее по величине торговое судно длиной примерно 15–18 м, шириной 5–6 м несло на себе порядка 380–530 кг всевозможных свинцовых деталей и изделий, из них 185–285 были на борту судна, остальные ниже ватерлинии²¹. Более крупные суда, такие как *Grand Congloué*, длиной до 40 м, могли иметь обшивку общим весом в 4–5 т, хотя некоторые оценивают ее вес в 20 т²², что кажется несколько преувеличенным.

Самым ранним примером использования свинцовой обшивки может служить судно *Porticello* (415–385 гг. до н.э.), правда, оно было обшито свинцом не полностью, а частично²³. Возможно, это происходило в ходе ремонтных работ, которые производились на судне в период его службы, когда мастера заделывали свинцом участки корпуса, наиболее пораженные морскими вредителями. Пример полной обшивки, охватывающей всю подводную часть корпуса судна, зафиксирован на судне *Kyrenia*, погибшем в конце IV в. до н.э. Общий вес обшивки на нем, очевидно, достигал 1200 кг (вместе с весом просмоленного войлока и гвоздей)²⁴, что составляло менее 5 % полного водоизмещения (т. е. вес корпуса, груза, балласта и припасов) судна. Водоизмещение было рассчитано по его копии-реплике и составляло 31–32 т²⁵. Возможно, не будет большой ошибкой экстраполировать эти данные на все античные суда и предположить, что вес их обшивки варьировался в пределах 5 % от их полного водоизмещения.

С конца IV в. до н.э. свинцовая обшивка становится обычным приспособлением на судне и найдена практически на всех затонувших судах того периода. Исчезает она в I в. н.э. Увеселительные баржи, затонувшие на оз. Неми, стали последним примером использования свинцовой обшивки. Корпуса барж были обшиты сантиметровым слоем шерсти, поверх которой наложены тонкие (до 1 мм) листы свинца. Автор единственной работы, посвященной обшивке античных судов – *F. Nosker* – находит причину исчезновения этой традиции в изменении приемов в судостроении либо в изменении отношения судовладельца к кораблю, когда по тем или иным экономическим причинам не требуется долгий срок его службы, который обеспечивает обшивка. Если обратить внимание на упомянутую работу, посвященную датировке осадконакопления солей свинца в Гренландских ледниках, то можно заметить, что исчезнове-

ние свинцовой обшивки на судах совпадает по времени с резким падением уровня добычи свинца в самом начале I в. н.э.²⁶ Возможно, истощение рудников привело к удорожанию свинца, что послужило причиной отказа судовладельцев от обшивки судов.

Боевые корабли, судя по всему, свинцом не обшивались. Хотя на данный момент не известно ни одного исследованного боевого судна античного времени, некоторые косвенные признаки позволяют констатировать отсутствие обшивки на боевых кораблях. Так, например, в античных источниках описаны многочисленные примеры регулярного вытаскивания кораблей на берег, и даже их длительное хранение на суше. Тонкая свинцовая обшивка даже при однократном вытаскивании корабля на берег была бы непременно утрачена. Кроме того, пребывание корабля на суше уничтожало моллюска *Teredo navalis*, против которого и создавалась обшивка на торговых судах.

Следующим элементом судового снаряжения, в котором использовался свинец, были водоотливные насосы. Первое упоминание корабельных, трюмных помп – это «винт Архимеда», который применялся на корабле Гиерона I в Сиракузах около 250–220 гг. до н.э. Археологические свидетельства о существовании неких механизмов для откачивания воды найдены на кораблекрушениях судов, очевидно римских: *Cavaliere* (около 100 г. до н.э.), *Los Ullastres* и *Capde Volt* (оба погибли во второй половине I в. до н.э.). Все находки соответствуют простейшему типу помпы. Только в V в. н.э., на кораблекрушении *Port Vendres A* появилась помпа более сложного, поршневого типа²⁷. Во всех случаях сохранившиеся детали помп были выполнены из свинца. На *Los Ullastres* найдены две свинцовые трубы по обоим бортам судна, встроенные в дерево, что исключает их принадлежность к грузу, но оставляет открытым вопрос о том, являлись ли они элементом водоотливной системы или служили для чего-то иного. Известно, что Ктесибий Александрийский, живший в 284–221 гг. до н.э., изобрел поршневой насос, приводимый в действие мускульной силой для подъема воды из колодез. Аналогичный механизм мог быть вполне применен и для откачки воды из трюма судна (*Vitr.* X. 7–8).

Таким образом, можно считать, что механическая помпа была обычным механизмом на торговых судах, по крайней мере, со II в. до н.э. и была хорошо известна античным морякам. Кроме того, описания принципов их действия дошли и до наших дней (например у Афиня Механика в трактате «О машинах»).

Свинец широко использовался во множестве других элементов античного судна. Так, на *Kyrenia* было найдено 170 колец от люверсов – круглых отверстий по краю паруса, которые были укреплены свинцовыми кольцами, в

них пропускался канат, уменьшающий при необходимости площадь паруса. Свинец заливали в рукояти весел²⁸. Такие утяжелители были необходимы для того, чтобы уравновесить весло и сделать управление легче. Они изготавливались путем заливки расплавленного свинца в заранее просверленные отверстия в пятке весла (в случае с кормовыми веслами) или в его рукояти (в случае с гребными веслами). Хорошо сбалансированное кормовое весло всегда находилось в нужной позиции и не отнимало у рулевого много сил. Аналогично было сбалансировано свинцом и гребное весло. Оно опиралось на планширь, а большую длину его ствола, который выступал за борт, компенсировал большой вес рукояти со свинцовым утяжелителем. Использование такой конструкции на триере «Олимпия» позволяло гребцу заниматься только греблей и не тратить силы на удерживание самого весла от переваливания его через борт²⁹.

Из свинца производили и белила – широко используемую в судостроении краску, которая предохраняла дерево от влаги и морских организмов. О приготовлении свинцовых белил до нас дошли сведения от многих античных авторов и все они сводятся к тому, что небольшие бруски свинца помещали в закрытый сосуд вместе с уксусом. Через некоторое время уксусная кислота, вступая в реакцию со свинцом, образовывала ацетат свинца или свинцовую соль уксусной кислоты, которая выступала рыхлой массой на поверхности свинцового бруска. Эту массу соскребали, получая таким образом «белый свинец» – *ψιούθιον* (*Thphr.* 56), что буквально означает «белила». Если эти белила пережечь в печи, то образуется свинцовый сурик, материал для красной краски. Витрувий называл его *minium* (*Vitr.* VII. XII. 1-2).

Свинцовым суриком или свинцовыми белилами защищали от коррозии как дерево, так и железо, что было особенно актуально в море, где железо быстро корродирует. По сообщению Плиния, эти белила употребляли и для росписи кораблей (*Plin. N. H.* XXXV. 37). Геродот, описывая события на о. Самос в VI в. до н. э., упоминает, что все корабли в древности окрашивали в красный цвет суриком (*Hdt.* III. 58). Кроме того, свинец использовали в качестве скоб и заклепок, из него делали посуду и жаровни, некоторые детали украшений судов. Свинец был, без преувеличения, главным металлом античного судостроения, поскольку все остальные известные металлы в конструкции и оснастке судна представляли лишь в незначительных количествах. Небольшое, торговое судно античного времени длиной 15–18 м и шириной 5–6 м несло на себе 380–530 кг свинцовых деталей³⁰, большую часть занимала обшивка (200–250 кг).

Таким образом, наряду с изобретением свинцовой обшивки судостроители выяснили, что свинец не только прекрасно оберегает судно от

вредного воздействия древоточца *Teredo navalis* (срок службы античного торгового судна теперь мог доходить до 80 лет), но и служит надежным материалом для многих других узлов и деталей судна, от якорей до металлических труб. Ввиду дороговизны меди и бронзы и быстрой коррозии железа в воде свинец оказался единственным металлом, который широко использовался в судостроении на протяжении всего античного времени.

Примечания

- ¹ *Parker A. J.* Ancient Shipwrecks of the Mediterranean and the Roman Provinces. BAR International Series 580. Oxford, 1992. P. 10.
- ² *Gale Brown H.* A Study of Lead Ingot Cargoes from Ancient Mediterranean Shipwrecks. Texas A&M University. 2011. P. 22.
- ³ См.: *Ребрик Б. М.* У колыбели геологии и горного дела. М.: Недра, 1984. С. 52.
- ⁴ Там же. С. 53.
- ⁵ См.: *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Изд-во БАН Археологический институт, 1978. С. 38.
- ⁶ См.: *Ребрик Б. М.* Указ. соч. С. 68.
- ⁷ См.: *Голубев О. В., Карабасов Ю. С., Коротченко Н. А., Черноусов П. И.* Металлургия и время. Т. 1. Древний мир и раннее средневековье. М.: МИСиС, 2011. С. 99.
- ⁸ *Weiss D., Shotyk W.* Archives of Atmospheric Lead Pollution // *Naturwissenschaften.* 1999. Vol. 86.6. P. 236.
- ⁹ *Rosen B., Galili E.* Lead Use on Roman Ships and its Environmental Effects // *The International Journal of Nautical Archaeology.* 2007. P. 2.
- ¹⁰ *Kapitan G.* Ancient anchors – technology and classification // *2nd The International of Nautical Archaeology and Underwater Exploration.* Athens, 1984. Vol. 13, № 1. P. 40.
- ¹¹ *Ibid.* P. 41.
- ¹² *Joncheray J. P.* The 1974 Excavations on the Wreck of Bon Porté (6th century BC) // *The International Journal of Nautical Archaeology.* 1974. Vol. 5, № 88. P. 22.
- ¹³ *Carlson D. N.* The Classical Greek Shipwreck at Tektas Burnu, Turkey // *American Journal of Archaeology.* 2003. Vol. 107. P. 596.
- ¹⁴ *Joncheray J. P.* *Op. cit.* P. 107.
- ¹⁵ *Gale Brown H.* *Op. cit.* P. 31.
- ¹⁶ *Hocker F.* Lead Hull Sheathing in Antiquity // *3rd International Symposium on Ship Construction in Antiquity.* Athens, 1989. P. 199.
- ¹⁷ См.: *Бэкман В., Швенк В.* Катодная защита от коррозии. М.: Металлургия. 1984. С. 32.
- ¹⁸ См.: *Блаватский В. Д., Петерс Б. Г.* Кораблекрушение IV в. начала III в. до н. э. около Донузлава // *Советская археология.* 1969. № 3. С. 151.
- ¹⁹ *Rosen B., Galili E.* *Op. cit.* P. 6.
- ²⁰ *Gale Brown H.* *Op. cit.* P. 32.
- ²¹ *Rosen B., Galili E.* *Op. cit.* P. 5.
- ²² *Cousteau J. Y.* Fish Men Discover a 2200-year-old Greek

- ships // National Geographic. 1954. Vol. 105(1), № 1–36. P. 17.
- ²³ *Hocker F.* Op. cit. P. 199–200.
- ²⁴ *Steffy R.* The Kyrenia Ship : An Interim Report on Its Hull Construction // American Journal of Archaeology. 1985. № 1. P. 98.
- ²⁵ *Hocker F.* Op. cit. P. 206.
- ²⁶ *Weiss D., Shotyk W., Kempf O.* Op. cit. Fig. 1.
- ²⁷ *Parker A. J.* Op. cit. P. 330.
- ²⁸ *Rosen B., Galili E.* Op. cit. P. 2.
- ²⁹ *Моррисон Дж., Уильямс Р.* Греческие весельные корабли. История мореплавания и кораблестроения в Древней Греции. М. : Центрполиграф, 2014. С. 150.
- ³⁰ *Rosen B., Galili E.* Op. cit. P. 5.

Образец для цитирования:

Петровский В. М. Свинец в античном судостроении // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 459–464. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-459-464>

Cite this article as:

Petrovsky V. M. Lead in Antique Shipbuilding. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 459–464 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-459-464>

УДК 94(450).07

Старость по-венециански: секреты долголетия от Луиджи Корнаро

М. В. Третьякова

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, marinatretyakova@mail.ru

В статье рассматриваются советы Луиджи Корнаро, содержащиеся в его трактате о том, как прожить долгую и счастливую жизнь. Анализируя положения трактата Луиджи Корнаро, который неоднократно становился объектом изучения исследователей, автор статьи приходит к выводу о том, что его рекомендации отражали идеи античных и средневековых ученых по пропаганде умеренного питания, здорового образа жизни как факторов долголетия человека. Кроме того, идеи Луиджи Корнаро во многом предвосхитили положения современной геронтологии и диетологии.

Ключевые слова: трактат, Луиджи Корнаро, Венеция, XVI век, долголетие, правильное питание.

Old Age in Venetian: the Secrets of Longevity from Luigi Cornaro

M. V. Tretyakova

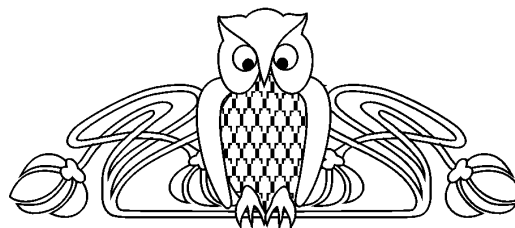
Marina V. Tretyakova, <https://orcid.org/0000-0002-6158-8800>, The National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, 36 K. Marx St., Arzamas, N. Novgorod region 607220, Russia, marinatretyakova@mail.ru

The article deals with the recommendations of Luigi Cornaro on how to live a long and happy life. The focus of the author's attention is the treatise of Luigi Cornaro, which has repeatedly become the object of study of researchers. Considering the provisions of the treatise by Luigi Cornaro, the author concludes that his recommendations reflect the ideas of ancient and medieval authors to promote moderate nutrition, healthy lifestyles as factors of human longevity. In addition, the ideas of Luigi Cornaro largely anticipated the position of modern gerontology and dietetics.

Keywords: treatise, Luigi Cornaro, Venice, XVI century, longevity, proper nutrition.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-465-471>

Когда доживаешь до определенного возраста, начинаешь задумываться о качестве жизни оставшегося времени своего существования, отмеренного судьбой. Возможно, так поступил и Луиджи (Альвизе) Корнаро, написав трактат «О том, как дожить до ста лет, или рассуждения о пользе умеренной жизни»¹. Биографы² Луиджи Корнаро пишут, что он был писателем, архитектором, меценатом³. Больше он известен своим трактатом, в котором пропагандировал здоровый образ жизни. В какой-то степени

пользу такой жизненной позиции доказывает и его портрет кисти Якопо Робусти (Тинторетто) (1518/1519–1594). Портрет был написан приблизительно в 1560–1562 гг. Ныне хранится во Флоренции в Палаццо Питти. На портрете изображен пожилой мужчина благородного вида, в относительно хорошей физической форме для своего возраста. Во всяком случае, дряхлым его назвать нельзя.

Место и год рождения Луиджи Корнаро вызывают споры. Англоязычные авторы пишут, что он родился в 1464-м или 1467 г. в г. Падуе в семье владельца постоянного двора, что Луиджи Корнаро пытался всячески доказать свою принадлежность к семейству Корнаро (Корнаро (Корнер) – патрицианский род Венеции. Относятся к «case vecchie» («евангелическим» фамилиям) венецианского патрициата. Род Корнаро (Корнер) имеет четыре ветви: самая древняя *Corner della Piscopia* (Пископия) ведет свое происхождение со времен XIV в., свое название получила от *Piscopi* (ныне Епископи недалеко от Лимасола на Кипре, остальные ветви ввели свой род от троих сыновей Джорджо, брата Катерины Корнаро, королевы Кипра, ветви именовались – ветви (*rami*) «di San Polo» (Сан Поло), di «San Maurizio» (Сан-Маурицио) и di «San Cassiano» (Сан-Кассьяно), их иногда именуют одной ветвью – делла Регина («*Corner della Regina*»). Позже ветвь Сан-Маурицио стала называться Корнаро делла Каса Гранде («*Corner della Ca'Granda*»). Среди представителей семьи Корнаро были военные, прелаты, писатели, политики и даже четыре дожа: Марко Корнаро (1365–1368), Джованни I Корнаро (1625–1629), Франческо Корнаро (17 мая – 5 июня 1656 г.), Джованни II Корнаро (1709–1722). Самой известной представительницей фамилии была Катерина Корнаро (1454–1510), королева Кипра.

По легенде Корнаро ведут свой род от римских Корнелиев, в реальности происходят от семей Коронари из Римини и Гирландари из Флоренции. Значение фамилий объясняет первоначальный род занятий семьи: они производили короны и гилянды, в том числе и из драгоценных камней. Семья разбогатела за счет торговли с Востоком⁴, но не преуспела в этом⁵. Некоторые итальяноязычные авторы⁶ считают, что Луиджи Корнаро родился в 1484 г. в Венеции в приходе церкви Сан Бартоломео, что расположена в сестииере Сан Марко, в семье Антонио ди Джакомо и Анжелиеры Анжелиери

(Angeliera Angelieri). Дата и место смерти Луиджи Корнаро не вызывает у исследователей разногласия, все они сходятся в том, что он умер 8 мая 1566 г. в Падуе. Разночтения в дате рождения и строки его трактата приводят к тому, что указывается по-разному и продолжительность его жизни – 82, 86, 91, 95, 98⁷, 102⁸ года. Во всяком случае, Э. Менегатто полагает, что Корнаро завысил свой возраст лет на двадцать⁹. В своем трактате Луиджи Корнаро указывает, что он достигал таких рубежей возраста – 56, 70, 74, 80, 83, 86, 91 и 95 лет, да и вообще собирался прожить 100 лет, нисколько не сомневаясь в этом. В любом случае точно узнать продолжительность его жизни достаточно проблематично. Если взять за отсчет 1464 г., то тогда он прожил 98 лет, если брать 1467 г., то – 95 лет, если 1484 г. – то 82 года. Если верить Корнаро, то по современным меркам его можно считать долгожителем. К ним относят людей, проживших более 90 лет. Средняя продолжительность жизни современного итальянца – 83 года. Другое дело, что в Венеции молодость не всегда предпочтительна, если речь идет о замещении магистратур. Войти в состав Большого совета можно лишь по достижении 25-летнего возраста. В виде исключения и за деньги – в 20 лет. Стать дипломатом разрешалось после 38 лет. Для того чтобы иметь возможность стать дожем, нужно было иметь возраст хорошо за 60. Возможно, что существовали какие-то возрастные ограничения и для представителей ненобильских фамилий в Венеции. Мы не располагаем сведениями о том, насколько жизненно активны и адекватны в своем поведении были эти люди, в преклонном возрасте занимающиеся разными видами политической деятельности. Если судить по трактату Луиджи Корнаро, то особых проблем возраст ему не доставлял.

О собственной семье Луиджи Корнаро известно, что он в 1517 г. женился на Веронике Агудже (Agugia), иногда называют другую фамилию жены Корнаро – Spiltemberg. Она пережила на несколько лет своего мужа. В браке родилась единственная дочь Кьяра, которая вышла замуж за Джованни Корнаро, принадлежавшего к Кипрской ветви (Пископия) семьи Корнаро¹⁰. Таким образом, можно сказать, что все-таки Луиджи Корнаро (хоть и косвенно) оказался причастным к нобилитету Венеции.

Из предпочтений Луиджи Корнаро выделяют его интерес к сельскому хозяйству, гидравлике, архитектуре, театральному делу¹¹. Как обмечают исследователи, Луиджи Корнаро не от хорошей жизни стал проповедовать правильное (вернее, умеренное) питание¹² и здоровый образ жизни. По его словам, когда он достиг возраста (в разных местах он пишет о разных периодах своей жизни – между 30 и 40 годами, в 35 лет) между 35 и 40 годами, состояние его организма было ужасно: его одоле-

ли подагра, колики, имелись и другие проблемы с желудочно-кишечным трактом, т. е. заболевания, являвшиеся следствием неумеренного потребления пищи и напитков. Обращение к врачам привело его к мысли о том, что нужно менять привычки. Рекомендации врачей свелись к тому, что он «должен употреблять пищу твердую или жидкую, как это обычно предписывается больным» и небольшими порциями. Следование этим советам имело положительный результат. По свидетельству Корнаро, облегчение наступило через несколько дней, а окончательное излечение – «менее чем через год», когда он почувствовал себя «полностью освобожденным от всех жалоб»¹³.

В данном случае он поступил исключительно по-мужски, опасаясь за свою жизнь. Но в отличие от большинства, которые испугавшись, садятся на диету, а потом возвращаются к ведению привычного образа жизни, Луиджи Корнаро всю оставшуюся жизнь придерживался правила – соблюдать умеренность в еде и напитках. Правда, в какое-то время он прислушался к окружающим и «чтобы порадовать свою семью», увеличил рацион на несколько унций – обычный объем его еды составлял 12 унций, а вина 14 унций, а так он, идя на поводу у своего окружения, увеличил объем порции до 14 унций, а объем вина – до 16 унций. Закончилось все плохо, организм не вынес изменений в рационе, и, переболев, Луиджи Корнаро вернулся к привычному для себя режиму питания. Он пишет, что увеличение рациона отрицательно сказалось не только на его физическом самочувствии, но и на эмоциональном («Это увеличение за восемь дней произвело на меня такое впечатление, что я, будучи веселым и бодрым, стал раздражительным и меланхоличным, так что ничто не могло меня обрадовать. На двенадцатый день на меня напала сильная боль в боку, которая длилась двадцать два часа и сопровождалась лихорадкой, которая продолжалась тридцать пять дней без передышки, так что все смотрели на меня как на мертвеца; но, слава богу, я выздоровел, и я уверен, что это была великая закономерность»¹⁴).

Интересны доводы Луиджи Корнаро в пользу умеренного потребления пищи. Отстаивая собственную позицию перед своим окружением, он прибегает к пословицам: «Кто много ест, тот мало ест; малое делает жизнь долгой, и, живя долго, он должен много есть» и «то, что мы оставляем после сытной трапезы, приносит нам больше пользы, чем то, что мы съели»¹⁵. Последнее высказывание вполне в духе выражения Галена «Вставайте из-за стола слегка голодными, и вы будете всегда здоровы».

Кроме того, по мнению Луиджи Корнаро, именно его умеренное питание фактически помогло ему выжить после несчастного случая, в который он попал в возрасте 70 лет (он

пострадал во время поездки в карете, лошади которой понесли). После того, как карету оставили, у Корнаро были ушибы, вывихи ноги и руки. Врачи, видя его тяжелое состояние, решили, что через 3 дня он умрет и, чтобы облегчить его страдания, прописали кровопускание и очищение. Корнаро предложил свой способ лечения себя, который свелся к тому, что руку и ногу вправили и место ушибов смазали маслом. Такое решение он объяснил тем, что «из-за трезвой жизни, которую я прожил столько лет, моя кровь была в хорошем и чистом состоянии» и, следовательно, ему не нужны ни очищение организма, ни флеботомия. Последствий аварии для его организма не было. Рассказывая об этом случае, Корнаро резюмирует: «Тот, кто ведет трезвую и размеренную жизнь и не совершает излишеств в своем питании, мало страдает от психических расстройств или внешних несчастных случаев»¹⁶.

Прежде чем остановиться на меню Луиджи Корнаро, следует отметить, что к такому рациону он пришел методом проб. Главный принцип, положенный в основу питания, определенный Корнаро, гласил: «Необходимо, чтобы люди жили в соответствии с простотой, продиктованной природой, которая учит нас довольствоваться малым и приучать себя есть не больше, чем это необходимо для поддержания жизни, помня, что все лишнее вызывает болезни и приводит к смерти»¹⁷. Пробуя разные продукты и вина, он пришел к выводу о том, что ему подходят молодые вина и не все блюда полезны.

Переходя на новый рацион питания, Корнаро решал проблему, чем руководствоваться в этом переходе: народной мудростью или предпочтениями собственного организма. Оказалось, что народный опыт лишь частично может быть применен на практике. Рекомендации в соответствии с пословицами – «Что бы не нравилось вкусу, должно соглашаться с желудком», или «Что бы не было вкусным, должно быть полезным и питательным» – в его случае оказались неверными, ибо, как он пишет, «многие вещи, которые радовали мое небо, не соглашались с моим желудком»¹⁸. Поэтому, выбирая мясо и вина, Корнаро остановился на тех, которые не вызывали раздражения его желудка. Зато ему подошла другая пословица: «Человек, чтобы посоветоваться со своим здоровьем, должен проверить свой аппетит»¹⁹. В конечном итоге он понял, что для него оптимальным вариантом питания будет тот набор продуктов и блюд, что переносит его желудок.

По словам Корнаро, обычно стараются рекомендовать «Единственное правило, которое должно соблюдать в еде и питье, – это количество, а не качество»²⁰, но для некоторых людей, к которым он отнес и себя, значение имеет и качество питания. Отсюда еще один критерий питания для него – это продукты, «которые просты и

легко усваиваются»²¹. Он делает вывод, что для умеренного питания важны и количество, и качество потребляемого²².

Луиджи Корнаро настоятельно советует всем прислушиваться к своему организму и употреблять в пищу то, что полезно для каждого индивидуально. Он пишет, что любой человек лучше, чем врач, знает свой организм и, следовательно, может найти собственный способ преодолеть недуг. В итоге его меню состояло из хлеба, панадо (panado), яиц (желтков), и супов. Из мяса в его питании были мясо козленка и баранина, мясо птицы всех видов, а также морская и речная рыба. Правда, он пишет, что «некоторые люди слишком бедны, чтобы позволить себе такую пищу, но они могут позволить себе иметь в питании хлеб, панадо, яйца, молоко и овощи»²³. По словам Корнаро, «чистый хлеб – лучшая еда для человека, а натуральный соус – хороший аппетит»²⁴.

Особое место в меню Корнаро занимало блюдо под названием «panada», или «panado». Это не что иное, как хлебный суп. Он готовился из черствого хлеба, который варили в воде или в другой жидкости. Добавки могли быть самыми разными. В английской кухне в блюдо добавляли сахар, изюм, мускатный орех и т. п. Считалось, что это легкое блюдо, пригодное для больных и роженцев. Во французской кухне в это блюдо добавляли сливочное масло, молоко, сливки или желтки яиц. На северо-востоке Италии оно считалось недорогой едой в бедных районах сельской местности. Блюдо сдабривалось яйцами, говяжьим бульоном, посыпалось тертым сыром. Здесь это блюдо также считалось едой для пожилых людей или больных. В испанской кухне хлеб варился или в воде, или в молоке и тоже приправлялся различными ингредиентами.

Режим питания Луиджи Корнаро менялся в зависимости от его возраста. Он пишет, что когда он был моложе, то питался 2 раза в день, когда стал старше, то есть стал 4 раза в день²⁵. С точки зрения современной диетологии, вполне приемлемый вариант питания, хотя и несколько однообразный. В меню есть и белки, причем диетическое мясо, рыба, углеводы, жиры. Если говорить о яйцах – это идеальный продукт. Они усваиваются на 97–98 %. Можно было бы добавить витаминов в виде овощей и фруктов. Исключение, наверное, составляет одна рекомендация Корнаро, связанная с тем, что чем старше человек становится, тем меньше ему пищи нужно. По его словам, «желток яйца и несколько ложек молока с хлебом вполне достаточны в течение двадцати четырех часов»²⁶.

Насколько оригинален был в организации своего питания Корнаро? И да, и нет. Он следует методике Галена, медиков школы Салерно, пропагандирующих диеты. Неслучайно, в XVII в. трактат Корнаро был напечатан вместе с положениями школы Салерно²⁷. Положения

Корнаро напоминают положения широко популярного в Западной Европе трактата²⁸ «*Tacuinum sanitatis*»²⁹, написанного в конце XIV в.³⁰ В этом трактате выделено 6 условий сохранения здоровья: потребление достаточного количества еды и напитков в умеренных количествах, наличие свежего воздуха, чередование активности и отдыха, чередование сна и бодрствования, особое внимание уделялось секрети и экскреции, а также мыслительной деятельности. В своем трактате Луиджи Корнаро упоминает Галена, Исократа, Цицерона, писавших о долголетию. Отметим, что Гален (129 или 131 – 200 или 217 г.) прожил 86 лет, Исократ (436 до н. э. – 338 г. до н. э.) – 98 лет (и свою последнюю речь он написал в возрасте 97 лет), Цицерон (106 г. до н.э. – 43 г. до н. э.) – был убит в 63 года.

Современными примерами для подражания для Корнаро являлись папа Павел III и кардинал Бембо. Павел III (в миру Алессандро Фарнезе (1468–1549) прожил 81 год, кардинал Пьетро Бембо (1470–1547) – 77 лет. Поскольку Луиджи Корнаро был тесно связан с Бембо, то, возможно, этим и объясняется упоминание своего патрона на страницах трактата, как некий оммаж. Кардиналат Бембо получил в период понтификата Павла III и, видимо, этим можно объяснить и появление его имени на страницах трактата Корнаро. Правда, с нашей точки зрения, логичнее было бы, если бы Корнаро упомянул отца кардинала Бембо – Бернардо Бембо (1433–1519), гуманиста, государственного деятеля Венеции, который так же, как и его сын, был связан с Падуей. И он прожил 86 лет.

Основные правила поведения от Луиджи Корнаро будут состоять из следующих положений: во-первых, нужно есть столько, сколько может переварить желудок, и есть нужно то, что подходит каждому персонально; во-вторых, следует избегать (насколько это возможно) жары, холода, плохого воздуха; в-третьих, стараться не испытывать «необычайной усталости» и не нарушать обычных часов отдыха; в-четвертых, не попадать в стрессовые ситуации и не испытывать негативных эмоций. Правда, он пишет, что ему не всегда удавалось избежать «меланхолии, ненависти и других жестоких страстей», но он заметил и то, что действие этих сил «не имеют большого влияния на тела, управляемые двумя вышеупомянутыми правилами еды и питья»³¹.

Именно умеренность в еде и правильный образ жизни дали ему возможность дожить до глубокой старости, сохранив физическую форму, а именно – зубы, подвижность тела, мелодичность и звонкость голоса (во всяком случае, Корнаро хвалится, что его голос не потерял свою мелодию и он может петь молитвы, а не шептать, шамкая, их), а также ясность ума. Умеренный образ жизни способствовал тому, что его организм смог лучше приспособиться к стрессу. А самое главное, его не страшат ни

старость, ни грядущая смерть. Отвечая своим оппонентам, утверждавшим, что долгая жизнь – не есть «великое благо» и что состояние человека, которому исполнилось 75 лет, нельзя назвать жизнью, он пишет, что такое утверждение неправильно, и что старость – это особый период возраста, в котором можно тоже наслаждаться жизнью, и который «из всех других наиболее желателен».

По словам Корнаро, наслаждение в этом возрасте он получает от следующих вещей. Во-первых, от своего физического состояния. Он считает, что находится в прекрасной физической форме и хорошем расположении духа. Корнаро пишет, что «без посторонней помощи садится на лошадь, с легкостью поднимается по лестнице и взбирается на холм»³². Он всегда пребывает в хорошем расположении духа – весел и добродушен; его ум всегда безмятежен.

Во-вторых, он может себе позволить проводить свое время так, чтобы никогда не уставать от жизни: наслаждаясь обществом и беседами с интеллектуалами, за чтением хороших книг, сочинением своих собственных произведений.

В-третьих, особое значение для Корнаро имеет и место, где он живет. По его словам, всем этим он занимается, «живя в приятном доме в самом красивом квартале этого благородного города Падуи». Особо он оговаривает и то, что у него есть «свои сады с приятными ручьями, и где он «всегда находит, чем заняться»³³.

Известно, что в доме Луиджи Корнаро в Падуе с начала 20-х гг. XVI в. и до своей смерти жил Джованни Мария Фальконетто (ок. 1468–1535), архитектор, художник. В 1524 г. он возвел лоджию для Корнаро. Постройка имитировала античный театр и была сооружена для театральных представлений. В саду рядом с лоджией Корнаро был также возведен Одеон Корнаро. Кроме того, Фальконетто для Корнаро построил виллу в Эсте, недалеко от Падуи. Есть также документальные свидетельства о его фресках в доме Корнаро в Падуе, не сохранившихся до наших дней. О том, что в доме Корнаро работал и жил Джованни Мария Фальконетто, писал Джорджо Вазари³⁴. Исследователи полагают, что Луиджи Корнаро был знаком и, возможно, мог оказать влияние на молодого архитектора Андреа Палладио. Собственные взгляды Корнаро на архитектуру были им изложены в его трактате «*Trattato dell' Architettura*».

Еще одним видом наслаждения для Луиджи Корнаро является здоровый сон. Он пишет: «Смена кроватей не доставляет мне никакого беспокойства: я могу спать везде крепко и спокойно, и мои сны приятны и восхитительны»³⁵.

Удовлетворение и удовольствие Корнаро получает также от того, что у него есть большая семья. По его словам, когда он возвращается домой, его ждут 11 внуков: «Я вижу своего рода бессмертие в чередующихся потомков; ибо, как только я

возвращаюсь домой, я вижу перед собой не одного или двух, а одиннадцать внуков, самому старшему из которых восемнадцать, все потомство одного отца и матери, и все они благословлены хорошим здоровьем. С некоторыми из младших я играю; с теми, кто старше, я становлюсь товарищами; и, поскольку природа даровала им хорошие голоса, я развлекаюсь, слушая, как они поют и играют на разных инструментах. Нет, я пою сам, потому что голос у меня теперь лучше, яснее и громче, чем в любой другой период моей жизни»³⁶.

Кроме того, физическая форма и внутреннее душевное спокойствие позволяют ему заниматься любимым делом – писать. Так, он сообщает, что в свои «восемьдесят три года смог написать занимательную комедию, изобилующую невинным весельем и приятными шутками»³⁷.

Карнаро подвергли освидетельствованию медики и философы, которые пришли к выводу о том, что он находится в прекрасной форме, и что его образ жизни может быть примером для подражания, особенно для молодых людей. Следуя его диете, они смогут прожить долгую и счастливую жизнь на пользу обществу и семье. Показательно перечисление видов деятельности Луиджи Корнаро, о которых была осведомлена комиссия: он «каждый день по восемь часов собственноручно писал трактаты на темы, полезные человечеству, и еще много времени проводил в ходьбе и пении»³⁸.

В ответ на замечание одного из членов комиссии о том, что следовать правилу умеренного питания непросто, Луиджи Корнаро ответил, что чем больше препятствий преодолевает человек, тем больше он вызывает восхищения, и что и ему в свое время пришлось преодолевать подобные трудности. Но его всегда подстегивала мысль, что «чем больше препятствий преодолено, тем больше честь и польза»³⁹.

Фактически Луиджи Корнаро поет оду старости, вернее, в каждом возрасте ищет свои прелести и недостатки в соответствии с постулатами античных философов и гуманистов. Для него старость – один из этапов жизни человека. Достоинство старости состоит в том, что это – «время жизни, в котором благоразумие может быть проявлено наилучшим образом»⁴⁰.

С другой стороны, Карнаро сознает, что чаще всего старость ассоциируется с немощью, болью, одиночеством, трудностями. Но, тем не менее, свою жизнь, «полную истинного удовольствия» в старости, которой он достиг благодаря умеренному питанию, он противопоставляет «жизни большинства стариков, полной боли»⁴¹.

Подводя итог своему жизненному пути, Корнаро пишет, что его состояние физическое и душевное приносит пользу стране – Венеции, семье, ему лично. Он убежден в том, что его предложения способствовали качественному улучшению больших участков земли за счет бо-

нификации болот и бесплодных песчаных почв, которые были введены в сельскохозяйственный оборот Венецианской республики. Также его предложения касались улучшения эстуария Венеции, ее укреплений. Корнаро горд, что и так красивый город – Венеция – Владычица моря – стала еще краше благодаря его стараниям.

Кроме того, Корнаро нашел способ выйти из затруднительного положения для семьи. По его словам, «некоторое время назад я потерял большую часть своего дохода, из-за чего мои внуки потерпели бы большие убытки. Но я, только силой мысли, нашел истинный и непогрешимый способ восполнить эту потерю более чем в два раза, разумным использованием этого самого похвального искусства – сельского хозяйства»⁴².

Для Корнаро важно ощущать свою значимость и полезность для других. Он это видит в пользе и востребованности своего трактата. Причем ему важно публичное одобрение. Неслучайно, он пишет о том, что для него «большое утешение – думать, что мой Трактат о воздержании действительно полезен, так как многие уверяют меня из уст в уста, а другие – в письме»⁴³, он «рад возможности писать и, таким образом, служить себе и другим; и удовлетворению, которое получает от общения с людьми, от которых узнает что-то новое»⁴⁴. Корнаро восклицает: «Какое же это утешение, что, будучи старым, я могу, не утомляясь ни разумом, ни телом, быть полностью занятым и изучать важные, трудные и возвышенные предметы»⁴⁵.

Кроме того, будучи в возрасте, естественно, Корнаро задумывается о смерти. К ней он относится философски и утверждает, что у него есть две жизни: первая, земная, которая реальна и которую он ведет, и вторая – небесная, которая у него в мыслях и к которой он перейдет после угасания его бренного тела. Отсюда проистекает его уверенность «через бесконечную милость и благость Бога» в «вечной жизни». Корнаро считает, что «смерть, как я ожидаю, на самом деле не смерть, а переход души из этой земной жизни в небесное, бессмертное и бесконечно совершенное существование»⁴⁶. Он убежден, что ему удастся избежать «той боли и мучений, которые испытывают большинство людей, когда умирают»⁴⁷, его образ жизни даст ему возможность «умереть без боли или болезни», и добавляет, что не только он один может иметь такую возможность, но и те, «кто будет вести трезвую жизнь, будь они богаты или бедны»⁴⁸.

Правда, все-таки Корнаро надеется, что он еще «долго проживет в здравии и сможет наслаждаться этим прекрасным миром», но подчеркивает, что мир прекрасен действительно лишь для тех, кто «в силу умеренности и добродетели наслаждается здоровьем тела и ума».

Что касается его лично, то в своем преклонном возрасте (86 лет) он может похвастаться отличным самочувствием, сохранностью зубов,

звонкостью голоса, твердостью памяти, здоровым сердцем, ясным умом. По его словам, изменений в худшую сторону этих показателей его здоровья по мере старения его организма не происходит, и исключительно от того, что с возрастом его рацион питания в количественном отношении становится все меньше. Его меню – небольшое количество пищи: «желток яйца и несколько ложек молока с хлебом вполне достаточны в течение двадцати четырех часов; большее количество, скорее всего, вызовет боль и сократит жизнь»⁴⁹.

Следует отметить, что Корнаро знает, что его оппоненты утверждают обратное, приводя различные доводы в защиту того, что необязательно придерживаться умеренности в питании, чтобы прожить долго⁵⁰.

С точки зрения современной геронтологии, базовыми факторами долголетия являются правильное сбалансированное питание, употребление экологических чистых продуктов, усиленная физическая активность, интеллектуальная деятельность, освоение нового, включенность в дела семьи, занятие любимым делом, чувство своей нужности. Фактически все это перечислено в трактате Луиджи Корнаро.

Таким образом, Луиджи Корнаро вполне можно назвать предтечей врача-геронтолога и гештальт-терапевта. В его трактате названы все основные составляющие компоненты жизни современных долгожителей: правильное (здоровое) питание, дробное и необременительное для желудка, физические нагрузки, включенность в жизнь семьи, наличие любимого дела (занятия), хобби, чувство значимости своего существования, понимание и принятие конечности жизни. Его жизненный оптимизм являлся еще одним фактором долголетия. И, естественно, интеллектуальные штудии. Правда, простым советам всегда трудно следовать.

Примечания

- ¹ *Cornaro L. Discourses on the sober life (Discorsi della vita sobria) Being the personal narrative of Luigi Cornaro (1467–1566, A. D.). New York : Thomas Y. Crowell Company Publishers, 1916.*
- ² *Gable C. I. Alvise Cornaro // Gable C. I. Art and Architecture of Venice. The vision and patronage of the Cornaro family provides a window into the fascinating art and architecture of the Most Serene Republic. URL: <http://www.boglewood.com/cornaro/xb26.html> (дата обращения: 23.02.2019).*
- ³ *Cornaro Luigi (1467–1566) // The Encyclopaedia Britannica : a dictionary of arts, sciences, literature and general information 7 (11th ed.) / ed. Chisholm Hugh. Cambridge Cambridge University Press. 1911. P. 163. URL: https://en.wikisource.org/wiki/1911_Encyclop%C3%A9dia_Britannica/Cornaro,_Luigi (дата обращения: 09.02.2019).*
- ⁴ *Gable C. I. Art and Architecture of Venice. The vision and patronage of the Cornaro family provides a window into the fascinating art and architecture of the Most Serene Republic. URL: <http://www.boglewood.com/cornaro/xb26.html> (дата обращения: 23.02.2019).*
- ⁵ *Introduction // Cornaro L. Discourses on the sober life (Discorsi della vita sobria) Being the personal narrative of Luigi Cornaro (1467–1566, A. D.). New York : Thomas Y. Crowell Company Publishers, 1916. P. 8.*
- ⁶ *Gullino G. CORNER, Alvise // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 29. Treccani, 1983. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/alvise-corner_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 09.02.2019).*
- ⁷ *Introduction ... P. 12.*
- ⁸ *Ibid. P. 13.*
- ⁹ *Menegazzo E. Colonna, Folengo, Ruzante e Cornaro : Ricerche, testi e documenti. Rome and Padua : Editrice Antenore, 2001. 138 p.*
- ¹⁰ *Introduction ... P. 8.*
- ¹¹ *Ibid. P. 18–12.*
- ¹² *Everitt A. V., Heilbronn L. K., Le Couteur D. G. Food Intake, Life Style, Aging and Human Longevity // Calorie Restriction, Aging and Longevity / eds. A. V. Everitt, S. I. S. Rattan, D. G. Le Couteur, R. N. Y. de Cabo. Springer, 2010. P. 15–41.*
- ¹³ *Cornaro L. Discourses on the sober life... P. 19.*
- ¹⁴ *Ibid. P. 24–25.*
- ¹⁵ *Ibid. P. 24.*
- ¹⁶ *Ibid. P. 23.*
- ¹⁷ *Ibid. P. 16.*
- ¹⁸ *Ibid. P. 19–20.*
- ¹⁹ *Ibid. P. 20.*
- ²⁰ *Ibid. P. 29.*
- ²¹ *Ibid.*
- ²² *Ibid. P. 40.*
- ²³ *Ibid. P. 46.*
- ²⁴ *Ibid. P. 45.*
- ²⁵ *Ibid.*
- ²⁶ *Ibid. P. 39.*
- ²⁷ *Cornaro L. Discorsi della vita sobria // La Scuola salernitana per acquistare, e custodire la sanità, tradotta fedelmente dal verso latino in terza rima piaceuole volgare, dall'incognito Academico Viuo Morto. Con li Discorsi della vita sobria del signor Luigi Cornaro. Venetia : Appresso Benedetto Miloco, 1677. P. 68–120.*
- ²⁸ *Cogliati Arano L. The Medieval Health Handbook. Tacuinum Sanitatis. New York : George Braziller, 1976. 207 p.*
- ²⁹ *Tacuinum sanitatis. URL: <https://www.moleiro.com/en/books-of-medicine/tacuinum-sanitatis.html> (дата обращения: 23.02.2019).*
- ³⁰ *Poirion D., Thomasset C. L'art de vivre au Moyen âge. Paris : Editions du Félin, 1995.*
- ³¹ *Cornaro L. Discourses on the sober life... P. 21.*
- ³² *Ibid. P. 31.*
- ³³ *Ibid. P. 32.*
- ³⁴ *Вазари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих : в 5 т. М. : Искусство, 1970. Т. III. С. 570–576.*

³⁵ *Cornaro L.* Discourses on the sober life... P. 32.

³⁶ Ibid. P. 34.

³⁷ Ibid. P. 33.

³⁸ Ibid. P. 50.

³⁹ Ibid. P. 53.

⁴⁰ Ibid. P. 16–17.

⁴¹ Ibid. P. 60.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid. P. 61.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid. P. 62.

⁴⁷ Ibid. P. 35, 62.

⁴⁸ Ibid. P. 39.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

Образец для цитирования:

Третьякова М. В. Старость по-венециански: секреты долголетия от Луиджи Корнаро // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 465–471. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-465-471>

Cite this article as:

Tretyakova M. V. Old Age in Venetian: the Secrets of Longevity from Luigi Cornaro. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 465–471 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-465-471>

УДК 94.63.3(0)4

Преступления в Лондоне середины XIV–XV веков

М. Н. Булаева

Булаева Марина Николаевна, аспирант кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, bulaewa64@gmail.com

В статье рассматриваются преступления в Лондоне в период позднего Средневековья. Выявляются различные факторы, оказавшие влияние на проявление преступных наклонностей у горожан. Из всех видов преступлений, совершенных в городе, особое внимание уделяется наиболее общественно опасным и тяжким: государственной измене, мятежу и ереси.

Ключевые слова: Лондон, XIV–XV вв., преступление, наказание, казнь, государственная измена, ересь, мятеж, убийство, мошенничество, кража со взломом, повешение.

Crimes in London in the Middle of the XIV–XV Centuries

M. N. Bulaeva

Marina N. Bulaeva, <https://orcid.org/0000-0001-6568-8553>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, bulaewa64@gmail.com

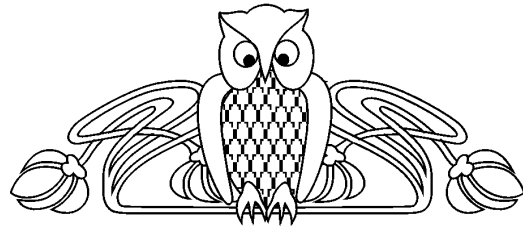
The article is devoted to London crimes in late Medieval period. Various factors that influenced the manifestation of criminal inclinations among citizens are considered. From all of the crimes committed in London the author divided them into categories. The author pays special attention to the most socially dangerous and serious crimes: treason, rebellion and heresy.

Keywords: London, XIV–XV centuries, crime, penalty, the High treason, heresy, rebellion, murder, fraud, burglary, hanging.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-472-479>

В последние десятилетия и зарубежные, и отечественные медиэвисты стали проявлять все больший интерес к истории права в разных ее аспектах. В силу того места, которое занимал город в средневековом социуме, и той преобразующей роли, которую он играл, нельзя обойти вниманием эту сферу городского бытия, сложного из-за социальной и функциональной пестроты его самого и его связей с окружающей общественной средой¹. Изучение преступлений и санкций за их совершение, которые выступают наиболее универсальными формами проявления правовой культуры в городе, обогащает «наши представления о формах криминальности, об отношении средневекового человека к разным сферам жизни, о глубинных биосоциальных основах отклонений в его действиях»².

Для Лондона, как и для Англии в целом, вторая половина XIV–XV в. стали непростым

периодом. Мощные деструктивные явления природного характера – изменение климата (наступление так называемого «малого ледникового периода»³), эпидемиологического – масштабные вспышки чумы (только в результате «Черной смерти» 1348–1349 гг. население Англии сократилось на треть⁴), политического (затяжная Столетняя война, повлекшая многократное увеличение налогов, династическая борьба, продолжавшаяся вплоть до прихода к власти в 1485 г. Тюдоров), а также социально-экономическая стагнация и ее последствия, вылившиеся в ряд восстаний, движение за реформу церкви – оказали существенное влияние на численность и структуру населения города и стали питательной средой для проявления разного рода девиаций, в том числе и преступлений⁵.

Основным источником для исследования послужили «Памятные книги Лондона XIII–XV вв.»⁶, которые представляют собой сборник документов юридического характера, имеющих непосредственное отношение к лондонской действительности XIV–XV вв.: в них содержатся постановления короны, письма короля к мэру и шерифам Лондона, а также информация о преступлениях, наказаниях, помилованиях.

Преступления, совершаемые в средневековых городах, Т. В. Мосолкина делит на несколько категорий: преступления против государства и церкви, против личности, против собственности⁷. В отдельную категорию можно выделить экономические преступления, не связанные с правами собственности⁸.

Основываясь на этой классификации, к преступлениям первой группы мы отнесли государственную измену, мятеж, ересь.

В 1356 г. некоего Джона Симонда, кораблестроителя, схватили по приказу мэра и отправили в тюрьму Ньюгейт. Его обвинили в том, что он мятежник (*rebellious*): отказался выполнять соглашение между ним и «хозяевами работ нашего господина короля»⁹. Очевидно, что Джон попал под действие Королевского мандата 1353 г. (*Royal mandate, as to workmen who have withdrawn from the works at the Palace of Westminster*), согласно которому работники, трудившиеся в Вестминстерском дворце и самовольно оттуда ушедшие на другие работы и пойманные, подлежали тюремному заключению¹⁰.

По сути Джон стал жертвой так называемого «рабочего законодательства», вызванного последствиями «Черной смерти», которая привела к не-

хватке рабочих рук и повышению оплаты труда в условиях резкого сокращения доходов феодалов и других нанимателей. Эдуард III (1327–1377) еще в 1349 г. издал первый ордонанс, предписывавший всем людям обоего пола в возрасте от 12 до 60 лет, не имеющим земли и других средств к жизни, наниматься на работу за ту плату, которая существовала до эпидемии чумы. За отказ от найма и уход от нанимателя до истечения срока договора нарушителю грозила тюрьма. Наниматели и рабочие, уплатившие или получившие более высокую плату, наказывались штрафом¹¹. Затем последовал ряд статутов, подтверждавших эти постановления и усиливавших наказание за их нарушения. В 1350–1351 гг. «рабочее законодательство» дополнил «Статут о рабочих», который предписывал забивать в колодки и сажать в тюрьму тех из них, кто нарушил правила найма¹².

Показательно, что самовольный уход с королевских работ расценивался властью как мятеж, поскольку таким образом оказывалось непослушание Его Величеству и причинялся ущерб королевскому флоту. Особенно недопустимым это было в условиях продолжавшейся Столетней войны с Францией.

Летом 1381 г. жители Лондона стали участниками мощного социального движения – восстания под руководством Уота Тайлера¹³. Лондонцы не только помогли бунтовщикам из Кента и Эссекса войти в город, но и активно участвовали в городских погромах и убийствах¹⁴, с особой ненавистью расправлялись с иностранным купцами¹⁵. На сторону восставших стали представители как городского плебса (мародеры и прочие желающие поживиться чужим добром), так и средний класс – торговцы и ремесленники, а также представители патрициата. Впоследствии, когда стали искать и находить виновных, широкий резонанс вызвал суд над пятью олддерменами, которые поддержали бунтовщиков¹⁶. Несмотря на то, что восстание подавили, жители Лондона еще долго приходили в себя.

Реакцией на бурные события лета 1381 г. следует считать следующие действия власти. Ричард II (1377–1399) 16 ноября 1381 г. издал указ, касающийся сохранения мира в городе: никто, кроме рыцарей и сквайров, не может ходить с оружием и в латах, иначе нарушителя ждет тюремное заключение¹⁷. А также «ни один чужак (foreigner) не будет бродить по городу ночью после шести часов или не выйдет со своего постоянного двора до шести часов утра. И... каждый хозяин должен предупредить своих гостей об этом указе и не должен укрывать никого, за кого он не ответит»¹⁸. То есть в городе вводился комендантский час, и тех, кто выходил из дома в неположенный час и бродил по городу, и людей с оружием, если их ловили, ждало наказание. Похожие распоряжения выходили и при Эдуарде II (1307–1327), и при его сыне Эдуарде III: и всех нарушителей ожидало тюремное заключение.

С мятежом тесно связаны такие преступления, как ересь и измена. В 1401 г. парламентом был принят закон о сожжении еретиков (De Heretico Comburendo) – первый подобный акт в Англии¹⁹. Последователи учения профессора Оксфордского университета, теолога и философа Джона Уиклифа (1320–1384), прозванные лоллардами, были названы сектой, выступившей против «веры церкви в то, что касается таинств, а также против Бога и церкви»²⁰.

Известно, что в своих проповедях и трактатах лолларды активно обличали пороки духовенства, обрядовую сторону культа и иконопочитание, оспаривали необходимость церковной иерархии, право священников исповедовать и отпускать грехи. Центральное место среди предложений по преобразованию церкви занимало требование лишить клир богатств: секуляризованное имущество церкви должно пополнить казну и избавить короля от необходимости собирать с подданных налоги. В начале XV в. лолларды все чаще стали критиковать институт монашества и celibат. Предвосхищая протестантские учения, они осуждали паразитизм нищих, в том числе и нищенствующих монахов, и провозглашали обязанность каждого человека обеспечивать себя собственным трудом. Также лолларды предлагали вести проповеди на английском языке, чтобы они были понятными для обывателей. Уиклиф даже перевел с латыни на родной язык Библию²¹.

Закон 1401 г. запрещал лоллардам проповедовать, открывать школы и молельни. Нарушителей должны были судить в епархиальных судах, но если обвиняемые признавались виновными и отказывались покаяться, их передавали светским властям и сжигали. Сожжение должно было происходить на возвышенности, чтобы люди могли наблюдать за казнью издалека и преисполниться страхом перед законом²².

Количество приговоренных к смерти по закону 1401 г. было в совокупности невелико, но его жертвами вплоть до прихода к власти Генриха VIII (1509–1547) становились как миряне, так и представители клира. Так, Уильям Сотри, капеллан церкви св. Иосифа, был обвинен в отрицании телесного присутствия Христа в таинстве евхаристии и поклонения кресту, а также в том, что утверждал, будто проповедь является самой главной обязанностью священника (а не исповедование и отпущение грехов. – М. Б.)²³. Церковный суд признал его виновным и велел мэру и шерифам Лондона «предать его огню, чтобы он был сожжен»²⁴.

Сожжению также были подвергнуты следующие горожане: Ричард Терминг и Джон Клейдон, торговцы из лондонского района Смитфилд – в 1415 г.; смитфилдский священник Уильям Тэйлор в 1423 г.; Ричард Ховден в 1430 г. В 1494 г. были сожжены первые женщины, обвиненные в ереси, – жительницы Смитфилда Джоан Браутон и ее дочь²⁵.

Показательным является дело сэра Джона Олдкасла. В 1414 г. у этого землевладельца, могущественного лорда Кобхема, личного друга короля Генриха V (1413–1422), были найдены трактаты лоллардов и его обвинили в пособничестве еретикам²⁶. Церковный суд признал лорда виновным в ереси, однако предоставил ему возможность покаяться и отречься от лоллардских взглядов. Лорд Кобхем гордо отказался и был передан светскому суду, по решению которого сэра Джона заключили в лондонский Тауэр. Однако друзья помогли ему устроить побег и, скрываясь у единомышленников, он разработал схему вооруженного выступления. Его план предполагал организованное похищение королевской семьи и захват Лондона лоллардами, после чего прекратились бы все гонения на последователей учения Уиклифа, была бы осуществлена реформа церкви, а ее богатства были бы поделены для блага всего общества. Лолларды по всей стране получили послания, и огромные массы, в основном состоящие из крестьян, мастеровых и ремесленников, двинулись на Лондон, где их должны были поджидать столичные единомышленники.

План восставших стал известен королю, и восстание захлебнулось. Повстанцы, потеряв много человек ранеными и убитыми, были рассеяны. Сэр Джон Олдкасл бежал в Уэльс. А 69 из 80 захваченных в плен лоллардов, среди которых имелось немало рыцарей и мелких землевладельцев, были приговорены к смертной казни. 13 января 1414 г. 38 осужденных привязали к повозке для смертников и протащили от Ньюгейта до пустыря св. Джайлса, где и повесили на одной виселице²⁷. В графствах еще некоторое время вспыхивали местные бунты, но они были без труда подавлены. Олдкасла объявили вне закона, однако, несмотря на обещанную за его поимку награду, он оставался на свободе еще целых 3 года. Но в 1417 г. лорда Кобхема поймали и привезли в Лондон, где он был повешен, а затем сожжен как изменник, мятежник и еретик²⁸.

Дело 1416 г. было тесно связано с побегом сэра Олдкасла и государственной изменой. Согласно «Закону об измене» 1351 г. (*the Treason Act*) государственная измена (*High Treason*) включала в себя насильственные действия не только против монарха, но и против супруги короля, старшей незамужней дочери или жены старшего сына короля; открытую попытку помешать наследнику престола в наследовании; убийство канцлера или любого судьи при исполнении должностных обязанностей²⁹.

Лондонца Уильяма Парчменина обвинили в государственной измене. Он вместе с другими неизвестными тайно пробрался в Тауэр и вывел оттуда сэра Джона Олдкасла, которого обвиняли в «изменах и других преступлениях»³⁰. Уильям укрыл сэра Джона в своем доме в приходе церкви св. Гроба Господня в Смитфилде, зная, что тот был «предателем нашего господина короля»³¹. В

среду, после праздника Богоявления (6 января), Уильям Парчменин вместе с сэром Джоном Олдкаслом и другими «предателями» «замыслили... как убить нашего господина короля, а также братьев и наследников нашего господина короля, а также уничтожить и лишить других дворян королевства Англии, и сделать вышеупомянутого Джона Олдкасла регентом королевства...»³². Уильям был схвачен и обвинен в измене. Его доставили в Тауэр и оттуда провезли через центр города по главным улицам Корнхилла и Уэстчипа до виселицы в Тайберн, где повесили и обезглавили, а голову закрепили на Лондонском мосту в месте под названием «*Le Drawebrigge*»³³.

Обратимся к преступлениям против личности, к которым мы отнесли убийство и похищение. Историк Ш. Мак Шеффри описывает ужасающий своей жестокостью случай, произошедший в конце XIV столетия³⁴. В обвинительном заключении суда Королевской скамьи (рассматривал важнейшие уголовные дела, осуществлял надзор за деятельностью низших судов) зафиксировано, как две шелкопрядчицы – Элизабет Тэйлар и Элис Ролф – расправились с Элизабет Ноулис, своей конкуренткой. Схватив жертву, они утопили ее в кадке, затем большую часть тела сожгли, а останки бросили в уборную. Тэйлар признала свою вину, в то время как Ролф «просила за свой живот», утверждая, что она беременна. По английскому общему праву беременные женщины иногда получали отсрочку исполнения смертного приговора до рождения ребенка. Однако «суд матрон», благопристойных и уважаемых горожанок Лондона, опроверг ее утверждение. Обеих женщин казнили.

В 1421 г. перед шерифами и коронером Лондона предстал Арнольд ван Харсилл за убийство Джона Бене. Арнольд нанес Джону рану, длиной два дюйма, шириной в один, ножом прямо в сердце. Бене скончался сразу. Как выяснилось, убийца и жертва вместе выпивали в таверне «*The Moyses*», повздорили, и Джон, затеяв потасовку, набросился на ван Харсилла с кинжалом. Тот, не имея возможности бежать, в целях самозащиты достал нож и пырнул им Джона. Шерифы постановили, что Арнольд должен ждать королевского помилования в тюрьме. Он утверждал, что это была самооборона, и присяжные с ним согласились³⁵.

Убийство считалось тяжким уголовным преступлением, оно подразделялось на умышленное (*murder*) и по неосторожности (*menslaughter*). Как следует из случая шелкопрядчиц, это было спланированное и подготовленное убийство. Такое тяжкое преступление каралось смертной казнью через повешение, а в случае с Арнольдом имело место убийство по неосторожности в результате самозащиты. Виновника чаще всего оправдывали: либо сразу отпускали после вынесения вердикта, либо направляли в тюрьму до королевского помилования. Для сравнения: в

городах Пяти портов (Дувр, Сэндвич, Гастингс, Нью-Ромни и Хит) за тяжкое уголовное преступление виновника ожидала страшное наказание – либо утопление, либо погребение заживо³⁶.

За менее серьезные проступки назначалось и менее жестокое в физическом отношении наказание – нахождение у позорного столба. Это был один из самых распространенных видов экзекуции, но, пожалуй, самый неприятный психологически. Провинившегося в одном исподнем привязывали к столбу в людном месте, обычно на рыночной площади, где любой прохожий мог осыпать его оскорблениями или даже забросать овощами или камнями. Для уважаемого горожанина подобное наказание было настоящей мукой. Женским вариантом позорного столба был позорный стул (*thewe*). Существовали две разновидности этого предмета экзекуции: прикреплённый к бревну стул, который вместе с виновной опускали в воду (обычно, к такому способу прибегали в деревнях), и просто стул, к которому для всеобщего порицания на некоторое время привязывали провинившуюся женщину³⁷. Так, в 1373 г. Элис де Сейлсбери была приговорена к позорному стулу на один час за то, что похитила Маргарет, дочь Джона Оксвика, лондонского бакалейщика. Элис увела ее и сняла с нее одежду, чтобы девочку не узнала семья – так Маргарет могла бы попрошайничать с ней³⁸.

Бедность как результат неблагоприятных жизненных перипетий носила в городах массовый характер. Чаще всего жертвами обстоятельств становились ученики и подмастерья, путь в мастера которым был закрыт³⁹; жители деревень, прибывшие в город с целью улучшения жизни, но так и не нашедшие своего места и пополнившие ряды городских бедняков и маргиналов⁴⁰. Особую категорию бедноты составляли женщины. Как известно, в городской среде вдовы были юридически защищены от произвола: вдова обладала достаточно широкими правами в распоряжении имуществом, завещанным ей и детям, нередко – правом опеки над детьми⁴¹. Что касается незамужних девушек, то кто-то из них получал по завещанию наследство, кого-то ждало замужество с выделением приданого⁴². Однако это распространялось на представительниц состоятельных городских слоев. Мелкие ремесленники и торговцы вряд ли могли обеспечить дочерей приданым. В подобных невыгодных условиях также могли оказаться внебрачные дочери и конкубины, пополнявшие ряды городской бедноты. Для этих людей, вырванных из традиционных связей – семейных, соседских, профессиональных, занимавшихся бродяжничеством, кормившихся выпрашиванием милостыни, мошенничеством или проституцией, город был прибежищем, объектом устремлений⁴³.

Стать попрошайками могли не только те, с кем судьба обошлась немилостиво, но и те, кто не хотел утруждать себя работой. Попрошай-

ничество становилось своего рода профессией: бродяжки и попрошайки сызмальства учились этому ремеслу. Очевидно, что ребенок-попрошайка вызывал больше сострадания. Именно поэтому Элис надеялась с помощью малютки Маргарет Оксвик увеличить свой доход.

Власти неоднозначно смотрели на проблему нищеты: с одной стороны, бедняки и попрошайки воспринимались как неизбежное зло. С другой, благодаря францисканцам и доминиканцам бедность приобрела оттенок духовной ценности и благодати. «Христовы бедняки» наводняли города, образуя «привилегированную армию безработных»⁴⁴. Они бродили по улицам и площадям, собирая милостыню, стояли у церковных ворот, присутствовали в похоронных кортежах богатых, дожидаясь завещательного пожертвования. Для них церковь и городские власти организовывали обязательные бесплатные раздачи одежды и хлеба. Их численность в городах с XIV в. строго регулировалась властями⁴⁵.

Не только нищие, калеки и попрошайки составляли городские низы. Люди с криминальными наклонностями и складом ума, которые желали разжиться добром здесь и сразу, представляли серьезную угрозу законопослушному населению. Чаще всего маргинальные элементы были замешаны в таком преступлении, как разбой. Это преступление можно назвать смешанным: с одной стороны, потерпевших насильно лишают собственности, с другой, чаще всего, помимо материального ущерба, преступники причиняют и физические страдания потерпевшим.

Т. Дин описывает следующий случай разбойного нападения. В 1417 г. Эдмунд атте Чаппел из Финсбери напал на Джона Стоу из Норича. Он захватил белую лошадь, четыре тюка с одеждой, нож, меха и прочие товары Стоу. Суд признал Эдмунда виновным и приговорил к смерти через повешение⁴⁶.

Преступления против собственности относились к категории тяжких: кража со взломом (*burglary*) и кража имущества более чем на шиллинг, как и убийство, карались смертной казнью через повешение. Яркий пример кражи со взломом представляет собой дело 1406 г. Маргарет Нормантон, бывшая жена лондонского бакалейщика, подала иск в отношении Уильяма Хегге, который был пойман с ворованными товарами и другими вещами Маргарет, а именно с 12 кинжалами, украшенными золоченым серебром, стоимостью 5 фунтов, с 12 парами небольших ножей, инкрустированных гагатом и серебром, стоимостью 30 шилл., и другими товарами и имуществом на сумму 40 фунтов. Эти товары и вещи, находившиеся в лавке упомянутой Маргарет в приходе св. Марии в районе Уэстчип в Лондоне, Уильям Хегге похитил ночью⁴⁷. Последнее обстоятельство расценивалось как усугубляющее вину.

Эта история получила неожиданный поворот: «И появляются присяжные в указанном

месте [в Гилдхолле], а именно Ричард Рейнолд и 11 других, которые говорят согласно их присяге, что упомянутый Уильям Хегге виновен в вышеназванном уголовном преступлении... Постановили, что Уильям Хегге будет повешен за шею... А на это вышеупомянутый Уильям Хегге ответил, что он является клерком (clerk – первоначально клирик, т. е. духовное лицо. Со временем клерком стали называть любого человека, знавшего грамоту – писца, ученого, канцеляриста и прочих, кто занимал административные должности, связанные с финансами, надзором и юстицией. Это связано с тем, что грамоте и наукам обучали исключительно в стенах церкви⁴⁸), и он может читать... И суд без священника не может... его судить. Поэтому тот же Уильям Хегге передан в тюремное заключение нашего господина короля в Ньюгейт до слушания в церковном суде⁴⁹.

Самыми многочисленными и разнообразными были экономические преступления, в первую очередь – всевозможные виды мошенничества с целью обогащения. Одним из видов мошенничества можно считать продажу продуктов питания и изделий, о ненадлежащем качестве которых знает продавец. Так, в 1351 г. Генри Пекче подал иск на повара Генри де Пасслюю. Накануне праздника Святой Хилари Пекче купил у Генри де Пасслюю, повара в Стоукс, для себя и двух своих спутников двух запеченных каплунов. И он, Генри Пекче, и его товарищи, будучи голодными, не понимали, что один из двух каплунов был «гнилым и вонючим»⁵⁰, пока они не съели его почти всего. После этого они приступили ко второму каплуну (которого он представил в качестве доказательства в суде) и обнаружили, что он также гнилой и вонючий: «мерзость для человечества к скандалу, презрению и позору всего Сити и явной опасности жизни того же Генри и его спутников»⁵¹. Именно это он пытался доказать в суде. Пасслюю все отрицал. По его словам, «каплуны были съедобными, хорошо пахнущими, годными и должными, и он попросил, чтобы обследование могли сделать его люди»⁵². Однако судьи пригласили для экспертизы «надежных людей с хорошей репутацией»⁵³. Те осмотрели каплуна и заявили, что уже на момент продажи он был «вонючим и гнилым, и вредным для человека»⁵⁴. Пасслюю приговорили к позорному столбу на час, причем его должны были провезти по всему городу, оглашая совершенный им проступок, а тухлое мясо сжечь перед столбом.

Еще одна криминальная история произошла в конце мая 1353 г. Следствием было установлено, что некий Ричард Квелхогге за 4 пенса купил у некоего Ричарда Стевинча, грузчика, свинью, которая, «гнилая и вонючая, лежала на берегу Темзы, и от нее отрезал два окорока на продажу и продал часть этого, к обману людей, в чем и сознался»⁵⁵. По решению мэра Адама Фрэнси, шерифов и олдерменов Ричард Квелхогге был

поставлен к позорному столбу, а остаток окорока был сожжен прямо перед ним⁵⁶.

Марджери Хоур, жена продавца рыбы, в 1372 г. предстала перед мэром и олдерменами по обвинению в мошенничестве: она продавала рыбу, прозванную «подошвами», «вонючую и гнилую, и нездоровую для использования человеком»⁵⁷. Обманным путем она получила прибыль от покупателей, несмотря на официальный запрет и к «скандалу города»⁵⁸. Было решено приговорить Марджери к позорному стулу, а ее непотребный товар сжечь⁵⁹.

Дело 1381 г. похоже на предыдущие, только в качестве товара мошенник использовал голубей. Рэйф Строд обвинил оксфордского торговца домашней птицей Уильяма Фота в том, что тот выставил на продажу 18 голубей, «гнилостных и вонючих, и мерзких для человечества ... в неуважение к лондонскому Сити и явному обману людей»⁶⁰. Фот отрицал свою вину, и судьи пригласили четырех поваров с Бред-стрит. Томас Коулман, Джеффри Коулман, Роберт Мултон и Джон Херл, будучи приведенными к присяге, подтвердили, что упомянутые голуби были «гнилыми и вредными для человека»⁶¹. Суд постановил, что упомянутый Уильям должен быть наказан позорным столбом – он обязан стоять там в течение одного часа, а голуби должны быть сожжены перед столбом.

Другой разновидностью мошенничества следует считать обманные манипуляции, когда мошенник предлагал за товар деньги или украшения в коробочке или мешочке, который незаметно менял на похожий, содержащий камни или прочий мусор.

Джон Тилни, продавец пальтоков (коротких, до середины бедра, плащей, которые обычно носили священники), подал иск в отношении Джона Грея. Грей пришел в лавку Джона в Баклерсбери в Лондоне и купил у него две накидки из черного сатина стоимостью 100 шиллингов и попросил взять одну накидку с собой, якобы показать компаньону, для которого Грей и совершал эти покупки. Джон Тилни согласился, поскольку Джон Грей частично заплатил ему один фартинг золотом. И, чтобы уверить продавца в надежности сделки, показал ему 15 других золотых монет, которые он положил в кошелек, а затем положил кошелек в маленький ручной сундук. Джон Тилни, твердо веря слову Грея, вовсе не думал о какой-либо уловке или мошенничестве, полагая, что тот положил деньги вместе с кошельком в сундук. Однако Грей ловко подменил мешочек с деньгами, а сундук, заперев на ключ, отдал Тилни. Когда обман был раскрыт, а мошенник схвачен, при нем обнаружили множество кошельков с контурами, имитирующими золотые фартинги. Суд признал Джона Грея виновным и приговорил его к позорному столбу, а кошельки «должны быть привязаны к его шее»⁶².

Похожий случай произошел в 1414 г. Солдат из Сэлопа Джон Берефорд пришел к меховщику в Саутуорке и предложил ему коробку, в которой находились 16 золотых ноблей и ожерелье в качестве залога за сто шкур стоимостью 100 шиллингов. Пока велся разговор о сделке, Берефорд незаметно подменил коробку другой, наполненной камнями и песком. Меховщик заметил подлог лишь после того как Берефорд забрал шкуры. Обвиняемый не стал отрицать своей вины. Его приговорили к наказанию позорным столбом, привязанным к которому он должен был находиться по одному часу в течение трех дней⁶³.

Таким образом, Лондон, в XIV–XV вв. являвшийся самым крупным городом в Северной Европе⁶⁴, представлял собой сложный и многогранный социальный и политический организм. Порт и столица, он справлял множество функций одновременно: отдельное аббатство и королевский дворец в Вестминстере; занятая кораблями причальная линия; лавки и таверны вдоль переполненных улиц; множество гильдий и мощная экономика: от оптовой торговли до пивоварен и содержания борделей; колонии иностранных купцов и ремесленников из Германии, Италии и Фландрии; неравенство богатства и статуса – от королевского двора и домов знати и купеческой элиты до массы бедных слуг и наемных работников⁶⁵.

Неурожаи и голод, эпидемии чумы, войны и восстания привели к еще большей социальной, экономической и правовой дифференциации и без того гетерогенного населения города и послужили мощным импульсом для проявления разного рода девиаций, включая преступления. Как отмечает О. В. Яблонская, Лондон «носил в себе взрывоопасную массу, подобно прочим крупным городам, привлекал различного рода маргинальные элементы, будь то всякий сброд, бездомные, бродяги, нищие, обыкновенные преступники. Для них беспорядок – благоприятная среда, хорошая возможность безнаказанно грабить»⁶⁶.

Некоторые преступления второй половины XIV–XV в. отличаются массовостью, например мятеж, приверженность лоллардской ереси. На первый план выходят преступления, непосредственно представляющие угрозу короне (государственная измена и мятеж), и церковным устоям (ересь). Наказания за них пропорциональны их тяжести: смертная казнь через повешение и обезглавливание – за измену, и сожжение на костре за ересь.

В городе совершались также убийства, похищения, кражи со взломом. Преступников ожидала смертная казнь через повешение.

Среди экономических преступлений преобладало мошенничество: мошенники не только сбывали продукцию плохого качества, но и совершали подлог. Это свидетельствует об изобретательности и изворотливости проходимцев, а также доверчивости их жертв.

Что касается социально-профессионального состава преступников, то он весьма разнообразен. В восстании приняли участие как городской плебс, средняя прослойка в лице ремесленников и торговцев, так и городской патрициат. Государственная измена была прерогативой аристократии и городской верхушки, о чем красноречиво говорит дело лорда Кобхема. Похищение с целью вовлечения жертвы в ряды попрошаек, а также мошенничество (подлог) было совершено маргинальными элементами (нищенкой и бывшим солдатом).

Наказание за совершенные преступления носило публичный характер. Не случайно самым распространенным было наказание позорным столбом, а также уплата штрафа, заключение в тюрьму Ньюгейт, смертная казнь через повешение, изгнание из города, сожжение на костре.

Примечания

- 1 См.: Чернова Л. Н. Криминальная повседневность Лондона XIV века // Британские чтения : сб. науч. ст. Саратов : Техно-Декор, 2016. Вып. 2. С. 124.
- 2 Варьяш О. И. Вступительное слово // Право в средневековом мире : сб. статей / отв. ред. О. И. Варьяш. СПб. : Алетей, 2001. Вып. 2–3. С. 3.
- 3 См.: Монин А. С., Шишков Ю. А. История климата. Л. : Гидрометеоиздат, 1979. С. 355.
- 4 См.: Where the Black Death happened : 9 places connected to the plague. URL: <https://www.historyextra.com/period/medieval/where-the-black-death-happened-9-places-connected-to-the-plague/> (дата обращения: 29.03.2019).
- 5 См.: Булаева М. Н. Преступность в Лондоне в начале XIV века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 36.
- 6 Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries / ed. by H. T. Riley. L., 1868. British History Online. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 12.08.2018).
- 7 См.: Мосолкина Т. В. Социальная история Англии XIV–XVII вв. М. ; СПб. : Центр Гуманитарных Инициатив, 2017. С. 257.
- 8 Булаева М. Н. Указ. соч. С. 38.
- 9 Committal to Neugate for rebellious conduct to the Masters of the King's works. 30 Edward III. A.D. 1356 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries. P. 284. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения 14.02.2019).
- 10 Royal Mandate, as to Workmen who have Withdrawn from the Works at the Palace of Westminster // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries. P. 271. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 10.03.2019).
- 11 См.: Ордонанс о рабочих и слугах (1349 г.). URL: http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Engl/XIV/1340-1360/Zakony_o_rabocych/text.htm (дата обращения: 24.04.2019).

- ¹² См.: Статут о рабочих (1350–51 гг.). URL: http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Engl/XIV/1340-1360/Zakony_o_rabochykh/text.htm (дата обращения 05.05.2019).
- ¹³ См.: *Поулсен Ч.* Английские бунтари / пер. с англ. С. В. Кибирского. М.: Прогресс, 1987. Гл. 1: Крестьянское восстание 1381 г.
- ¹⁴ Account of the Insurrection of Walter Tyler, and of his death at the hands of William Walworthe, the Mayor. 4 Richard II. A.D. 1381 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries. P. 458–461. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 10.03.2019).
- ¹⁵ См.: *Яблонская О. В.* Участие лондонцев в восстании 1381 года в Англии // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер. «История». 2016. № 1. С. 31.
- ¹⁶ Там же. С. 30–31.
- ¹⁷ Proclamation for keeping the peace within the City. 5 Richard II. A.D. 1381 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries. P. 454. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 20.11.2018).
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ *Trevelyan G. M.* England in the Ages of Wycliffe. L., 1898. P. 334.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ См.: *Мереминский С. Г.* Лолларды. URL: <https://www.histrf.ru/articles/article/show/lollardy> (дата обращения: 19.04.2019).
- ²² См.: *Шафф Ф.* История христианской церкви: в 8 т. Т. 4: Средневековое христианство. От Бонифация VIII до Реформации. 1294–1517. СПб.: «Библия для всех», 2009. С. 227.
- ²³ См.: *Мортон А. А.* История Англии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. С. 114.
- ²⁴ *Trevelyan G. M.* Op. cit. P. 334.
- ²⁵ *Шафф Ф.* Указ. соч. С. 229.
- ²⁶ *Trevelyan G. M.* Op. cit. P. 336–339.
- ²⁷ См.: *Поулсен Ч.* Указ. соч. Гл. 2: Уиклиф, лолларды и другие.
- ²⁸ См.: *Шафф Ф.* Указ. соч. С. 228–229.
- ²⁹ A Dictionary of Law. Fifth Edition. Reissued with New Covers / ed. by E. A. Martin. Oxford, 2003. P. 506.
- ³⁰ *Поулсен Ч.* Указ. соч. Гл. 2: Уиклиф, лолларды и другие.
- ³¹ Inquisition Held as to an Accomplice in the treason of Sir John Oldecastelle; and Trial and Sentence Thereon. 4 Henry V. A.D. 1416 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries. P. 636–637. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 14.02.2018).
- ³² Ibid.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ Sin City: Thievery, Prostitution and Murder in Medieval London. URL: <https://www.historyextra.com/period/medieval/sin-city-thievery-prostitution-and-murder-in-medieval-london> (дата обращения: 18.11.2018).
- ³⁵ *Dean T.* Crime in the Medieval Europe 1200–1550. L.; N. Y., 2014. P. 1.
- ³⁶ См.: *Винокурова М. В.* Обвинение, оправдание, наказание в обычном праве малых городов средневековой Англии // Новое прошлое / The New Past. Научный журнал. 2016. № 3. С. 123.
- ³⁷ См.: *Хатунов С. Ю.* Позорный столб и позорный стул как средство наказания в средневековой Англии // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4. С. 173.
- ³⁸ Punishment of the Thewe, for Stealing a Child. 47 Edward III. A.D. 1373 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries. P. 368. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 12.02.2018).
- ³⁹ См.: *Ястребицкая А. Л.* «Низшие социальные слои»: бедность и бедняки // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. М.: Наука, 2000. Т. 2. С. 298.
- ⁴⁰ См.: *Лысенко Е. Г.* Средневековые маргиналы. URL: <http://goliard.ru/lysenko-e-g-srednevekovye-marginaly/> (дата обращения: 29.04.2019).
- ⁴¹ См.: *Чернова Л. Н.* Под сенью святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 316.
- ⁴² Там же. С. 318–319.
- ⁴³ См.: *Ястребицкая А. Л.* Указ. соч. С. 297.
- ⁴⁴ Там же. С. 300.
- ⁴⁵ Там же. С. 298.
- ⁴⁶ *Dean T.* Op. cit. P. 14.
- ⁴⁷ Sentence of Death for Burglary, and Claim of Benefit of Clergy. 7 Henry IV. A.D. 1406 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries. P. 561–562. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения 12.03.2019).
- ⁴⁸ What was the Job of a Medieval Clerk? URL: https://www.answers.com/Q/What_was_the_job_of_a_medieval_Clerk (дата обращения: 19.04.2019).
- ⁴⁹ Sentence of Death for Burglary, and Claim of Benefit of Clergy. 7 Henry IV. A.D. 1406 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries. P. 561–562. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 12.03.2019).
- ⁵⁰ Punishment of the Pillory, for Selling a Putrid Capon. 24 Edward III. A.D. 1351 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries. P. 266–267. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 14.03.2019).
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² Ibid.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ Punishment of the Pillory, for Selling Carrion. 27 Edward III. A.D. 1353 // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. P. 270–273. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life/pp270-273> (дата обращения: 10.08.2015).
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ Punishment of the Thewe, for Selling Putrid Soles, 46 Edward III. A.D. 1372 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries. P. 367. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 19.10.2018).
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Ibid.

- ⁶⁰ Punishment of the Pillory, for Exposing Putrid Pigeons for Sale. 4 Richard II. A.D. 1381 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries. P. 448. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 14.03.2019).
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² Punishment of the Pillory, for Substituting Counters for Gold. 1 Richard II. A.D. 1378 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries. P. 418–419. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 26.03.2019).
- ⁶³ См.: Punishment of the Pillory, for Fraud. 2 Henry V. A.D. 1414 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries. P. 599–600. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 14.03.2019).
- ⁶⁴ Dean T. Op. cit. P. 14.
- ⁶⁵ См.: Чернова Л. Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков : олддермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. С. 79–88.
- ⁶⁶ См.: Яблонская О. В. Указ. соч. С. 25.

Образец для цитирования:

Булаева М. Н. Преступления в Лондоне середины XIV–XV веков // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 472–479. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-472-479>

Cite this article as:

Bulaeva M. N. Crimes in London in the Middle of the XIV–XV Centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 472–479 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-472-479>

УДК 94(44)029

Географическая среда, *nature de peuple* и государственность в политической теории Ж. Бодена

И. Я. Эльфонд

Эльфонд Ирина Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры дизайна архитектурной среды, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., iyelfond@mail.ru

В статье рассматривается один из важнейших аспектов политической теории Ж. Бодена – вопрос о влиянии окружающей среды на особенности развития народов и характер государственности. Данная проблема анализируется в контексте с общими тенденциями развития политической мысли эпохи и полемикой, завязавшейся вокруг проблемы этнической самоидентификации. Подчеркивается практическая направленность взглядов Бодена. **Ключевые слова:** природа народов, окружающая среда, национальный характер, этнос, государство.

Geographical Environment, Nature of People and Nation-building in Bodin's Political Theory

I. Ya. Elfond

Irina Ya. Elfond, <https://orcid.org/0000-0002-8665-5926>, Yury Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politehnicheskaja St., Saratov 410054, Russia, iyelfond@mail.ru

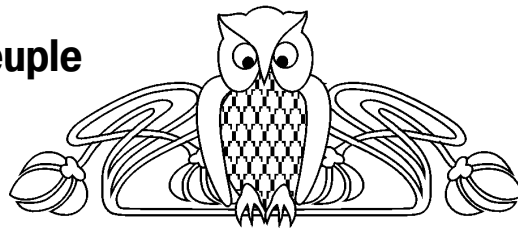
The paper deals with one of the important aspects of the Bodin's political theory, the question of the environmental influence on the peculiarities of the development of peoples and the nature of nation-building. The author analyzes this problem in the context of general trends in the development of political thought of the epoch and the dispute about the problem of ethnic identity, emphasizing the practical orientation of Bodin's views.

Keywords: nature of the peoples, surrounding environment, national character, ethnos, state.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-480-486>

Интерес к влиянию на жизнь человека и общества окружающего мира и, прежде всего географической среды, человечество проявляло еще со времен древности, следствием чего было появление многочисленных сочинений, посвященных по преимуществу животным или описанию географической среды, известной тогда ойкумены. Эта традиция в известной мере сохранялась и в Средние века, о чем свидетельствуют многочисленные bestiarii. Однако характер, тем более особенности *modus vivendi* отдельных народов традиционно связывались, скорее, с божественным провидением, волей правителей или каких-либо непознаваемых причин развития.

Пожалуй, вопрос о связи природы народов с географической средой или даже особенностями рельефа территории был впервые поставлен в

сочинениях великого мыслителя Ж. Бодена, но и его подходы и выводы претерпевали эволюцию. Боден выдвинул не только новое видение роли климата для условий человеческого бытия¹, но и тезис о неизбежной связи географического фактора с особенностями развития народов. Понимание указанного фактора органически связано с его климатической теорией. Ученый заговорил о природе народов еще в сочинении, посвященном методологии истории и по сути вся гл. 5 его «Метода» посвящена этой теме. Боден с гордостью утверждал, что он обратился к указанной проблеме первым, отмечая свой научный приоритет в этой области: «О таком ничего не могло быть написано древними, так как они совершенно не знали областей и мест, которые были открыты не так уж давно, но каждый догадывался насколько мог, исходя из вероятности»².

Данное обращение было вызвано задачами осмысления прошлого и настоящего, в число которых теоретик включал определение природы всех народов, а решение этой проблемы влекло за собой правильное понимание логики развития народов и трансформации в установлении институциональных учреждений, законов и религии, словом, общественного бытия. Макиавелли упоминал о природе людей и о том, что «отдельные народы на протяжении длительного времени сохраняют одни и те же нравы»³, но Боден пошел гораздо дальше, так как настаивал на прочной связи природы народов и их исторического развития⁴ с географической средой.

Сам факт обращения к природе народов давал ему основу для осмысления общих закономерностей эволюции человечества и специфики развития отдельных народов. В «Метод легкого чтения истории» он, собственно, и выдвигает понятие «природа народов». Примечательно, что в нем гуманист связывает его только с образом жизни, существованием народов, их нравственными чертами, но не с характером политической организации.

Природа народов в представлении Бодена определялась несколькими факторами: прежде всего, это – географическое расположение территории, на которой народ проживает; при этом различия он проводит не только между теми, кто проживает на Севере и Юге, но и между восточными и западными народами. Вторым фактором является различие климатических зон. Мыслитель связывает природу народов с разнообразием местностей. По его убеждению, она определяется

наличием гор, моря, болот и даже силы и направления ветров. Показательно, что он отвергает античное представление о влиянии знаков Зодиака на нравы народов. Боден принял традиционное, идущее со времени древности представление, что среда обитания определяет внешний облик людей (рост, вес, цвет волос, глаз и кожи), но идет дальше, выявляя не только нравы народов, но и их национальные особенности. Не будем детально излагать географические представления Бодена. Отметим, что он ссылается на опыт современных ему морских путешествий (Великих географических открытий) и делит земной шар на несколько областей (по градусам). При этом ученый полагает, что различия между народами определяются на пространстве в 15 градусов. Особое внимание он уделяет народам, проживающим в умеренной, «срединной области». Причина ясна: в этой зоне находится большая часть Европы, а также «территории Малой Азии, Армении, Парфии, Согдианы и большая часть Азии». С одной стороны, автор как историк считал, что необходимы подтверждения его выкладкам, а именно наличие документальных свидетельств, с другой – это тот мир, в котором существует сам Боден и его народ. Согласно его взглядам среда определяет нравы и природу народов, вплоть до психологических черт, доминирующих у отдельных племен. Неслучайно он говорит о германцах, что «в громадных телах таится крайне мало хитрости и коварства»⁵; в принципе моральный облик большинства этносов рисуется им, скорее, как негативный, так что «северяне считаются невоздержанными, подозрительными, коварными и жестокими», южане («карфагеняне») отличались невероятной жестокостью к врагам. Южанам также присуща и чрезмерная тяга к наслаждениям, они «склонны к величайшим порокам тела и души». Боден заостряет высказывание Макиавелли, что «немцам и французам присущи жадность, высокомерие, жестокость и вероломство» (как и флорентийцам)⁶ и эта кардинализация мысли свидетельствует о том, что он не мог игнорировать поток политической публицистики, где эти мысли (высказанные более резко) присутствовали постоянно.

Следует отметить, что Боден все же выступает против сформировавшегося в политической публицистике эпохи концепта «чужого», хотя антиитальянизм и антииспаннизм широко распространились в политической литературе эпохи религиозных войн. В целом представления о национальной идентичности эпохи основаны именно на резком неприятии всего, что было связано с «чужим». Иначе не появились бы «Анти-Макиавелли», «Против Италогаллии», «Франко-Турция», а затем и «Анти-Испанец», идеи которых широко распространялись другими публицистами. Боден высказал поразительную по глубине мысль (пожалуй, не утратившую своей актуальности): неприятие образа чужого объясняется только одним – незнанием нравов и природы

других народов. И у него нет сомнений, что необходимо знать в комплексе все, что касается природы народов. По его убеждению, осуждая пороки народа, необходимо помнить, что от него «выплеснулись в мир словесность, свободные искусства, добродетели, наука, философия, религии, вообще духовная культура»⁷. В зависимости от окружающей среды и традиций каждый народ признает какую-то высшую ценность. Согласно Бодену любой народ стремится сохранить свою государственность, но в соответствии с духовными ценностями, присущими ему (или группе народов) и определяющимися средой обитания⁸. С его точки зрения, жители умеренных стран опираются в своей организации общества на законы и судебные постановления.

Тезис относительно имманентной связи природы народа и развитием его государственности, выдвинутый в «Метод», получил развитие уже в главном политическом сочинении Бодена – трактате «О государстве». Если в «Метод» он анализировал связь между природной средой и природой народов, под которой в этом сочинении он понимал по преимуществу образ жизни, нравы и типологические нравственные черты отдельных этносов, из которых выводил, скажем, склонность к жестокости или интеллектуальным занятиям, то в трактате «О Государстве» сам характер сочинения потребовал рассмотрения соотношения природы народа и государственности. Неслучайно он обращается к этой проблеме в четвертой книге своего труда, уже после того, как рассмотрел типологические черты государства, которые не зависят от опыта и истории отдельных народов.

Обращение к анализу природы народов он связывал непосредственно с частными моментами, особенностями развития государств того или другого этноса, то есть с тем, что, по его выражению, «может оказаться особенным, чтобы выявить различия между народами, а в итоге показать, что форма их общественной организации приспособляется к природе среды, а человеческие законы – к естественным»⁹. Ученый полагал, что насильственное преобразование как географической среды, так и природы народа, может оказаться катастрофическим для государств, чьи правители прибегают к подобным мерам: «Многие государи... принуждая повиноваться своим собственным законам природу, приносили беспорядок и даже гибель великим государствам»¹⁰. Причину этого он усматривает в том, что невозможно унифицировать управление и даже законы, поскольку «если уж животный мир богат и разнообразен именно из-за разнообразия географических областей», то «существует подобное же разнообразие и в природе людей»¹¹.

Народы могут отличаться друг от друга и по месту обитания (на севере или востоке), климату, широте и долготе, по характеру рельефа местности, близости моря и естественно, что их

государственность и управление согласно Бодену столь же разнообразны, а это определяет их стремление к характеру политической организации общества. Для теоретика это имеет особое значение, поскольку именно политическая организация общества определяет наличие цивилизации у отдельных народов и развитие интеллекта, что и выделяет человека в окружающем мире и отличает от животных: «Чем менее люди склонны к размышлениям, тем больше они приближаются к хищной природе зверей. Ведь они не в силах руководствоваться разумом или же хоть как-то ограничивать себя, едва ли немногим больше, чем могут звери»¹².

Боден полагал, что расхождение может наблюдаться даже внутри стен одного города, а это определяет и социальные убеждения обитателей, и их политический выбор. По его глубокому убеждению, «города, построенные на холмистой местности, более подвержены раздорам и революциям, чем те, которые расположены на ровной плоскости»¹³. Именно тем, что Рим исторически развивался на холмистой местности, он объяснял многочисленные социальные и политические конфликты республики. Более того, причину разницы между местонахождением различных кварталов Афин он видел в одновременном стремлении граждан установить демократию, аристократическое правление и даже олигархию. Это мнение Боден сохранял и в отношении современности. Так, он считал Швейцарию крайне неоднородной и утверждал, что к демократии склонны кантоны, находящиеся в Альпах (объявляя их жителей не только более воинственными, но и надменными). Люди, живущие на равнине, по его убеждению, склонны к аристократической республике.

Даже небольшие расстояния уже определяют различие в наклонностях граждан, а потому «по своей природе венецианец склонен к аристократии, а флорентиец – к демократическому государству»¹⁴. Этими оценками он не ограничивается, настаивая на том, что подобная склонность к республике объясняется и природными чертами. Так, афинян он объявляет желчными и милосердными одновременно и приверженными к угодничеству. Народы, которые обитают к западу, объявлены коварными и склонными к мятежам, а к востоку – более хвастливыми и чванливыми. Боден противопоставил римлян карфагенянам, опираясь на историю, писавшуюся победителями: а потому карфагеняне – жестоки, мстительны, уступчивы по отношению к вышестоящим, но надменны по отношению к подданным, трусливы в момент бедствия и высокомерны во время победы. Но римский народ, напротив, был терпелив при своих потерях, постоянен в победе, скромнен в страстях, ставил на место льстецов, получал удовольствие от людей строгих и суровых.

Антитеза проводится также между Римом и Афинами, и Боден ставит выше нравы Рима, по-

читавшего величие народа. Подобные сравнения он приводит как основу для политических рекомендаций и в его представлении умный правитель обязан понимать природу и нравы своего народа и учитывать эти отработанные столетиями качества, прежде чем отважиться на какие-либо изменения в управлении или законодательстве. Он «должен подражать хорошему архитектору, который использует при строительстве материалы, которые доступны в данной местности»¹⁵. Одной из важнейших основ государства мыслитель считал «соответствие его образа правления природе народа, а законов и ординасов – природе мест, времени и личностей»¹⁶. Это означает, что не только форма государства, но и характер правления могут «различаться в соответствии с различиями их территории». Боден не просто повторял схему расселения людей и свойства природы народов, изложенные в «Метод». Он оценивал исторический опыт народов, полагая, что наиболее перспективными являются судьбы народов, сочетающих природные свойства северных и южных народов, то есть тех, кто живет в срединных, умеренных местностях. А этим свойствам соответствует и политическое развитие. Гармония обеспечивает то, что именно обитатели умеренных областей «основали все великие империи, которые равно процветали и в военном деле, и в законодательстве». Если северные народы обычно велики в военных делах, то «окультурные науки, философия, математика и другое чистое знание приходили от народов юга»¹⁷. Но все то, что связано с политической организацией и законодательством, по его мнению, обязано происхождением «срединным» народам; согласно ему «политическая наука, законы, юриспруденция, риторика и логика берут свое начало и происходили от народов срединных областей»¹⁸.

К чему клонит Боден, становится ясно при анализе его примеров – он мыслит как европеец и француз. Так, говоря о судьбах арабов, он подчеркнул, что, несмотря на свои успехи, хотя они и «завоевали на время империи Персии, Сирии, Египта и Берберии и подчинили себе большую часть Испании, они никогда не смогли покорить Грецию или Италию, а когда они попытались покорить Францию, то были побеждены»¹⁹. Речь, конечно, идет о сражении при Пуатье 732 г., когда Карл Мартелл остановил натиск арабов на Европу, но из этого Боден делает очень важный вывод: именно таким народом предопределена великая судьба. Их предназначение он усматривает в том, что они «в большей мере подходят для того, чтобы властвовать, и они более справедливы в своих поступках»²⁰. Кроме того, природа этих народов такова, что они физически крепче по сравнению с народами юга, и «наделены большим умом, но меньшей силой, чем обитатели севера»²¹.

К этим рассуждениям можно добавить еще одно: Боден подчеркивал, что римляне «распро-

странили свою власть над народами юга и востока, но не имели особого успеха в отношении народов запада и севера, хотя и являлись победителями всех других народов»²². Первое издание трактата «О государстве» вышло в 1576 г., Като-Камбрезийский мир подвел итоги Итальянских войн и был заключен в 1559 г. У современного Бодену поколения французов, как и самого Бодена, были еще свежи воспоминания о грандиозных планах французских королей подчинить Италию, но, несмотря на печальные итоги этой полувековой эпопеи, Боден, по сути, говорит об особом предназначении своих соотечественников, их праве повелевать. Он не мог не знать, что римляне покорили Галлию, но предпочитает умалчивать об этом, тем самым пытаясь поднять дух французов, напоминая им о высоком предназначении. Любопытно, что Боден достаточно неоднозначно оценивал опыт прошлого. Он полагал, что варварство и мощь северных народов могут сломить даже правильно организованные государства. По этой причине пала Римская империя, когда «алеманны, затем готы, остготы, вандалы, франки, бургунды, герулы, венгры, гепиды, лангобарды, а впоследствии норманны, татары и турки и другие скифские народы наводнили провинции, которые некогда принадлежали римлянам»²³. Ведущую роль в этом варварстве он отдавал германским народам. Возможно, за этим также кроется его неприятие концепции Отмана о роли германского начала в истории Франции в связи со свободолобием германских народов (франков). Боден определяет в качестве нравственной основы германцев не свободолобие, как тираноборцы²⁴, а варварство и грубую силу. Он высказывает негативную оценку и в адрес традиционных врагов – англичан, подчеркивая не только конечные итоги Столетней войны, но и их неудачи в деле покорения Шотландии. По его мнению, «хотя англичане и одержали значительные победы над французами и завоевали королевство, которое для них являлось южным, но и за девятьсот лет они не смогли изгнать с острова шотландцев, хотя каждому известно, насколько количественно превосходят французы англичан, а англичане – шотландцев», то есть масса населения не всегда доставляет победу. А природа народов севера делает их агрессивными завоевателями, «народами воинственными, неистовыми, бесстыдными и безжалостными»²⁵. Боден добавляет, что германцы еще и пьяницы, и в этом сходится с оппонентами Отмана, употреблявшими этот довод в завязавшейся вокруг «Франкогаллии» полемике как раз в момент, когда трактат Бодена готовился к выходу в свет²⁶.

Однако ученый подчеркивает особый статус галлов, которые в его представлении находятся в лучшем положении, чем другие народы, населяющие умеренные, то есть наиболее сбалансированные географические области, так как это предоставляло им ряд преимуществ, в том чис-

ле и по сравнению с другими народами, также живущими в умеренном географическом поясе. Благодаря среде обитания возникают особые приоритетные свойства и, прежде всего, в отношении организации управления и совета. Боден отмечает, что «на всех заседаниях и собраниях, созывавшихся послами, всегда французы оказывались первыми в совете»²⁷. В международных переговорах они обычно уступали испанцам из-за их хитрости и коварства, несмотря на то, что испанцы также проживают в умеренном и гармоничном срединном климате. Вместе с тем он отмечает как наиболее типичные черты французов их нетерпеливость: французы «по своей природе не могут остановиться, чтобы поразмыслить и сидеть мирно, поскольку они – холерики, а это делает их более активными, быстрыми и проворными»²⁸. Боден отдает должное уже сложившейся традиции превознесения особой предначертанности французов в силу природы народа. Французы в его понимании наделены благородными свойствами, и сама природа народа определяет его предназначение в Европе: спор о главенстве в Европе еще не завершен, но исход его согласно Бодену неизбежен, так как «галлы имеют природу любезную, быструю и кроткую; об этом писал и веронец Скалигер, что нет такого народа, у которого был бы дух более живой, чтобы совершать все, что только пожелал бы француз, будь-то по закону, в писаниях или на торговле, но превшее всего они имеют сердце храброе и честное, и хранят свою честь более последовательно, чем все остальные»²⁹.

Последнее, собственно, перекликается с представлениями идейных противников-тираноборцев Бодена, однако он пишет только о галлах, тем самым отвергая синтезную теорию Отмана о происхождении французов вследствие слияния галлов и франков в единый народ. Германцы для него – олицетворение варварства. «Коварство и непостоянство более велико у народов Севера», к которым он относил германцев. Гармоническое же соотношение природы французов и испанцев он обнаруживает у итальянцев, нравы которых настолько умеренны, насколько это возможно, и они наделены как веселостью и быстротой французов, так и умеренностью в страстях и действиях, как испанцы.

Эта оценка итальянцев удивительна сама по себе, поскольку политические теоретики всех лагерей эпохи (а в особенности гугеноты) про-являли максимальный антиитальянизм. Но зато они вполне солидарен со своими современниками в оценках Макиавелли даже по этому поводу, усиливая аналогичный тезис в «Метод»: «Макиавелли ошибается, утверждая, что самые скверные люди на свете – это испанцы, итальянцы и французы, так как никогда не читал хороших книг и не общался с другими народами»³⁰. В чем именно Макиавелли ошибался, остается невыясненным, но при этом Боден подчеркивал

различия в выборе инструментария правления, исходя из конечной цели режима: «В управлении своими государствами каждый правитель из этих трех [групп] народов пользуется тем средством, благодаря которому достигает наибольшего повиновения, северные народы используют силу, народы, живущие посредине – правосудие, а южане – религию»³¹. В принципе его отношение к народам, живущим в умеренной зоне, наиболее благосклонно, поскольку он полагал, что они по этой причине не только «более разумны и менее сильны», но главное «обретали спасение в разуме, судьях, судопроизводстве». Именно с этим регионами Боден связывает основы государственности и правосудие, ибо «законы и формы правосудия брали свое начало у народов, живших в более умеренных регионах, таких как Малая Азия, Греция, Италия, Франция»³². И эта склонность привела к приоритету интеллектуального труда (не религии): «Почти все великие ораторы, законодатели, юрисконсульты, поэты, историки, актеры происходили из умеренных областей»³³. Это не просто прославление природы народов, но и назидание правителям.

С точки зрения Бодена, природу народов необходимо учитывать при учреждении институциональных органов и характера управления, а также и законодательства, и правосудия. Нарушение этого может привести к трагическим последствиям; «любой, кто пожелает управлять таким (южным. – И. Э.) народом с помощью законов и обычаев, соблюдающихся в Турции, Греции, Италии, Франции и других стран умеренной зоны, скоро разрушит свое государство»³⁴. Не менее опасной он считал попытку перенести порядки и законы народов умеренной области в страны другой территориальной зоны. Это, как минимум, ведет к неудаче, и «тот, кто попытается приучить северные народы к судопроизводству Франции и Италии, вскоре обнаружит, что его попытка потерпела поражение, как это произошло с Матяшем, королем Венгрии»³⁵.

Данная тенденция приводит автора к очень любопытным выводам, по сути, речь идет о превосходстве народов умеренной зоны над всеми остальными и только они, с точки зрения Бодена, пригодны для управления: «Народы, живущие в умеренном климате более пригодны, чтобы управлять в государстве, поскольку наделены природным благоразумием»³⁶. Именно это качество характерно для тех, кто властвует над другими. Отсюда и предназначение этих народов: «Народам срединных областей подобает торговать, заключать сделки, вершить суд, проносить речи, повелевать, создавать государства и давать законы и установления для других народов»³⁷. Слово произнесено, именно народы умеренной зоны, то есть по преимуществу народы Западной Европы и годятся для управления другими народами и суда над ними. Возможно, это парафраз известной мысли Вергилия, кото-

рая относилась только к Риму («Римлянин! Ты научись народами править державно – В этом искусство твое! – налагать условия мира, милость покорным являть и смирять войною надменных»³⁸), но Боден объясняет свою позицию тем, что народы Юга и Севера по своей природе «к этому непригодны»³⁹. И тем не менее разум, которым наделен народ, может ему даже мешать в правильной организации государства: «Когда флорентийцы пытаются предпринять коллективное действие, они разрушают все, в то время как венецианцы в совете ведут дела чрезвычайно умело и это делали на протяжении последних двухсот лет»⁴⁰. Именно изощренный ум флорентийцев (несомненно, опять-таки влияние других мыслителей эпохи) приводит к политическим несчастьям: «Поскольку каждый считает себя способным повелевать остальными, они предпочитают демократическую форму правления. Но они не могут сохранять ее без непрестанных споров и гражданских раздоров»⁴¹. Даже природа местностей, близлежащих друг к другу, может определять различия не столько в форме государства, сколько в сохранении политической стабильности. Он сравнивает Афины и Фивы и отмечает, что хотя между ними лежит расстояние всего в 20 лье, тем не менее «одни полностью обратились к литературе и наукам, а другие к оружию, и это несмотря на то, что в обоих городах существовала демократическая республика»⁴². Самое интересное здесь – это указание на то, что, несмотря на черты схожести и соответственно предпочтение демократического государства, афиняне не смогли достичь стабильности политической жизни; «в Фивах не было мятежей, а афиняне очень часто пребывали в раздорах и распрях в своем государстве»⁴³.

Аналогично он оценивает и другую пару (Венецию и Флоренцию), поскольку при республиканском устройстве венецианцы более ловко использовали политические механизмы управления, а в итоге «предводители группировок мудро сохраняли свое демократическое государство, чего флорентийцы и генуэзцы при всей мощи своего разума не могли сделать»⁴⁴. Разумеется, здесь Боден противоречил сам себе, поскольку в своих же сочинениях он характеризовал Венецианскую республику как аристократическое государство, но здесь он проводит некую аналогию, выявляя влияние природы народа на государственность.

Нелюбовь Бодена к демократии преломилась в его оценках северных народов. Они по сути являются опровержением сочинений тираноборцев, в частности «Франкогаллии». Апология Отмана германского свободолюбия опровергается рассуждениями Бодена и, несомненно, это отчетливее всего прослеживается по отношению к тезису Отмана о выборности монархии во Франции. Согласно Бодену только «северные племена или те, которые обитают в гористых областях, всегда надменны и воинственны... опи-

раясь на свои физические силы, предпочитают демократическую форму государства или, по крайней мере, выборную монархию и не станут выносить то, чтобы ими управляли люди, бросающие им вызов»⁴⁵. Ход его рассуждений опровергает идею о наличии электоральной монархии во Франции; она существует лишь у народов Севера в силу их природы: «Все их короли – выборные и они изгоняют их в тот самый миг, когда они превращаются в тиранов, так было со всеми избранными королями Швеции, Дании, Норвегии, Польши, Чехии и Татарии»⁴⁶.

Естественно, что осуждаются попытки заставить эти народы принять другие обычаи: они «любят свободу народа и не стерпят диктатуру» и Боден доказывает ошибочность борьбы Священной Римской империи с жителями швейцарских кантонов: «Сильно ошибались те, кто желал преобразовать демократические государства швейцарцев, гризонов (обитатели кантона Швейцарии Граубюнден. – И. Э.) и других горных народов в монархию»⁴⁷. Ведь хотя «монархия и является наилучшей формой правления, они – неподходящие подданные для такой формы государства»⁴⁸. Этот момент очень важен, ведь Боден здесь ставит политическую стабильность выше своего идеала государства, природа народов, таким образом, превращается в важнейшую характеристику при выборе политической организации.

Тем не менее природные склонности людей определяются многими географическими и климатическими факторами, причем некоторые из них могут оказывать влияние на трансформацию природы народов. Все же Боден не считает эти свойства неизменными, «дисциплина может изменить природные склонности людей»⁴⁹. Он полагал, что природу народов может менять даже особое положение отдельных областей, а потому «те, кто проживает в Тоскане, к примеру, имеют совершенно иной нрав, чем обитатели Ломбардии и они гораздо более умны»⁵⁰. Ученый приходит к важному выводу, согласно которому природа народов, хотя и достаточно стабильна, может все-таки меняться под влиянием изменений условий их существования, но только по истечении длительного времени. И пример он приводит неожиданный – соседней Германии: «Во времена Тацита ее обитатели не ведали ни законов, ни религии, ни наук, ни каких-либо иных форм, привычных для государства, ныне же они никому не уступят во всех этих достижениях»⁵¹.

Изменения благодаря условиям бытия народов могут способствовать их деградации, примером чего являются римляне, утратившие величие и доблесть своих предков. Короче, сама природа народов может изменяться под влиянием нескольких факторов; условия бытия, законы и обычаи «наделены могуществом изменять естественные расположение народа»⁵². Еще более важным в условиях гражданских войн является

тезис Бодена о нравственных характеристиках народов. Он полагал, что если народы «находятся в постоянной войне, то она делает людей варварами, мятежными и жестокими; в то время как мир делает людей мягкими, куртуазными и уступчивыми»⁵³.

Склонность обитателей срединной зоны к умеренности и компромиссам, на взгляд Бодена, определяет их приверженность к устоявшимся формам и традициям, а значит, способствует консервации государства: «Те люди, которые обитают в срединных областях, придерживаются добродетели, находя середину между упрямством и легкомыслием и не настолько упорны в своем мнении, которое меняют не часто, как и форму государства»⁵⁴. Таким образом, стабильность (и, следовательно, продолжительность существования) государств зависит от природы народа и одновременно нравственных качеств отдельных его представителей.

Таким образом, делает вывод Боден, для политических теоретиков и деятелей принципиально важно изучать природные наклонности людей и природу народов, поскольку это способствует не только пониманию закономерностей развития государственности у отдельных народов, но еще и потому, что знание природы и обычаев различных народов предоставляет возможность правильного общения людей, ведения переговоров, использования *jus gentium*, ведь все это «имеет значительные последствия для становления государств, их законов и обычаев, чтобы знать каким образом следует договариваться с теми или с другими или капитулировать перед ними»⁵⁵.

Климатическая теория Бодена оказала существенное влияние на его исторические и политические воззрения. Гуманист полагал необходимым условием для политической деятельности правильного понимания природы народов, обусловленной географической средой и климатом. Это считалось необходимым как для предотвращения ошибок в управлении, так и в международных делах. Кроме того, для гуманиста значение природы народов оказывалось необходимым при решении вопросов, связанных с изменениями законов и правосудия, пониманием образа «чужого» и национальной идентичности. При этом крайне существенно, что в решении этих проблем Боден также последовательно проводил линию опровержения идей своих политических противников – тираноборцев. Его политическая теория применительно к политическому опыту развития отдельных народов тесно связана с его представлениями о природе народов.

Примечания

- ¹ *Touley M. Bodin and Medieval Theory of Climate // Speculum. Vol. 28. № 1. 1953. P. 64–83.*
- ² *Боден Ж. Метод легкого чтения истории. М. : Изд-во высшей школы экономики, 2018. С. 304.*

- ³ *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь / пер. М. А. Юсима. М. : РОССПЭН, 2002. С. 345.
- ⁴ *Conzinet M. D.* Fonction de la Geographie dans la connoissance historique : le modele cosmographique de l'histoire universelle chez F. Baudoin et J. Bodin // *Corpus*. 1995. № 28. P. 133–145.
- ⁵ *Боден Ж.* Метод легкого чтения истории... С. 316.
- ⁶ См.: *Макиавелли Н.* Указ. соч. С. 346.
- ⁷ *Боден Ж.* Метод легкого чтения истории... С. 316.
- ⁸ *Governing the Environment in the Early Modern World : Theory and Practice* / ed. S. Miglietti, J. L. Morgan. 2017. P. 38–56.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ *Bodin J.* De la Republique les six livres. Lyon, 1580. P. 461.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Ibid. P. 473.
- ¹⁴ Ibid. P. 462.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid. P. 463.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. P. 467.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ibid. P. 468.
- ²⁵ *Отман Ф.* Франкогаллия / пер. И. Я. Эльфонд. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. Гл. V–VII и др.
- ²⁶ *Bodin J.* Op. cit. P. 468.
- ²⁷ *Hotman F.* Strigilis Papirii Massoni, sive Remediale Charitativum Contra Radiosam Frenesim Papirii Massoni Iesuitae escullati : per Mathagonidem de Mathagonibus baccalaurem formatum in jure canonico et in medicinae si voluisset. S.L., 1578. P. 30.
- ²⁸ *Bodin J.* Op. cit. P. 471.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid. P. 586.
- ³¹ Ibid. P. 477.
- ³² Ibid.
- ³³ Ibid. P. 478.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid. P. 479.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Ibid. P. 480.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ *Вергилий.* Энеида / пер. С. Ошерова. Кн. 6. М. : Художественная литература, 1979. С. 851–853.
- ⁴⁰ *Bodin J.* Op. cit. P. 480.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Ibid. P. 482–483.
- ⁴⁴ Ibid. P. 483.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid. P. 482.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² Ibid. P. 485.
- ⁵³ Ibid. P. 486.
- ⁵⁴ Ibid. P. 485.
- ⁵⁴ Ibid. P. 486.
- ⁵⁵ Ibid. P. 487.

Образец для цитирования:

Эльфонд И. Я. Географическая среда, nature de peuple и государственность в политической теории Ж. Бодена // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 480–486. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-480-486>

Cite this article as:

Elfond I. Ya. Geographical Environment, Nature de People and Nation-building in Bodin's Political Theory. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 480–486 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-480-486>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(73).092.3

Историческое моделирование асимметричных конфликтов в британо-американском дискурсе в середине 1960-х годов

Д. А. Нестеров

Нестеров Дмитрий Александрович, аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, dmitriynesterov1994@gmail.com

В статье предпринят анализ дискуссии о возможностях исторического моделирования асимметричных конфликтов, возникшей в американском и британском экспертных сообществах в середине 1960-х годов. Раскрываются причины расхождения итоговых выводов экспертных заключений британских и американских экспертов о возможностях и необходимости применения колониального опыта антиповстанчества Британской империи в условиях вьетнамского конфликта середины 1960-х годов.

Ключевые слова: асимметричные конфликты, экспертное сообщество, историческое моделирование, антиповстанчество, деколонизация.

Historical Modeling of Asymmetric Conflicts in the British-American Discourse in the Middle of the 1960s

D. A. Nesterov

Dmitrii A. Nesterov, <https://orcid.org/0000-0002-7431-4673>, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxim Gorky St., Samara 443099, Russia, dmitriynesterov1994@gmail.com

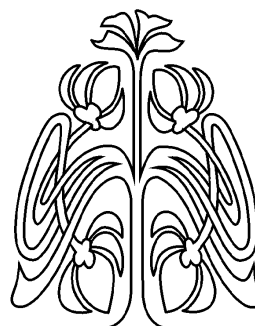
The author of this article comprehensively and systematically analyzes the discussion about the possibilities of historical modeling of asymmetric conflicts that arose in the American and British expert communities in the mid-1960s. The author reveals the reasons for the discrepancy between the final conclusions of the expert opinions of British and American experts on the possibilities and necessity of applying the colonial experience of the British Empire's anti-insurgency in the conditions of the Vietnam conflict of the mid-1960s.

Keywords: asymmetric conflicts, expert community, historical modeling, counterinsurgency, decolonization.

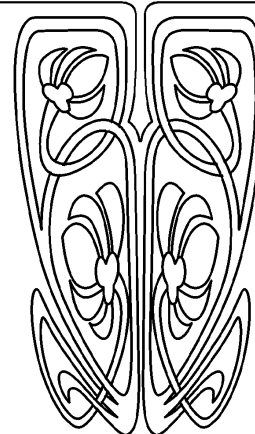
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-487-493>

Начало полномасштабного участия США в войне во Вьетнаме вызвало не только массовые протестные движения в американском обществе, но и привело к еще большей политизации общественных наук. В этом отношении историография стала формой политической критики в США. Подобный процесс зашел настолько далеко, что президент Американской исторической ассоциации Роберт Палмер в традиционном обращении к членам ассоциации в 1970 г. задавался вопросом: «Мы активисты или академики?»¹.

Однако подобного рода политизация происходила не только в сфере академической науки, но и в американском экспертном сообществе, имеющем непосредственную связь с органами государственной власти, ответственными за принятие важных внешнеполитических решений. До 1965 г. представители американской политической экспертизы были единодушны по поводу ситуации в Юго-Восточной

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Азии. Как отмечали американские высокопоставленные государственные служащие, война с повстанцами во Вьетнаме требует «совершенно новой стратегии, совершенно иной силы, и, следовательно, совершенно другой военной подготовки»², но при этом Юго-Восточная Азия была для них абсолютно неведомым регионом³.

В этой связи американское экспертное сообщество обратилось к колониальному опыту европейских империй, имевших не просто абстрактные знания о Юго-Восточной Азии, но и успешно проводивших антиповстанческие операции в данном регионе. При этом наиболее схожей с ситуацией во Вьетнаме признавалась контрпартизанская операция британских сил безопасности в Малайе, так как она, по мнению экспертного сообщества, проходила в аналогичных Вьетнаму условиях и носила асимметричный характер. Несмотря на то, что в подобного рода операциях противоборствующие стороны применяли кардинально различные стратегии и тактики, британским силам безопасности удалось выработать оптимальный набор гражданских и военных действий, позволивший им подавить партизанский мятеж. Свою политику в Малайе британские военные определяли как «завоевание умов и сердец людей»⁴. Тем самым опыт Британской империи был для американского экспертного сообщества более привлекательным, чем антиповстанческие действия Франции в Индокитае, так как последние оказались безрезультатными.

При изучении британского опыта американское экспертное сообщество прежде всего использовало метод исторического моделирования асимметричных конфликтов, выразившийся в изучении и применении колониального опыта Британской империи для выработки универсального рецепта «антиповстанческих операций» и «операций стабилизации» в странах третьего мира⁵. Подобная методологическая установка отразилась в повышенном внимании к операции в Малайе как в ходе международных симпозиумов, проводимых корпорацией РЭНД по общим вопросам антиповстанчества⁶ и роли военно-воздушных сил в разрешении асимметричных конфликтов⁷, так и в пятитомном аналитическом докладе американского эксперта Р. Сандерлэнда, посвященном британскому опыту разведывательной⁸ и оперативной деятельности⁹, организации антиповстанческих действий¹⁰, программе переселения¹¹ и методам психологической войны¹², применяемым во время чрезвычайной ситуации в Малайе.

Историческое моделирование асимметричных конфликтов на материале британского имперского опыта антиповстанчества не носило лишь теоретический характер. Оно способствовало осуществлению конкретных практических действий. Так, после встречи американского президента Дж. Ф. Кеннеди с главой Британской

консультативной миссии в Южном Вьетнаме сэром Робертом Томпсоном начинается реализация программы «стратегических деревень», выступавшей аналогом политики переселения китайских скваттеров во время чрезвычайной ситуации в Малайе¹³. Главная цель данного мероприятия заключалась в создании новых укрепленных поселений, в которых сельские жители изолировались бы от партизанских элементов¹⁴. Другим практическим действием в духе британского опыта в Малайе был отказ администрации президента Дж. Ф. Кеннеди от полномасштабного участия американских вооруженных сил во вьетнамском конфликте. Несмотря на то, что в период с 1961 г. до конца 1963 г. численность военных США в Южном Вьетнаме увеличилось с 3 164 до 16 263 человек, они все же не представляли собой армейские части, а выполняли консультативные функции¹⁵.

Однако попытка применения исторического опыта в иных условиях без учета местной специфики была успешной лишь на бумаге, а в реальной практической плоскости конкретные действия привели не к подавлению повстанческого мятежа, а к еще большему усугублению ситуации. Так, например, темп создания «стратегических деревень» во Вьетнаме был чрезвычайно высоким, что делало фактически невозможным контроль за новыми поселениями¹⁶, что в итоге привело к захвату «стратегических деревень» повстанцами и превращению их в базы Вьетконга¹⁷. Помимо этого, реализация программы шла вразрез с традициями и верованиями местного населения, так как вьетнамских крестьян переселяли в отдаленные от их привычного места обитания районы. Это особенно болезненно воспринималось буддистами, перемещаемыми далеко от могил предков, почитание которых занимало важное место в их религии¹⁸.

В итоге, несмотря на прогнозы американских и британских экспертов, согласно которым «стратегические деревни» будут способствовать умиротворению партизанского движения, ситуация, наоборот, сильно обострилась. Данная программа вызвала враждебное отношение к властям у вьетнамского крестьянства, а начавшееся буддистское восстание, спровоцированное строительством «стратегических деревень», стало одной из главных причин политического кризиса в Южном Вьетнаме. Обострилась и внутриполитическая ситуация в самих Соединенных Штатах, так как осуществление вышеназванных мероприятий сопровождалось яростной критикой как со стороны прессы¹⁹, так и со стороны американских военных советников²⁰.

Несомненно, крах программы «стратегических деревень» стал для американской администрации сокрушительным разочарованием в результатах использования британского опыта антиповстанчества в рамках войны во Вьетнаме. Именно она стала одной из ведущих причин, по-

ложивших начало боевым действиям во Вьетнаме, характеризующимся как война на истощение.

Более того, именно вышеописанные события привели к развитию в американском экспертном сообществе дискуссии по вопросам использования исторического моделирования асимметричных конфликтов во внешней политике США и применения британского колониального опыта в условиях войны во Вьетнаме. В ней принимали участие две группы экспертов. Первые – преимущественно американские аналитики корпорации РЭНД – Р. Тильман²¹, Б. Фолл²² и М. Осборн²³, считавшие применение имперского опыта антиповстанчества негативным экспериментом администрации Дж. Ф. Кеннеди и выступавшие категорическими противниками любых попыток исторического моделирования. Вторая группа участников дискуссии состояла из британских военных экспертов – Р. Томпсона²⁴, Р. Клаттербэка²⁵, Дж. Пэджета²⁶.

В историографии дискуссия американского экспертного сообщества рассматривается в двух основных плоскостях. Первая группа ученых – Д. К. Хиллан²⁷, А. Ф. Крепиневич-младший²⁸, К. Хак²⁹, Ф. Э. Кэттон³⁰ и другие – относится к материалам этого экспертного дискурса как к источникам по войне во Вьетнаме и процессам деколонизации в странах третьего мира и рассматривает не теоретические положения американских и британских экспертов, а фактический материал, изложенный в нем.

Другая группа ученых – А. Дж. Джос³¹, Р. К. Беттс³², Э. Н. Сандерс³³, К. Блаттман, Э. Мигель³⁴ – напротив, обращает внимание на теоретические положения по вопросам антиповстанчества. Однако общая тенденция данных историографических направлений состоит в том, что работы американских и британских экспертов рассматриваются в них не в комплексе общей дискуссии по вопросам исторического моделирования, а в рамках отдельных частных положений. При этом зарубежная историография нередко переносит данные теоретические модели на совершенно иные исторические условия – конфликты в Ираке³⁵, Афганистане³⁶ и на Филиппинах³⁷.

В связи с такой историографической ситуацией автор статьи ставит целью комплексно и системно проанализировать дискуссию, возникшую в американском и британском экспертных сообществах в середине 1960-х гг. Дискуссия о возможностях исторического моделирования асимметричных конфликтов является не только фактологическим и теоретическим источником по теории антиповстанчества. Она раскрывает методологическую разницу в подходах к процессу исторического моделирования. Помимо этого, комплексный анализ данного дискурса способен выявить и зазор между заключениями американского экспертного сообщества и мнением военно-политических элит, ответственных за принятие важных государственных решений.

Особенность данной дискуссии заключается в ее публичном характере. Она не проходила во время засекреченных встреч или в рамках обмена аналитическими докладами, имеющим ограниченный доступ. Участники дискуссии публиковали свои работы по вопросам применения исторического моделирования асимметричных конфликтов либо в уважаемых академических изданиях (например, в журнале «Asian Survey»), либо в таких крупных издательствах, как «Praeger». При этом данные труды распространялись одновременно как на территории США, так и в Великобритании.

Широким был и охват возможной аудитории. Американские аналитики обращались в своих работах прежде всего к американскому экспертному сообществу, академическим кругам и политической элите. Британские военные эксперты Р. Клаттербэк и Дж. Пэджет ориентировались на американских военных, стремясь убедить их в ошибочности концепции войны на истощение и пытаясь показать офицерам США практические достоинства британского пути антиповстанчества. Любопытный факт: предисловие к работе британского эксперта Р. Клаттербэка написал генерал вооруженных сил США Гарольд Джонсон, который отметил основные отличия асимметричных конфликтов от традиционных военных действий и показал необходимость изучения британского опыта антиповстанчества, поскольку «интересы США во Вьетнаме еще очень молоды». Кроме того, генерал Джонсон подчеркнул давнее и плодотворное сотрудничество Клаттербэка с армией США – британец преподавал в американских военных академиях и через его курсы прошли более 1500 курсантов³⁸. Факт написания данного предисловия должен восприниматься как дополнительный аргумент в пользу взглядов британского военного эксперта, ведь к его мнению прислушивается и часть американской военной элиты.

Из общего ряда участников данной дискуссии выделяется британский эксперт Р. Томпсон, работа которого рассчитана на широкий круг читателей. Как утверждал сам автор, цель его книги состоит в изложении собственных взглядов на теорию антиповстанчества для массовой, не искушенной в этом вопросе аудитории. В связи с этим в работе нет ни специализированной терминологии, ни ссылок на труды других специалистов³⁹. Тем самым Томпсон стремился воздействовать на американскую военно-политическую элиту через общность, осознавая, что в середине 1960-х годов в обществе США возрастало социальное недовольство полномасштабным участием американских войск во Вьетнаме и усиливалось влияние гражданского общества на принятие решений американским государственным аппаратом.

Так как в 1960-е годы за основу исторического моделирования асимметричных конфлик-

тов американскими и британскими экспертами брался опыт чрезвычайной ситуации в Малайе, то именно по этому предмету и развернулась основная дискуссия. Все участники обсуждения так или иначе методом своего исследования выбирали компаративный анализ, предметно сравнивая малайскую компанию и войну во Вьетнаме. В связи с этим подробно рассмотрим основные положения анализа главных участников британо-американского дискурса.

Первым пунктом компаративного анализа участников дискуссии было сравнение природно-географических условий Малайи и Вьетнама. Британские эксперты отмечали схожесть обеих стран, так как для них характерны частые сильные ливни, что в сочетании с тропическим климатом приводит к появлению непроходимых джунглей. Помимо этого, Р. Томпсон отмечал, что Малайя и Вьетнам имеют узкие по ширине границы и горный хребет в центре страны⁴⁰.

Американская сторона дискуссии наоборот отмечала серьезные отличия в природно-географических особенностях двух стран. Так, Р. Тильман обращает внимание на то, что Малайя, будучи узким полуостровом с шириной менее 200 миль в самой широкой точке, имеет общую сухопутную границу лишь с одной страной – Таиландом. Южно-Китайское море на востоке и Малаккский пролив на западе обеспечивали естественные барьеры, ограничивавшие движение партизан, тем самым заставляя их действовать в относительно узком поясе. Южный Вьетнам представлял собой совершенно другую ситуацию. Он имеет протяженные границы (около 750 миль) с двумя государствами – Лаосом и Камбоджой. Через эти государства пролегли маршруты крупных поставок вооружения и людской силы для повстанцев (знаменитая «тропа Хо Ши Мина»). Единственным общим природно-географическим условием для Малайи и Южного Вьетнама были джунгли. Однако, как отмечает Тильман, в них даже после завершения антиповстанческой операции в Малайе продолжали орудовать около 400 партизан⁴¹.

Другой схожей чертой двух стран, по мнению британской стороны, являлся аграрный характер их обществ, а основным производимым товаром обоих государств был рис⁴². Это утверждение американские эксперты справедливо парировали фактом произрастания на территории Малайи каучука, на который вырос спрос из-за войны на Корейском полуострове в 1950–1953 гг., что привело к росту экономического развития колонии. Данный факт позволил местным властям самостоятельно финансировать контрпартизанскую операцию, не запрашивая огромные средства у метрополии. К тому же, как указывает Тильман, многие повстанцы считали, что для них гораздо выгоднее с экономической точки зрения вернуться к производству олова и каучука, чем оставаться в партизанском отряде⁴³.

Британские эксперты отметили и высокий уровень военной подготовки как малайцев, так и южных вьетнамцев. Первые получили боевой опыт в ходе Второй мировой войны, а вторые – во время антиколониальной борьбы с Францией⁴⁴. Однако американские аналитики обратили внимание на то, что антиповстанческая операция во Вьетнаме ведется против заметно большего количества партизан и в более широких географических границах⁴⁵.

В центре анализа всех экспертных работ, как британских, так и американских, были программы переселения сельских жителей в новые укрепленные деревни, использовавшиеся в ходе чрезвычайной ситуации в Малайе и на начальном этапе войны во Вьетнаме. Так, экс-глава Британской консультативной миссии в Южном Вьетнаме сэр Р. Томпсон отмечает, что именно он осознал необходимость применения этой меры в Южном Вьетнаме и убедил президента Нго Динь Зьема в необходимости ее использования. Создание «стратегических деревень», по мнению Томпсона, должно было происходить в три этапа. Во-первых, это непосредственное переселение жителей, а также сооружение вокруг нового поселения массивного вала, колючей проволоки, кольев, рвов и минных ловушек. На втором этапе необходимо было наладить радиосвязь между «стратегическими деревнями» и районным центром, а также обучить местных жителей навыкам самообороны для непосредственной защиты поселения. Третий этап – наиболее важный, так как включает в себя ликвидацию повстанческой подпольной организации в пределах деревни⁴⁶.

По мнению Томпсона, руководство Южного Вьетнама понимало особенности программы «стратегических деревень», но допустило три ошибки. Во-первых, власти попытались навязать политический контроль через партию Чан Лаон и республиканскую молодежь вместо того, чтобы заручиться поддержкой со стороны крестьян. Во-вторых, возник серьезный конфликт между республиканской молодежью и старейшинами. В-третьих, руководство Южного Вьетнама недооценило степень распространения влияния Вьетконга в стране. Томпсон отмечал и другие ошибки, которые привели к провалу программы «стратегических деревень». Так, она начала осуществляться совершенно не в том районе. Север от Бен-Кота, где стали строить деревни, является менее населенной местностью, но при этом в большей степени подконтролен Вьетконгу⁴⁷.

Однако настоящие проблемы появились в 1963 г. Летом началось буддистское восстание, что привело к нестабильной политической обстановке в стране и ухудшению отношений с американским правительством. Одновременно усилились атаки Вьетконга на «стратегические деревни». Армия и силы обороны не могли осуществлять полноценную защиту поселений, что привело к массовому захвату деревень повстан-

цами⁴⁸. В таких условиях, по мнению Р. Томпсона, вооруженные силы Сайгона могли быть полностью разбиты повстанцами, а их моральный дух мог ослабеть до такой степени, что они не в силах были бы продолжать борьбу. Южный Вьетнам мог также лишиться правительства, что привело бы к неминуемому поражению⁴⁹.

В связи с этим, по мнению Томпсона, в первую очередь необходимо стабилизировать политическую ситуацию в стране, обеспечить лучший контроль над территориями, удерживаемыми Южным Вьетнамом. Автор призывает быть готовым к затяжной борьбе во Вьетнаме, указывая на малайский пример, где контрпартизанская борьба длилась 12 лет⁵⁰.

Другой британский военный эксперт Р. Клаттербэк, анализируя программы переселения в Малайе и во Вьетнаме, выделил следующие причины провала программы «стратегических деревень» в Южном Вьетнаме. Во-первых, малайские скваттеры в отличие от вьетнамских крестьян были слабо связаны с землей, на которой они проживали. Во-вторых, ситуация во Вьетнаме усугублялась и крепкими связями жителей с местами своего проживания на фоне спешки в реализации переселенческой программы и слабой защиты «стратегических деревень». При этом ответственность за провал программы переселения вьетнамских крестьян Клаттербэк возлагает и в том числе на Р. Томпсона, возглавлявшего в то время Британскую консультативную миссию в Южном Вьетнаме⁵¹.

По мнению Р. Клаттербэка, единственная возможность одержать победу над повстанцами во Вьетнаме – осуществление программы новых «стратегических деревень». Однако на этот раз она должна проходить не спеша, с поддержкой вооруженных сил, с учетом всех ошибок прошлой программы. И как отмечает Клаттербэк, в апреле 1965 г. уже предпринята первая попытка ее осуществления в одном из регионов Южного Вьетнама. Автор выражал надежду, что этот опыт окажется успешным и постепенно будет перенесен на территорию всей страны⁵².

Американские эксперты в своих работах направили основную критику на программу переселения в самой Малайе, полагая, что неудача «стратегических деревень» во Вьетнаме заключается не в ее конкретном исполнении, а в общей сути данного мероприятия. Так, американский эксперт Тильман полагает, что не нужно идеализировать новые деревни, в которые переселяли скваттеров в Малайе. Фактически эти поселения представляли собой концентрационные лагеря со всеми вытекающими отсюда проблемами. Тильман критикует и замалчивание британскими офицерами и прежними аналитиками РЭНД фактов сопротивления переселению со стороны китайских скваттеров. Эксперт приходит к выводу, согласно которому эта программа не является основным фактором победы над повстанцами⁵³.

Американские эксперты обращают внимание и на общеисторический контекст антиповстанческих операций в Малайе и во Вьетнаме. Так, по их мнению, одним из столпов британской колониальной политики в Малайе было сохранение традиционных социальных институтов полуострова, в частности, политических разностей в стране и наличия исламского правителя в каждом из малайских государств. Султаны в большинстве случаев рассматривали британцев как приглашенных гостей, а не как колониальных завоевателей. Разумеется, эти традиционные институты были, скорее, фасадом, чем фактически управляющими органами. Тем не менее задачи сил Содружества были намного проще, поскольку британцы могли быть вполне уверены в том, что, во-первых, сами султаны твердо привержены антикоммунистическому курсу колониальной администрации и, во-вторых, большинство малайцев были верны своим султанам⁵⁴. Фактически эта ситуация означала, что силы Содружества могли сразу рассчитывать на лояльность примерно 40–49 % населения. Таким образом, британцы получали возможность сосредоточить свое внимание исключительно на оставшейся половине.

Вьетнам же представлял собой более сложную картину. Французская колониальная администрация не поощряла сохранение традиционных институтов (за исключением протектората Аннама, главой государства которого был император. Однако королевская власть была крайне слабой, а с 1897 г. протекторатом стал управлять французский резидент в Аннаме). В то же время следует признать, что у вьетнамского крестьянина как на Севере, так и на Юге, не было традиционного символа лояльности государственного характера, а значит перед Соединенными Штатами стояла сложная задача по формированию символов лояльности правительству⁵⁵.

В итоге американский эксперт Р. Тильман приходит к выводу, согласно которому «малайская модель... может быть полезной как руководство к политическим действиям только в аналогичных социально-политических условиях... Любая попытка наложить малайский опыт на Вьетнам, в лучшем случае, наивна и вводит в заблуждение, а в худшем – чревата серьезными политическими катастрофами»⁵⁶.

Другой американский аналитик Б. Фолл пришел к еще более категоричному выводу. По его мнению, «любое сравнение между британским опытом в Малайе и ситуацией во Вьетнаме в 1960-е годы, не что иное, как опасное заблуждение или, что еще хуже, преднамеренное упрощение проблемы»⁵⁷.

В ходе анализируемой нами дискуссии американские эксперты впервые акцентировали внимание на том, что британские военные в качестве позитивного колониального опыта антиповстанчества рассматривали лишь контрпарти-

занскую операцию в Малайе. Как справедливо заметил Томас Макаитис, «предположение, что повстанчество являлось коммунистическим феноменом, привело к тому, что западные аналитики пренебрегли довоенным опытом... Малайя – это кульминация, а не точка отсчета, не формула, выведенная на основании одного единственного эксперимента»⁵⁸.

Подобного рода заикленность на малайском опыте объясняется тем фактом, что именно в этой контрпартизанской операции принимали активное участие британские эксперты Р. Томпсон, Р. Клаттербэк и др. Активность главы британской консультативной миссии в Южном Вьетнаме сэра Роберта Томпсона была настолько высока, что ему удалось заручиться поддержкой президентов США и Южного Вьетнама, убедить их в необходимости применения именно малайского опыта антиповстанчества.

Таким образом, проведенный анализ британско-американского дискурса в середине 1960-х годов показывает особенности взаимодействия конкурирующих способов исторического моделирования асимметричных конфликтов. При этом обе стороны в своих заключениях стремились не к адекватной научной рефлексии, а к влиянию на принятие официальными властями нужных экспертам решений. Помимо этого, обе стороны воспроизводили стереотипы и устоявшиеся подходы к анализу политических и социальных процессов в странах «третьего мира», относящихся к имперскому образу рефлексии колониальных проблем. Их отношение к историческому материалу не было сугубо научным. И британские, и американские эксперты относились к истории как к кладовой фактов.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-20029).

Примечания

- 1 Palmer R. R. The American Historical Association in 1970 // American Historical Review. 1971. Vol. 76, № 1. P. 1.
- 2 Kennedy J. F. Remarks at West Point to the Graduating Class of the US Military Academy // John F. Kennedy Library, June. 1962. Vol. 6. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=8695> (дата обращения: 03.05.18).
- 3 См.: Макнамара Р. Вглядываясь в прошлое: Трагедия и уроки Вьетнама. М.: Ладомир, 2004. С. 65.
- 4 Малкин С. Г. Колониальный опыт Великобритании и стратегическое мышление США // Международные процессы. 2016. Т. 14. №. 3. С. 52–67.
- 5 См.: Малкин С. Г. Методологические особенности изучения исторического моделирования асимметричных конфликтов // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. №. 2 (23). С. 215–218.

- 6 Counterinsurgency: a Symposium, April 16–20, 1962 / S. Hosmer, S. O. Crane. Santa Monica, 2006.
- 7 Counterinsurgency Symposium on the Role of Airpower in Counterinsurgency and Unconventional Warfare: the Malayan Emergency. Santa Monica, 1963.
- 8 Sunderland R. Antiguerrilla Intelligence in Malaya, 1948–1960. Santa Monica, 1964.
- 9 Sunderland R. Army Operations in Malaya, 1947–1960. Santa Monica, 1964.
- 10 Sunderland R. Organizing Counterinsurgency in Malaya, 1947–1960. Santa Monica, 1964.
- 11 Sunderland R. Resettlement and Food Control in Malaya. Santa Monica, 1964.
- 12 Sunderland R. Winning the Hearts and Minds of the People: Malaya, 1948–1960. Santa Monica, 1964.
- 13 Gelb L. H., Betts R. K. The irony of Vietnam: The system worked. Washington, D.C., 2016. P. 80.
- 14 Подробнее см.: Конева И. В. Вьетнамское направление внешней политики Джона Кеннеди в Индокитае // Уральское востоковедение: международный альманах. 2011. №. 4. С. 59–66.
- 15 Neeson K. Did JFK have an Exit Strategy for Vietnam? URL: www.e-ir.info/2008/11/03/did-jfk-have-an-exit-strategy-for-vietnam/ (дата обращения: 05.05.2018).
- 16 The Pentagon Papers: The Defense Department History of United States Decision making on Vietnam. Boston, 1971. Vol. II. P. 151.
- 17 Osborne M. E. Strategic Hamlets in South Vietnam: A Survey and Comparison. Ithaca, Data Paper. 1965. № 55. P. 38.
- 18 Sheehan N. A Bright Shining Lie: John Paul Vann and America in Vietnam. N. Y., 1989. P. 309–310.
- 19 Halberstam D. Rift With Vietnam on Strategy Underlined by 2 Red Attacks // New York Times. 16 Sept. 1963. P. 2.
- 20 Newman J. M. JFK and Vietnam: Deception, Intrigue, and the Struggle for Power. N. Y., 1992. P. 316–330.
- 21 Tilman R. O. The Non-Lessons of the Malayan Emergency // Asian Survey. 1966. P. 407–419.
- 22 Fall B. B. The Two Vietnams. L., 1965.
- 23 Osborne M. E. Op. cit.
- 24 Thompson R. G. K. Defeating Communist Insurgency: The lessons of Malaya and Vietnam. N. Y.; Washington, 1966.
- 25 Clutterbuck R. L. The Long, Long War: Counterinsurgency in Malaya and Vietnam. N. Y., 1966.
- 26 Paget J. Counter-Insurgency Campaigning. L.; N. Y., 1967.
- 27 Hallin D. C. The uncensored War: The media and Vietnam. Oakland, 1989.
- 28 Krepinevich Jr A. F. The Army and Vietnam. Baltimore, 1986.
- 29 Hack K. Defence and Decolonisation in South-East Asia: Britain, Malaya and Singapore 1941–1967. Richmond, 2013.
- 30 Catton Ph. E. Diem's Final Failure: Prelude to America's war in Vietnam. Lawrence, 2002.
- 31 Joes A. J. Resisting Rebellion: the History and Politics of Counterinsurgency. Lexington, 2006.
- 32 Betts R. K. The Soft Underbelly of American Primacy: Tactical Advantages of Terror // Political Science Quarterly. 2002. Vol. 117, №. 1. P. 19–36

- ³³ *Saunders E. N.* Leaders at War : How Presidents Shape Military Interventions. Ithaca, 2011.
- ³⁴ *Blattman C., Miguel E.* Civil War // *Journal of Economic Literature*. 2010. Vol. 48, № 1. P. 3–57.
- ³⁵ *Berman E., Shapiro J. N., Felter J. H.* Can Hearts and Minds be Bought? The Economics of Counterinsurgency in Iraq // *Journal of Political Economy*. 2011. Vol. 119. № 4. P. 766–819.
- ³⁶ *Berman E.* et al. Do working men rebel? Insurgency and unemployment in Afghanistan, Iraq, and the Philippines // *Journal of Conflict Resolution*. 2011. Vol. 55. № 4. P. 496–528.
- ³⁷ *Arnold J. R.* Jungle of snakes : A century of counterinsurgency warfare from the Philippines to Iraq. N. Y., 2009.
- ³⁸ *Clutterbuck R. L.* Op. cit. P. IX–X.
- ³⁹ *Thompson R. G. K.* Op. cit. P. 9.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 17
- ⁴¹ *Tilman R. O.* The Non-Lessons of the Malayan Emergency // *Asian Survey*. 1966. P. 413–414.
- ⁴² *Thompson R. G. K.* Op. cit. P. 18.
- ⁴³ *Tilman R. O.* Op. cit. P. 418.
- ⁴⁴ *Thompson R. G. K.* Op. cit. P. 19–20.
- ⁴⁵ *Tilman R. O.* Op. cit. P. 418.
- ⁴⁶ *Thompson R. G. K.* Op. cit. P. 124.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 126, 129.
- ⁴⁸ *Ibid.* P. 137–139.
- ⁴⁹ *Ibid.* P. 166.
- ⁵⁰ *Ibid.* P. 167, 169.
- ⁵¹ *Clutterbuck R. L.* Op. cit. P. 67
- ⁵² *Ibid.* P. 75–76.
- ⁵³ *Tilman R. O.* Op. cit. P. 410.
- ⁵⁴ *Ibid.* P. 415.
- ⁵⁵ *Ibid.* P. 416.
- ⁵⁶ *Ibid.* P. 419.
- ⁵⁷ *Fall B. B.* Op. cit. P. 342.
- ⁵⁸ *Mockaitis T. R.* Low-Intensity Conflict : the British Experience // *Journal of Conflict Studies*. 1993. Vol. 13. № 1. P. 7.

Образец для цитирования:

Нестеров Д. А. Историческое моделирование асимметричных конфликтов в британо-американском дискурсе в середине 1960-х годов // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 487–493. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-487-493>

Cite this article as:

Nesterov D. A. Historical Modeling of Asymmetric Conflicts in the British-American Discourse in the Middle of the 1960s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 487–493 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-487-493>

УДК 94(41/99)

Дискурс турецкой «мягкой силы» в контексте трансформации внешнеполитического курса Турции в 2001–2015 годах (на основе анализа выступлений турецких политических лидеров)

О. А. Шамарина

Шамарина Олеся Александровна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, shamarina.olesya@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности изучения употреблений понятий «турецкая модель» и «турецкая мягкая сила» в академических и научных кругах Турции. Анализируются ключевые составляющие, вкладываемые в данные понятия, на примере выступлений турецких лидеров Ахмета Давутоглу и Реджепа Тайипа Эрдогана. Временными рамками исследования стали 2001–2014 гг., а приведенная статистика основывается на работе турецких исследователей Йоханана Бенхаима и Керема Октема «Взлет и падение дискурса турецкой мягкой силы. Дискурс во внешней политике при Давутоглу и Эрдогане» 2015 г.

Ключевые слова: «мягкая сила», Турция, «турецкая модель», Ахмет Давутоглу, Р. Т. Эрдоган.

The Discourse of Turkish «Soft Power» in the Context of the Turkish Foreign Policy Transformation in 2001–2015 (Based on Turkish Political Leaders' Speech Analysis)

О. А. Shamarina

Olesya A. Shamarina, <https://orcid.org/0000-0001-6026-3919>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, shamarina.olesya@yandex.ru

The article discusses the study features of «Turkish model» and «Turkish Soft Power» concepts usage in academic and scientific circles of Turkey. Based on the Turkish leaders Ahmet Davutoglu and Recep Tayyip Erdogan's speeches the author analyzes the key components invested in these concepts. The time frame of the study was 2001–2014, and the basis of the presented statistics was the work of 2015, presented by Turkish researchers Yohanan Benhaim and Kerem Oktem «The rise and fall of Turkey's soft power discourse. Discourse in foreign policy under Davutoğlu and Erdoğan».

Keywords: «Soft Power», Turkey, «Turkish model», Ahmet Davutoglu, R. T. Erdogan.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-494-498>

После прихода к власти в 2002 г. умеренной исламской Партии справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma Partisi, АКР) (далее – ПСР) в Турции наметилась тенденция к смене внешнеполитических приоритетов. Новая политическая элита скорректировала государственную машину в соответствии со своими идеологическими предпочтениями – от господствовавших долгое

время доктрины реализма и откровенно прозападной ориентации в сторону большей многовекторности внешней политики страны, опираясь на ее исламские корни и не отказываясь от ее имперского прошлого. Вот почему именно в этот период оказались востребованными идеи профессора Стамбульского университета Бейкент Ахмета Давутоглу, ставшие основой политики «нулевых проблем с соседями».

Указанные перемены во внешнеполитическом курсе Турции потребовали оформления инструментальной базы для его реализации, выработки механизмов, которые бы смогли более энергично продвигать «турецкую модель» в соответствии с амбициозными устремлениями новых турецких лидеров.

Отметим, что в качестве основополагающих элементов в понятие «турецкая модель» включалось три составляющих: светское государственное устройство, демократическое правление (утвержденные светские порядки в стране совместно с системой партийного плюрализма и политикой европеизации), а также свободные рыночные отношения¹. «Турецкая модель» развития государства противопоставлялась, таким образом, варианту «исламской демократии» и «иранской исламской революционности»².

В это же время возникает идея продвижения «турецкой модели» в качестве идеального варианта развития стран близлежащего региона, о чем свидетельствует активное употребление этого термина в выступлениях политических лидеров страны.

В качестве важнейшего механизма продвижения «турецкой модели» стала политика «мягкой силы». Эта политика сформировалась под влиянием книги известного американского профессора Гарвардского университета Джозефа Ная «Пределы лидерства: изменение природы американской мощи»³, введшего термин «мягкая сила» в отношении глобальной мощи США. Наиболее развернуто Най представил свой концепт в изданной в 2004 г. книге «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике» (в русском переводе 2006 г. «Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике») ⁴. Дебаты, последовавшие после выхода в свет книги, а также множество работ, апеллирующих данным термином в отношении внешнеполитической линии той или иной страны, наглядно демонстрируют актуальность и своевременность идей Д. Ная.

Если обратиться к статистике, представленной в исследовании, можно заключить, что волна популярности термина «турецкая мягкая сила» не коснулась Турции: научных публикаций, в которых рассматривалось бы данное понятие (на турецком и английском языках), с 2001 г., т. е. когда ПСР приходит к власти в Турции, не так много – первые работы появляются лишь в 2005 г. (всего 5), количество их, постепенно увеличиваясь, составило 80 работ в 2013 г.⁵

Указанная тенденция не вызывает удивления. Активизация внешнеполитических шагов Анкары приходится на 2009 г. когда пост министра иностранных дел Турции занял Ахмет Давутоглу. Благодаря увеличению объемов деятельности таких проправительственных организаций, как SETA (Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı – Фонд политических, экономических и социальных исследований), а также прихода к власти «особых» людей, таких как Ибрагим Калын, основные компоненты политики «мягкой силы» стали гораздо чаще проявляться во внешней политике Турции.

Стоит также сравнить данные по использованию понятий «мягкая сила» и «турецкая модель» в академических трудах. Так, по состоянию на 2013 г. приводятся следующие цифры: «мягкая сила» упоминалась в 371 статье за 2001 г., ссылки на «турецкую модель» можно найти только в 49 статьях за тот же период исследований⁶.

Следует заметить, что с 2011 по 2013 г. наблюдается значительный рост числа употреблений понятия «турецкая модель» в научных изданиях, что, безусловно, объясняется возрастанием престижа Турции на мировой арене и попытками использованием ее модели в странах, дестабилизированных Арабской весной. Исследователи предположили, что общие показатели словоупотреблений останутся на относительно высоком уровне в ближайшие несколько лет с учетом тогдашнего политического контекста и неудач в реализации «турецкой модели» в ряде стран, особенно в Сирии, а также после протестов в парке Гези в мае – июне 2013 г. и мер по подавлению курдского движения в Турции.

В этой связи гораздо больший интерес представляет вопрос о содержании этих статей. В большинстве из них турецкая политика «мягкой силы» рассматривается в отношении не одной конкретной страны, а целого региона и как неотъемлемая часть американской или европейской политики. «Мягкая сила» Турции, по их мнению, непосредственным образом связана с интересами США (в меньшей степени – с ЕС) и приравнивается к возможности вмешательства и влияния на регионы, находящиеся под их прямым контролем, через более надежного регионального лидера – Турцию⁷.

Важным является и то, что исследователи вкладывают в само понятие «мягкая сила»⁸.

Результаты несколько удивляют, поскольку некоторые из ключевых понятий (демократия, равенство, справедливость), которые следовало бы ожидать, отсутствуют в исследованиях. Наиболее же распространенными терминами являются «внешняя политика» и «внешние отношения», а наиболее часто упоминаемыми регионами – «Ближний Восток», «Европейский союз» и «Арабский мир». Помимо прочего, были использованы следующие термины: безопасность, экономика, стратегия, культура и подъем.

Рассмотрев появление и частотность употребления понятия «мягкая сила» в научных трудах, перейдем к анализу использования термина турецкой политической элитой, в частности, на примере речей бывшего министра иностранных дел и премьер-министра Турции Ахмета Давутоглу и бывшего премьер-министра (и нынешнего президента) Реджепа Тайипа Эрдогана.

В обоих случаях объем контента использования «мягкой силы» небольшой, тем не менее, важно подчеркнуть наличие существенного различия между самим содержанием термина: для Давутоглу «soft power» – это светское орудие теории международных отношений, для Эрдогана – это средство, носящее более открытый националистический и даже панисламистский характер.

На сайте Министерства иностранных дел Турции понятие «мягкая сила» включает в свой состав три ключевые характеристики: демократия, экономические отношения и проевропейская ориентация. Среди других составляющих выделяют либеральный визовый режим Турции, упрочение влияния в мусульманском мире посредством апелляции к общему историческому прошлому и политики Турции с позиций «нового донора» в отношении них. Ключевыми средствами по реализации подобной политики на сайте значатся: программы иностранного языка на государственном канале Турции TRT (Турецкое радио и телевидение), турецкие авиалинии Turkish Airlines и Агентство развития и сотрудничества Турции (TİKA).

Нацеленность на новый курс и дипломатический стиль во внешней политике Турции прослеживаются в следующей цитате А. Давутоглу: «Мы не угрожаем ... (но используем) язык, который отдает предпочтение гражданско-экономической власти»⁹. (Ахмет Давутоглу, Foreign Policy, 20 мая 2010 г.).

Следующие две цитаты наглядно иллюстрируют отсылки к «турецкой модели» демократии и ее предполагаемой привлекательности для соседних стран: «Мы осознаем тот факт, что наша демократия является нашей самой большой «мягкой силой»¹⁰ (Ахмет Давутоглу на встрече с послами ЕС, 8 мая 2009 г.). «Хотя и нет предела для совершенствования, наша демократия вдохновляет многих в нашем регионе и составляет основу нашей растущей «мягкой силы»¹¹ (Наджи Кору (замглавы МИД Турции), лекция в Школе

бизнеса Стэнфордского университета, 13 февраля 2013 г.).

Обязательства Турции перед мусульманским миром по продвижению демократии и способствованию экономического развития в этих странах также очевидны из выступления Ахмета Давутоглу в Американском университете в Каире еще до прихода к власти президента Мохаммеда Мурси. В нем он отдает приоритет местоположению, экономике, культуре и демократии Турции как главному объяснению ее политической привлекательности для внешнего мира: «Наше геостратегическое положение, быстроразвивающаяся экономика, способность понимать различные социальные и культурные тенденции в обширной географии и стремление к продвижению демократии ... все это важные активы внутри страны и за рубежом ... Ключевое слово, определяющее отношения Турции с арабскими странами, – это не «гегемония», а «взаимное сотрудничество»¹² (Ахмет Давутоглу, Американский университет в Каире, 13 февраля 2012 г.).

Отношения Турция–ЕС и европейская «мягкая сила» как условие и результат предполагаемого членства Турции также легко обнаружить на сайте турецкого МИДа. Причем показателен тот факт, что все речи и статьи на эту тематику ориентированы исключительно на европейскую аудиторию, если же речь идет об аудитории за пределами ЕС, МИД Турции старается завуалировать европейские вопросы другими темами. Взаимосвязь между турецкой и европейской «мягкой силой» наглядно представлена в следующей цитате: «Европа и Турция... разделяют действительно общее видение будущего нашего континента: Европа, которая укрепляет свою «мягкую силу» и продвигает свои универсальные ценности...»¹³ (выступление Давутоглу на Nueva Economía Fórum в Мадриде, 16 ноября 2009 г.).

Турецкая проевропейская «мягкая сила» как условие членства Турции в ЕС обнаруживается в выступлениях лидеров страны. Бывший министр иностранных дел Турции Али Бабаджан также говорил в своих выступлениях о значимости Турции для Европы и наоборот: «Членство Турции в Европейском Союзе значительно укрепит ее «мягкую силу» и привлекательность в вопросах расширения гражданских прав и прав человека в исламском мире... Турция станет воротами Европы и мостом для распространения наших общих ценностей и идеалов, которые будут иметь более восприимчивую аудиторию на Ближнем Востоке»¹⁴ (Али Бабаджан, 2 октября 2007 г.). Иными словами, Бабаджан отмечает обоюдную заинтересованность и выгоду от членства Турции в ЕС: для Европы Турция станет источником «мягкой силы», которая будет свободно распространяться в арабский мир, куда больший по размерам, чем оставшийся мир, через «ворота» в

Ближний Восток – Турцию. Для бывшей Османской империи членство в ЕС выведет турецкую «мягкую силу» на совершенно новый уровень – Турция станет центром притяжения для всего Ближнего Востока и возьмет на себя ответственность за «транспортную» европейских ценностей в мусульманский мир.

Проевропейская ориентация – не единственное воплощение турецкой «мягкой силы». Другим ее проявлением, нашедшим отражение в речах лидеров страны, стал либеральный визовый режим Турции. «Мы использовали нашу визовую политику в качестве инструмента расширения возможностей «мягкой силы» ... Мы сняли визовые ограничения в более 30 странах мира за последние 5 лет. В дополнение к своим политическим и культурным преимуществам данная политика способствовала развитию нашего туризма»¹⁵ (Начи Кору, встреча с почетными консулами Турции в Северной и Южной Америке, 15 апреля 2013 г.).

Исторические основы «мягкой силы» Турции – не менее популярная тема для выступлений турецких лидеров. Так, например, объясняя значимость Турции для НАТО, Начи Кору в отношении миссий Организации в Боснии, Косово, Македонии и Афганистане, где Турция действительно смогла использовать свою религиозную и культурную самобытность для установления доверительных отношений с местными мусульманским населением, сказал: «Турция с легкостью мобилизует свою «мягкую силу», используя свои глубокие исторические корни с многими странами мира, в которых действует НАТО»¹⁶.

Авторы работы «The rise and fall of Turkey's soft power discourse. Discourse in foreign policy under Davutoğlu and Erdoğan» по итогам анализа 75 выступлений А. Давутоглу приводят топ-15 ключевых слов в отношении политики «мягкой силы»¹⁷.

Анализируя данные, можно констатировать тот факт, что позиция Давутоглу выглядит менее евроцентричной и, безусловно, не направлена на содействие демократии. Именно экономическое сотрудничество и безопасность, а не демократия или верховенство закона лежат в основе его видения взаимодействия с миром. Нет никаких ссылок на права человека, и что самое интересное, нет ни единого упоминания терминов «мягкая сила» и «стратегическая глубина».

Если же обратиться к речам нынешнего президента Турции Р. Т. Эрдогана, когда он занимал пост премьер-министра, то можно отметить, что во всех выступлениях его язык эмоционален и наполнен неоосманистическими идеями. В двух из трех выступлений он выделяет подконтрольные ему учреждения как главные акторы «мягкой силы» Турции¹⁸. «Последние восемь с половиной лет мы делали упор на определении очертаний «мягкой силы» во внешней политике. Вдохновленные уникальными ресурсами нашей

истории, нашей культуры и нашей цивилизации, мы вовлечены в тяжелую борьбу за влияние на процессы, за содействие решению всех вопросов в региональном и глобальном масштабе. ... Кроме того, мы распространяем «мягкую силу» Турции и само турецкое видение всему миру через ТИКА, Институты Юнуса Эмре, ТРТ (Турецкое радио и телевидение), Президентство турок за рубежом и связанные с ними общины»¹⁹ (премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган на конференции торговых атташе, 25 апреля 2011 г.).

Помимо этого, Эрдоган расширяет границы термина «мягкая сила», переосмыслив османскую историю как образец «гибкой власти»: «Наряду с «жесткой» теперь есть «мягкая сила» ... или, если быть точным, «гибкая сила». ... Термин «гибкая сила» может быть новым современным термином. ... На протяжении всей нашей истории мы верили, что ручка сильнее меча, а двери, которые меч не может открыть, можно открыть ручкой. Исторически наши места, разбросанные по трем континентам, наши знаки прошлого являются наиболее конкретными подтверждениями этого»²⁰ (мероприятие, посвященное 144-летию создания Общества Красного Полумесяца Турции, 11 августа 2012 г.).

На заседании Высшего совета по науке и технике в выступлении Р. Т. Эрдогана была уже окончательно проведена граница, дистанцирующая Турцию от восприятия ее в качестве субъекта, обладающего исключительно «мягкой силой». Здесь же Эрдоган призвал к росту национальной военной промышленности с потенциалом накопления сдерживающей силы в более крупных объемах.

«Утверждение о «мягкой силе», которое не поддерживается сдерживающей силой, является лишь разговором. Турция сейчас находится в периоде, когда потенциалы превращаются в действия»²¹ (заседание Высшего совета по науке и технике, 15 января 2013 г.).

Приведенные цитаты подтверждают, прежде всего, тот факт, что для Эрдогана «мягкая сила» не является обязательной составляющей его политического словаря: «мягкая сила» может стать «гибкой силой», а «гибкая сила» может стать в любой момент «сдерживающей силой».

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что Министерство иностранных дел Турции воспринимает «мягкую силу» как основанную на модели демократии Турции, ее динамичной экономике и отношениях с ЕС. Турция представляется в речах политических лидеров страны как «добродетельная» держава, которая мобилизует свою историю, культуру, самобытность и географическое положение с целью продвижения демократии и экономики в Турции и за рубежом. Ссылки на стремление Турции к региональному лидерству не так явно выражены, а язык в целом дипломатичен и хорошо продуман. В таком виде сайт МИДа кон-

трастирует как с публичными речами бывшего министра иностранных дел Давутоглу, в которых Турция изображается как цивилизационная держава, особенно на Балканах, так и с речами тогдашнего премьер-министра Эрдогана, пропитанными неоосманистическими идеями.

После протестов в Гези в мае и июне 2013 г. внешнеполитический «язык» Анкары подвергся кардинальным изменениям. В большей степени они коснулись Ахмета Давутоглу, который осуществил резкий отход от своих идей «взаимовыгодного мышления» и «мягкой силы» в сторону политических игр с нулевым результатом, что более соответствовало взглядам Р. Т. Эрдогана.

Примечания

- ¹ *Овсепян Л.* Турецкая модель и обусловленность внешней политики Анкары в странах Центральной Азии стратегическим интересам Запада // *Центральная Азия и Кавказ.* 2009. № 2 (62). С. 133.
- ² Там же. С. 133.
- ³ *Nye J.* Bound to lead : the changing nature of American Power. NY, 1991. 336 p.
- ⁴ *Nye J.* Soft Power : the means to success in world politics. NY, 2004. 192 p. URL: http://www.academia.edu/28699788/Soft_Power_the_Means_to_Success_in_World_Politics_-_Joseph_S._Nye_Jr (дата обращения: 29.01.2019).
- ⁵ *Benhaïm Y., Öktem K.* The rise and fall of Turkey's soft power discourse. Discourse in foreign policy under Davutoğlu and Erdoğan // *European Journal of Turkish Studies* (Online). No. 21. 2015. P. 5. URL: <https://journals.openedition.org/ejts/5275> (дата обращения: 29.01.2019).
- ⁶ Ibid. P. 6.
- ⁷ *Sandıklı A.* Türkiye'nin Jeopolitiği. Yumuşak güç savaşları ve terörizm. İstanbul, 2015. 281 s.
- ⁸ См.: *Benhaïm Y., Öktem K.* Op. cit. P. 7.
- ⁹ Article by H. E. Ahmet Davutoğlu published in Foreign Policy magazine (USA) on 20 May 2010. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/article-by-h_e_ahmet-davutoglu-published-in-foreign-policy-magazine-usa_-on-20-may-2010.en.mfa (дата обращения: 30.01.2019).
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ См.: *Benhaïm Y., Öktem K.* Op. cit. P. 14.
- ¹² См.: Interview by Mr. Ahmet Davutoğlu published in AUC Cairo Review (Egypt) on 12 March 2012. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/interview-by-mr_ahmet-davuto%99Flu-published-in-auc-cairo-review-_egypt_-on-12-march-2012.en.mfa (дата обращения: 30.01.2019).
- ¹³ Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Sayın Bakanımızın "Nueva Economia Forum"da Yaptıkları Konuşma, 16 Kasım 2009, Madrid. URL: http://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimizin_nueva-economia-forum_da-yaptiklari-konusma_-16-kasim-2009_-madrid.tr.mfa (дата обращения: 30.01.2019).
- ¹⁴ *Benhaïm Y., Öktem K.* Op. cit. P. 14.
- ¹⁵ Ibid. P. 15.

¹⁶ П. Turkey's and NATO's views on current issues of the Alliance. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/ii_---turkey_s-contributions-to-international-peace-keeping-activities.en.mfa (дата обращения: 30.01.2019)

¹⁷ См.: *Benhaïm Y., Öktem K.* Op. cit. P.16.

¹⁸ См.: *Sandıklı A.* Op. cit. P. 67.

¹⁹ Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.mfa.gov.tr/sub.en.mfa?ad9093da-8e71-4678-a1b6-05f297baadc4> (дата обращения: 30.01.2019)

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

Образец для цитирования:

Шамарина О. А. Дискурс турецкой «мягкой силы» в контексте трансформации внешнеполитического курса Турции в 2001–2015 годах (на основе анализа выступлений турецких политических лидеров) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 494–498. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-494-498>

Cite this article as:

Shamarina O. A. The Discourse of Turkish «Soft Power» in the Context of the Turkish Foreign Policy Transformation in 2001–2015 (Based on Turkish Political Leaders' Speech Analysis). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 494–498 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-494-498>

УДК 94(6)

Экономические последствия африканской миграции в Испанию

Д. В. Алексеев

Алексеев Дмитрий Владиславович, аспирант кафедры арабистики и африканистики, Российский университет дружбы народов, Москва, dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

В статье оцениваются макро- и микроэкономические последствия миграции из Африки в Испанию, а также ее воздействие на рынок труда. Приводятся данные о влиянии миграции на рост ВВП, инфляцию, заработную плату, занятость коренного населения. Формулируется вывод о том, что иммиграция благоприятствует более продуктивному использованию ресурсов и способствует общему повышению эффективности экономики. В частности, в Испании иммиграция содействует корректировке диспропорций на рынке труда и нормальному функционированию производства, особенно в низкоэффективных секторах экономики.

Ключевые слова: иммиграция, Африка, Испания, экономические последствия, рынок труда, денежные переводы.

The Economical Consequences of African Migration to Spain

D. V. Alekseev

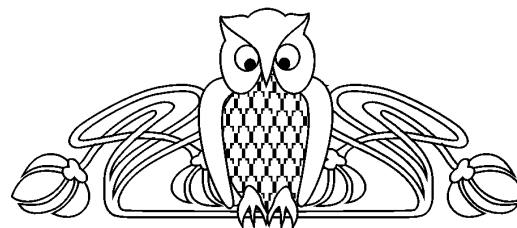
Dmitry V. Alekseev, <https://orcid.org/0000-0003-1371-9172>, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia, dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

The article estimates the macroeconomic and microeconomic consequences of migration from Africa to Spain, as well as its impact on the labor market. It includes data on the impact of migration on GDP growth, inflation, wages, and employment of the indigenous population. It concludes that immigration has a positive impact on the using of resources and an overall increasing the economic efficiency. In particular, in Spain, immigration contributes to correcting imbalance in the labor market and the normal operation of production, especially in low-efficiency sectors of the economy.

Keywords: immigration, Africa, Spain, economic consequences, labor market, remittances.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-499-502>

Миграция, несмотря на сложность и неоднозначность процесса, всегда была связана с экономическим развитием стран отправления и назначения. «Международные миграции являются результатом глобализации рынков: за потоком товаров и капитала, но в противоположном ему направлении, следует поток рабочей силы. Этот феномен проявляется особенно сильно, если страна происхождения миграции является колонией принимающей страны или имеет схожие социальные и культурные особенности, например, язык»¹.

Миграционный поток, однажды возникнув, начинает создавать собственную систему взаимодействий, поддерживающую и контролирующую его, зачастую вне зависимости от потребностей стран в приеме иммигрантов или с опозданием реагируя на нее. «Межличностные отношения иммигрантов, основанные на семейных узах или дружбе людей одного этнического происхождения или одной национальности и поддерживаемые на уровне сетей или организаций, увеличивают вероятность миграции, упрощая или удешевляя ее, уменьшая материальные и психологические составляющие и снижая риск перемещения из одной страны в другую»².

Экономический фактор служит первопричиной миграции, в свою очередь, экономические последствия выступают в качестве наиболее заметных и непосредственных ее результатов.

Макроэкономические последствия иммиграции

На макроэкономическом уровне иммиграция в первую очередь влияет на рост ВВП стран приема³, воздействуя на такие параметры, как совокупный спрос и предложение, в том числе на предложение рабочей силы и капитала. Как показывают результаты исследований, роль мигрантов в производстве ВВП определяется их долей среди занятых, что для Испании составляет около 15%, а также соотношением медианной заработной платы мигрантов и общей по стране. На основе данных института статистики Испании за 2016 г. вклад всех иммигрантов в ВВП Испании составил около 13%, из них на долю африканских мигрантов приходится 1,7 %⁴, хотя их доля в работоспособном населении Испании составляет 2,8 %. Это разница объясняется относительно низкой медианной зарплатой – около 14 тыс. евро в год, по сравнению со средней по стране 23 156 евро⁵.

Иммиграция нацелена на внедрение на рынок труда и в первую очередь активизирует финансовую систему, вызывая рост рентабельности производства. Включение иммигрантов в экономический цикл принимающей страны подразумевает новое распределение рабочих мест⁶. Людские ресурсы, труд которых был неэффективным или непривлекательным, занимают теперь более высококвалифицированные позиции, повышая тем самым уровень активности и производительность экономики. Часть иммигрантов становятся предпринимателями, влияя на ВВП

за счет увеличения инвестиций и потребления. Предприниматели-иммигранты и занятые на их предприятиях наемные работники формируют особый сегмент принимающей экономики – этническую экономику, обеспечивающую удовлетворение спроса на специфические этнические товары и услуги.

Рост доходов в секторах экономики, использующих работу иммигрантов, происходит главным образом за счет снижения заработной платы. С другой стороны, исследования, основанные на эконометрическом моделировании, свидетельствуют о том, что иммиграция не повышает производительность экономики в целом, поскольку отрасли, в которых используется труд мигрантов, характеризуются низкой производительностью⁷.

Иммиграция выступает в роли сдерживающего фактора инфляции за счет большей гибкости и мобильности рынка труда, а также умеренной заработной платы мигрантов⁸. Высокая концентрация низкооплачиваемых работников иностранного происхождения в определенных видах экономической деятельности способствует снижению цен, в особенности на оказываемые ими трудоемкие услуги. Деинфляционное воздействие иммиграции определяется различием ее вклада в расширение совокупного спроса и предложения. Как показывают исследования МВФ по западноевропейским странам, рост производства, происходящий в результате вовлечения дополнительных ресурсов и снижения предельных издержек, превышает вызванный миграцией рост потребления. Подобные «ножницы» препятствуют формированию избыточного спроса или инфляционного разрыва, порождающего инфляцию спроса. Рост предложения рабочей силы, влекущий за собой краткосрочное понижение заработков, ослабляет инфляцию заработной платы. В Испании, например, в 1995–2006 гг. в отсутствие иммиграции среднегодовой темп инфляции был бы на 2,2 % выше⁹.

Основными каналами влияния иммиграции на платежный баланс по текущим операциям являются внешняя торговля и денежные переводы мигрантов. Миграция способствует расширению внешнеэкономических отношений между странами проживания и происхождения мигрантов за счет увеличения совокупного спроса на «этнические» товары, который частично удовлетворяется растущим объемом импорта. По каналам переводов мигрантов происходит отток денежных средств из принимающих стран, что не способствует стабилизации их экономик.

Наконец, следует отметить влияние на пенсионную систему и в целом на социальное обеспечение. В краткосрочной перспективе увеличение доли активного населения приведет к большей устойчивости пенсионной системы, но долгосрочный прогноз говорит об отложенном характере проблемы, которая может возникнуть

в случае, если коэффициент рождаемости у иммигрантов будет таким же, как и у коренных граждан.

Микроэкономические последствия иммиграции

Микроэкономические последствия миграции прослеживаются в двух областях – экономической и социальной, поскольку именно здесь они особенно наглядно проявляются. Первый видимый эффект связан с уровнем зарплаты, который имеет тенденцию к снижению¹⁰, особенно при наличии конкуренции за рабочие места. Издержки производства в секторах, использующих труд мигрантов, снижаются в основном за счет сокращения заработной платы. С другой стороны, иммигранты по большей части занимают низкоквалифицированные рабочие места в секторах с невысокой производительностью и слабым ростом производства. Поэтому повышение производительности труда в секторах, где работают иммигранты, происходит очень умеренно¹¹.

Многие аналитики считают, что иммиграция низкоквалифицированных рабочих¹² тормозит модернизацию и инновации, вызывая нежелание работодателей брать на себя эти издержки. Без иммигрантов удорожание рабочей силы будет способствовать замене ее капиталом, что приведет к увеличению производительности труда и возможному увеличению заработной платы¹³. Это один из главных аргументов против иммиграции.

Еще одним положительным моментом миграции в микроэкономической сфере является расширение потребительского сектора¹⁴. Иммигранты требуют новых продуктов, например продуктов питания из стран своего происхождения, культурных ценностей, связанных с их прошлым, и услуг, обеспечивающих отpravку денежных переводов и средства связи, организацию досуга, соответствующего их культурным вкусам. Все это предполагает появление новых бизнес-ниш, которые в основном занимаются иммигрантами.

Последствия на рынке труда

Влияние иммиграции на заработную плату и возможность трудоустройства коренного населения оценивалось во многих эмпирических исследованиях¹⁵. В частности, анализировалась медианная заработная плата коренных жителей в каждой местности в зависимости от плотности миграционного населения в ней. Результаты исследований показывают, что средняя зарплата была немного ниже в тех городах и областях, где проживало больше иммигрантов, но тем не менее не удалось выявить причинно-следственную связь между миграцией и зарплатой коренных жителей. Также не обнаружено и четких дока-

зательств негативного влияния миграции на возможности трудоустройства местных жителей.

Подсчитано, что в Испании вклад в казну испанского социального обеспечения трудящимися-иммигрантами составляет около 7,5 %, несмотря на то, что доля иммигрантов составляет почти 15 % всего занятого населения. Эти различия объясняются более высоким индексом несоответствия (индексом неравномерности) и более низкими зарплатами¹⁶. Кроме того, доля рабочих-иммигрантов, занятых в теневой экономике, составляет 22,4%¹⁷. Что касается создания рабочих мест, то на каждые два рабочих места, занятых новыми иностранными сотрудниками, было создано еще одно рабочее место для коренного жителя.

Поскольку одной из целей иммиграции является стремление улучшить свое экономическое положение, то при снижении спроса на рабочую силу в принимающей стране усиливается давление иммигрантов на рынок труда и рост безработицы, вынуждающие их возвращаться на родину. С началом экономического кризиса 2008 г. иммигранты уже столкнулись с ситуацией, вынуждающей их возвращаться¹⁸. Этот феномен в большей степени затронул иностранцев латиноамериканского происхождения, поскольку европейский кризис совпал с экономическим ростом их стран происхождения, и оказал меньшее влияние на африканскую иммиграцию.

Денежные переводы как основное экономическое последствие миграции для стран происхождения

Денежные переводы – это одно из непосредственных экономических последствий, связанных с ростом миграционных потоков. Денежные переводы – это средства в иностранной валюте, которые иностранцы отправляют в страну происхождения, как правило, для поддержки своих семей. Миграционные потоки сопровождаются денежными потоками, которые, несмотря на исключительно семейный характер, за счет своего объема представляют одни из самых значительных потоков частного капитала в экономическом сценарии XXI в. Денежные переводы – это чистый прирост капитала для развивающихся стран, который стимулирует экономику стран-эмитентов миграции и помогает увеличить национальное богатство. Например, для Марокко с ростом миграции масса денежных переводов увеличилась настолько, что стала основным источником дохода, превысив по объему поступлений даже сектор туризма.

Страны-отправители получают двойную выгоду от миграционного потока: выезд эмигрантов снижает демографическое давление в стране, выравнивая рынок труда за счет уменьшения спроса на рабочие места, а денежные переводы повышают доходы за счет притока иностранной валюты.

Испания занимает 5-е место в мире по объему отправляемых денежных переводов. Из всех африканских стран, мигранты которых присутствуют в Испании, самый большой объем переводов приходится на Марокко, которое стоит на 4-м месте в мире среди получателей переводов вслед за Мексикой, Индией и Филиппинами.

Стран АЮС также являются получателями денежных переводов, но объем получаемых ими средств значительно меньше, чем в Марокко, и составляет 4% от общего объема денежных переводов по всему миру. Больше всего денежных переводов получает Нигерия, являясь единственной страной АЮС, входящей в первую пятерку стран – получателей денежных переводов. Хотя объем денежных переводов в ВВП стран АЮС ниже, чем у Марокко (2,5 % в среднем, по сравнению с 7–8 % для Марокко), его хронологическое развитие и последствия аналогичны¹⁹.

Денежные переводы представляют собой необходимые правительству и гражданам инвестиции, которые помогают многим семьям выжить и, в свою очередь, стимулируют внутреннее потребление путем активизации экономики без предварительных инвестиционных расходов. Однако отсутствие какой-либо стратегии инвестирования денежных переводов со стороны правительства и поощрения регионального развития ограничивают влияние притока средств из-за рубежа на дальнейшее развитие страны²⁰.

Марокко предпринимало попытки эффективно управлять доходами, полученными в виде денежных переводов. Денежные переводы начали поступать через 12 лет после обретения независимости, когда миграционные потоки все еще были минимальными и направлялись во Францию. В то время правительство Марокко использовало денежные переводы для финансирования инвестиций внутри страны, а также для обеспечения платежного баланса. Начиная с 1990 гг., когда объем денежных переводов значительно возрос, обеспечивая постоянный приток капитала, денежные переводы стали вместе с туризмом основными источниками иностранной валюты, достигая в период между 2005 и 2008 гг. 8,5–8,9% ВВП²¹. Приток капитала сопровождался совершенствованием и развитием банковской системы и торговой политики²². Хотя феномен денежных переводов и является впечатляющим, но со временем теряет свой эффект из-за отсутствия продуманной политики, которая направляла бы эти доходы на устойчивое развитие.

Иммиграция имеет многоплановые и неоднозначные экономические и социальные последствия для принимающей страны в зависимости от ее масштаба и структуры, экономических потребностей и возможностей. В Испании иммиграция содействует корректировке диспропорций на рынке труда и нормальному

функционированию производства, особенно в низкоэффективных секторах экономики.

Преобладающая часть зарубежных исследователей сходятся в том, что в макроэкономическом плане иммиграция приносит принимающей стране выгоду, благоприятствуя более эффективному использованию ресурсов, причем не только трудовых, но и финансовых, и способствуя общему повышению эффективности экономики. Однако не следует забывать и о негативных моментах иммиграции, в частности, ухудшении положения определенных социальных групп, росте преступности, террористической угрозе из-за невозможности полной адаптации приезжающего контингента к условиям и нормам жизни принимающей страны.

Объективный анализ современных тенденций и последствий иммиграции имеет огромное значение для развитых обществ – особенно с учетом перспективы роста их потребностей в иностранной рабочей силе и соответствующем росте миграционных потоков. Необходимо разрабатывать и принимать меры, позволяющие прогнозировать результаты расширения приема иностранцев, и поддерживать структуру иммиграции, максимально отвечающую потребностям экономики и общества в целом.

Примечания

- ¹ Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Theories of International migration : A review and appraisal // *Population and Development Review*. 1993. № 19. P. 431–466.
- ² Moreno Torres I., López I., Casasnovas G. Los determinantes de la inmigración internacional en España // *Investigaciones regionales*. 2006. № 9. P. 23–46.
- ³ Aranda Gallego J. La inmigración en España : consideraciones económicas e incidencia en el sector financiero español // *Cuadernos de Información económica*. 2003. № 98. P. 146–164.
- ⁴ Instituto Nacional de Estadística. Población residente por fecha, sexo, grupo de edad y país de nacimiento. URL: <http://www.ine.es/jaxiT3/Tabla.htm?t=9675&L=0> (дата обращения: 15.04.2019).
- ⁵ Encuesta Anual de Estructura Salarial Año 2016, Notas de prensa, Instituto nacional de estadística, 28 de junio de 2017. 11 p. URL: http://www.ine.es/prensa/ees_2016.pdf (дата обращения: 15.04.2019).
- ⁶ Salas C., Herrera F. Migraciones y Mercados de Trabajo // *Trabajo*. 2000. № 3. P. 119–137.
- ⁷ Casado M., González M., Molina L., Oyarzun J. Análisis económico de la emigración en España. Un propuesta de regulación. Madrid, 2005. P. 180.
- ⁸ Oyarzun J. Causas y efectos económicos de la inmigración. Un análisis teórico-empírico // *Papeles del este*. 2008. № 17. P. 4–20.
- ⁹ См.: Цапенко И. П. Управление миграцией : опыт развитых стран. М. : Academia, 2009. 384 с.
- ¹⁰ Tornos A. Los inmigrantes y el mundo del trabajo. Madrid, 2003. P. 41–78.
- ¹¹ Oyarzun J. Causas y efectos económicos de la inmigración. Un análisis teórico-empírico // *Papeles del este*. 2008. № 17. P. 4–20.
- ¹² Leontaridi R. Segmented Labour Markets : Theory and Evidence // *Journal of Economic Surveys*. 1998. № 12. P. 63–101.
- ¹³ European Commission : Labour market and wage development in 2007 // *European economy*. 2008. № 5. P. 157–159.
- ¹⁴ Pérez Claver M. Nuevos clientes para el sistema financier // *Economía Exterior*. 2004. № 28. P. 93–102.
- ¹⁵ Borjas G., Freeman R., Katz L. How much do Immigration and Trade Affect Labor Market Outcomes // *Bookings Papers on Economic Activity*. 1997. № 1. P. 68–85.
- ¹⁶ Borjas G. The labor demand curve is downward sloping : reexamining the impact of immigration on the labor market // *Quarterly Journal of Economics*. 2003. Vol. 118, Issue 4. P. 1335–1374.
- ¹⁷ De Arce Borda R. El impacto económico de la inmigración en España, 2000–2009 : antes y después de la crisis // ICE (Información Comercial Española), Revista de Economía pública. 2010. № 854. P. 23–35.
- ¹⁸ Gamero C. Satisfacción laboral de los asalariados inmigrantes en España // *Revista de Economía Aplicada*. 2009. P. 395–420.
- ¹⁹ Jordán J. M., Sánchez A. Desafíos actuales de la política económica. Un enfoque estructural y social. Navarra, 2008. P. 420.
- ²⁰ Lacomba J. Migraciones y desarrollo en Marruecos. Madrid, 2004. P. 109.
- ²¹ Datos del Banco mundial. URL: <http://datos.bancomundial.org>. (дата обращения: 15.04.2019).
- ²² González Del Miño P. La emigración marroquí en España. El Mediterráneo como núcleo de migraciones // *Jornadas iberoamericanas de estudios internacionales*. 2007. № 2. P. 103–126.

Образец для цитирования:

Алексеев Д. В. Экономические последствия африканской миграции в Испанию // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 499–502. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-499-502>

Cite this article as:

Alekseev D. V. The Economical Consequences of African Migration to Spain. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 499–502 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-499-502>

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(470.44–25)|1616/1674|:930

Источники о левобережном Саратове (1616–1674 гг.): общая характеристика

Я. Н. Рабинович

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассматриваются неизвестные страницы истории левобережного Саратова в 1616–1674 гг. Особое внимание уделяется впервые представленному наиболее полному списку всех известных к настоящему времени опубликованных источников о левобережном Саратове. Автор приходит к выводу, согласно которому данный список может быть значительно пополнен в результате целенаправленных поисков в архивах, прежде всего в РГАДА. Названы основные фонды, в которых могут находиться эти источники.

Ключевые слова: левобережный Саратов, А. А. Гоздаво-Голомбиевский, Печатный приказ, документы Тайного приказа, А. А. Гераклитов.

Sources about the Left Bank of Saratov (1616–1674): General Characteristics

Ya. N. Rabinovich

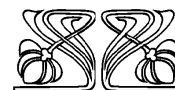
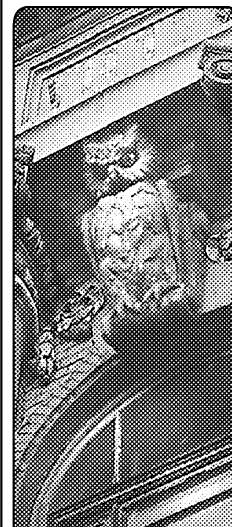
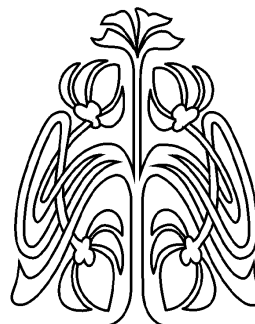
Yakov N. Rabinovich, ORCID 0000-0002-6204-125X, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, RabinovichYN@yandex.ru

The article considers unknown pages of the history of the left-bank Saratov in 1616–1674. Special attention is paid to the characterization of sources about events in Saratov during this period. For the first time, the most comprehensive list of all currently known published sources on the left bank of Saratov is presented. It was concluded that this list of sources can be significantly replenished as a result of targeted searches in the archives, first of all of the RGADA, the main funds in which these sources can be found are noted.

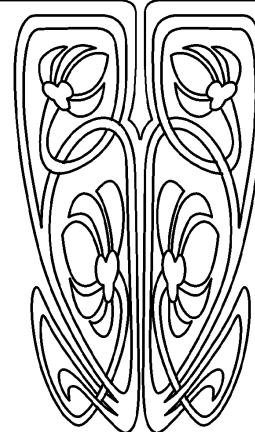
Keywords: left-bank Saratov, A. A. Gozdavo-Golombievsky, Printed Order. documents of secret affairs Board, A. A. Geraclitov.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-503-512>

Основными источниками о левобережном Саратове являются документы Печатного приказа, опубликованные в 1892 г. А. А. Гоздаво-Голомбиевским (8 января 1863 г. – 25 августа 1913 г.)¹. Часть этих документов он использовал при написании небольшой критической заметки по поводу труда саратовского «любителя старины» А. И. Шахматова². А. А. Голомбиевский работал в основном с теми документами Печатного приказа, в которых содержалась информация о Саратове, начиная с 1650 г. Это беспошлинные, а также пошлинные книги Печатного приказа. В них подьячими заносились краткие выдержки из документов, с которых взимались печатные пошлины с челобитчиков в казну. В конце XIX в. все эти документы хранились в Московском архиве Министерства юстиции (Мамю), в отделе Печатной конторы. Созданная в последние годы жизни Петра Великого, эта контора с 1722 г. стала правопреемницей Печатного приказа, когда он прекратил свое существование. В настоящее время столбцы и книги Печатного приказа, выделенные из делопроизводства Печатной конторы в отдельный самостоятельный фонд, как и все осталь-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ные ее документы, хранятся в РГАДА. Этот фонд Печатного приказа (№ 233) насчитывает 818 единиц хранения за 1613–1723 гг.³ Для тех, кто интересуется историей правобережного Саратова XVIII в. вплоть до начала царствования Екатерины II, документы Печатной конторы, выделенные также в отдельный фонд РГАДА, представляют большой интерес.

По подсчетам А. А. Голомбиевского, во времена его работы в МАМЮ в конце XIX в. только пошлинных книг Печатного приказа и Печатной конторы, начиная с 1613 г., и вплоть до 1763 г. сохранилось 1586 единиц. В Печатном приказе велись также беспошлинные книги аналогичного содержания (их было значительно меньше за указанный период, всего 303), но в них заносились названия и краткое содержание тех документов, с которых пошлины с челобитчиков не взимались в связи с бедностью и разорением.

Доклады и указы Печатного приказа сохранились в фонде Преображенского приказа, в настоящее время они также находятся в РГАДА (Ф. 371. Оп. 2. Стб. 11). Данные документы проанализировал и почти полностью опубликовал еще до революции 1917 г. С. Б. Веселовский⁴.

Для исследователей представляет исключительный интерес даже краткое содержание документов Печатного приказа, ведь большинство из них к настоящему времени безвозвратно утеряно.

Правда, в работе с документами Печатного приказа существует определенная трудность. Современному исследователю в отличие от подъячих Печатного приказа, которые составляли данные книги, не всегда понятно, о чем идет речь в грамоте, с которой берется печатная пошлина. Особенно это характерно для книг царствования Михаила Романова и первых лет царствования Алексея Михайловича, уж больно кратки были данные выдержки. С этим пришлось вплотную столкнуться А. А. Голомбиевскому, который в 1886 г. поступил на службу в МАМЮ, где много лет занимался редактированием описей и изданий этого архива. А. А. Голомбиевский был старшим помощником архивариуса, секретарем при управляющем архивом Н. А. Попове, старшим делопроизводителем. Только через 16 лет работы в МАМЮ (в 1904 г.) он перешел на службу в Петербург, где стал работать архивариусом в архиве Государственного Совета⁵. Всеми своими находками историк-архивист щедро делился с саратовцами, членами СУАК, действительным членом которой он состоял с 1888 г. На основании документов Печатного приказа А. А. Голомбиевский подготовил исчерпывающий список саратовских воевод 1650–1675 гг., поместив его в свой сборник документов по Саратову, в котором (пусть даже в виде описи с кратким изложением материала) приведена информация о многих служилых людях города. Здесь же говорится о занятиях посадских людей, церковном строительстве, а также о разных событиях, связанных

с историей Саратова за последние 25 лет его существования на левом берегу Волги.

А. А. Гераклитов, высоко ценивший труд А. А. Голомбиевского и использовавший его в работе над своей монографией о Саратовском крае, писал: «В несравненно лучших условиях (по сравнению с местными «любителями старины» А. И. Шахматовым и Ф. Ф. Чекалиным. – Я. Р.) находился А. А. Гоздаво-Голомбиевский, работавший по первоисточникам в богатейшем столичном архиве, но он, к сожалению, ограничил этот перечень лишь периодом с 1675 по 1700 год» (выделено нами. – Я. Р.)⁶.

Прочитав эти строки А. А. Гераклитова, начинающий исследователь может подумать, что А. А. Голомбиевский занимался историей правобережного Саратова последней четверти XVII в. (1675–1700), поэтому для изучения левобережного Саратова, который к 1675 г. уже прекратил свое существование, данный труд не представляет особой ценности. Однако это не так. Здесь просто опечатка в тексте. В действительности А. А. Голомбиевский писал о воеводах Саратова и вообще об истории Саратова третьей четверти XVII в., именно с 1650 по 1675 г.

Несмотря на то, что по долгу службы А. А. Голомбиевскому ежедневно приходилось иметь дело с архивными документами (не надо было ездить в командировки в Москву), даже эта работа по изучению всех документов, связанных с Саратовом, оказалась ему не под силу. Он решил ограничиться только периодом 1650–1675 гг., не сумев до конца разобраться в этом «ребусе» книг более раннего периода 1613–1649 гг.

А. А. Голомбиевский писал, что попытался «извлечь в виде опыта все записи, хоть скольнибудь ценные, относящиеся к г. Саратову, начав с 1650 года, так как книги до этого времени более кратки и мало дают понятия о содержании документов»⁷. После принятия Соборного уложения 1649 г. положение в данном деле улучшилось, и содержание книг Печатного приказа с 1650 г. стало более обстоятельным.

Полное издание некоторых более ранних кратких книг Печатного приказа подготовил С. Б. Веселовский, но только за небольшой период (1613–1615 гг.). Это издание осуществлено лишь в 1994 г.⁸ За первые месяцы царствования Михаила Романова (весна – лето 1613 г.) издание таких же книг Печатного приказа предпринял в 1915 г. Л. М. Сухотин⁹.

К сожалению, все эти опубликованные книги не содержат никакой информации по Саратову, который вскоре после 1609 г. временно прекратил свое существование и был восстановлен только в 1616 г. на левом берегу Волги, поэтому его принято называть левобережным Саратовом. Известны имена первых строителей нового левобережного Саратова. В Дополнениях к Дворцовым разрядам отмечено, что 26 октября 1617 г. по Государеву указу, «по памяти за притисью дьяка Федора

Апраксина, Государева жалованья Самарскому сыну боярскому Поснику Порошину 4 ари. тафты лимонной, цена по 20 по 3 алт. по 2 денги ари., да 4 ари. без чети сукна настрафилю червчатого, цена 2 руб. съ полтиною портище; да Самарскому пятидесятнику стрелецкому Васке Агафонову 4 ари. без чети сукна настрафилю червчатого, цена 2 руб. с полтиною портище; а пожаловал Государь их за выход и за Саратовское городовое поставление»¹⁰. Кроме самарского сына боярского Посника Порошина и стрелецкого пятидесятника Василия Агафонова других строителей левобережного Саратова пока не выявлено.

Будем надеяться, что работники РГАДА предпримут публикацию книг Печатного приказа за 1616–1649 гг. Но это огромный труд. Таких книг до 1650 г. имелось около 50. А. А. Голомбиевский в своих записках использовал с 1650 г. книги, начиная с № 53. Всего он просмотрел с 1650 по 1676 г. 137 таких книг, каждая из которых содержит по 400–600 листов. Из данных книг он извлек около 110 документов, связанных с Саратовом. Книг оказалось больше, чем документов. Получается, что после просмотра некоторых книг выяснилось, что в них ничего нет по Саратову. Следует учесть, что в книгах Печатной конторы отсутствовал географический указатель, а это сильно усложняло работу. А. А. Голомбиевскому пришлось просматривать все эти 137 книг лист за листом, читая скоропись XVII в. Как пишет сам ученый, «при всем старании трудно поручиться за то, что ничего не пропущено»¹¹. У него не хватило сил и времени, чтобы таким же образом «проработать» полностью аналогичные документы за 1620–1649 гг.

Продолжатель дела А. А. Голомбиевского саратовский ученый А. А. Гераклитов не мог часто бывать в Москве. Он сетовал, что «краткость бывшего в нашем распоряжении времени не позволила произвести самостоятельных розысков среди хранящихся в архиве документов. В этом отношении особенно досадным является то, что не удалось просмотреть книг Печатного приказа, содержащих в себе хоть и краткие, но неоценимые сведения по истории низового Поволжья»¹². Следует отметить, что три документа из книг Печатного приказа он все же опубликовал. Первый из этих документов о курмышском сыне боярском Иване Юрлове, награжденном за Саратовскую службу в Смутное время, был взят из 1-й пошлинной книги, подготовленной в то время к печати С. Б. Веселовским (опубликована в 1994 г.), а остальные два документа – из 5-й пошлинной книги. Они относятся к 1622 г. и говорят об откупщиках саратовских Иргизских и Чирлатовских вод Артюшке Олимпиеве и Захарке Поздееве (документы № 2, 3).

Для истории левобережного Саратова особый интерес представляют два документа, обнаруженные А. А. Гераклитовым в других фондах МАМЮ, которые он опубликовал в этом же вы-

пуске трудов СУАК. Один из данных документов повествует о приключениях стрельца Степана Карташева (№ 7), а другой – о заступничестве саратовцев за воровских казаков и о казни воеводой В. Г. Феофилаьевым атамана Микитки Соколова (№ 10). Данные сюжеты хорошо известны саратовским краеведам. Остальные документы данного выпуска касаются Царицына либо правобережного Саратова последней четверти XVII в. (всего в этом выпуске трудов СУАК А. А. Гераклитовым опубликовано 28 документов)¹³. В разные годы А. А. Гераклитов издал еще несколько документов, связанных с левобережным Саратовом. И все же основные изыскания этого ученого больше относились к правобережному Саратову последней четверти XVII в., а также к Царицыну, который входил в состав Саратовской губернии, либо к истории Саратовского края XVIII в., а что касается левобережного Саратова, то он сам в основном использовал «находки» А. А. Голомбиевского.

К сказанному следует добавить одну цитату из книги А. А. Гераклитова, опубликованной в 1923 г.: «Летом 1913 г. мне удалось обследовать сохранившиеся книги Печатного приказа до 1650 г. и извлечь из них ряд данных, относящихся к развитию рыбной промышленности на Средней и Нижней Волге. Приводить здесь эти данные невозможно, отмечу лишь, что они в полной мере подтверждают те выводы и предположения, которые по этому вопросу изложены выше»¹⁴. Трудно сказать, почему автор через 10 лет решил, что «приводить эти данные невозможно». Ведь для левобережного Саратова, особенно за период с 1617 до 1650 г., важна каждая мелочь, каждая крупинка информации. По-видимому, многие из этих находок до настоящего времени так и не введены в научный оборот, и лежат «мертвым грузом» в фонде Гераклитова в архиве СПб ИИ РАН. С другой стороны, с трудом верится, что за время пребывания в Москве летом 1913 г. А. А. Гераклитов смог внимательно просмотреть около 50 огромных томов, в которых содержатся сведения за 1616–1650 гг., если даже А. А. Голомбиевскому, постоянно работавшему в архиве на протяжении ряда лет, это оказалось не под силу.

Приведем еще одну фразу из данного труда А. А. Гераклитова, написанного в 1923 г.: «Если бы представилась возможность выбрать из книг Печатного приказа все мелкие записи, относящиеся к нашему краю, подобно тому, как по отношению к Саратову за время с 1650 по 1675 г. сделал Гоздаво-Голомбиевский, то мы имели бы в своем распоряжении драгоценный материал для суждения по вопросу о рыбном хозяйстве в нашем Поволжье и можно было бы нарисовать картину постепенного развития этого дела. Пока же приходится довольствоваться только случайными документами». Судя по данной записи, автор так и не смог выбрать из книг Печатного приказа более ранние сведения по левобережному Саратову за период 1620–1640 гг. Эти две цитаты, опубли-

кованные в одной книге А. А. Гераклитова, явно противоречат друг другу¹⁵.

Таким образом, исследователи конца XIX – начала XX в. просмотрели далеко не все свидетельства о левобережном Саратове, имеющиеся в фонде Печатного приказа, а тем более – в других фондах. В настоящее время, к сожалению, эту работу требуется проделать заново.

Применительно к другому поволжскому городу (Чебоксары) аналогичную работу совсем недавно провел Д. В. Басманцев при содействии научного консультанта В. Д. Кочеткова и сотрудников РГАДА Е. Е. Лыковой, А. В. Антонова, А. И. Гамаюнова, А. В. Дедука, С. В. Сироткина. В опубликованном в 2019 г. сборнике документов и материалов второй половины XVI – XVIII вв. о г. Чебоксары, выявленных в фондах РГАДА, содержатся выписки из пошлинных книг Печатного приказа, относящиеся именно к этому городу, в том числе – за 1642 г. (Д. 39), 1645 г. (Д. 43), 1647 г. (Д. 45, 46), 1648 г. (Д. 48), 1649 г. (Д. 49–51)¹⁶. Именно в указанных пошлинных книгах содержится ценный материал о левобережном Саратове за 1640-е гг. (это самый темный период в истории города, неизвестны даже имена воевод).

Для изучения левобережного Саратова неоценимую помощь исследователям оказал П. П. Смирнов, опубликовав в 1916 г. в Трудах СУАК Окладную роспись пятины 1634 г., из которой стали точно известны численность и состав посадского неслужилого населения Саратова в период Смоленской войны, а также имена всех посадских людей города¹⁷.

Остальные исследователи левобережного Саратова использовали в своих трудах либо опубликованные архивные находки трех перечисленных авторов, либо (чаще всего) просто цитировали труд А. А. Гераклитова, который до настоящего времени так и остался непревзойденным¹⁸. Уточним, что здесь речь идет о событиях до восстания Степана Разина, до конца 1660-х гг. К примеру, составители Саратовской летописи Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский на 4-х страницах, посвященных Саратову данного периода, свыше 10 раз ссылались на труды А. А. Голомбиевского¹⁹.

Благодаря публикации документов, связанных с восстанием Степана Разина²⁰, данный сюжет о левобережном Саратове в последние годы своего существования изучен значительно лучше. Эта публикация осуществлялась в различных сборниках еще в XIX в.: СГГД. Ч. 4; ПСЗ. Т. 1; ААЭ. Т. 4; АИ. Т. 4; ДАИ. Т. 6; АМГ. Т. 3. Особенно много информации о левобережном Саратове и его жителях в конце 1660 – начале 1670 гг. содержится в опубликованном во второй половине XX в. многотомном сборнике материалов о восстании Степана Разина²¹. В частности, в одном из этих томов имеется документ о плачевном состоянии Саратовской крепости в 1672 г. накануне переноса Саратова на правый берег Волги. Здесь мы также найдем документы о переходе города на

сторону правительственных войск в июне 1671 г. и о ссылке саратовцев (стрельцов и посадских людей) в Холмогоры вместе с семьями²².

Нельзя не отметить уникальный документ, опубликованный Е. А. Шахматовой в трудах СУАК, взятый из Донских дел, в котором приводятся сведения о ссылке в Холмогоры в сентябре 1670 г. саратовских детей боярских во главе с Федором Слузовым (6 человек)²³.

Много документов из Донских дел опубликовано в пяти томах РИБ²⁴. Здесь можно найти сведения об участии воровских казаков в разбоях на Волге, о действиях против них саратовских и царицынских воевод. Тут же приводятся имена служилых людей Саратова, отличившихся в борьбе с казаками, а также имена некоторых саратовских стрельцов, примкнувших к казакам задолго до восстания Степана Разина.

В одном из томов РИБ среди документов из Донских дел содержится информация о подготовке в 1655 г. объединенного похода против крымцев войска боярина кн. Ф. Н. Одоевского и стольника кн. В. Б. Волконского вместе с калмыками (тайши Дайчен и Лаузан) и донскими казаками, причем местом сбора русских войск оказался Саратов («...боярин и наместник Псковской и воеводы, князь Федор Никитич Одуевской, с твоими государевыми ратными людьми стоит в понизовых городех, на Саратове, а приходу де ево на Царицын и к нам на Дон вскоре не чаёт...»)²⁵.

В двух томах РИБ опубликованы книги персидских товаров, приходно-расходные, записные и другие книги приказа Тайных дел, созданного по личному указанию царя Алексея Михайловича²⁶. В этих книгах содержится информация об использовании прямой дороги по суше из Саратова до Москвы для доставки различных товаров и для других целей, говорится о начале функционирования этого сухопутного торгового пути между Саратовом и Москвой. Торговые операции на Востоке, прежде всего в Иране и Закавказье, осуществляли в основном доверенные лица царя. Значительная часть закупленных товаров отправлялась в Москву новым сухим путем через Саратов – Инсар – Красную слободу. В Саратове эти товары выгружались, складировались и ждали своего часа для отправки. Поэтому Саратов часто фигурировал в таких документах, начиная с 1660-х гг. Воевода Саратова отвечал за сохранность государевых товаров и отправку их в Москву.

Н. Гиббенет еще в конце XIX в. опубликовал материалы, связанные с делом патриарха Никона, из которых мы узнаем обстоятельства посещения Саратова восточными патриархами в 1666 г.²⁷ Данный труд Н. Гиббенета до последнего времени был обойден вниманием саратовских краеведов, хотя в нем имеется немало ценных сведений о Саратове.

Отметим еще раз С. Б. Веселовского, опубликовавшего Смету военных сил страны за 1661–1663 гг., в которой можно найти сведения

о составе гарнизона Саратова в то время, о размерах жалования служилых людей, а также об участии саратовцев в походе на Азов и против мятежных башкирцев в составе войска думного дворянина Замятни Леонтьева²⁸.

Близкий по содержанию источник – Сметный список военных сил России 1651 г., опубликованный относительно недавно Я. Е. Водарским, содержит информацию о количестве как служилых людей в Саратове в середине XVII в., так и приказных (подъячих)²⁹.

Следует также назвать неиспользованный местными краеведами труд М. А. Полиевктова (публикацию документов Посольского приказа), в котором освещаются неизвестные страницы истории Саратова 1641 г., связанные с воеводой Григорием Орловым и послом в Грузию князем Ефимом Мышецким, а также с пребыванием в Саратове в октябре – декабре 1639 г. грузинского посла митрополита Никифора³⁰. В другой публикации документов М. А. Полиевктова можно найти ряд ценных сведений о посольстве в Грузию в 1637–1640 гг. кн. Ф. Ф. Волконского, который также зимовал в Саратове вместе с грузинским послом в связи с гибелью судов каравана 1 октября 1639 г. у «Курдюмовской воложки»³¹.

В Дворцовых разрядах³², Разрядных книгах³³, Записных книгах Московского стола³⁴ и другой делопроизводственной документации центральных учреждений имеются сведения о назначении воевод в Саратов и о составе гарнизона, а также о строительстве новой Саратовской крепости в 1630–1631 гг. при воеводе С. В. Чемекове. Представляет интерес источник Столовая книга патриарха Филарета за 1623/24 г., в которой можно найти имя строителя (основателя) мужского Богородицкого монастыря в Саратове и вычислить примерное время его постройки³⁵.

Особо следует выделить так называемые «Дополнения к Дворцовым разрядам», опубликованные И. Е. Забелиным³⁶, на которые впервые обратил внимание А. А. Гераклитов. В этом источнике много говорится о борьбе саратовцев с воровскими казаками на Волге, а также о походе служилых людей Саратова против ногайских татар. Здесь же приведены имена первых строителей Саратова (самарский сын боярский Посник Порошин и самарский стрелецкий пятидесятник Васька Агафонов), которые уже упоминались ранее.

В кормленых, приходно-расходных и других книгах московских приказов изредка встречаются имена служилых людей, чьи судьбы связаны с левобережным Саратовом. Приведем в качестве примера одну запись. В Кормленной книге Костромской чети есть запись за 1620 г.: «Алатарец Григорей Михайлов сын Ахматов. 128 году марта в 9 день, по памяти за приписью дьяка Федора Опраксина за Саратовскую службу 125 году написан ему оклад из четверти вновь 9 рублей»³⁷. Следовательно, сын боярский из Алатыря Г. М. Ахматов получил через несколько лет (в марте 1620 г.)

жалованье за некую службу в Саратове в 1616/17 г. А ведь это время – первый год существования левобережного Саратова. К сожалению, можно только гадать, что это была за Саратовская служба: строительство новой Саратовской крепости при воеводе кн. Ф. Т. Черново-Оболенском, сопровождение караванов с послами по Волге через Саратов, борьба с воровскими казаками или ногайцами в районе Саратова или что-то другое. В любом случае это очень ценная информация для истории левобережного Саратова.

Хорошо известен саратовским краеведам документ Разрядного приказа о награждении саратовского воеводы Григория Орлова за победу над татарами в 1628 г., опубликованный Н. А. Поповым в первом томе Актов Московского государства (АМГ) в 1890 г.³⁸ и введенный в научный оборот еще составителями Саратовской летописи Ф. В. Духовниковым и Н. Ф. Хованским³⁹. В этом же томе АМГ опубликован еще один документ о награждении воеводы Григория Орлова⁴⁰, но исследователи обычно ссылаются только на первый документ.

Некоторая информация о Саратове содержится и в нарративных памятниках – записках современников, иностранцев и пр. Данные источники в отдельных случаях служат существенным дополнением к документальным материалам.

В сочинении одного из членов голштинского посольства в Персию Адама Олеария содержатся ценные сведения о многих поволжских городах, в том числе и о Саратове, когда воеводой в этом городе был Г. И. Феофилачев. Завершающая часть данного сочинения, где говорится о вторичном посещении Олеарием Саратова при воеводе князе И. Ф. Шаховском в октябре 1638 г. и об остановке посольства в этом городе, недостаточно изучена саратовскими краеведами.

Особую ценность представляет такой картографический источник, как карта Волги Адама Олеария, где точно указано место расположения левобережного Саратова. Среди художественно-изобразительных источников можно отметить рисунок в сочинении Адама Олеария, сделанный им с натуры 6 октября 1638 г., когда он по возвращении из Персии останавливался в Саратове⁴¹.

Из современников-иностранцев, побывавших в левобережном Саратове накануне восстания Степана Разина в 1669 г. и оставивших описание города, стоит назвать голландского парусного мастера Яна Стрейса или Иоганна Стрюйса, как его иногда называют (? – 1694). Говоря о Саратове, Стрейс почти дословно повторяет Олеария, труд которого он широко использовал. Стрейс первым из иностранцев подробно описал внешний вид калмыков, кочующих возле Саратова, с которыми он, по-видимому, имел личные встречи⁴².

По мнению Ф. Ф. Чекалина, в 1666 г. в Саратове побывал другой иностранец – Николас Витзен, голландский путешественник и географ, юрист, дипломат, в будущем – бургомистр Ам-

стердама, один из директоров Ост-Индской компании, автор известного сочинения «Северная и восточная Тартария», в котором содержатся сведения о Саратове. Приведем несколько цитат из труда Ф. Ф. Чекалина: «Лежащий напротив Уека Сары-Тау, развалины которого видел Витзен... Развалины Булгара, виденных в XVII веке иностранными путешественниками по Волге, например, Олеарием, Витзеном и Стрюйсом... Саратов продолжал существовать на левом берегу Волги, где его посетили: Олеарий в 1636 и 1638-м, Витзен в 1666-м и Стрюйс в 1669-м годах... Витзен нашел Саратов на весьма обширных развалинах татарского города»⁴³. В действительности Витзен, находясь в Москве с голландским посольством Бореля с января до конца мая 1665 г., не мог надолго покинуть за эти 4 месяца столицу. Исключением является тайная поездка Витзена в Новый Иерусалим, где он встретился с опальным патриархом Никоном, и еще нескольких тайных однодневных «вылазок» в окрестности столицы. 14 марта 1665 г. он объехал всю Москву, 22 мая он вновь объехал всю Москву, а в конце мая уехал из столицы обратно на родину⁴⁴.

Витзен никак не мог совершить такой длительный маршрут из Москвы в Саратов по Волге или сухим путем при тогдашних средствах передвижения, и при этом быстро вернуться в Москву. Хорошо известен его маршрут из Пскова до Москвы и обратно. Из России он уехал в Западную Европу летом 1665 г. и уже в августе 1665 г. прибыл в Голландию. В 1666–1667 гг. он путешествовал по Франции и Италии. Больше он в России никогда не был. Витзен вел в России подробный дневник, обнаруженный в Национальной библиотеке Парижа лишь в 1886 г. Это «Путешествие в Московию» впервые опубликовано в Гааге в 1966 г.⁴⁵ В нем о посещении Саратова ничего не говорится. Об этом дневнике не было известно А. А. Гераклитову, который писал, что Витзен был в России в 1664 г., а мнение, согласно которому он вторично приезжал сюда в 1665 или в 1667 г. либо остался в России после отъезда посольства Бореля, является ошибочным. А. А. Гераклитов, несмотря на некоторые неточности в датах (в действительности Витзен был в России с конца 1664 до лета 1665 г.), правильно указал, что Витзен никогда в Саратове не был, а все сведения об этом городе черпал из трудов своих предшественников, в том числе Олеария и земляка Стрюйса⁴⁶.

Всю информацию об Урале, Сибири, Нижней Волге, в том числе о Саратове, Витзен получал через своих осведомителей, а также использовал сочинения других авторов. В итоге им был написан знаменитый труд «Северная и восточная Тартария». Это весьма солидное сочинение, плод многолетних трудов Н. Витзена (опубликовано в Амстердаме в 1692, 1705 и 1785 гг.). Н. Витзен по праву считается общепризнанным знатоком восточной России и Сибири конца XVII в., а больше известен в связи с посольством Петра I в Голландию

в 1697 г. Н. Витзен содействовал миссии «Великого посольства», Петр I был у него в музее.

Сведения о Саратове при воеводах К. Н. Шущерине и Ф. И. Чемоданове имеются в другом нарративном памятнике – сочинении купца Федота Котова⁴⁷, который останавливался в Саратове летом 1623 г. по пути в Персию. Впервые записки о путешествии Ф. Котова были опубликованы лишь в 1907 г. Об этом труде ничего не знали члены СУАК в конце XIX в., когда были написаны труды А. И. Шахматова, Г. И. Перетятковича, С. С. Краснодубровского, Н. Ф. Хованского, Ф. Ф. Чекалина и др.

А. А. Гераклитов, один из первых обративший внимание на данный ценный источник по истории Саратова, писал: «Самым ранним из таких путешественников является московский торговый человек Котов, ездивший в Индию в 1623 г. После него остались записки о совершенном им путешествии, имеющиеся в нескольких списках в разных хранилищах. Записки очень кратки, сухи и носят официальный характер, но сообщаемые в них сведения весьма точны»⁴⁸. Здесь все верно, за исключением того, что Федот Котов никогда в Индии не был, а ездил по плану царского правительства в Закавказье и в Персию, к шаху Аббасу. Добавим, что благодаря труду Ф. Котова рассеивается в пух и прах гипотеза Ф. Ф. Чекалина, о том, что Саратов уже в 1620–30-е годы одновременно существовал на правом и левом берегу Волги (якобы, крепость, которую видел Олеарий, – на левом берегу, а более значительное поселение – посад с лавками и монастырями – на правом). Ф. Котов прямо указывает, что в 1623 г. весь Саратов и крепость, и посад со всем населением, с амбарами и торговыми складами находился на левом берегу или на луговой стороне, что одно и то же.

Еще один важный источник для левобережного Саратова – Книга Большому Чертежу. Это географическое описание к чертежам Московского государства и южных земель, составленное в 1627 г. на основании карты «Большого Чертежа» рубежа XVI – XVII вв.⁴⁹

В начале данной Книги имеется следующая примечательная запись: «Примерясь к тому старому чертежу, в то же меры сделать новой чертеж всему московскому государству по все окрестные государства... И в Разряде ... против старого чертежу, что в чертеже цело новой чертеж сделан»⁵⁰.

Речь идет не только о восстановлении старого чертежа, многие места которого прочесть было уже невозможно, но и о производстве нового, со всеми изменениями, произошедшими за 30 лет.

Других источников о левобережном Саратове пока не обнаружено, хотя они, несомненно, имеются в РГАДА в фондах Персидских (Ф. 77), Грузинских (Ф. 110), Ногайских (Ф. 127), Калмыцких (Ф. 119), Бухарских (Ф. 109), Хивинских (Ф. 134), Индийских (Ф. 56) дел и других фондах

и архивах. Некоторые сведения о левобережном Саратове можно найти, к примеру, в фонде Сибирского приказа (Ф. 214), в котором отложились многие несохранившиеся документы по Саратову, так как территория Сибири, подведомственная в начале XVII в. приказу Казанского дворца, перешла в дальнейшем под управление Сибирского приказа. Если архив Приказа Казанского дворца сгорел полностью в 1701–1702 гг., то документам Сибирского приказа «повезло» больше. К примеру, здесь можно найти документы о выдаче кормов грузинским послам в 1640–1645 гг., которые проплывали мимо Саратова.

Среди Бухарских дел особый интерес представляют материалы посольства в Бухару Ивана Даниловича Хохлова (1620–1622), отправленного туда вскоре после приезда в Москву в 1619 г. бухарского посла Эдема от хана Имам-Кули. Среди этих материалов оказалась челобитная одного бухарского купца, который приехал с И. Д. Хохловым из Бухары. Купец жаловался на самовольные действия саратовского воеводы кн. Е. Ф. Мышецкого, взявшего с него незаконно «*новые посулы деньгами и товарами*». Здесь же приводится грозная царская грамота саратовскому воеводе кн. Е. Ф. Мышецкому о недопущении впредь подобных действий, говорится, что «*посулу он взял воровством и изменой*», а если поступят новые жалобы от иноземных купцов, то «*тебе от нас быти казнено смертию*»⁵¹.

Немало интересного о Саратове 1646–1648 гг. можно найти в документах о посольстве в Персию кн. Козловского, в Бухару и Хиву – торгового человека Анисима Грибова, в Индию – гонцов купца Никиты Сыроежкина и Василия Тушканова. Все эти три посольства были отправлены из Москвы одновременно летом 1646 г. водным путем через Казань и Астрахань. До этого еще в 1642 г. в Юргенч и Бухару был отправлен посланник Савин Горохов и при нем торговый человек Анисим Грибов, вынужденный сам править посольство из-за смерти С. Горохова. Он вернулся в Москву в конце 1643 г. Подчеркнем, что 1640-е гг. – это самый темный период в истории Саратова, из-за того, что источники пока не найдены, несмотря на то, что жизнь в городе в то время не замирала⁵².

В Индийских делах содержится информация о первых посещениях Саратова индийскими купцами, начиная с 1645 г. В 1647 г. индийский купец Сутур в Посольском приказе рассказал дьякам о том, что купцам из Индии понравилось торговать в России, поэтому в Астрахань в том году приехали уже 25 индийских купцов. В 1649 г. 5 индийских купцов побывали в Саратове и решили опробовать новый сухопутный путь из Саратова в центральные районы страны, минуя Казань⁵³.

В Калмыцких делах (фонд № 119), где говорится о посольстве боярина кн. В. Г. Ромодановского в 1661 г., приводятся сведения о начале торговли калмыков с саратовцами⁵⁴. В этом же фонде содержится информация о нападениях

калмыков на Саратов и успешных ответных действиях воеводы Самары Л. А. Плещеева в 1643–1644 гг., о награждении его за этот поход⁵⁵.

Перспективными для изучения истории левобережного Саратова являются материалы Персидских дел. Это хорошо известно всем саратовским краоведам, которые, начиная с А. А. Гераклитова, использовали опубликованные свыше 120 лет назад Н. И. Веселовским документы из Персидских дел. Один из таких комплексов документов освещает события 1600/1601 гг. (посольство Перкулы-бека и князя А. Ф. Жирового-Засекина, зимовку персидского и русского посольств в Саратове). В других документах рассказывается о событиях 1614 г., связанных с отправкой в Персию первого посольства царя Михаила Романова (дворянин М. Н. Тиханов и подъячий А. Бухаров), приводятся сведения об уходе всех воинов гарнизона Саратова в Самару и о пребывании конных и пеших саратовских стрельцов в Самаре в 1613 г.⁵⁶ Уход гарнизона в другой город, расположенный на расстоянии свыше 300 км, означал прекращение существования первоначального Саратова.

К сожалению, завершающий 3-й том труда Н. И. Веселовского ограничен событиями 1620 г., поэтому в нем очень мало сведений о левобережном Саратове. Однако изучение материалов Персидских дел за последующий период (1620–1670-е гг.) по различным причинам затягивается. С данными документами работал в свое время А. П. Новосельцев⁵⁷.

П. П. Бушев, решив написать труд по истории русско-иранских отношений вплоть до 1796 г. в 4-х томах, не успел закончить даже 2-й том, хотя работал над данной темой последние, самые плодотворные в научном отношении 20 лет своей жизни (планировалось, что 2-й том охватит события 1613–1639 гг.). В действительности П. П. Бушев довел изложение 2-го тома лишь до 1620 г. (это издание вышло в свет через 6 лет после кончины автора). П. П. Бушев ранее еще написал отдельный очерк о посольстве Василия Коробьина в 1621–1624 гг. в Персию. Остальные его работы посвящены событиям конца XVII – середины XVIII в. Возможно, в архиве П. П. Бушева имеются выписки из документов за интересующий нас период (1620–1670 гг.).

По словам научных сотрудников Института Востоковедения РАН, после П. П. Бушева данным периодом (1620–1670 гг.) никто не занимался и в настоящее время не занимается. С конца XVII в. русско-иранские отношения освещались в трудах Н. Г. Кукановой и др. Но это относится уже к правобережному Саратову.

Что касается документов Грузинских дел, то и здесь исследователей ждут сенсационные находки. Это видно даже при беглом прочтении документов о посольствах кн. Ф. Ф. Волконского и Е. Ф. Мышецкого в Грузию, опубликованных М. А. Полиевктовым. Следует добавить,

что М. А. Полиевктов в 1920–1930-е гг., работая в архивах, подготовил к печати и опубликовал ряд других документов по истории русско-грузинских отношений⁵⁸. Многие выписки из таких материалов он оставил в библиотеке Тбилисского государственного университета, где они находятся и в настоящее время.

Следует учесть публикацию грузинским исследователем Г. Г. Пайчадзе многочисленных источников о русско-грузинских отношениях. В т. 1 этого сборника документов можно найти сведения о левобережном Саратове⁵⁹. К примеру, мы узнаем, что в 1658 г. грузинского царя Теймураза сопровождали из Астрахани в Москву 400 татар, 2 приказа стрельцов и 200 солдат астраханского гарнизона. Все они останавливались в Саратове. В 1666 г. царевича Николая Давыдовича, внука Теймураза, сопровождали из Астрахани «сухим путем» 300 конных стрельцов «да едисанской Казы мурза Урусов да сотник татарской да с ними татар 200 человек». Грузинскому царевичу и его свите выделили 100 подвод, которые взяли в Астрахани у юртовских татар. Стрельцы проводили грузинское посольство только до Саратова, откуда далее до Москвы царевича Николая вместе с саратовскими провожатыми по кратчайшему сухопутному пути через Пензу и Инсар сопровождал Казы-мурза Урусов с отрядом юртовских татар и конных саратовских стрельцов⁶⁰. Мнение о том, что царевич Николай Давыдович сопровождал восточных патриархов по пути в Москву, плыл с ними из Астрахани до Симбирска, является ошибочным. Для тех, кто интересуется историей правобережного Саратова последней четверти XVII в., особый интерес представляют материалы, помещенные в т. 2 и 3 сборника документов, опубликованных Г. Г. Пайчадзе (здесь возможна ссылка на более ранние документы)⁶¹.

Кабардинские князья предпочитали добираться в Москву через Астрахань и Казань. Поэтому они часто посещали Саратов⁶². Следовательно, в Кабардинских делах тоже можно обнаружить сведения о Саратове.

Неожиданные находки по Саратову ожидают исследователей, работающих с документами фонда 210 Разрядного приказа. Это доказал современный исследователь Д. В. Лисейцев, который обнаружил среди столбцов Московского стола челобитные двух саратовских воевод (Е. Ф. Мышецкого и Г. Н. Орлова). Из текста этих челобитных можно выяснить некоторые неизвестные факты из истории левобережного Саратова в тот период, когда указанные служилые люди находились в нем на воеводстве⁶³.

В 2019 г. в Вестнике Волгоградского государственного университета была опубликована статья А. В. Малова (сотрудник РГАДА и ИРИ РАН), в которой приведены сведения, относящиеся к истории Царицына в 1616–1622 гг. Исследователь работал с документами Архива Оружейной палаты (Ф. 396. Оп. 2). Обработав около

десяток книг этого фонда, А. В. Малов обнаружил имена свыше 100 служилых людей, которые были награждены в Москве за различные службы, связанные с Царицыным. Полный их список приведен в приложении к статье А. В. Малова. В основном это были царицынские стрельцы (свыше 40 человек) и астраханские стрельцы (около 30 человек), а также около двух десятков детей боярских и стрелецких начальников (голов, сотников и пятидесятников) из этих городов. А ведь были еще награжденные за Царицынскую службу из других городов (Терки, Казань, Курмыш, Алатырь). И это только за первые годы, прошедшие после восстановления города! Ранее были известны за указанный период в Царицыне благодаря публикации И. Е. Забелина всего около десятка имен служилых людей. Теперь их стало намного больше. Что касается соседнего с Царицыным Саратова, восстановленного годом позже, то здесь ситуация с именами служилых людей складывается намного хуже. За указанный период и даже за последующие 10 лет мы не знаем ни одного имени служилых людей Саратова (и из других городов, отличившихся в Саратове), кроме воевод и двух стрелецких голов (ни стрельцов, ни детей боярских, ни пушкарей и воротников). Это же относится и к церковным деятелям, подъячим, посадским людям Саратова (известен только строитель Богородицкого монастыря старец Петр). Имена посадских людей Саратова известны только с 1634 г. Хочется верить, что среди документов Архива Оружейной палаты будут найдены имена саратовцев, награжденных в первой половине XVII в. за различные службы. И. Е. Забелин работал именно с этими документами, когда обнаружил имена двух служилых людей из Самары, награжденных за «Саратовское городовое поставление».

Кроме источников, особый интерес представляют некоторые справочники о людях, руководивших деятельностью воевод левобережного Саратова и занимавшихся всеми делами, связанными с Саратовом в то время. Речь идет о начальных лицах приказа Казанского дворца, ведь Саратов напрямую подчинялся именно этому приказу. В справочнике С. К. Богоявленского приведены имена всех приказных судей этого приказа (как и всех других приказов), а также подчиненных им дьяков⁶⁴.

В настоящее время сотрудником РГАДА А. В. Антоновым завершается издание описей грамот Коллегии экономии (Ф. 281), где в том числе содержатся документы по левобережному Саратову.

Возможны также ценные находки, касающиеся левобережного Саратова, в некоторых опубликованных документах, обойденных вниманием исследователей.

В последнее время благодаря тому, что все описи РГАДА теперь выложены в свободный доступ на официальном сайте Архива, мы вступили

в совершенно иную эру исследовательской работы. Многие наблюдения можно делать только на основании описей. Это может оказать существенную помощь, прежде всего, региональным исследователям, которые не имеют возможности часто бывать в Москве.

Подводя итог почти двухсотлетней работе по введению в научный оборот источников как по первоначальному (1590–1609), так и левобережному (1616–1674) Саратову, начатой еще Н. М. Карамзиным и Н. И. Костомаровым, можно сказать, что впереди исследователей ожидает еще много новых открытий. Этот процесс, фактически приостановленный почти 100 лет назад после публикаций А. А. Гераклитова, следует продолжить. Возможности для этого имеются, необходимо лишь желание.

Статью хочется завершить словами А. А. Гераклитова: «Остается возложить надежды на лучшее будущее, когда более тщательные поиски в наших столичных архивах могут обнаружить какие-нибудь новые и важные документы».

Примечания

- 1 См.: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова : записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.) / сообщил А. Голомбиевский. М. : Университетская типография, Страстной бульвар, 1892 (также – ЧОИДР). 26 с. (далее – Голомбиевский А. А. Материалы...).
- 2 См.: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки : ежемесячное иллюстрированное издание. 1892. № 3 (март). М., 1892.
- 3 См.: Документы Печатного приказа 1613–1615 гг. / сост. академик С. Б. Веселовский ; подг. к печати Н. К. Ткачева ; отв. ред. Б. В. Левшин. М. : Наука, 1994. С. 3–6.
- 4 См.: *Веселовский С. Б.* Источники XVIII главы Уложения царя Алексея // Древности : Труды Археологической комиссии Московского археологического общества. М., 1913. Т. 3. С. 167–192.
- 5 См.: *Модзалевский Б. А.* А. Голомбиевский. Некрологическая заметка // Журнал Императорского Русского Военно-Исторического общества. 1913. № 11. С. 544–547.
- 6 *Гераклитов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. 1913. Саратов, 1913. С. 61.
- 7 См.: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова : записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). С. 4.
- 8 См.: Документы Печатного приказа 1613–1615 гг.
- 9 См.: Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) / под ред. Л. М. Сухотина. М. : Синодальная типография ; изд. Императорского ОИДР при Московском университете, 1915.
- 10 Дополнения к Дворцовым разрядам по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова, собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты Иваном Забелиным (далее – Дополнения к Дворцовым разрядам...). Ч. 1. М., 1882. Стб. 118.
- 11 *Голомбиевский А. А.* Материалы... С. 4–5.
- 12 *Гераклитов А. А.* Материалы для истории Саратовского Поволжья : столбцы Московского архива Министерства Юстиции // Труды СУАК. Вып. 29. 1912. Саратов, 1913. С. 62.
- 13 Там же. С. 63–87.
- 14 *Гераклитов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов : Изд-во Друкарь, 1923. С. 218.
- 15 Там же. С. 217.
- 16 См.: Чебоксары во второй половине XVI–XVIII веке : документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов / сост., авт. предисл., коммент. и примеч. Д. В. Басманцев ; науч. консульт. В. Д. Кочетков ; ГИА ЧР ; ЧГИГН. Чебоксары : ГИА ЧР, 2019. С. 74, 75, 89–98.
- 17 См.: *Смирнов П. П.* Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 года // Труды СУАК. Вып. 33. 1916. Саратов, 1916.
- 18 См.: *Гераклитов А. А.* История Саратовского края...
- 19 См.: *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов : Паровая скоропечатня Губерн. Правления, 1893. С. 26–28, 30.
- 20 См.: Материалы для истории возмущения Стеньки Разина, изд. Поповым. М., 1857.
- 21 См.: Крестьянская война под предводительством С. Разина : сб. документов : в 4 т. М. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1 ; М., 1957. Т. 2, ч. 1, 2 ; М., 1962. Т. 3 ; М., 1976. Т. 4.
- 22 Там же. М., 1962. Т. 3, № 125. С. 135 ; № 176. С. 196 ; № 275. С. 340–341 ; № 276. С. 342.
- 23 См.: *Шахматова Е. А.* К истории Саратовского края из Донских дел // Труды СУАК. Т. 4, вып. 1. 1893. Саратов, 1893. Д. 2. С. 4142.
- 24 См.: Донские дела. Кн. 1–5 // Русская историческая библиотека (далее – РИБ). СПб., 1898. Т. 18 ; СПб., 1906. Т. 24 ; СПб., 1909. Т. 26 ; СПб., 1913. Т. 29 ; Пг., 1917. Т. 34.
- 25 Донские дела. Кн. 5 // РИБ. Пг., 1917. Т. 34. Стб. 44–45.
- 26 См.: Дела Тайного приказа, кн. 1, 3 // РИБ. СПб., 1907. Т. 21 ; СПб., 1904. Т. 23.
- 27 См.: *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Тип. м-ва вн. дел, 1884.
- 28 См.: *Веселовский С. Б.* Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. С. 43.
- 29 См.: *Водарский Я. Е.* «Сметный список» военных сил России 1651 года // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М. : Институт истории АН СССР, 1989. С. 24–25.
- 30 См.: *Полиевктов М. А.* Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. Тифлис : Изд. Тифлисского ун-та, 1928.
- 31 См.: *Полиевктов М. А.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615–1640 (Посольства : Веревкина, Харитона, Феодосия, Никифора, Волконского) / документы к печати подготовил и предисловием снабдил М. Полиевктов. Тбилиси : Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1937.

- ³² См.: Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1 ; СПб., 1851. Т. 2 ; СПб., 1852. Т. 3.
- ³³ Книги разрядные по официальным оных спискам : в 2 т. СПб., 1853. Т. 1 ; СПб., 1855. Т. 2 ; Разрядная книга 1637/1638 года / отв. ред. В. И. Буганов ; сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина, А. П. Богданов. М. : ИИ СССР АН СССР, 1983 ; Разрядная книга 1637/1638 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / отв. ред. В. И. Буганов ; сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина. М. : ИИ СССР АН СССР, 1974 ; Разрядная книга 1550–1636 гг. М. : ИИ СССР АН СССР, 1976. Т. 2, вып. 2.
- ³⁴ См.: Записные книги Московского стола 7143, 7145, 7147, 7149, 7155, 7157 гг. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10.
- ³⁵ См.: Столовая книга патриарха Филарета // Старина и новизна. СПб., 1909. Кн. 13. С. 37–131 (продолжение, январь – май 1624 г.) ; СПб., 1906. Кн. 11. С. 68–163 (начало книги, сентябрь – декабрь 1623 г.).
- ³⁶ См.: Дополнения к Дворцовым разрядам... Ч. 1. М., 1882.
- ³⁷ РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 152.
- ³⁸ См.: Дело по челобитью Ивана Матвеевича Вельяминова о пожаловании его за службы. Апрель 1633 г. // АМГ. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634), № 515. С. 491.
- ³⁹ См.: *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* Саратовская летопись. С. 25.
- ⁴⁰ Дело по челобитью Ивана Ромодановского и Бориса Колтовского о придаче им за Тульскую службу поместных и денежных окладов. Октябрь 1633 г. // АМГ. СПб., 1890. Т. 1, № 573. С. 538.
- ⁴¹ См.: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1906.
- ⁴² См.: *Стрейс Я. Я.* Три путешествия. М. : ОГИЗ-Соцгиз, 1935.
- ⁴³ *Чекалин Ф. Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. Саратов : Паровая скоропечатня Губерн. Правления, 1892. С. 37–38, 58.
- ⁴⁴ См.: *Кирпичников А. Н.* Россия XVII в. в рисунках и описаниях Николааса Витсена. СПб. : Славия, 1995. С. 7–21, 177–192.
- ⁴⁵ Там же. С. 7–21.
- ⁴⁶ См.: *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 173–174.
- ⁴⁷ См.: *Хождение купца Федота Котова в Персию* / публ. Н. А. Кузнецовой ; отв. ред. А. А. Кузнецов. М. : Изд-во Восточной лит-ры, 1958.
- ⁴⁸ *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 240.
- ⁴⁹ См.: *Книга Большому Чертежу* / под ред. К. Н. Сербинной. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. С. 143.
- ⁵⁰ Там же. С. 49–50.
- ⁵¹ *Уляницкий В. А.* Сношения России со Средней Азией и Индией // ЧОИДР. 1888. Кн. 3 (146). С. 15.
- ⁵² Там же. С. 18.
- ⁵³ Там же. С. 32.
- ⁵⁴ См.: *Преображенская П. С.* Торговые связи поволжских городов с калмыками в середине XVII века // Города феодальной России : сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М. : Наука, 1966. С. 328–333.
- ⁵⁵ См.: *Рабинович Я. Н.* Калмыки и левобережный Саратов во второй – третьей четверти XVII века : от вооруженных конфликтов к мирным торговым связям // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 12. М. : Квадрига, 2018. С. 67–75
- ⁵⁶ См.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1–3 / под ред. Н. И. Веселовского // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. Т. 20–22. СПб., 1890–1898.
- ⁵⁷ См.: *Новосельцев А. П.* Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. Экономика, политика, культура. М. : Наука, 1966. С. 103–121.
- ⁵⁸ См.: *Полиевктов М. А.* Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650–1652. Тифлис : Изд. Тифлисского ун-та, 1928.
- ⁵⁹ См.: *Пайчадзе Г. Г.* Материалы по истории русско-грузинских отношений. Тбилиси : Мецниереба, 1974. Т. 1. С. 47–48.
- ⁶⁰ См.: *Торопыцын И. В.* Астраханские юртовские татары в орбите российской внешней политики на Северном Кавказе в XVII – первой половине XVIII в. // Гасырлар Авазы – Эхо веков. 2015. № 1/2. С. 32.
- ⁶¹ См.: *Пайчадзе Г. Г.* Материалы... Тбилиси, 1976. Т. 2 ; Тбилиси, 1979. Т. 3.
- ⁶² См.: *Дзамихов К. Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик : Кабардино-Балкарский ун-т, 2007.
- ⁶³ См.: *Лисейцев Д. В.* Новые сведения о саратовских воеводах первой трети XVII века // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 329–334.
- ⁶⁴ См.: *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. Источники о левобережном Саратове (1616–1674 гг.): общая характеристика // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 503–512. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-503-512>

Cite this article as:

Rabinovich Ya. N. Sources about the Left Bank of Saratov (1616–1674): General Characteristics. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 503–512 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-503-512>

УДК 303.446.4(470)(09)+94(470.44–25)|18|+929

Николай Иванович Костомаров в культурной среде Саратова

А. С. Майорова

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, majorova-as@mail.ru

Саратовские историки давно проявляют интерес к вопросу о влиянии Костомарова на культурную среду Саратова. Найденные Костомаровым новые источники по истории Саратовской губернии и презентация его взглядов на особенности исторического процесса в регионе стали стимулом к развитию научных знаний в этой области и оказали воздействие на общественно-культурную среду губернского города.

Ключевые слова: общественно-культурная среда, история региона, народные восстания, Н. Г. Чернышевский, Д. Л. Мордовцев.

Nikolai Ivanovich Kostomarov in the Cultural Environment of Saratov

A. S. Mayorova

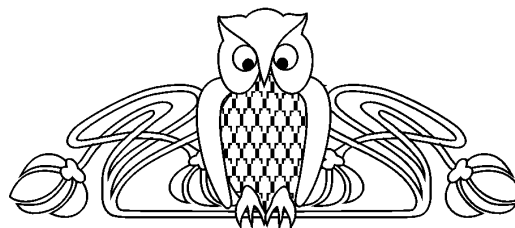
Alla S. Mayorova, <https://orcid.org/0000-0002-9582-6811>, Saratov State University, 83 Astrachanskaya St., Saratov 410012, Russia, majorova-as@mail.ru

Saratov historians have long been interested in Kostomarov's impact on the cultural environment of Saratov. The discovery by Kostomarov of new sources on the history of the Saratov province and the presentation of his views on the features of the regional historical process stimulated the development of scientific knowledge in this area and influenced the social and cultural scene of the principal town of the province.

Keywords: social and cultural scene, history of the region, popular uprisings, N. G. Chernyshevsky, D. L. Mordovtsev.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-513-519>

Сведения о биографии представителя науки представляют особый интерес с точки зрения интеллектуальной истории. Учет взаимодействия движений идей и тех социальных, политических, религиозных, общекультурных контекстов, в которых данные идеи возникают, распространяются и трансформируются, является принципиальным для «новой культурно-интеллектуальной истории»¹. В связи с этим важно изучение взаимодействия общественно-культурной среды определенного города (региона) и воззрений ученого, находившегося в данном регионе. Сам процесс формирования взглядов историка и его творчество тесно связаны с той средой, в которой протекала его жизнь. Изучая биографию исследователя, мы можем получить представление о том, каким образом изменение социокультур-

ного контекста оказывало влияние на содержание его трудов. Очень важно то обстоятельство, что научная деятельность ученого может послужить толчком к переменам в той среде, в которой он оказался.

В середине XIX в. в Саратове в течение более 10 лет находился Н. И. Костомаров, который впоследствии заслужил широкую известность как один из выдающихся историков России. Он приехал в город не по своей воле, а был выслан сюда под надзор полиции. С июля 1848 г. по август 1856 г. Костомаров проживал в Саратове в качестве поднадзорного ссыльного. Затем, уже получив свободу передвижения и освобождение от полицейской опеки, он выезжал из Саратова за границу, в Петербург, но оставался саратовским жителем до осени 1858 г., когда окончательно перебрался в северную столицу².

Исследователи, которые занимаются изучением жизни и творчества Костомарова, останавливаются на саратовском периоде его биографии, концентрируя внимание на произведениях историка, созданных в то время. Р. А. Киреева в своей статье, написанной к юбилею Костомарова, указала на то, что в Саратове он продолжал работать над монографией о Богдане Хмельницком и собирал материал о быте русского народа, что послужило толчком к написанию «Очерка домашнего быта и нравов великорусского народа». Автор статьи обратила внимание на появившиеся в трудах Костомарова, связанной с его работой в саратовском губернском правлении. Знакомство с документами о старообрядцах привело Костомарова к написанию «Истории раскола у раскольников». Отметила исследовательница и широкий круг его научных интересов в саратовский период жизни, особо подчеркнув, что Костомаров «собирал предания, отразившие память о народных войнах под предводительством Разина и Пугачева». Из его работ, посвященных местной тематике, Р. А. Киреева выделила заметки о торговле г. Саратова. Интерес автора статьи привлек вопрос о круге общения Костомарова в период ссылки³.

Украинский исследователь Ю. А. Пинчук в монографии, посвященной характеристике исторических взглядов Костомарова на основе его трудов по истории Украины, не обошел вниманием две его статьи, посвященные «саратовской» теме – «Взгляд на состояние саратовской вывозной торговли в отношении предполагаемой железной дороги между Москвой и Сарато-

вом» (Саратовские губернские ведомости. 1854. № 23–25) и «О промышленной, ремесленной и торговой деятельности в уездных городах Саратовской губернии в 1853 году» (Саратовские губернские ведомости. 1856. № 46–47). Ю. А. Пинчук отметил очень важный факт: Костомаров собрал в Царицыне и Петровске документы, относившиеся ко времени восстания Пугачева, и передал их Д. Л. Мордовцеву, который на основании этих материалов написал ряд работ⁴. Данные сведения имеют прямое отношение к изучению историографического процесса в регионе.

Саратовские историки традиционно проявляют интерес к вопросу о влиянии Костомарова на культурную среду губернского города. А. А. Гераклитов назвал написанный им «Очерк истории Саратовского края» примером, свидетельствующим об интересе известного историка к прошлому Нижнего Поволжья. Однако Гераклитов считал, что главная его заслуга для местного краеведения заключалась не в написании очерка, «а в том, что как редактор «Саратовских губернских ведомостей» он привлек к сотрудничеству и объединил много лиц из нарождающейся местной интеллигенции»⁵.

После выхода в свет работы Гераклитова саратовские исследователи в течение длительного времени не уделяли внимания проблемам развития исторического краеведения, и тема пребывания в Саратове Костомарова выпала из поля зрения местных историков. Только в конце 70-х гг. XX в. А. А. Демченко в связи с изучением биографии Н. Г. Чернышевского рассмотрел факты жизни Костомарова в период ссылки⁶ (Чернышевский преподавал в саратовской гимназии в 1851–1853 гг.). На первом плане в работе Демченко – взаимоотношения двух деятелей русской культуры, выяснение особенностей их общественно-политических взглядов. Демченко уделил внимание и научным занятиям Костомарова в Саратове, отметил тот факт, что Чернышевский помогал ему получать необходимую литературу. Исследователь подчеркивает, что именно в период общения с ним Костомаров начал работать над монографией о Степане Разине⁷. Это наблюдение представляется очень важным. В данной работе Демченко называет имена людей, которые входили в окружение Чернышевского. К их числу принадлежал и Костомаров.

Позднее Демченко посвятил специальную статью выяснению подробностей биографии Костомарова, связанных с Саратовом⁸. В ней автор предпринял попытку реконструировать на основании различных источников круг общения знаменитого историка в губернском городе. Он пишет: «Имена окружавших Костомарова в Саратове лиц устанавливаются почти с исчерпывающей полнотой» и называет этих лиц⁹. Демченко подчеркивает ту роль, которая принадлежала Костомарову в жизни Саратова в годы его ссылки, и пишет, что все эти годы он «был центром

кружка саратовской интеллигенции»¹⁰. Данное утверждение основано на сведениях, содержащихся в статьях П. Л. Юдина и П. Н. Черняева, опубликованных еще до революции¹¹.

Вопрос о влиянии взглядов Костомарова и его сочинений на развитие местной исторической традиции также нашел отражение в работах саратовских регионоведов в конце XX – начале XXI в. В методическом пособии В. Г. Миронова и В. М. Захарова дана общая характеристика работ Костомарова, в которых рассматривались проблемы местной истории, и было сказано, что он «явился инициатором нового подхода к проблеме изучения народных движений в регионе»¹². Авторы обратили внимание на результаты поиска документов о крестьянских движениях, который был предпринят Костомаровым в «некоторых местных архивах». Они отметили, что материалы о Пугачеве Костомаров передал «своему ученику и преемнику в деле изучения Саратовского края Мордовцеву»¹³.

Миронов в статье «К истории саратовского краеведения» указывает на широкий круг проблем, связанных с изучением истории, этнографии, экономики Саратовской губернии, которыми интересовался Костомаров. Главную его заслугу Миронов видит в том, что профессиональный уровень его исследований был «много выше леопольдовского»¹⁴ (труд А. Ф. Леопольдова по истории Саратовского Поволжья был опубликован в конце 40-х гг. XIX в.¹⁵). Миронов не прошел мимо темы кружка интеллигенции. Он писал, что вокруг опального профессора сформировался кружок демократически настроенной интеллигентной молодежи, лидером которого быстро стал Чернышевский, а после его отъезда – Мордовцев. Относительно этого кружка Миронов отметил, что именно его члены «позже возьмутся за создание местной краеведческой организации»¹⁶. Автор статьи не называет имен членов кружка, кроме Мордовцева.

Захаров отметил, что хотя в научном наследии Костомарова работы о Саратовском крае занимают незначительное место, «но для саратовского исторического краеведения они знаменуют новый виток». Именно со времени создания его «Очерка истории Саратовского края», по мнению Захарова, исследователи местной истории стремились создавать «концепции исторического развития, имевшие значение не только для данного региона, но и для всей страны». Однако Захаров не называет имен авторов концепций, не определяет их сущности. Говоря о влиянии Костомарова на дальнейшее развитие исторической традиции в Саратове, он отмечает его «большое идейное воздействие на Мордовцева»¹⁷.

Взаимоотношениям Костомарова и Мордовцева посвятила специальную статью саратовская исследовательница Н. А. Варганова, в которой подчеркнула, что оба историка занимали «весьма заметное место в литературной жизни Саратова».

Одно из главных положений, выдвинутых Варгановой, – утверждение о близости литературных, политических и научных взглядов Мордовцева и Костомарова¹⁸. Данный тезис повторяется в ее монографии, посвященной Мордовцеву¹⁹.

Продолжает оставаться актуальной тема взаимоотношений Костомарова и Чернышевского. В статье Пинчука, посвященной сопоставлению социально-политических воззрений Костомарова и Чернышевского, указано на то, что они сыграли особую роль в культурной среде Саратова в 1851–53 гг.: «...Они вместе, до переезда в 1853 г. Чернышевского в Санкт-Петербург участвовали в организации просветительских вечеров для учителей и учащихся гимназии, на которых, кроме разъяснения научных проблем, касались политических вопросов»²⁰.

Вопрос о воздействии Костомарова на культурную среду Саратова затронут в статье В. Н. Данилова. Он пишет: «Большое влияние на местное интеллектуальное сообщество оказало пребывание в Саратове с 1847 по 1859 г. крупного русского историка Николая Ивановича Костомарова, высланного сюда из Киева за принадлежность к Кирилло-Мефодиевскому братству». Данилов подчеркивает высокий профессиональный уровень его трудов, опубликованных в Саратове²¹.

В. В. Боярченков, в отличие от авторов, которые писали о влиянии Костомарова на интеллектуальное сообщество Саратова, акцентировал внимание на влиянии социокультурной среды Саратовского края на формирование его «федеративной теории»: «Можно предположить, что именно знакомство с самобытным миром Поволжья натолкнуло историка на мысль объединить разнородные, но одинаково сильные впечатления, полученные на Украине и на Волге, в единую концепцию». Он пишет, что «новизна костомаровского взгляда на местную историческую жизнь, определяется тем, что ее специфика рассматривалась в «федеративной теории» как закономерный результат развития русского народа или народностей, ее составляющих, в удельную эпоху»²². Наблюдения Боярченкова представляют большой интерес. Он показал, что пребывание Костомарова в Саратове оставило след не только в культурной среде губернского города и региона, но и нашло отражение в концептуальных построениях историка.

Таким образом, исследователи, изучавшие вопрос о пребывании Костомарова в Саратове, указали на его важную роль в культурной среде губернского города. Специально рассматриваются взаимоотношения Костомарова и представителей местной интеллектуальной элиты. Регионоведы обратили также внимание на новизну его интерпретации отдельных периодов истории Саратовского Поволжья и на влияние его общественно-политических и научных взглядов на творчество Мордовцева. Однако воздействие

Костомарова на изучение истории Саратовского Поволжья требует более пристального рассмотрения. Необходима конкретизация положений о более высоком научном уровне работ этого историка по «саратовской» тематике по сравнению с сочинениями Леопольдова, о влиянии Костомарова на Мордовцева. При рассмотрении взаимоотношений ссыльного ученого и представителей образованных кругов Саратова следует учитывать его мнение и о дворянско-чиновничьей среде губернского города.

Высказывания Костомарова о местном обществе встречаются в его автобиографических сочинениях. Существуют два варианта автобиографии историка. Они могут рассматриваться и как один источник, имеющий два этапа воплощения. Первый вариант появился в печати сразу после его смерти в 1885 г. в журнале «Русская мысль» (кн. 5–6). Данный вариант текста был записан Н. А. Белозерской со слов Костомарова зимой 1869–1870 гг. Белозерская с 1868 г. исполняла обязанности секретаря у знаменитого историка. Она познакомилась с Костомаровым в Саратове в 1857 г. Сам Костомаров написал для нее список своих научных трудов, созданных к тому моменту, когда были продиктованы воспоминания²³. Кроме того, он сделал некоторые примечания к тексту, написанному Белозерской, следовательно, он просматривал текст и стремился внести в него уточнения.

История второго, более позднего варианта автобиографии Костомарова, рассмотрена в примечаниях к его изданию, осуществленному в 1989 г. в Киеве²⁴. Этот вариант автобиографии с большим правом, чем первый, можно назвать авторизованным, хотя и в данном случае текст был продиктован. Его запись осуществляла жена Костомарова Алина Леонтьевна, урожденная Крагельская. Они поженились в 1875 г., но романтическая история их отношений началась задолго до этого и она описана в автобиографии. Крагельская была невестой Костомарова до того, как он подвергся аресту и ссылке. Судьба разлучила их надолго, но в 1873 г. они снова встретились, а через год с небольшим обвенчались.

Костомаров продиктовал второй вариант автобиографии в 1875 г., а в последующие 2 года текст дополнялся. События в нем заканчиваются 1877 г., поэтому можно условно считать данный вариант законченным именно в то время. Костомаров возвращался к тексту после 1881 г., когда вносил в него поправки. Впервые полностью этот вариант автобиографии Костомарова был напечатан отдельным изданием в 1922 г.²⁵ Именно на это издание обычно и ссылаются авторы, изучающие жизнь и творчество историка. Однако в исследовательской литературе встречаются одновременно ссылки на оба варианта автобиографии, при этом «вариант Белозерской» (если его можно так назвать) используется без должных пояснений, что создает впечатление о

существовании двух публикаций одного и того же текста.

Оба варианта воспоминаний дают скудный материал для установления круга общения историка в Саратове. Однако некоторые особенности культурной среды губернского города запечатлены в рассказах Костомарова. В авторизованном варианте автобиографии, повествуя о годах, проведенных в Саратове, он не упоминает о своей работе в течение нескольких месяцев в редакции губернских ведомостей. Факт знакомства и общения с Чернышевским здесь тоже отсутствует.

Несмотря на то, что по своему служебному положению Костомаров принадлежал к чиновничьей среде (он служил в губернской канцелярии и в статистическом комитете, а в последний год пребывания в Саратове – в комиссии по улучшению быта помещичьих крестьян), о своих взаимоотношениях с этой средой он не сообщает. Очевидно, Костомаров не считался у чиновников «своим». Об отсутствии общих интересов и тесных контактов историка с ними красноречиво свидетельствует один эпизод. При описании саратовских пожаров 1855 г. Костомаров сообщает о подозрениях в поджигательстве, которые коснулись его самого. Мемуарист пишет, что «в высших кругах» городского чиновничества в совершении этого преступления подозревали поляки – участники освободительного движения 40-х гг.). Костомарова же, как он узнал, один чиновник считал поляком, «и притом католического исповедания»²⁶.

Из лиц, принадлежавших к кругу общения ссыльного историка, в авторизованном варианте автобиографии упоминается только А. Н. Пасхалова. Это имя хорошо известно исследователям, которые занимаются изучением биографии Н. Г. Чернышевского, а также специалистам в области истории культуры Нижнего Поволжья.

В более раннем варианте воспоминаний Костомарова, записанном Белозерской, содержится немало живых подробностей о его пребывании в Саратове, встречаются хлесткие характеристики. О правителе дел саратовской губернской канцелярии Дурасове сказано: «Мошенник первой руки, представлявший собой тип подьячего»²⁷. Что касается взаимоотношений Костомарова и его сослуживцев, то он откровенно говорит, что чиновники «избегали» его. «...Помещики, напротив, заискивали во мне, – сообщает мемуарист, – особенно получившие высшее образование в высших учебных заведениях, а таких было немало, но все они скоро дичали, и даже на многих незаметно было и следов образования». Эти характеристики позволяют представить духовные интересы саратовского дворянского общества. Так же, как и в официальном варианте автобиографии, в этом варианте Костомаров отмечает, что среди его знакомых были ссыльные поляки, однако в данном случае акцент усилен:

«Круг моих знакомых по преимуществу составляли ссыльные поляки, из которых многие люди были очень образованные»²⁸.

Имя Чернышевского неоднократно встречается в тексте, записанном Белозерской. В нем запечатлены не только внешние приметы облика знаменитого саратовца, но и некоторые черты его характера, отношений с родителями, особо сказано о его отце²⁹. Информация Костомарова о его общении с Пасхаловой здесь гораздо подробнее, чем в более поздней автобиографии. Мемуарист замечает: «Я находил большое удовольствие в ее обществе, хотя не был влюблен в нее»³⁰. Судя по словам Костомарова, Пасхалова представляла тип женщины, для которой научные занятия были почти столь же важны, как и для него самого.

Представляют большой интерес замечания Костомарова о том, с какими трудностями были связаны его научные исследования в Саратове. Он отмечает, что занимался «русской историей и Богданом Хмельницким» и это было «нелегко» «в далеком городе, лишенном большей части учебных пособий»³¹. Таким запечатлен Саратов в воспоминаниях Костомарова.

Автор мемуаров не стремился рассказать обо всех своих знакомствах среди интеллектуальной элиты Саратова, но о взаимоотношениях с Мордовцевым он сообщает в обоих вариантах автобиографии. Эти сведения дополняют наши представления о культурной среде губернского города в 50-е гг. XIX в. Кроме того, они дают основание оценить перспективу одного из направлений в развитии исторического знания в регионе, которая открылась благодаря Костомарову. Мордовцев принадлежал к наиболее ярким представителям местного интеллектуального сообщества, к тому же он обладал талантом историка, его знакомство с Костомаровым произошло в Саратове в то время, когда Мордовцев начинал свою служебную карьеру. Он был выпускником местной гимназии, и после окончания Петербургского университета вернулся в Саратов в 1854 г.³² Костомаров вспоминал о встрече с Мордовцевым, отзываясь о нем с большой теплотой³³.

Одной из тем исследований Костомарова в Саратове было восстание под предводительством Степана Разина. Внимание историка привлекал другой знаменитый бунт – пугачевщина и об этих событиях ему удалось собрать документы во время пребывания в Саратове. В автобиографии Костомаров сообщает о своем желании создать труд на эту тему. Однако осуществить данный замысел можно было только при условии ознакомления с документами, которые хранились в столичных архивах. «Мне объявили, – писал Костомаров, – что не дадут в архиве бумагу, будто бы они запечатаны, хотя я сам видел их распечатанными». Он понял, что ему не удастся написать полноценный труд о пугачевщине, и от-

дал Мордовцеву документы, собранные во время пребывания в Саратове³⁴. Мордовцев с успехом использовал эти материалы для написания целой серии очерков и монографий.

В 1860–1862 гг. в журналах вышли первые статьи и очерки Д. Л. Мордовцева о разбойниках на Волге в XVIII в. и о самозванцах–предшественниках Пугачева: «Самозванец Ханин» (Русский вестник. 1860. Т. 26. С. 319–330), «Понизовая вольница» (Русское слово. 1860. Декабрь. С. 1–51), «Атаман Брагин и разбойник Зубакин» (Русский вестник. 1862. Январь–февраль. С. 703–730). Затем отдельными изданиями в Петербурге были опубликованы сборники его монографий и очерков «Самозванцы и понизовая вольница» (1867 г., в двух томах) и «Политические движения русского народа» (1871 г., также в двух томах). В первом из них на основании архивных документов освещается «история разбоев», происходивших в Нижнем Поволжье в 1775–1778 гг. после восстания Пугачева. Во втором – помещены три монографии о пугачевщине и несколько очерков о разбойничьих атаманах более позднего времени.

С именем Мордовцева связаны значительные достижения в изучении этих сложнейших явлений русской истории. В предшествующей историографии и в трудах его современников все социальные взрывы именовались бунтами. Заглавие сборника монографий и очерков – «Политические движения русского народа» – демонстрирует подход Мордовцева к изучаемым событиям. Для саратовского историка и пугачевское восстание, и самозванцы, и разбой на Волге – проявления воли народа, который не имел других возможностей ее выразить. Содержание вводной статьи к названному сборнику свидетельствует о том, что Мордовцев не был склонен закрывать глаза на «массовые преступления и массовые убийства», происходившие во время восстаний и в ходе разбоев. Однако он подчеркивает, что в изучаемый им период именно в «массовых и единичных народных движениях ... по возможности сказывалось участие русского народа в политическом и гражданском росте русского государства»³⁵. По его мнению, «пугачевщина со всеми ее последствиями была порождением всей России, неизбежным плодом темной стороны тысячелетней жизни русского народа и результатом ненормального состояния всего тогдашнего ее государственного строя»³⁶. Под «темной стороной» автор подразумевал крепостное право. Эти суждения Мордовцева предвосхищают взгляды отечественных историков XX в., которые рассматривали все крупные народные движения XVII–XVIII вв. как проявления борьбы крестьянства против крепостного права. По мнению Мордовцева, «... не конечная деморализация народа двигала его на массовые убийства и преступления, а неудачно сложившийся строй общественной жизни...»³⁷.

Необходимо отметить, что взгляды Мордовцева и Костомарова на причины народных восстаний были различны. Если Костомаров видел в них проявление противоречий между «старой вечевой вольницей» и новым «гражданским порядком», то его младшему коллеге причиной народного недовольства представлялся общественный строй России. Кроме того, Костомаров и Мордовцев по-разному расценивали степень участия различных социальных сил в народных выступлениях. Костомаров основную роль в них отводил казачеству, а Мордовцев характеризовал восстания как выражение политической воли широких масс народа.

В исторической традиции Саратовского Поволжья во второй половине XIX в. статьи и монографии Мордовцева о «разбоях» на Волге и о восстании Пугачева стали новым этапом в разработке этих проблем. Им был введен в научный оборот крупный комплекс письменных источников по истории региона и предложено новое понимание причин народных «возмущений». Новации в развитии исторического знания в регионе, которые были привнесены трудами Мордовцева, появились именно благодаря его общению с Костомаровым, хотя их взгляды на истоки народных движений не были сходными.

Среди работ Костомарова наибольший интерес, с точки зрения изучения развития историографии Поволжского региона, представляет «Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I» (опубликован в «Памятной книжке Саратовской губернии на 1858 год». Саратов, 1858). Он появился в печати спустя десять лет после выхода в свет «Исторического очерка Саратовского края» Леопольдова. Костомаров в оценке многих событий резко расходился со своим предшественником. Его очерк начинался не с наиболее ранних по времени сведений о народах, обитавших в Нижнем Поволжье (как у Леопольдова), а «от присоединения его к Российской державе». Очевидно, он принципиально ставил вопрос о рассмотрении истории данного региона в рамках общерусского исторического процесса, исследуя его историю как составную часть истории русского народа.

Расхождение у двух авторов, прежде всего, состоит в различной оценке значения и смысла народных движений. В представлении Леопольдова казачьи восстания – это «воровства и разбои», нарушения существующего порядка. Костомарову история Саратовского Поволжья от начала XVII и до конца XVIII столетия представляется как сплошная череда восстаний казачества. В промежутках между восстаниями на территории Нижнего Поволжья действуют разбойники, которые в сущности тоже были казаками. Костомаров связывал данные события с определенными общественными условиями. Он писал: «...Эти удалцы не были разбойниками в

смысле, какой мы даем этому слову; их поступки истекли из неустройства общества, от неустанной еще гражданственности, от неугасшей еще в русском народе вольницы удельных времен, от неокрепlosti властей... от юности нашей нации»³⁸.

Костомарову удалось создать концепцию истории Нижнего Поволжья в XVII–XVIII вв. Он старался выделить основной стержень в развитии происходивших здесь процессов, показать своеобразие региона, определить его собственное лицо. У Леопольдова история Саратовского края предстает как сколок с общерусской истории. Костомаров в истории Саратовского края отмечает приметы тех же процессов и деятельности тех же социальных сил, что и на территории всей Руси. Однако все происходит здесь в особых, местных условиях. Главным действующим лицом всех событий, с точки зрения интересов которого Костомаров стремится их оценивать, является русский народ как этническая общность.

Выявление Костомаровым новых источников по истории Саратовской губернии и презентация его взглядов на особенности исторического процесса в регионе стали стимулом к развитию научных знаний в этой области. Благодаря общению с Костомаровым Мордовцев создал значительное количество трудов, которые определили новый этап в изучении социально-политических событий в Саратовском Поволжье. Развитие исторического знания оказало влияние на общественно-культурную среду Саратова во второй половине XIX в.

Примечания

- 1 Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. социальные теории и историографическая практика. М. : Круг, 2011. С. 338.
- 2 См.: Киреева Р. А. Живые образы эпох. К 200-летию со дня рождения члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук Н. И. Костомарова // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 12. С. 1123.
- 3 Там же.
- 4 См.: Пинчук Ю. А. Исторические взгляды Н. И. Костомарова (критический очерк). Киев : Наукова думка, 1984. С. 50–51.
- 5 Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов : Друкар, 1923. С. 29.
- 6 См.: Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография : в 4 ч. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. Ч. 1. С. 224–248.
- 7 Там же. С. 246.
- 8 См.: Демченко А. А. Н. И. Костомаров в Саратове // Саратовское Поволжье в панораме веков : История, традиции, проблемы : материалы IX межрегиональных научных краеведческих чтений (7–8 апреля 2000 г., Саратов), Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 370–374.

- 9 Там же. С. 373.
- 10 Там же. С. 370.
- 11 См.: Захаров В. М., Миронов В. Г. У истоков саратовского исторического краеведения : Учебное пособие по курсу «Историческое краеведение» : Балашов : Изд-во Балашовского пед. ин-та, 1991. С. 24.
- 12 Там же. С. 29.
- 13 Там же. С. 26.
- 14 Миронов В. Г. К истории саратовского краеведения // Четыре века : Сб. статей, посвященных 400-летию Саратова. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. С. 34–52.
- 15 [Леопольдов А. Ф.] Исторический очерк Саратовского края. Соч. Андрея Леопольдова М., 1848.
- 16 Миронов В. Г. Указ. соч. С. 36–37.
- 17 Захаров В. М. Саратовская учёная архивная комиссия и её преемники : Саратовская учёная архивная комиссия в 80–90-е гг. XIX века. Балашов : Печатное агентство «Спектр», 2002. С. 20.
- 18 См.: Варганова Н. А. Д. Л. Мордовцев и Н. И. Костомаров // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. С. 238.
- 19 Варганова Н. А. Д. Л. Мордовцев : Саратовские страницы биографии и творчества. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 75.
- 20 Пинчук Ю. А. Знаменитости XIX века : Костомаров и Чернышевский // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сборник науч. тр. М. : МГПУ, 2004. Вып. 15. С. 175.
- 21 См.: Данилов В. Н. Становление исторической науки в Саратове : Столичные стандарты и местные традиции // Историческое прошлое и образы истории : материалы III Международной научной конференции, посвященной 100-летию исторического образования в Саратовском университете (Саратов, 18–19 мая 2017 г.). Вып. 3. Саратов : Техно-Декор, 2017. С. 5.
- 22 Боярченков В. В. Историки-федералисты : Концепции местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. С. 63, 76.
- 23 См.: Семевский В. И. По поводу автобиографии // Русская мысль. 1885. Кн. V. С. 190, 194.
- 24 См.: Костомаров Н. И. Автобиография // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев : Изд-во при Киев. ун-те, 1989. С. 426–651.
- 25 Там же. С. 705–706.
- 26 Там же. С. 498–499.
- 27 [Костомаров Н. И.] Автобиография Николая Ивановича Костомарова // Русская мысль. 1885. Кн. VI. С. 21.
- 28 Там же. С. 22.
- 29 Там же. С. 24–25.
- 30 Там же. С. 25.
- 31 Там же. С. 22.
- 32 См.: Момот В. С. Даниил Лукич Мордовцев : Очерк жизни и творчества. Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1978. С. 33.
- 33 Костомаров Н. И. Автобиография // Костомаров Н. И. Исторические произведения... С. 491.
- 34 [Костомаров Н. И.] Автобиография... // Русская мысль. 1885. Кн. VI. С. 32.

³⁵ Мордовцев Д. Л. Политические движения русского народа. СПб., 1871. Т. 1. С. 1.

³⁶ Мордовцев Д. Л. Пугачевщина. Начало и характер Пугачевщины. Соч. П. Щербальского. Москва, 1865 // Вестник Европы. 1866. Т. 1, отд. V. С. 302.

³⁷ Мордовцев Д. Л. Политические движения... С. III.

³⁸ Костомаров Н. И. Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I // Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. Составлена при саратовском губернском правлении Саратов, 1858. Отд. 3. С. 7–8.

Образец для цитирования:

Майорова А. С. Николай Иванович Костомаров в культурной среде Саратова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 513–519. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-513-519>

Cite this article as:

Mayorova A. S. Nikolai Ivanovich Kostomarov in the Cultural Environment of Saratov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 513–519 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-513-519>

УДК 94(470.44–25)|18|

Динамика и структура бюджета российского города в середине XIX столетия (на примере Саратова)

М. В. Зайцев

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ZaytsevMV@mail.ru

Статья посвящена финансовой деятельности Саратовской городской думы в 1839–1870 гг. Анализируется объем городского бюджета, структура доходов и расходов. Выявляются основные источники денежных поступлений и направления расходования средств. Рассматриваются специфические отношения муниципалитета и государства в данной сфере.

Ключевые слова: история России XIX в., история русского города, Саратовская городская дума, городской бюджет.

Dynamics and Structure of the City Budget in Russia in the Middle of the 19th Century (on the Example of Saratov)

M. V. Zaytsev

Maxim V. Zaytsev, ORCID 0000-0003-2035-2786, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ZaytsevMV@mail.ru

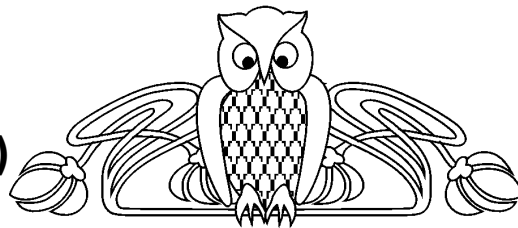
The article is devoted to the financial activity of the Saratov City Duma in 1839–70. The city budget, structure of income and expenses are analyzed. The author identifies the main sources of cash receipts and the course of spending. Also he explores the peculiar relationship of the municipality and the state in this area.

Keywords: Russian history of the XIX century, history of the Russian city, Saratov City Duma, city budget.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-520-530>

Изучение истории российского города может осуществляться путем рассмотрения его крупнейших составляющих – социальной структуры, администрации, архитектурно-планировочных особенностей, культуры и экономики. При этом многие сюжеты неизбежно оказываются лежащими в плоскости сразу нескольких из перечисленных аспектов, что увеличивает возможности анализа и ценность конечных результатов. К сюжетам такого типа относится, в частности, развитие муниципального бюджета городов России, поскольку данная тема проливает свет как на деятельность органов самоуправления, так и на состояние городской экономики и на многие другие вопросы.

С этой точки зрения интересно рассмотреть динамику и структуру муниципального бюджета Саратова в середине XIX в. Такой вопрос еще не являлся предметом всестороннего изучения,

поскольку специалисты к нему почти не обращались. Лишь в коллективной работе «Местное самоуправление Саратова: история и современность» можно найти фрагментарные сведения о муниципальном бюджете указанного периода. В частности, в этом труде приводятся действовавшие тогда правила составления и утверждения городской сметы, указывается общий объем доходов и расходов (в том числе суммы их крупнейших разделов) по отчету за 1846 г. и важнейшие показатели бюджета по смете на 1863 г.¹ На основе таких данных невозможно составить полное и объективное представление о динамике финансов городского самоуправления, об изменениях в структуре доходов и расходов, а также о движущих силах и проблемах развития муниципального бюджета.

Обозначенные вопросы целесообразно рассматривать в хронологических рамках, определенных введением в действие законодательных актов, регулировавших финансовую деятельность Саратовской городской думы. 16 марта 1839 г. вышло «Высочайше утвержденное положение о доходах и расходах города Саратова», которое ввело новые правила составления городского бюджета, а 16 июня 1870 г. было утверждено Городовое положение, существенно изменившее систему городского самоуправления в России и поставившее финансовую деятельность муниципалитетов в принципиально иные условия.

Необходимо отметить, что появление «Положения...» 16 марта 1839 г. связано с проводившейся тогда государственной политикой, направленной на улучшение местного хозяйства. Неудовлетворительное состояние российских городов заставило правительство уже в 1820–1830-е гг. начать искать пути реформирования их устройства, в том числе – с точки зрения улучшения городских финансов². В эпоху правления Николая I довольно частым явлением стало утверждение верховной властью специальных положений, регулирующих доходы и расходы конкретного городского поселения. Помимо Санкт-Петербурга и Москвы, такие законодательные акты были дарованы нескольким губернским и крупнейшим уездным городам, а в 1839 г. очередь дошла и до Саратова.

О развитии саратовского муниципального бюджета до конца 1830-х гг. известно пока немного. Живший в то время местный краевед и журналист А. Ф. Леопольдов в своем труде «Ста-

тистическое описание Саратовской губернии» приводит данные из отчета городской думы за 1834 г., согласно которым приход денежных сумм в указанном году составил 286.037 руб., расход – 220.540 руб. При этом у думы оставалось еще 28.375 руб. наличными деньгами, а также имелось несколько капиталов в ценных бумагах: билеты Государственной комиссии погашения долгов на сумму 422.300 руб., Сохранной казны Императорского воспитательного дома – на 513.593 руб. и Саратовского приказа общественного призрения – на 26.875 руб. «Проценты со вложенного капитала, – замечает Леопольдов, – не получают и дума с кредитными местами расчетов не делает: следовательно сумма нарощих процентов не известна»³. Из этого он делает вывод, что финансовое положение муниципалитета блестящее и призывает городские власти активнее расходовать средства на благоустройство, в первую очередь – на создание водопровода.

Леопольдов также поясняет происхождение и назначение капиталов, составлявших вместе колоссальную сумму почти в миллион рублей. Они были получены за счет продажи значительной части принадлежавших городу земель и помещены в различные сберегательные учреждения, а накапливающиеся проценты предназначались на «исправление разных городских нужд». Сами капиталы дума не имела права расходовать без разрешения коронной власти⁴. Таким образом, современник переоценил «цветущее» состояние городских финансов, основывая свое суждение на наличии у саратовского муниципалитета крупных капиталов и не учитывая, что дума де-факто не могла свободно тратить их на нужды горожан.

Принятое в 1839 г. «Высочайше утвержденное положение о доходах и расходах города Саратова» подробно регламентировало внутреннюю структуру муниципального бюджета. К городским доходам оно относило сборы с отдаваемого в аренду общественного имущества (прежде всего – земель), с частного имущества обывателей, с записи в городскую обывательскую книгу, с промышленных, торговых и увеселительных заведений, с частных предпринимателей, с актов, сделок и аукционных продаж, а также вспомогательные и случайные поступления. Список расходов включал выплаты по займам, содержание благотворительных и учебных заведений, содержание городского самоуправления и пенсионное обеспечение его служащих, наем помещений для войск, отопление и освещение муниципальных зданий, наружное благоустройство города (замощение улиц, содержание бульвара и т. п.) и разные мелочные траты.

Закон обязывал городскую думу ежегодно в сентябре – октябре составлять смету на следующий календарный год и передавать ее на утверждение губернатора. При этом в ряде случаев конкретные статьи расходов дополнительно

регулировались штатами и расписаниями, что ограничивало возможности городских властей варьировать структуру бюджета. Согласно «Положению...», дума должна была «пещись по возможности о уменьшении годовых издержек», но только путем экономии на способах заготовления необходимых материалов. Каждое изменение в смете относительно предыдущих лет требовало обоснования. Все дополнительные сокращения или увеличения статей бюджета могли происходить только с разрешения губернского начальства, а иногда и Министерства внутренних дел. Если смета выполнялась с профицитом, то дума также не имела права по своему усмотрению потратить излишек средств. Он должен был вноситься в Приказ общественного призрения и пополнял городской запасный капитал, которым муниципалитет не мог распоряжаться самостоятельно⁵.

В таких весьма жестких рамках развивался бюджет городского самоуправления Саратова в середине XIX в. При изучении бюджетной динамики приходится сталкиваться с рядом проблем, связанных как с состоянием источников, так и с бухгалтерскими особенностями учета муниципальных средств. Сохранившиеся документы содержат количественные данные о размере доходов и расходов города за конкретные годы, однако по разным причинам зачастую эти данные неоднородны.

Во-первых, в указанную эпоху российская денежная система состояла в основном из серебряной монеты и ассигнаций. Курс последних не соответствовал номиналу металлического рубля и постоянно колебался. Ситуация осложняется пришедшей на эти годы денежной реформой, в результате которой с 1843 г. ассигнации заменяются кредитными билетами, приравненными по номиналу к серебряному рублю. Но уже в январе 1855 г. из-за крупных расходов, вызванных Крымской войной, государство начало выпуск кредитных билетов, обеспеченных звонкой монетой лишь на шестую часть номинала, в связи с чем курс бумажных денег по отношению к металлическим понизился и началась инфляция. Не всегда в источниках поясняется, какая именно счетная единица (ассигнации или серебряный рубль) имеется в виду, поэтому довольно трудно отбирать сопоставимые данные за 1830–1860-е гг. Предпочтение отдавалось тем документам, где суммы зафиксированы в серебре, именно такие сведения используются в статье (за исключением нескольких, специально оговоренных случаев).

Во-вторых, реальные городские доходы и расходы за отдельный год могли существенно отличаться от запланированных, а из источника не всегда можно понять, с какими именно показателями мы имеем дело – сметными или полученными в результате финансовой деятельности муниципалитета (отчетными). Для достижения

максимально репрезентативных результатов имеет смысл анализировать и те и другие, естественно, с точным указанием сущности используемых данных.

Сохранились обобщенные сведения о развитии сметы доходов и расходов Саратова с конца 1830-х до начала 1850-х гг. Благодаря тому, что

роспись ежегодно утверждалась губернатором и затем отсылалась в МВД, центральное ведомство накапливало такую информацию по большинству городских поселений империи и опубликовало ее в 1859 г. в первом томе статистического издания «Общественное устройство и хозяйство городов» (табл. 1).

Таблица 1

Бюджет Саратова в 1838–1853 гг. по сметным данным, руб.⁶

Год	Доходы	Расходы	Остаток или дефицит	Год	Доходы	Расходы	Остаток или дефицит
Ассигнациями				1845	73.168	61.169	+ 11.999
1838	219.831	209.403	+ 10.428	1846	53.650	62.784	- 9.134
1839	185.542	257.156	- 71.614	1847	69.758	69.938	- 152
Серебром				1848	78.518	78.518	-
1840	69.811	94.507	- 24.696	1849	59.260	73.099	- 13.838
1841	79.009	78.971	+ 38	1850	62.481	67.922	- 5.440
1842	82.850	80.849	+ 2.000	1851	82.582	71.765	+ 10.817
1843	78.166	58.354	+ 19.811	1852	80.476	80.476	-
1844	81.945	58.789	+ 23.155	1853	70.554	70.505	+ 48

Учитывая, что в конце 1830-х гг. соотношение курса ассигнаций и серебряного рубля составляло 3,5 к 1, с 1838 до 1853 г. и доходы, и расходы городского бюджета по смете составляли в среднем 71 тыс. руб. серебром. В отдельные годы случались существенные отклонения от этих усредненных величин, но в целом объем муниципальной росписи долгое время оставался на одном уровне. Стагнация городской сметы не могла быть вызвана объективными причинами, поскольку социально-экономические показатели Саратова в указанный период достаточно быстро прогрессировали. Только за 1840–1850 гг. численность населения города выросла с 42 до 55 тыс. чел.⁷, т. е. на 31 %, соответственно развивались и масштабы хозяйственной деятельности жителей. В этих условиях, с одной стороны, увеличивались возможности городской думы пополнять бюджет за счет как минимум косвенных сборов, а с другой – рост города требовал повышения затрат на развитие многих сфер. Поэтому отсутствие позитивной динамики городской сметы объясняется прежде всего жесткими рамками, установленными для нее «Положением...» 1839 г.

Во втором томе «Общественного устройства и хозяйства городов» помещены данные о городской росписи за 1854–1858 гг. Помимо общего

размера доходов и расходов, здесь представлены некоторые дополнительные финансовые показатели саратовского самоуправления: размер городских капиталов и долгов, а также сумма недоимок, т. е. не выплаченных муниципалитету средств (табл. 2).

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что в середине 1850-х гг. городской бюджет резко вырос, по сравнению с предыдущим периодом. Такая динамика объясняется преимущественно субъективными обстоятельствами. По специальной дополнительной росписи 1854 г. Саратовская городская дума передавала 10 % со всего городского капитала, хранившегося тогда в Московском опекуном совете, Хозяйственному департаменту МВД. Эта сумма составила 95.097 руб., предназначалась на «употребление в пользу почт» и проходила по смете как в доходной, так и в расходной части⁹. Кроме того, в 1854–1856 гг. «на счет городского капитала» осуществлялось строительство трех казарменных зданий для размещения гарнизонного батальона¹⁰. Стройка обошлась в 229 тыс. руб., а сразу после ее окончания городу пришлось тратить немалые средства на дополнительное оборудование казарм, мелкий ремонт и создание вспомогательных помещений рядом¹¹.

Таблица 2

Состояние городских сумм Саратова в 1854–1858 гг. по сметным данным, руб.⁸

Год	Доходы	Расходы	Остаток или дефицит	Капиталов	Недоимок	Долгов на городе
1854	189.649	189.584	+ 64	1.066.172	104.750	14.232
1855	131.468	131.250	+ 217	1.112.462	7.920	14.232
1856	87.047	87.047	--	1.070.874	86.904	15.752
1857	118.238	117.339	+ 899	1.023.656	123.000	15.732
1858	100.941	98.429	+ 2.511	925.920	160.954	28.642

Вторая половина 1850 гг. в Саратове ознаменовалась повышением активности местных властей в хозяйственной сфере. Интенсивно велось замощение улиц, площадей и волжских взвозов, за 1856–1857 гг. расширен деревянный городской водопровод, а с 1859 по 1862 г. были возведены новые каменные здания для четырех полицейских частей (стоимость последнего проекта – 137 тыс. руб.)¹². Эти и другие подобные мероприятия неизбежно приводили к повышению муниципальных расходов и общему росту бюджета.

Компенсировать затраты приходилось в основном за счет городских капиталов, по-прежнему составлявших около миллиона рублей. Их источником, как отмечалось выше, являлась, главным образом, продажа городских земель, которая осуществлялась в первой половине XIX в., причем руководила этим процессом верховная власть империи. Указ Александра I от 30 ноября 1804 г. устанавливал общие правила распоряжения городскими землями Саратова, по которым вырученные от их продажи средства должны были вноситься в Приказ общественного призрения или Сохранную казну воспитательного дома «с тем, чтобы проценты его обращались в пользу города и на исправление разных его нужд, но чтоб самый капитал не иначе был употребляем, как по особенным Нашим повелениям»¹³. А по указу Николая I от 24 сентября 1827 г. Саратов передал в собственность Московского воспитательного дома 23 тыс. десятин пахотной земли и лесных угодий, за что получил 513 тыс. руб. Сумма была выдана билетами Сохранной казны и император предписывал считать ее «неприкосновенною собственностью города, но с тем, чтобы проценты не употреблять иначе, как с Нашего разрешения». Оставшиеся земли город мог отдавать в оброчное содержание частным лицам «впредь до дальнейшего об оных распоряжения»¹⁴.

Вместе с недоимками (в отдельные годы сопоставимыми с городским бюджетом) эти капиталы являлись серьезным ресурсом для развития, воспользоваться которым в полной мере мешали законодательные ограничения. По сравнению с ними, ничтожная сумма лежащих на го-

роде долгов выглядела смехотворной. Коронная власть по собственному усмотрению использовала имеющийся резерв, охотно запуская руку в «копилку» городской думы тогда, когда нужно было профинансировать какие-либо государственные потребности – обеспечение воинского постоя, улучшение материальных средств полиции, топографическую съемку территорий губернии и т. п.

В эпоху реформ Александра II проблема отсутствия у муниципалитета необходимых полномочий в распоряжении принадлежащими ему суммами уже начинала озвучиваться на страницах местной печати. В 1860 г. современник, очевидно, близко связанный с губернской администрацией, писал в официальном справочном издании, что одним из важнейших предстоящих нововведений среди прочего должно стать «предоставление городам больших прав в распоряжении их городскими капиталами, в употреблении которых городские общества стеснены доселе излишними регламентами и уставами, останавливающими развитие городского хозяйства»¹⁵.

Данные городской сметы, при всей строгости, с которой коронные власти следили за ее соблюдением, все же не дают максимально точной картины развития муниципальных финансов, поскольку исполнение бюджета могло существенно отличаться от плана (табл. 3).

Сопоставленные в табл. 3 за отдельные годы данные демонстрируют, что реальный финансовый результат деятельности городского самоуправления всегда существенно отличался от сметы. Отклонения происходили как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения доходов и расходов, причем достигали порой десятков и даже сотен тысяч рублей. Муниципальному бюджету, очевидно, было тесно в жестких рамках «Положения...» 1839 г. и сама жизнь заставляла выходить достаточно далеко за них.

Заданный в середине 1850-х гг. курс на рост объема бюджета продолжился и далее (табл. 4). Главным фактором увеличения росписи и в это время оставалась реализация крупных строительных или хозяйственных проектов. Так, повышение доходов и расходов на 1865 г. объяс-

Таблица 3

Сопоставление сметных и отчетных данных о бюджете Саратова, руб.¹⁶

Год	Данные	Доходы	Расходы	Год	Данные	Доходы	Расходы
1839 (ассигнациями)	Смета	185.542	257.156	1855	Смета	131.468	131.250
	Отчет	205.796	199.038		Отчет	166.313	169.201
1849	Смета	59.260	73.099	1858	Смета	100.941	98.429
	Отчет	74.715	51.618		Отчет	221.398	219.255
1852	Смета	80.476	80.476	1863	Смета	120.501	120.501
	Отчет	84.440	85.658		Отчет	129.880	147.016
1853	Смета	70.554	70.505	1870	Смета	337.329	216.363
	Отчет	69.600	67.777		Отчет	181.251	153.206

Таблица 4

Динамика городских доходов и расходов в 1852–1870 гг. по отчетным данным, руб.¹⁷

Год	Доходы	Расходы	Остаток или дефицит	Год	Доходы	Расходы	Остаток или дефицит
1852	84.440	85.658	– 1.218	1863	129.880	147.016	–17.136
1853	69.600	67.777	1.823	1865	378.544	351.876	26.668
1855	166.313	169.201	–2.888	1867	227.175	221.508	5.667
1857	301.696	299.003	2.693	1869	234.691	251.184	–16.493
1858	221.398	219.255	2.143	1870	181.251	153.206	+28.045

няется, среди прочего, строительством нового здания городского театра, обошедшегося почти в 80 тыс. руб. Вместе с тем на развитие бюджета все большее влияние оказывают объективные обстоятельства – рост численности городского населения и увеличение масштабов торгово-промышленной деятельности.

Несмотря на то, что в отдельные годы бюджет сводился с дефицитом, в целом сальдо городских финансов оставалось положительным. Жесткие ограничения, в которые ставили финансовую деятельность муниципалитета закон и коронная администрация, хотя и сдерживали рост производительных расходов, в то же время препятствовали нарушению общего баланса и возможной растрате городских капиталов. Они же сдерживали повышение налоговой нагрузки на население Саратова.

Помимо общей динамики, большой интерес представляет внутренняя структура городских доходов и расходов. В качестве отправной точки ее рассмотрения стоит взять отчетные сведения об исполнении бюджета Саратова за 1839 г. (табл. 5). Градация доходов и расходов в данной таблице приведена в соответствии с их разделением в источнике, хотя очевидно, что структурирование бюджета, выполненное бухгалтерией городской думы, не отличается ясностью и за-

трудняет анализ. Тем не менее даже такое разделение позволяет сделать некоторые наблюдения.

Прежде всего, обращает на себя внимание значительная доля сверхсметных поступлений и ассигнований. Отчасти эти средства носили так называемый «оборотный» характер, поскольку муниципалитет в целях привлечения на короткое время необходимых для текущих расчетов денег делал займы в кредитных учреждениях. Так, например, в отчетном году получено из Приказа общественного призрения 15 тыс. руб., а внесено в это же учреждение – 14,9 тыс. руб.¹⁹ Прочие сверхсметные поступления представляли собой либо доходы из обычных, предусмотренных законом, источников (просто не внесенных в смету по каким-то формальным причинам), либо доходы, поступившие в счет будущего года. Чрезвычайные расходы, за исключением оборотных, составляли относительно небольшие суммы, уходившие на дополнительное финансирование тех же сфер, которые предусматривались основным бюджетом города: содержание полиции, пожарной команды и войск, благоустройство и т. п.

Доходная часть бюджета Саратова пополнялась в это время главным образом из трех крупных источников: 1) прямого налога с недвижимости горожан; 2) сборов с городских имуществ и

Таблица 5

Исполнение саратовского бюджета в 1839 г.¹⁸

Доходы	Сумма, руб.	Доля, %	Расходы	Сумма, руб.	Доля, %
С городских имуществ	25.157	12,2	Содержание мест городского управления и разных лиц	102.699	51,6
С городских мест, сдаваемых под торговлю	5.079	2,5	Наем домов для мест городского управления	8.029	4,0
С оброчных статей, отдаваемых с торгов по контрактам	16.567	8,1	Отопление и освещение	44.901	22,6
Сборы с заведений промышленности	480	0,2	Ремонтные издержки на устройство города	13.200	6,6
С местных торговцев (с объявленных ими капиталов)	404	0,2	Мелочные расходы	6.993	3,5
С извозчиков	1.200	0,6	Сверхсметные	23.216	11,7
Вспомогательные	3.247	1,6			
Сборы с частных обывательских имений	66.551	32,3			
Сверхсметные	87.111	42,3			
ИТОГО	205.796	100	ИТОГО	199.038	100

предприятий; 3) косвенных налогов и поступлений от торгово-промышленной деятельности.

Отдел «Сборы с частных обывательских имений» включал в себя всего одну статью, где значился налог под названием «Квадратный земельный по раскладке думы». Данный вид обложения существовал в Саратове еще в XVIII в., судя по тому, что в фонде Саратовской ратуши и городского магистрата Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА) хранится дело под названием «По доношению саратовских купцов и цеховых о несостоятельности по случаю пожара бывшего 13 мая 1774 г. платить Квадратные деньги»²⁰. Взимался этот налог со всех участков городской территории, принадлежащих частным владельцам, в зависимости от площади каждого владения. Его доля в городском бюджете 1839 г. составила 32,3 %, а если учитывать только сметные поступления – 56 % всех доходов.

На втором месте по значению шли сборы от сдачи муниципальных земель на городском выгоне под сельскохозяйственные угодья (24,6 тыс. руб. в сметной части и 4,8 тыс. в сверхсметной), под ветряные мельницы, а на территории города – под промышленные заведения и под торговлю на двух рыночных площадях (Верхний и Пеший базары). Серьезные доходы городской думе тогда давали перевоз через Волгу (6,8 тыс. руб.), а также использование городских весов и мер (8,5 тыс. руб.).

Торговля приносила городу деньги не только в виде арендной платы за размещение лавок на базарах и использование весов. Муниципалитет брал налог в размере одного процента с привозимых в Саратов товаров, хотя почему-то сумма этого сбора (16,6 тыс. руб.) значится среди сверхсметных поступлений. Удивляют «копеечные» размеры доходов с заведений промышленности и с местных торговцев, которые объясняются нюансами финансовой деятельности городских властей. Так, в отчете отмечено, что сбор с трактиров получен в предыдущем 1838 г. и за отчетный год тоже. А сборы с объявленных капиталов в городской бюджет заплатили лишь купцы третьей гильдии и торгующие крестьяне. Среднее и крупнейшее купечество, возможно, также внесло причитающийся с них налог ранее.

Любопытно, что в отчете за 1839 г. полностью отсутствуют какие-либо доходы от принадлежащих городу земель и лесов, которые располагались на территории Саратовской губернии. Между тем их количество было весьма велико, измеряясь десятками тысяч десятин²¹. Видимо, в конце 1830-х гг. Саратовская городская дума еще не наладила их эффективное использование либо в то время просто не находилось желающих арендовать принадлежащие городу земли. Не исключена также ошибка в самом отчете, из-за которой доходы от земель, расположенных на

городском выгоне, были показаны вместе с поступлениями от других участков.

Расходная часть городского бюджета обнаруживает совершенно явный уклон в обеспечение потребностей власти и администрации, а не общества. Львиная доля ассигнований (72 тыс. руб.) по разделу «Содержание мест городского управления и разных лиц» направлялась на нужды полиции, пожарной команды и тюремного замка. Эти же структуры поглощали и значительную часть затрат по разделам «Наем домов для мест городского самоуправления» и «Отопление и освещение», а кроме того, здесь к ним добавлялись расходы на размещение в городе войск. Куда меньшие суммы тратились на содержание самой городской думы, городского магистрата, сиротского суда, различных комитетов, комиссий и должностных лиц муниципалитета.

Что касается расходов на столь важные для горожан сферы социального характера, то они составляли суммы довольно жалкие. Финансирование образования выражалось в содержании всего двух существовавших на тот момент городских начальных школ (2.350 руб.). А со здравоохранением связана только одна статья расходов со странной формулировкой «четырем ученикам предохранительной оспы» (450 руб.). Не намного лучше дело обстояло и с внешним благоустройством города. По разделу «Отопление и освещение» за год было отпущено 5,7 тыс. руб. на обслуживание двухсот уличных фонарей. «Ремонтные издержки на устройство города», составлявшие всего 13,2 тыс. руб., или 6,6 % бюджета, предусматривали починку полицейских зданий, ремонт мостов и дорог на территории Саратова и его предместий, волжских взвозов, а также содержание городской шелковичной плантации. Стоит напомнить, что все приведенные выше суммы – в ассигнациях. Очевидно, что при таком уровне затрат на социальную инфраструктуру Саратов не мог прогрессировать как поселение специфически городского типа, а качественное развитие городской среды было невозможно.

Таким в общих чертах представляется бюджет Саратова в конце 1830-х гг. Любопытно проследить важнейшие изменения его внутренней структуры в последующие десятилетия. Стоит отметить, что уже в начале 1850-х гг. бухгалтерия думы выработала иную градацию разделов росписи, из-за чего сопоставление осложняется. Для примера можно взять отчет о выполнении росписи доходов и расходов за 1858 г. (табл. 6).

На первое место по значению в доходной части вышли поступления от косвенных налогов и торгово-промышленной деятельности, что во многом являлось следствием интенсивного социально-экономического развития Саратова в середине XIX в. Эти разделы, проходящие в табл. 6 под номерами 4–6, вместе составили в отчетном году 50 % всех сметных доходов. Из подобных источников наибольшие средства го-

Таблица 6

Бюджет Саратова в 1858 г. по отчетным данным²²

Доходы	Сумма, руб.	Доля в сметных доходах, %	Расходы	Сумма, руб.	Доля в сметных расходах, %
Сметные			Сметные		
1. С выгонных и других земель, вне городской черты отводимых	16.020	19,7	1. Невыполненных расходов	68.950	47,2
2. С городских пустопорожных мест, отдаваемых под разные помещения	9.358	11,5	2. Содержание мест и лиц городского управления	62.433	42,8
3. С разных городских заведений	3.008	3,7	3. Разные расходы	7.143	4,9
4. Сборы с промышленников	3.956	4,9	4. Единовременные	7.402	5,1
5. С заведений промышленности	3.938	4,8	Итого расходов по смете	145.930	100
6. Налоги косвенные	33.249	40,9	По дополнительной росписи 1857 г.	11.965	
7. Вспомогательные, мелочные и случайные	283	0,3	Сверхсметные	57.854	
8. Чрезвычайные	2.115	2,6	На следующий год	4.089	
9. Из недоимки и заимообразной раздачи	9.321	11,5	ИТОГО	219.838	
Итого доходов по смете	81.322	100			
По дополнительной росписи 1857 г.	13.465				
Сверхсметные	118.519				
На следующий год	7.954				
ИТОГО	221.261				

роду поступали в виде налогов с товаров, «привозимых местными и иногородними купцами, мещанами и крестьянами, обложенных такою» (11 тыс. руб.), «с товаров, не вошедших в таксу, по 1 % с цены» (9 тыс.), с контрактов и договоров (8 тыс.), сборы за причал судов к пристани, за засвидетельствование разных актов, с гостиниц (2 тыс.), трактиров, постоянных дворов, лавок, магазинов, бань и т. п. Промысловые налоги выплачивали извозчики (1,5 тыс. руб.), купцы всех гильдий «по ¼ % с объявленных капиталов», торгующие крестьяне, ремесленники и приказчики.

Доходы от городских имуществ и заведений отошли на второй план, но продолжали играть значительную роль в формировании бюджета, составляя 35 % сметных поступлений. Только отвод земель «под хлебопашество и пастьбу скота, не принадлежащего жителям» давал городу 10 тыс. руб., а еще выделялись места под скотобойни, салотопни, кирпичные и другие заводы, ветряные мельницы, сенокосы, сады и т. д. Любопытно, что городская дума специально отводила участок земли «для раздачи бедным жителям подешестинно». На территории Саратова места выделялись под размещение лавок (3 тыс. руб.), столов, складов, под постройку домов и прочие надобности. Из городских «заведений» самым прибыльным являлся сбор с торгующих за пользование весами и мерами (2,9 тыс. руб.).

Бросается в глаза отсутствие раздела «Сборы с частных обывательских имений», составившего в 1839 г. самый крупный источник доходов.

Дело в том, что квадратно-поземельный налог был «приостановлен впредь до нужды» в 1844 г. «по особому ходатайству Высочайшим повелением»²³. Такая мера, очевидно, отвечала интересам владельцев недвижимости, но муниципалитет при этом лишился весьма крупного источника доходов. Несколько десятилетий городская дума могла лишь взимать недоимки по этому сбору за прошлые годы. В отчете за 1858 г. по разделу поступлений «Из недоимки и заимообразной раздачи» имеется статья, по которой предполагалось получить с жителей Саратова квадратно-поземельного сбора на сумму 45.894 руб., но получено всего 28 руб. Примечание к этой статье гласит: «Из этой суммы 25.864 р. предполагается сложить и производится переписка, остальные же взыскиваются чрез полицию с настоянием у губернского правления»²⁴.

Забегая вперед, следует отметить, что прямой налог с недвижимости обывателей все же вернулся в состав источников пополнения городского бюджета, когда в середине 1860-х гг. МВД обратило внимание на данный вопрос и указало саратовскому губернатору на Высочайшее повеление от 20 февраля 1861 г. о сборе в пользу городов с недвижимой собственности. В указанном законодательном акте речь шла о правилах взимания оценочного сбора с недвижимости в Москве, но при этом рекомендовалось устанавливать аналогичный налог «в прочих губернских и уездных городах, при настоятельной необходимости в усилении тамошних городских средств»²⁵. Губернское правление «в

виду неотложных расходов по благоустройству, обеспечению и улучшению города» признало необходимым восстановить сбор с частных обывательских имуществ в пользу городских доходов, «назначив на первый раз в виде опыта этот сбор самым умеренным размером, а именно по одной четверти процента с оценки». Поскольку все имущества саратовских обывателей оценивались в конце 1860-х гг. суммой 3.353.350 руб., то в смету 1870 г. были включены 8.383 руб. оценочного сбора, что составляло «самое льготное обложение сравнительно с правилами, преподанными на сей предмет в <...> Положении о доходах и расходах г. Саратова»²⁶. Таким образом, только в самом конце изучаемого периода данный налог был восстановлен, на что, очевидно, повлияла готовившаяся реформа городского самоуправления, подразумевавшая, помимо прочего, увеличение финансовых возможностей муниципалитетов.

Расходная часть бюджета к 1858 г. принципиально не изменилась: городская дума по-прежнему занималась главным образом финансовым обеспечением потребностей государственного управления. Первый раздел – «Невыполненные расходы» – почти полностью (66 тыс. руб.) составили средства на постройку новых зданий для полицейских частей, выделенные еще по росписям прошлых лет, но израсходованные только в отчетном году. В «Содержании мест и лиц городского управления» входили затраты на полицию (более 18 тыс. руб.), пожарную часть (14 тыс. руб.), на саму городскую думу (2,7 тыс. руб.) и городской магистрат (1,9 тыс. руб.). По этому же разделу проходили ассигнования на благоустройство, которые несколько выросли, по сравнению с 1839 г., что, очевидно, связано с расширением городского пространства и повышением внимания властей к его качеству. Средства отпускались «на поддержание мостовых по улицам и площадям, починку мостов внутри города и взвозов с р. Волги» (5 тыс. руб.), на ремонт деревянного водопровода и его бассейнов, на содержание городского сада и бульвара, а также на освещение города (4 тыс. руб.).

Как и прежде, расходы на такие важные направления, как здравоохранение и образование, были ничтожными. Во второй раздел входили содержание городского врача (350 руб.), выплата квартирных денег повивальным бабкам (28 руб.), плата оспопрививателям и «лекарскому ученику» (всего 282 руб.). К «разным расходам» отнесены ассигнования на четыре начальных училища (2,8 тыс. руб.), одно из которых открылось как раз в отчетном году.

Под «единовременными» подразумевались затраты, в основном связанные с обеспечением нужд полиции и пожарной команды, а также с внешним благоустройством города.

Сверхсметные доходы и расходы очень сложно анализировать, поскольку для каждого из них в отчете не уточняется, какое ассигно-

вание осуществлялось наличными деньгами, а какое – билетами кредитных учреждений (зафиксированы только их общие суммы по всему разделу). В последнем случае расходы не имели непосредственного отношения к реальным финансовым затратам городского бюджета за год и заносились в отчет только по бухгалтерским правилам. Однако можно отметить, что подавляющее большинство сверхсметных ассигнований осуществлялось «по предписаниям господина начальника губернии». С этой стандартной фразы начиналось 24 из 31 записи в списке расходов такого рода, причем почти во всех случаях средства направлялись на обеспечение всем необходимым размещенных в городе войск, а также (хотя и реже) – на нужды полиции и пожарной команды. Иногда подобный расход осуществлялся «по указу Саратовского губернского правления»²⁷. Данная тенденция прослеживается и в отчетах за 1852, 1853 и 1855 гг., с той лишь разницей, что в указанные годы зачастую деньги направлялись еще и на содержание топографов²⁸. Это опять-таки подтверждает, что коронная губернская администрация в то время фактически свободно распоряжалась городскими средствами по своему усмотрению, исходя, естественно, из государственных интересов.

В 1860-е гг. структура доходов в целом сохраняла общее соотношение, сложившееся ранее. Однако среди поступлений все большую роль играли средства от земель, сдаваемых для сельскохозяйственных занятий: в 1866 г. только отдача участков «под хлебопашество и пастьбу скота» принесла 63 тыс. руб. из 171 тыс. руб. собранных в этом году доходов²⁹. Постепенно они почти сравнялись с косвенными налогами и сборами с торгово-промышленной деятельности (табл. 7).

К «чрезвычайным» доходам, как и прежде, бухгалтерия зачастую относила средства, поступающие из резервных фондов. Так, из 103 тыс. руб., проходивших в 1869 г. по восьмому разделу, 55 тыс. руб. поступили в виде процентов с городского капитала и предназначались на замощение улиц.

Данные предварительного отчета городской думы, приведенные в табл. 7, указывают на то, что доходы от налогов и сборов с торгово-промышленной деятельности к 1869 г. в абсолютном исчислении практически не выросли по сравнению с 1858 г. Возможной причиной этого явления было достижение налоговой нагрузки в указанной сфере какого-то предельного уровня. По крайней мере, так полагали сами предприниматели, связанные с торговлей и промыслами. В 1862 г. они добились решения собрания городского общества (вступавшего тогда распорядительным институтом по отношению к городской думе) о создании специальной комиссии для пересмотра «Положения...» 1839 г. Препровождая к губернатору это решение, городской голова

Таблица 7

Доходы саратовского бюджета в 1869 г. по предварительному отчету³⁰

Доходы	Сумма, руб.	Доля в сметных доходах, %
Сметные		
1. С выгонных и других земель, вне городской черты отводимых	25.420	14,1
2. С городских пустопорожних мест, отдаваемых под разные помещения	7.018	3,9
3. С разных городских заведений	2.635	1,5
4. Сборы с промышленников	4.256	2,4
5. С заведений промышленности	3.699	2,1
6. Налоги косвенные	30.535	16,9
7. Вспомогательные, мелочные и случайные	2.714	1,5
8. Чрезвычайные	103.687	57,6
Итого доходов по смете	179.964	100
Сверхсметные		15.592
На следующий год		4.962
ИТОГО		200.519

отметил, что в существующих условиях некоторые статьи «Положения...» обременительны для местных жителей и стеснительны для торговли. «Местный житель, – писал он, – несет все тяготы и городские повинности, отправляет городские службы, платит за дом оценочные деньги, за торговлю гильдейский капитал, за лавки и другие помещения; сверх всего этого, согласно Положению, облагается акцизом в пользу города за привезенный им товар, превышающий даже гильдейские пошлины, дающие ему звание купца и право на торговлю, что очевидно составляет тягость для местного купеческого класса»³¹.

Коронные власти, учитывая обстановку Великих реформ, разрешили открыть такую комиссию под председательством губернского предводителя дворянства и с включением в состав городского головы, полицмейстера, нескольких губернских чиновников, а также представителей от дворян, купцов, мещан и цеховых. Несмотря на изначальный посыл – снижение налоговой нагрузки – в работах комиссии стали затрагиваться вопросы о необходимости увеличения городских расходов на содержание тюрьмы, полиции и пожарной команды. Коронные чиновники утверждали, что средств, отпускаемых городской думой, недостаточно и настаивали на увеличении ассигнований. Противоречие между стремлением городского общества снизить поборы и необходимостью повысить затраты на некоторые направления завело работу комиссии в тупик, а в 1868 г. она приостановила свою деятельность ввиду «скорого введения нового городского общественного управления».

Тем временем расходы муниципального бюджета по-прежнему определялись, прежде всего, нуждами государства. Дополнительные средства на их удовлетворение, а также на реализацию крупных хозяйственных проектов, как и ранее, привлекались из городского капитала,

благо его размер всегда оставался внушительным (табл. 8).

Таблица 8

Состояние городского капитала и недоимок в 1851–1865 гг., руб.³²

Год	Городской капитал, обращающийся в кредитных установлениях	Недоимок (наличными и кредитными билетами)
1851	593.464	194.667
1852	363.413	456.722
1853	649.962	183.800
1854	666.976	197.856
1855	636.392	302.596
1856	562.260	395.195
1857	691.175	299.807
1858	789.241	264.567
1859–1861	нет данных	нет данных
1862	777.627	383.807
1863	946.272	343.563
1864	918.061	318.511
1865	957.599	440.113

Пополнявшийся главным образом за счет продажи городской земли и профицитов бюджета, денежный резерв муниципалитета постоянно рос, перевалив к концу 1860-х гг. за миллион рублей серебром. Согласно ведомости, составленной к 1 августа 1869 г., городской капитал состоял из трех частей: «а) Неприкосновенного особого назначения, составившегося на основании Высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату в 30-й день ноября 1864 г. от продажи и раздачи в оброк городских земель 762.847 руб. Деньги эти обменены на непрерывно-доходные билеты; б) Имеющего особое назначение пенсионного 5.885 руб. Деньги эти обменены также

частью на непрерывно-доходный билет, а другая часть находится из приращения процентами в Саратовском городском общественном банке; в) Запасного капитала 274.238 руб. и этот капитал для приращения процентами находится также в Сар [атовском] общ [ественном] банке»³³.

В качестве еще одного финансового резерва с некоторой натяжкой можно рассматривать и недоимки, которые к 1 августа 1869 г. исчислялись в сумме 404.958 руб. Долги населения за прошлые годы взыскивались муниципалитетом либо через особых чиновников, либо через городскую и уездную полицию, либо через ремесленную управу³⁴. Однако этот процесс не приносил серьезных результатов, что власти объясняли особыми условиями существования части саратовского населения. Многие из мещан зачастую проживали не на территории города, а на муниципальных землях, широко раскинувшихся в Саратовском уезде. Городскому самоуправлению было сложно уследить за перемещениями недоимщиков из Саратова в сельскую местность и обратно, чем они и пользовались для уклонения от сборов, а также от выполнения рекрутской повинности³⁵.

Подводя итоги исследованию, можно заключить, что развитие бюджета Саратова в середине XIX столетия определялось несколькими важнейшими факторами. Во-первых, коронные власти жестко контролировали как создание, так и исполнение росписи муниципальных доходов и расходов, регулируя буквально каждую статью законодательными актами и ведомственными предписаниями. Это, с одной стороны, гарантировало определенную стабильность финансовой деятельности городской думы, снижало риски нарушения интересов как всего городского общества, так и его отдельных членов. С другой стороны, такие условия сдерживали хозяйственную инициативу муниципалитета и тормозили рост расходов на социально значимые сферы. Городское общество, очевидно, начало тяготиться государственной опекой, в связи с чем уже в 1862 г. инициировало пересмотр «Положения...» 1839 г., хотя и безрезультатно. Городовое положение 1870 г. отчасти решило данную проблему, предоставив городским думам больше свободы в их финансово-хозяйственной деятельности. Впрочем, с этим согласны не все специалисты. Так, Л. В. Кошман предполагает, что «городская реформа 1870 г., декларируя усиление самостоятельности городских властей в решении жизненно важных для города проблем, практически не давала возможности городу полностью самостоятельно расходовать средства на их решение»³⁶.

Во-вторых, основными источниками доходов в рассматриваемый период выступали принадлежащие муниципалитету земли (в городе и за его пределами) и налоги. Рост поступлений по этим статьям затруднялся как объективными обстоятельствами, так и сопротивлением населения повышению налоговой нагрузки. Вторая

причина привела даже к ликвидации на длительное время прямого налога с недвижимости обывателей.

В-третьих, главным направлением расходования средств городского бюджета являлось содержание государственных структур – полиции, пожарной команды, тюрем и войск. Затраты на социально значимые сферы (благоустройство, образование и здравоохранение) безнадежно отставали как в абсолютном, так и в относительном исчислении.

Примечания

- 1 См.: Местное самоуправление Саратова : история и современность. Саратов, 2005. С. 31–33.
- 2 См.: *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов в России. Т. 2, ч. 1. Ярославль, 1877.
- 3 *Леопольдов А. Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1839. Ч. 2. С. 21.
- 4 Там же. С. 33–35.
- 5 Высочайше утвержденное положение о доходах и расходах города Саратова. 16 марта 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание второе. Т. 14. Отд. I. СПб., 1840. № 12128. С. 231–249.
- 6 Общественное устройство и хозяйство городов : в 2 т. СПб., 1859. Т. 1. С. 471.
- 7 Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в статистическом отделении совета Министерства внутренних дел. СПб., 1840; С. 40; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V, ч. 4. Саратовская губерния. СПб., 1852. С. 168.
- 8 Общественное устройство и хозяйство городов. Т. 2. С. 50–51, 124–125, 198–199, 270–271, 467.
- 9 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 3021. Л. 173, 205.
- 10 Там же. Д. 4024. Л. 37.
- 11 *Плешаков И. Н.* Из истории военного постоя в России : «Старые казармы» в Саратове // Военно-исторические исследования в Поволжье : сб. науч. трудов. Вып. 8. Саратов, 2008. С. 177–181.
- 12 *Z.* Перемены и улучшения в Саратове в течение последнего шестилетия // Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860. Отд. III. С. 11–13; [*Герасимов А. А.*] К истории г. Саратова. О зданиях // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 31. Саратов, 1914. С. 206.
- 13 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXVIII. 1804–1805. СПб., 1830. № 21538. С. 722–723.
- 14 Там же. Собрание второе. Т. II. 1827. СПб., 1830. № 1403. С. 816–817.
- 15 *Z.* Перемены и улучшения в Саратове... С. 21.
- 16 ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1990. Л. 1–22 (подсчет суммы доходов мой. – М. 3.); Д. 3712. Л. 4 об.–5; Ф. 4. Оп. 1. Д. 13. Л. 13 об.; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V, ч. 4. Саратовская губерния. СПб., 1852. Вед. № 6; Общественное устройство и

- хозяйство городов. Т. 1. С. 471 ; Т. 2. С. 50–51, 124–125, 199, 271, 345, 419 ; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб., 1863. Ч. 2. Саратовская губерния. С. 11 ; Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 года. Саратов, 1871. Ч. 2. Отд. I. С. 15.
- ¹⁷ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3021. Л. 1 об.–2, 56 об.–57, 145 об.–146 ; Д. 3362. Л. 1 об.–2 ; Д. 3712. Л. 4 об.–5 ; Д. 3799. Л. 1 об.–2 ; Д. 3892. Л. 24 ; Д. 4024. Л. 35 ; Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 года. Ч. 2. Отд. I. С. 15.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1990. Л. 1–22 (подсчет сумм доходов и расходов по разделам мой. – М. 3.).
- ¹⁹ Там же. Л. 7, 22.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 768. Оп. 1. Д. 749.
- ²¹ См.: *Зайцев М. В.* Эксплуатация земельных угодий как часть муниципального хозяйства (на примере Саратова последней трети XIX – начала XX в.) // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. Саратов ; Ставрополь, 2014. Вып. 10. С. 240–244.
- ²² ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3418. Л. 1–2, 6 об.–42, 42 об.–77.
- ²³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 13. Л. 6 об.
- ²⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3418. Л. 22.
- ²⁵ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 36. Отд. I. СПб., 1863. № 36682. С. 405–406.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 13. Л. 7–7 об.
- ²⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3418. Л. 66 об.–74 об.
- ²⁸ Там же. Д. 3021. Л. 43 об.–51 об., 104 об.–106 об., 204 об.–207 об.
- ²⁹ Там же. Д. 3850. Л. 4–5.
- ³⁰ Там же. Д. 4025. Л. 1–2, 6 об.–42, 42 об.–77.
- ³¹ Там же. Д. 3692. Л. 1–1 об.
- ³² Там же. Д. 3021. Л. 4 об.–5, 56 об.–57, 148 об.–149. Д. 3362. Л. 1 об.–3 ; Д. 3418. Л. 1 об.–3 ; Д. 3712. Л. 4 об.–6. ; Д. 3799. Л. 5 об.–6 об.
- ³³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 13. Л. 13 об.–14.
- ³⁴ Там же. Л. 14–14 об.
- ³⁵ Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Ч. 2. Отд. I. С. 15–16.
- ³⁶ *Кошман Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия : Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 109.

Образец для цитирования:

Зайцев М. В. Динамика и структура бюджета российского города в середине XIX столетия (на примере Саратова) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 520–530. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-520-530>

Cite this article as:

Zaytsev M. V. Dynamics and Structure of the City Budget in Russia in the Middle of the 19th Century (on the Example of Saratov). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 520–530 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-520-530>

УДК 94(470.44)|1917/1918|

«Эти башибузуки среди местных жителей пользуются достойной ненавистью», или обратная сторона «триумфального шествия советской власти» в Саратовском Поволжье

Ю. В. Варфоломеев

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ybartho@mail.ru

В статье предпринята попытка переосмысления одного из клише советской историографии эпохи Великой российской революции, известного как «триумфальное шествие» социалистической революции по стране. Автор на основе анализа источников личного происхождения и материалов периодики рассматривает политические и морально-психологические коллизии, а также характерные особенности узурпации власти большевиками в Саратове и городах губернии после октябрьского переворота.

Ключевые слова: «триумфальное шествие», большевики, захват власти, Саратовское Поволжье

«These Bashi-Bazouks Locals are Worthy of Hatred», or the Reverse Side of the «Triumphal March of Soviet Power» in the Saratov Volga Region

Yu. V. Varfolomeev

Varfolomeev Yuriy V., <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ybartho@mail.ru

The article attempts to rethink one of the clichés of Soviet historiography of the great Russian revolution, known as the «triumphal March» of the socialist revolution in the country. The author, on the basis of the analysis of sources of personal origin and materials of periodicals, considers political, moral and psychological collisions, and also characteristic features of usurpation of the power by Bolsheviks in Saratov and the cities of province after October revolution.

Keywords: «triumphal procession», Bolsheviks, seizure of power, Saratov Volga region

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-531-536>

Одним из концептуальных положений советской историографии Великой российской революции на протяжении долгого времени являлся тезис о так называемом «триумфальном шествии» социалистической революции по стране. Впервые выражение «триумфальное шествие» употребил один из лидеров октябрьского переворота В. И. Ленин: «С октября наша революция шла победным, триумфальным шествием», – а начавшаяся гражданская война, утверждал он, – «была сплошным триумфом Советской власти...»¹. При этом вождь большевиков отмечал скоротечный характер этого «триумфа»:

«Мы, в несколько недель свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны»². Однако в реальности, как об этом свидетельствует хроника и детали захвата власти большевиками на местах, этот процесс продолжался не несколько недель, а месяцев и нередко сопровождался отчаянным сопротивлением узурпации власти большевиками в различных регионах страны.

После нескольких дней борьбы с кремлевским гарнизоном, принесшей сотни жертв, большевики в начале ноября установили свой контроль над Москвой. Не менее драматичные и противоречивые события происходили в эти дни и в Саратовской губернии. В ночь с 26 на 27 октября 1917 г. на заседании Саратовского совета солдатских и рабочих депутатов, проходившем в зале консерватории, большевики буквально «выдавлив» из него меньшевиков и эсеров, стали полноправными хозяевами в этом органе революционной власти и открыто выступили с призывом захватить телеграфную и телефонную станцию, а также сместить губернского комиссара Временного правительства Д. А. Топуридзе. В этой ситуации Саратовская городская дума попыталась противостоять большевистскому натиску, но 29 октября гласные городской думы и защитники законной власти (в основном офицеры и юнкера школы прапорщиков) вынуждены были прекратить сопротивление перед превосходящими силами противника.

Победа большевистского Совета над городской думой вызвала целую бурю негодования против узурпаторов власти. Между тем первые 5 дней после осады думы небольшевистские газеты хранили молчание, а затем дали волю своему праведному гневу. Так, газета местного Совета крестьянских депутатов встала в решительную оппозицию по отношению к действиям Совета. «Большевики – враги народа. Они срываю выборы в Учредительное собрание». Призывы газеты не оставляли места сомнениям: «... Нужно выносить протесты против насильственных действий [большевиков], нужно не подчиняться их приказам, не верить их обещаниям»³. Возобновивший свою работу 5 ноября 1917 г. «Саратовский листок» очень точно передавал настроение горожан: «Мы живем во власти тьмы»⁴.

Резолюция, подписанная 24 организациями, представлявшими правительственные и некоторые другие учреждения города, резко порицала большевиков и выражала поддержку свергнутому правительству А. Ф. Керенского⁵.

21 ноября, в тот самый момент, когда на Театральной площади служащие и интеллигенция города резко критиковали правительство, выступавший в здании театра солдат прямодушно и откровенно заявил присутствовавшим, что «все те, которые будут сопротивляться новой власти, будут выселены из своих квартир и расстреляны»⁶. 25 ноября около двух часов дня в здание городской управы ворвался вооруженный отряд красногвардейцев и солдат гарнизона, занял все входы, объявив служащих и членов управы арестованными. Все служащие были согнаны в зал думских заседаний. Через полчаса явились большевистские лидеры В. П. Антонов-Саратовский, М. И. Васильев-Южин и С. И. Мицкевич. По воспоминаниям А. А. Минха, эти пресловутые Антонов (впоследствии – с 1918 г. – с добавлением «Саратовский», чтобы не путали с другими Антоновыми – Овсенко и особенно с руководителем тамбовского восстания эсером А. С. Антоновым) и Васильев (партийный псевдоним – Южин), бывшие по профессии адвокатами, «считались в судебных кругах третьеразрядными поверенными, всегда крайне неудачно выступавшими в Судебной палате по политическим делам низшего масштаба. Не обладая красноречием, не будучи достаточно образованными и развитыми, эти две «балды», как их звали, обладали зато огромным самомнением и нахальством, а Васильев отличался, кроме того, крайней нервностью и злобностью»⁷. С думской трибуны Антонов зачитал собравшимся, или, точнее, согнанным, декрет о роспуске саратовской городской думы как «не соответствующей революционной воле народа» Объявив о роспуске городской думы, большевики в то же время приказали всем служащим возвратиться на рабочие места, а когда те отказались, Васильев пригрозил, что заменит их безработными: «У нас 4000 безработных, они займут ваши места»⁸. Предварительно для убедительности солдаты дали несколько залпов в воздух, чтобы «попугать чиновников»⁹.

Первые шаги советской власти в регионе сопровождались беспорядком в системе местного управления, торжеством анархии и произволом самозванных блюстителей «революционного порядка». Большевистский губернский комиссар П. А. Лебедев даже вынужден был указать на «хаотичность в производстве арестов и реквизиций. Кому не лень, тот арестовывает и реквизирует». Чтобы взять эти акции под свой контроль, Исполнительный комитет местного комитета РСДРП поручил губернскому комиссару издать постановление о том, что «всякие аресты и реквизиции производятся по распоряжениям губкомиссара»¹⁰. При этом В. П. Антонов пред-

лагал расширить предметы для реквизиции, все продукты поставить на учет и продавать их по твердой цене. По его мнению, «это будет полезно для контрольно-реквизиционной комиссии»¹¹. Другими словами, большевики заботились не проблема узаконенных ими грабежей и бессудных арестов, а монополизация этой сферы противоправной деятельности и создание удобной и эффективной репрессивной системы для упрочения своей диктатуры.

Дестабилизация обстановки в стране после октябрьского переворота особенно болезненно и трагично отразилась на ходе избирательной кампании в Учредительное Собрание. Расчет Ленина на успех большевиков в выборах после захвата власти во многом оправдался. Один из современников этих событий саратовец М. Д. Соколов отмечал, что «по всем признакам перевес голосов будет на стороне большевиков. Они открыто бахвалятся, что вся горная сторона Саратова на их стороне, да плюс голоса сорока тысяч гарнизона»¹². Саратовская окружная по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия, в компетенцию которой входило наблюдение за своевременным образованием и деятельностью уездных и городских избирательных комиссий, а также обеспечение законности подсчета голосов, оценив неблагоприятную политическую обстановку в преддверии голосования, приняла специальное постановление. В этом документе, в частности, констатировались наиболее вопиющие факты отсутствия демократических свобод: «полное отсутствие свободы устного и печатного слова, свободы собраний и неприкосновенности личности, явившихся результатом бунтарских выступлений, выборы в Учредительное Собрание в Саратове и Саратовской губернии при самых неблагоприятных условиях, исключающих правильное волеизложение народное, и поэтому выборы должны быть отложены до восстановления всех гражданских свобод»¹³.

В качестве яркой иллюстрации революционной гримасы «свободной агитации» местная газета приводила характерную сценку из предвыборной жизни: «...Идет солдат с кипой воззваний № 10 (в избирательном списке под этим номером значились большевики. – Ю. В.) и бесцеремонно заклеивает ими чужие списки, для пущей убедительности этого престола большевистской правды сопровождал еще другой, потом уже с винтовкой, “дабы не препятствовали моему ндраву”»¹⁴. Очевидно, в такой обстановке не могло быть и речи о равных возможностях всех политических партий в предвыборной агитации, гарантировании свободы слова и волеизъявления.

Несмотря на свою разнузданную и агрессивную агитацию, большевики не пользовались симпатией у основной части населения. Как известно, все социалистические партии, без различия направлений, крайне отрицательно отнес-

лись к захвату власти большевиками. Пытаясь понять и объяснить это явление, корреспондент газеты «Пролетарий Поволжья» размышлял о том, почему именно социалисты, идеологически близкие по духу к социал-демократам, не хотят и не могут примириться с властью Ленина и Троцкого? Что же объединяет всех социалистов в негативной оценке большевизма? Ответ находим на странице газеты: «Прежде всего – авантюризм, анархизм. Оставаясь на словах социалистами, большевики на деле перестали быть таковыми: под социалистической фразеологией скрывается настоящее бунтарство. Это бунтарство, в русских условиях идущее по линии пугачевщины, отталкивает социалистов от большевиков»¹⁵.

В качестве неоспоримого аргумента автор в обоснование своей позиции высказывал тезис о том, что для свободного развития социалистического движения необходим демократический строй, в то время, как большевики «перешли ноги демократии, отравив проповедью насилия сознание масс». По этой же причине несвоевременны и утопичны их декреты, и до крайности страшны их призывы «к беспощадной расправе». Представители социалистического движения отчетливо понимали и заявляли, что «бумажные “декреты” большевиков есть игра в бирюльки, а “расправа” – это путь к стихийному погрому, под развалинами которого будут похоронены демократия и культура. <...> Вот почему невозможно соглашение с пугачевцами. Вот почему необходимо напрячь все силы, чтобы этот “нарыв” вовремя лопнул, лопнул, не заразив кров революции»¹⁶.

В подобной ситуации считалось, что наилучшим «хирургом» для устранения этого социально-политического «нарыва» на теле русской революции будет Учредительное собрание, но оно могло выполнить свою высокую и судьбоносную для страны миссию только в том случае, если не будет большевистским. «А для этого, – резюмирует автор, – всем необходимо, во что бы то ни стало, идти к урнам»¹⁷. Именно поэтому, а также принимая во внимание и то обстоятельство, что «по техническим условиям в настоящее время нет возможности отложить выборы», окружная избирательная комиссия считала необходимым, чтобы «повсеместно в Саратове и Саратовской губернии выборы были произведены своевременно, и призывает население выполнить 12, 13 и 14 ноября свой гражданский долг»¹⁸.

Серьезная дестабилизация обстановки в некоторых частях Саратовской губернии вынудила уездную избирательную комиссию перенести выборы в Учредительное собрание на 26 ноября 1917 г., как это, например, случилось в Камышине, где накануне выборов – 10 ноября – был разгромлен винный склад, и в городе начались пьяные дебоши¹⁹. 23 ноября Губернская окружная комиссия по выборам в Учредительное собрание

получила из Кузнецка телеграмму о пьяных погромах в городе, и в связи с этим сообщением о прекращении деятельности уездной комиссии «вследствие разгрома винного склада, вызвавшего образование пьяных банд, приступивших уже к разгрому торгово-промышленных предприятий. В городе паника, и восстановить порядок некому»²⁰.

В этой крайне сложной, противоречивой, психологически и социально накаленной политической обстановке наступило 12 ноября 1917 г. – первый день голосования по выборам в Учредительное собрание. Опасения антибольшевистских кругов подтвердились – избиратель, не на шутку запуганный большевиками, нередко боялся даже подойти к избирательному участку. «Войдя в зал, я был поражен его безлюдием, – отмечал М. Д. Соколов. – Нас, избирателей, было человек шесть... Такая же картина наблюдается и к вечеру»²¹. Подобная ситуация с безудержным «размахом» народного волеизъявления сохранялась и в следующие 2 дня. Главный вывод, на который наводит зрелище такого «всенародного голосования» – весьма безразличное отношение широких масс к судьбе выборов. Характерной чертой политической индифферентности большинства населения являлось разочарование в так называемых «борцах за народное счастье». «Все равно, что большевики, что меньшевики: раньше было скверно, а теперь еще хуже»²², – вот преобладавший в политических беседах лейтмотив обывательских масс.

С другой стороны, у солдат, которые голосовали в своих частях отдельно от прочих граждан, настроение было совершенно иное – довольно приподнятое и залихватски-веселое. Распропагандированные большевиками, они демонстративно возмущались тем, что им подают все 12 списков. Партийный плюрализм и политическая конкуренция на выборах им явно претили: «Рви их всех, окромя десятого!»²³, – с вызывающей наглостью заявляли они. Особое негодование у них вызывал партийный список эсеров в избирательном бюллетене № 12, в котором на первом месте был указан Александр Федорович Керенский. При этом имя бывшего премьер-министра неизменно сопровождалось отборной площадной руганью.

Вполне предсказуемо, что результаты выборов в Учредительное собрание были удручающими. В ноябрьских выборах участвовало меньше жителей, чем во время июльских выборов в городскую думу. Из 115 540 избирателей проголосовало лишь 41,5 %, летом же – 46,8 %²⁴. В самом Саратове гражданское население подало 47 522 голоса за кандидатов в Учредительное собрание, а солдаты гарнизона – 12 660, т. е. всего проголосовали 60 182 избирателя²⁵. Как и следовало ожидать, большевики получили больше всех – 37,7 % голосов. Между тем кадеты даже в этой ситуации оказались на

втором месте – 19,9 %, эсеры – на третьем с 14,5 % голосов, а меньшевики получили всего лишь 6,8 % голосов избирателей. Как свидетельствовали результаты выборов, консервативные партии, или, точнее, партии стабильности и порядка, теперь оказались в лучшем положении, чем в начале года: кадеты и представители других правых сил получили треть (32%) голосов саратовских избирателей. Если из общего числа лиц, голосовавших за большевиков, исключить солдат, отношение горожан к их партии будет выражаться гораздо точнее. Большевики получили 28,8 % голосов гражданского населения, а кадеты – 24,1 %, что свидетельствует о фактическом паритете этих двух политических сил среди населения даже в период разгула революционной стихии.

Статистика также говорит о том, что с июля по ноябрь 1917 г. число сторонников и большевиков, и кадетов возросло почти вдвое, в то время как эсеры и меньшевики потеряли почти 25 тыс. представителей своего электората, оказавшихся теперь слева и справа от них. По данным «Саратовского вестника», 15 тыс. избирателей, ранее поддерживавших блок эсеров и меньшевиков, в ноябре отдали свои голоса за большевиков, а 10 тыс. избирателей, голосовавших до этого за социалистов, в ноябре отдали свои голоса правым партиям²⁶. «Боязнь анархии, дальнейшего развала экономики, а также непрекращающаяся инфляция вынудили многих “умеренных” перейти на сторону буржуазии»²⁷, – объясняет изменения в политических предпочтениях населения Д. Дж. Рейли.

Захват власти большевиками в уездах Саратовской губернии проходил с большими трудностями и очень вязко. При этом неизменным спутником «триумфального шествия» большевиков были пьяные погромы. Например, в течение нескольких недель после октябрьского переворота в столице, большевики так и не смогли захватить власть в крупном районном центре Поволжья – Вольске. Комиссар, назначенный в свое время еще Временным правительством, смещен не был, а большевистский комитет не образован. Одновременно с этим действовал комитет общественной безопасности. По свидетельству современников каких-либо серьезных политических эксцессов в Вольске не было, взаимоотношения думы и Совета дружественные, в Советах большевики не преобладали, и даже назначенные на ближайшее время перевыборы всего состава этого органа власти, по оценкам местных политиков, не сулили большевикам серьезных успехов. «В гарнизоне, прежде явно большевистское настроение, начинает сильно спадать, – отмечалось в прессе. – Граждане и крестьяне настроены [к большевикам. – Ю. В.] «отрицательно, иногда враждебно»²⁸.

Более драматично складывалась революционная ситуация в Камышине. Фактически

власть в городе большевики взяли только после приезда отряда с пулеметами из Саратова, однако городская дума признать самозваную власть отказалась. Военный гарнизон был на стороне большевиков, а горожане и крестьяне были настроены к большевикам недоброжелательно. В ночь на 8 ноября в местном совете состоялось заседание большевиков и левых эсеров, на котором решался вопрос о захвате власти. Однако во время его обсуждения были получены сведения о том, что солдаты разбивают винный склад. Совет прервал заседание и отправился на место событий. «Утром и весь день город представлял необычайную картину: всюду пьяные солдаты тащили водку в карманах, в мешках, и тут же ею торговали (цена на самогон сразу упала), учреждения не работали, магазины закрыты»²⁹. Для наведения порядка в городе срочно был образован военно-революционный комитет, а при нем отряд «красной гвардии». Правда в скором времени ряды красногвардейцев стали таять и военно-революционный комитет для своей поддержки выписал из Саратова 110 солдат с двумя пулеметами.

Для пресечения пьяных дебошей были сформированы патрули из солдат и милиционеров. Но даже эти меры не остановили погромщиков. На другой день солдаты принялись за спирт. В Камышин приехали также солдаты из заводской слободы Николаевской. Очевидцы рассказывали, что через Волгу курсировали десятки лодок, перевоза солдат с водкой.

9 ноября в 2 ч дня было созвано экстренное собрание городской думы, которая для восстановления порядка в городе пошла на контакт с военно-революционным комитетом, избрав в него своих представителей. Дума даже выпустила воззвание к населению, предлагая записываться в «красную гвардию» для охраны города. Население также призывалось к организации самообороны по кварталам. Несмотря на принятые меры, расхищение водки продолжалось и на третий день. Теперь уже приезжали крестьяне из соседних сел и увозили водку под сеном. На улицах была слышна беспорядочная стрельба, магазины закрыты, все напуганы, жизнь в городе замерла. Каждую ночь происходили вооруженные грабежи, которые нередко сопровождалась убийствами. Однако «Власть Советами пока не захвачена»³⁰, – подводился итог революционной вакханалии местного розлива. В этой обстановке 21 ноября 1917 г. была принята резолюция Камышинского уездного Земского собрания. Признавая факт анархии и гражданской войны в стране, земские гласные постановили: «1). Считать вообще недопустимым и преступлением против народа гражданскую войну за власть, особенно накануне открытия Учредительного Собрания. 2). Вся власть в стране должна принадлежать Учредительному Собранию, которое должно быть создано в срок, 28 ноября. До созыва Уч-

редительного Собрания власть на местах должна принадлежать всенародно избранным земским и городским самоуправлениям, и никакой контроль над ними со стороны других организаций недопустим»³¹.

Между тем пьяные погромы в Камышине и окрестностях продолжались. «Кошмарные дни и ночи, – сообщалось в газетной заметке. – Все жители слободы Николаевской более десяти дней находятся в угнетенном состоянии от мала до велика, от богача до последнего бедняка, от ужасного террора пьяных буянов – солдат 243-го запасного полка. День и ночь идет стрельба из винтовок. Куда и во что стреляют, никто не знает. Всякий мирный обыватель теперь отлично узнал, что такое полнейшая “свобода” разнузданных, отравленных спиртом и водкой солдат... Эту “свободу” будут помнить николаевцы десятилетиями. А “товарищ” – будет самое страшное и презрительное название»³².

По постановлению совета солдатских и рабочих депутатов началась кампания по изъятию водки, но вслед за этим под видом обысков началась излюбленная и отлаженная большевиками за годы подполья экспроприация ценных вещей горожан. Таким образом, пьяные погромы сопровождалась еще и незаконными обысками и днем, и ночью в домах зажиточных и богатых людей, наводя панику на «свободных» граждан. И в качестве резюме: «Матерная брань сыплется, как из рога изобилия... Это взяли верх так называемые большевики...»³³. Николаевские горожане-солдаты, бывшие на войне и в окопах более трех лет, попытались положить конец этой ужасной пугачевщине. «Около тысячи этих солдат решили встать на защиту своей родной слободы и, организовавшись, предложили большевикам в количестве оставшихся 300 человек удалиться из слободы восвояси»³⁴. Именно в такой обстановке, располагающей к «свободному» волеизъявлению, и проходили выборы в Учредительное Собрание.

Дестабилизирующее влияние пьяных погромов на общественно-политическую обстановку в регионе вынуждены были признать и большевистские лидеры. «В ряде уездных городов начались разгромы винных складов и пьяная вакханалия, – констатировал В. П. Антонов-Саратовский. – Наиболее безобразна пьяная стихия в Петровске и Камышине. Местные Советы пытались утихомирить стихию, но, за отсутствием реальной силы, им почти, что ничего не удалось сделать»³⁵. Действительно, широкая волна хмельной анархии разлилась по уездам, о чем свидетельствовали сообщения с мест: в Петровске «полная дезорганизованность, что коснулось и гарнизона, и поэтому малая надежда, что мы одержим победу над казаками. Балашов тоже безнадежен. В Кузнецке тоже разгром. Аткарск. Совет объявили властью, но фактически власть не перешла. Все учреждения работают без кон-

троля. Комиссар у власти. <...> Настроение гарнизона подавленное, но преобладает большевизм. Большинство населения к большевикам относится отрицательно»³⁶.

В Аткарске большевистская власть была фактически признана только 16 декабря и здесь решающее слово оказалось за радикально настроенными солдатами. Большевистской организации в Аткарске не было вплоть до октября 1918 г., и она появилась лишь в результате прямого вмешательства саратовских большевистских лидеров – М. И. Васильева и В. П. Антонова. Правда, в последующие несколько месяцев членам упраздненного земства удалось собрать значительные силы для противостояния новой власти, однако отряды Красной гвардии и части вооруженных солдат, готовые силой отстаивать свои завоевания, не позволили рухнуть шаткому фундаменту, на котором зиждилась советская власть в Аткарске. По словам одного из участников событий, «весь 1918 год прошел в лихорадочной борьбе с (антибольшевистскими) восстаниями и укреплении партийной организации»³⁷.

Пресловутая Красная гвардия, образованная из рабочих, по отзывам современников, была занята постоянными обысками и облавами, ища всюду и везде «крамолу», а также продовольствие, изрядный недостаток которого стал уже остро ощущаться. «Ежедневно, день и ночь, шли повальные обыски, – вспоминал А. А. Минх. – Оцеплялись целые кварталы, и у перепуганных граждан отбирали не только все более или менее ценное, но и случайный куль картошки или пуд муки»³⁸. Но самое страшное, что в этой большевистской революционной вакханалии гибли ни в чем не повинные мирные горожане. «Было убито и ранено несколько обывателей, виновных только в том, что проходили в это время по улице, – свидетельствует «саратовский обыватель» М. Д. Соколов. – Много красногвардейцев было пьяных. Эти башибузуки среди мирных жителей пользуются достойной ненавистью (выделено мною. – Ю. В.)»³⁹.

Как известно, торжество большевистской власти, ее так называемое «триумфальное шествие» Ленин объяснял тем, что «...у противников ее, у эксплуататоров, у помещиков и буржуазии, не было никакой, ни политической, ни экономической опоры, и их нападение разбилось. Борьба с ними соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию; слой за слоем, массы за массами, вплоть до трудящегося казачества, отпадали от тех эксплуататоров, которые пытались вести ее от Советской власти»⁴⁰. Однако приведенные факты и хроника послеоктябрьских событий опровергают выводы большевистского вождя. Во-первых, у противников большевистского режима даже там, где захват власти происходил относительно

но мирно, была и политическая, и экономическая, а также, что немаловажно, правовая опора (в виде судебных органов)⁴¹. Во-вторых, победа большевиков была обеспечена не столько пропагандой и агитацией, сколько в первую очередь шантажом и угрозами с применением циничного насилия вплоть до репрессий и карательных действий против своих оппонентов. Таким образом, начиная с 25 октября 1917 г., в течение нескольких месяцев по стране «триумфальным шествием» прокатился каток большевистского красного террора. В результате в центре и на местах постепенно прекратила свое существование вся система правосудия и государственного управления России, а страна на несколько лет погрузилась в хаос и братоубийственную, кровавую Гражданскую войну.

Примечания

- 1 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. М. : Изд-во политической литературы, 1968. С. 375.
- 2 Там же.
- 3 Известия Саратовского Губернского Совета крестьянских депутатов. 1917. 4 нояб.
- 4 Саратовский листок. 1917. 5 нояб.
- 5 См.: Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии : 1917 год в Саратове. Саратов : Слово, 1995. С. 290.
- 6 Социал-демократ. 1917. 23 нояб.
- 7 См.: Минх А. А. Отрывки из воспоминаний очевидца г. Саратова. 1917–1919 // Рейли Д. «Заложник пролетариата». Отрывок из воспоминаний А. А. Минха. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 21.
- 8 Цит. по: Кумаков А. В., Симонов А. А. Пролетарская революция, какой мы её не знаем : в 2 кн. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016. Кн. 1. С. 129.
- 9 Там же.
- 10 Цит по: Там же. С. 71.
- 11 Цит по: Там же.
- 12 Мишин Г. А. Записки саратовского обывателя. Саратовский след Распутина. Саратов : [б/и], 2001. С. 52.
- 13 Пролетарий Поволжья. 1917. 12 нояб.
- 14 Там же. 13 нояб.
- 15 Там же. 14 нояб.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же. 12 нояб.
- 19 См.: Саратовский листок. 1917. 16 нояб.
- 20 Там же. 23 нояб.
- 21 Мишин Г. А. Указ соч. С. 58.
- 22 Саратовский листок. 1917. 15 нояб.
- 23 Там же.
- 24 См.: Рейли Д. Дж. Политические судьбы... С. 361.
- 25 См.: Саратовский вестник. 1917. 18 нояб.
- 26 Там же.
- 27 Рейли Д. Дж. Политические судьбы... С. 361.
- 28 Пролетарий Поволжья. 1917. 16 нояб.
- 29 Саратовский листок. 1917. 16 нояб.
- 30 Там же. 24 нояб.
- 31 Земля и воля. 1917. 6 дек.
- 32 Саратовский листок. 1917. 24 нояб.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Антонов-Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы. М. ; Л. : Государственное издательство, 1925. С. 183.
- 36 Кумаков А. В., Симонов А. А. Указ. соч. С. 86–87.
- 37 Там же. С. 87.
- 38 Минх А. А. Отрывки из воспоминаний очевидца г. Саратова. 1917–1919 // Рейли Д. «Заложник пролетариата»... С. 74.
- 39 Цит по: Кумаков А. В., Симонов А. А. Указ. соч. С. 311.
- 40 Ленин В. И. Указ. соч. С. 390.
- 41 Подробнее см.: Варфоломеев Ю. В. К вопросу о «Триумфальном шествии Советской власти» в Поволжье (по материалам Саратовской Судебной палаты) // Базис. 2018. № 2(4). С. 61–64.

Образец для цитирования:

Варфоломеев Ю. В. «Эти башибзуки среди местных жителей пользуются достойной ненавистью», или обратная сторона «триумфального шествия советской власти» в Саратовском Поволжье // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 531–536. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-531-536>

Cite this article as:

Varfolomeev Yu. V. «These Bashi-Bazouks Locals are Worthy of Hatred», or the Reverse Side of the «Triumphal March of Soviet Power» in the Saratov Volga Region. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 531–536 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-531-536>

УДК 902:39«637»

Саратовский университет и Археологический институт имени Н. П. Кондакова в Праге: к истории взаимоотношений (1928–1936)

М. В. Ковалев

Ковалев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН и Архив РАН, Москва, kovalevmv@yandex.ru

В статье на основании новых архивных документов реконструируются научные связи Семинария (Археологического института) имени Н. П. Кондакова в Праге с Саратовским университетом и его структурными подразделениями в 1928–1936 гг. Констатируется, что в межвоенный период Саратовский университет оказался втянут в культурную орбиту русской диаспоры за рубежом. Саратовские ученые были вовлечены в международные интеллектуальные контакты, которые имели различные формы и выражались в книгообмене, рецензировании и цитировании. Большое место отведено проблематике интеллектуальных трансферов, показано, что работы саратовских ученых-археологов были востребованы как в кругу коллег-эмигрантов, так и среди иностранцев. Связи, складывавшиеся поверх идеологических барьеров, были подрублены «делом Жебелева» осенью 1928 г., однако не прервались мгновенно. Динамика контактов кондаковцев с Саратовом демонстрирует метаморфозы научного климата в СССР. С одной стороны, представления о мгновенно опустившемся железном занавесе и прерывании интеллектуального обмена между Советской Россией и внешним миром преувеличены, но в то же время влияние внешних рамок на динамику международных контактов очевидно. Политические процессы в СССР больно ударили по этим связям, предельно формализовали их, пока не прервали окончательно.

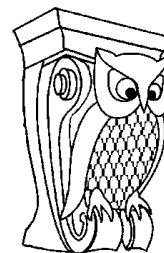
Ключевые слова: Прага, Саратов, Саратовский университет, Археологический институт имени Н. П. Кондакова, научные коммуникации, история археологии, П. С. Рыков, Т. М. Минаева, Н. Феттих, М. И. Ростовцев.

Saratov University and Kondakov Institute in Prague: towards the History of Relationships (1928–1936)

M. V. Kovalev

Mikhail V. Kovalev, <https://orcid.org/0000-0002-4722-818X>, Archive of the Russian Academy of Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Prospekt, Moscow 119334, Russia, kovalevmv@yandex.ru

In this article, the scientific relations of N. P. Kondakov's Seminar (Archaeological Institute) in Prague with Saratov University and its structural subdivisions in the 1928–1936 are reconstructed on the basis of new archival documents. It is shown that in the interwar period Saratov University was drawn into the cultural orbit of the Russian Diaspora. Saratov scientists were involved in international intellectual contacts, which had different forms, and were expressed in book exchange, reviewing and quoting. A great place is given to the problems of intellectual transfers, it is shown that the work of Saratov archaeologists was in demand both among migrant colleagues and among foreigners. Communication emerging across ideological barriers has

been cut to the Zhebelev's Affair in the fall of 1928, however, not interrupted instantly. Dynamics of contacts between Saratov and Prague is a good demonstration of the metamorphosis of the scientific climate in the USSR. On the one hand, the notion of an instantaneous iron curtain and the interruption of intellectual exchange between Soviet Russia and the outside world is exaggerated. But at the same time, the impact of the external framework on the dynamics of international contacts is obvious. Political processes in the USSR hurt these relations and formalized them until they were finally interrupted.

Keywords: Prague, Saratov, Saratov University, N. P. Kondakov Archaeological Institute, science communication, history of archaeology, P. S. Rykov, T. M. Minaeva, N. Fettich, M. I. Rostovtsev

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-537-546>

В начале июля 1928 г. от имени Нижне-Волжского областного научного общества краеведения в Чехословакию было отправлено письмо, адресованное Семинарию имени Н. П. Кондакова. Побудительным мотивом обращения саратовских ученых стало желание сотрудничать с международной научной организацией, которая уже за первые 3 года своего существования сумела завоевать большой авторитет в научном мире. В письме говорилось: «Получив извещение от своего действительного члена, проф [ессора] П. Г. Любомирова, что Кондаковский Семинарий при Пражском Университете имеет свои издания с содержанием статей, весьма интересных и необходимых для членов Об [щест] ва, занимающихся историей края, Н [ижне-] Волжское Об [щест] во Краеведения просит Конд [аковский] Семинарий, не найдет ли он возможным выслать в порядке обмена издания Семинария; в свою очередь Об [щест] во может выслать Семинарию свои печатные издания “Труды” с содержанием историко-археологических статей и заметок»¹.

Это письмо открывает интересную страницу в истории взаимоотношений Семинария имени Н. П. Кондакова (в дальнейшем – Археологического института) с Саратовом и Саратовским университетом, а заодно поднимает важный, до сих пор слабо изученный вопрос о научных коммуникациях между русской эмиграцией и советской научной средой, об их месте в транснациональном интеллектуальном обмене межвоенного времени. До сих пор в историографии бытует довольно устойчивое представление, что исход за рубеж огромного числа отечественных ученых после революции и Гражданской войны отгородил их непробиваемой стеной от коллег, оставшихся в Советской России, что личные и

деловые контакты между ними молниеносно оборвались, и что любые формы научного сотрудничества пресекались советскими властями. Между тем, если обратиться к истории Саратовского университета и международных контактов его ученой корпорации, то картина взаимоотношений Советской России и зарубежной России заметно усложнится. Основанный в 1909 г. университет, несмотря на свой молодой, по европейским меркам, возраст, быстро завоевал высокую научную репутацию. Ее упрочило создание в 1917 г. историко-филологического факультета, в числе первых преподавателей которого оказались видные ученые: Н. С. Арсеньев, Ф. В. Баллод, В. М. Жирмунский, П. Г. Любомиров, М. Р. Фасмер, Г. П. Федотов, С. Л. Франк, С. Н. Чернов и др. В это время, в 1917 г. – начале 1920-х гг., контакты между Прагой и Саратовом, невзирая на суровые испытания гражданской междоусобицы и первых послевоенных лет, не выглядели удивительными. Эта связь, в частности, поддерживалась благодаря блистательному лингвисту Николаю Николаевичу Дурново (1876–1937), который был профессором Саратовского университета в 1918–1921 гг., а затем, после короткого пребывания в Москве, выехал в 1924 г. в длительную научную командировку в Чехословакию. Там он тесно соприкасался и с чехословацкой средой в статусе профессора в Брно, и с русским эмигрантским окружением². Вместе с тем не терял он связей и с Саратовом. Известны письма к нему от саратовских коллег, как, например, от профессоров Георгия Генриховича Дингеса (1891–1932) и Григория Андреевича Ильинского (1876–1937)³. В 1920-х гг. саратовская университетская библиотека получала по подписке ведущий чешский славистический журнал «Slavia», а именитый литературовед Александр Павлович Скафтымов (1890–1968) опубликовал на его страницах работу о Ф. М. Достоевском⁴.

Вернемся к процитированному в начале статьи письму. Упоминание в нем профессора Павла Григорьевича Любомирова (1885–1935) как инициатора обращения в кондаковский Семинарий явно свидетельствует о его осведомленности в положении дел в эмигрантском научном мире. С высокой долей уверенности можно предположить, что он имел прямые или косвенные связи с русской Прагой, во всяком случае, известна рецензия П. Н. Савицкого на его саратовские труды⁵. После выхода из печати евразийской книги Г. В. Вернадского «Начертание русской истории» (1927) сразу три экземпляра были посланы в Саратов – С. В. Юшкову, С. Н. Чернову и П. Г. Любомирову⁶.

В упомянутом письме содержится одна существенная ошибка – Семинарий имени Н. П. Кондакова никогда не был частью пражского Карлова университета и на всем протяжении своего существования оставался автономным учреждением, являя собой пример успешной са-

моорганизации русского научного сообщества за рубежом. Семинарий был создан весной 1925 г. учениками и последователями выдающегося историка искусства Н. П. Кондакова, незадолго до этого скончавшегося в Праге. Большинство из них посещали лекции академика в Карловом университете или занятия в его домашнем семинаре. Главой объединения стал крупный специалист в области византийской и древнерусской археологии А. П. Калитинский, бывший профессор Императорского московского археологического института. Среди других заметных участников Семинария в первые годы работы находим имена М. А. Андреевой, Н. М. Беляева, Г. В. Вернадского, Д. А. Расовского, Н. П. Толля и др.

Кондаковцы выпускали серию сборников «Seminarium Kondakovianum», в которых публиковались историки-эмигранты, ученые из СССР (до определенного момента, о котором речь пойдет далее) и иностранные специалисты. Издания рассылались по многим библиотекам, преследуя цель не только знакомство ученых разных стран с исследованиями русских эмигрантов, но и книгообмен. Свои работы в Прагу присылали как отдельные ученые (В. Н. Бенешевич, Н. Н. Глубоковский, И. Э. Грабарь, Ш. Диль, С. А. Желбелев, А. Мазон, Л. В. Мацулевич, Г. Милле, В. Ф. Минорский, А. В. Орешников, А. Протич, А. А. Спицын, Н. П. Сычев, М. К. Тенишева), так и научные организации (Государственная академия истории материальной культуры, Смоленский государственный университет, Эрмитаж, Русский музей, Оружейная палата, Керченский музей, Центральные государственные реставрационные мастерские, Азербайджанский археологический комитет, Общество друзей русской книги в Париже, Болгарский археологический институт, Высший Комиссариат Французской республики в Сирии и Ливане, Национальный музей в Будапеште и др.) Нижне-Волжское общество краеведения в своем желании обмена информацией и изданиями было не одиноко.

Письмо Нижне-Волжского областного научного общества краеведения, судя по почерку, было написано Александром Августиновичем Кротковым (1866–1945), талантливым исследователем, поборником изучения нижневолжской археологии. Его интерес к работам кондаковцев объясним. Нижне-Волжское областное научное общество краеведения, заместителем председателя которого он являлся, было создано в 1925 г. на основе Общества истории, археологии и этнографии (которое, в свою очередь, было преемником Саратовской ученой архивной комиссии) и административно было вписано в структуру Саратовского университета⁷. Общество занималось комплексным изучением региона и носило междисциплинарный характер. В 1928 г., то есть в момент отправки письма в Прагу, его председателем был геолог Борис Александрович Можаровский (1882–1948)⁸.

Примем во внимание то обстоятельство, что в 1920-е гг. Саратов, без всякого преувеличения, сделался одним из важнейших центров европейской археологической науки. За успехами саратовских археологов, особенно профессора Павла Сергеевича Рыкова (1884–1942), пристально следили такие корифеи, как Эллис Миннз (Ellis Novell Minns; 1874–1953), Туре Арне (Ture Johnsson Arne; 1879–1965), Гордон Чайльд (Vere Gordon Childe; 1892–1957), Арне Михаэль Таллгрэн (Arne Michael Tallgren; 1885–1945). Эмигрировавший из СССР академик Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) писал последнему в феврале 1929 г.: «Видели ли Вы сарматские вещи из Рыковских раскопок на Волге? Меня они очень интересуют». Через некоторое время в другом письме он повторил свой вопрос, что свидетельствует об устойчивом интересе ученого к саратовской археологической науке: «Имеете ли Вы представление о том, опубликовал ли Рыков результаты своих раскопок сарматских погребений на Волге? Мне очень хотелось бы видеть эту публикацию»⁹.

Важной частью научной программы кондаковского Семинария было изучение межкультурных связей народов Евразии в древности. Причем, как верно заметила Е. Ю. Басаргина, особое место отводилось древностям кочевников. Во главе этого направления стоял Николай Петрович Толль (1894–1985), куратор археологической серии «Скифика»¹⁰. Тематика саратовских археологов была близка кондаковцам, поэтому июльское письмо 1928 г. нашло в Праге живую поддержку. Уже 10 июля из Чехословакии был послан первый выпуск трудов Семинария, о чем было сообщено письмом от 16 июля 1928 г.¹¹, в котором анонсировался и скорый выход второго тома вместе с обещанием непременно отправить его в Саратов. Семинарий имени Н. П. Кондакова в свою очередь выражал желание получить комплект трудов общества. В ответ на просьбу кондаковцев и в знак благодарности за присылку первого тома его трудов, 8 августа 1928 г. в Прагу был направлен комплект изданий Нижне-Волжского научного общества краеведения¹², о чем сообщалось в письме за подписью Елены Петровны Подъяпольской (1896–1985), тогда еще молодой и начинающей исследовательницы¹³. Среди посланных изданий были «Труды» Общества (Т. 34, ч. I¹⁴, II¹⁵, IV¹⁶; Т. 35, ч. I¹⁷, II¹⁸). Поскольку Нижне-Волжское общество краеведения считалось правопреемником Саратовской ученой архивной комиссии и Общества истории, археологии и этнографии, то нумерация выпусков трудов оставалась последовательной, несмотря на смену названий ученой организации). Третья часть 34-го тома (1925), вероятно, не была послана в Прагу, поскольку содержала сугубо географические работы). Вместе с ними были отправлены книга этнографа А. Н. Лозановой «Народные песни о Степане Разине»¹⁹,

библиографический справочник по истории революционного движения в Саратовском крае²⁰, программа собирания в Саратовском крае материалов по юридическому быту революционной эпохи²¹, а также сборник материалов о Н. Г. Чернышевском²². В том же письме от имени Нижне-Волжского научного общества краеведения выражалось желание получить сборник статей в честь Н. П. Кондакова²³, «Воспоминания» Н. П. Кондакова²⁴ и работу Н. Т. Беляева «Начала Руси»²⁵. Уже 16 августа саратовские издания были получены в Праге, отсюда в порядке обмена были направлены запрошенные издания, а вместе с ними книга Г. В. Вернадского, не поименованная в документах. Можно предположить, что речь шла о «Начертании русской истории», о чем косвенно свидетельствуют уже упоминавшиеся документы из личного фонда П. Н. Савицкого.

Учитывая научную направленность кондаковского Семинария, может сложиться впечатление, что присланные из Саратова издания были малоинтересны пражским коллегам. Изучение революционного движения было сферой исследований иной эмигрантской организации – Русского заграничного исторического архива. Но вот сами труды Нижне-Волжского областного научного сообщества краеведения, несомненно, заслуживали внимания, ибо историческая тематика в них была широко представлена. В сборнике, к примеру, содержался отчет об археологических работах П. С. Рыкова в Покровском и Хвалынском уездах в 1922 г., в ходе которых им были обнаружены памятники срубной и хвалынской культур²⁶, отчет о разведках, предпринятых Т. М. Минаевой и П. Д. Рау на реке Торгун в 1924 г.²⁷ Имеются в них также статьи А. А. Спицина – о саратовских стоянках медного века²⁸, Б. В. Зайковского – о древнееврейских монетах в Заволжье²⁹ и хронике нумизматических находок³⁰, А. Н. Кушевой – о Суловском могильнике³¹, А. А. Гераклитова – об упоминаниях археологических памятников в актовом материале XVII–XVIII вв.³², а также значимые работы П. Н. Шишкина³³, А. А. Кроткова³⁴ и Н. К. Арзютова³⁵ по золотоордынской археологии. Наверное, определенный интерес для русских историков в Праге могли представлять и материалы 2-й и 4-й частей 34-го тома, содержавшие статьи по социально-экономической истории Нижнего Поволжья (А. А. Гераклитов, С. Н. Чернов, П. Г. Любомиров), а вместе с ними статьи этнографического характера, в основном посвященные культурам мордвы и чувашей (Б. М. Соколов, Т. М. Акимова, П. Д. Степанов). Получив указанные издания, Семинарий имени Н. П. Кондакова запросил по возможности переслать в Прагу труды Саратовской ученой архивной комиссии, изданные до 1916 г.³⁶

Практически в то же время в июле 1928 г. свои издания в Прагу направил Нижне-Волжский институт краеведения, о чем сообщалось

в письме за подписью его директора П. С. Рыкова и заместителя ученого секретаря Е. Оболенской³⁷. Он был создан в октябре 1924 г. на основе Археологического научно-исследовательского института и так же, как и Нижне-Волжское научное общество краеведения, был вписан в структуру Саратовского университета³⁸. В Прагу были посланы первый и второй выпуски трудов института³⁹. Они были получены там в начале августа 1928 г. В ответ из чехословацкой столицы был отправлен еще один экземпляр первого тома трудов Семинария⁴⁰.

В августе 1928 г. в процесс обмена включилась университетская библиотека, о чем свидетельствует письмо от 21 августа 1928 г., в котором выражается желание получить издания Семинария⁴¹. В Прагу был послан 6-й том «Ученых записок университета», а оттуда был получен сборник памяти Н. П. Кондакова⁴². В знак благодарности библиотека выслала в конце сентября 1928 г. первые пять томов «Ученых записок» и выразила заинтересованность в получении иных изданий Семинария⁴³.

Обратим внимание на несколько обстоятельств. В процесс общения с кондаковцами в Праге включились сразу три подразделения Саратовского университета: Нижне-Волжское научное общество краеведения, Нижне-Волжский институт краеведения и научная библиотека, — причем процесс этот был практически одновременным. В таком параллелизме нет ничего удивительного, ибо каждое из них представляло себя и свою издательскую работу (за исключением, конечно, библиотеки, которая выступала от имени всего университета). Причина такой активности, причем по инициативе саратовской стороны, заключалась в том, что в университете были люди, понимавшие важность интеллектуального обмена, связанные личными и деловыми связями как с иностранными учеными, так и с коллегами, оказавшимися в эмиграции. Следует отметить, что к 1928 г. за границей проживали следующие ученые, стоявшие у истоков гуманитарного образования в Саратове: Н. С. Арсеньев, Ф. В. Баллод, В. Э. Сеземан, Г. Г. Тельберг, М. Р. Фасмер, Г. П. Федотов, С. Л. Франк. За рубежом оказались и те лица, кто в годы Гражданской войны был приглашен на работу в Саратов, но по независящим обстоятельствам не смог к ней приступить (П. М. Бицилли, К. В. Мочульский, В. А. Рязановский). Н. М. Малов обосновано утверждает, что в 1920-е гг. именно профессора-гуманитарии Саратовского университета сконцентрировали в своих руках руководство краеведческими, музейными и археологическими организациями⁴⁴. Кажется, нет сомнений в особой роли П. С. Рыкова, чей научный авторитет и известность распространились далеко за пределы Саратова. Что касается включения в научный диалог Нижне-Волжского института краеведения, то допустимо, что директору хотелось продемонстрировать

успехи возглавляемой им организации. В 1928 г. П. С. Рыков посещал с научными целями Германию, однако трудно сказать, контактировал ли он там с кем-то из эмигрантских коллег. Из писем выдающегося саратовского ученого в Прагу пока удалось обнаружить лишь одно — его ответ на послание евразийского лидера П. Н. Савицкого⁴⁵. Но даже этот частный пример свидетельствует о наличии каналов обмена информацией.

Примечательно, что сличение дат писем и посылок между Прагой и Саратовом демонстрирует невероятную быстроту работы почтовых служб в то время. Пока трудно понять и оценить практику люстрации, ведь общение велось между советскими и эмигрантскими научными учреждениями, что не могло остаться незамеченным со стороны советских властей. Наверное, поэтому уже осенью 1928 г. в переписке между Саратовом и Прагой начинает фигурировать Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Этой организации, общественной на словах, но государственной на деле, отводилась роль контролирующего и надзирающего органа за всем международным интеллектуальным обменом. М. Дэвид-Фокс справедливо замечал, что по мере того, как советское общество становилось все более закрытым, ВОКС превратилось в главный канал и едва ли не единственный законный способ связи с внешним миром. Оно исполняло роль курьера, принимая и пересылая материалы и давая возможность выезда за рубеж представителям советской интеллигенции. Общество же брало под покровительство иностранцев, посещавших СССР. Таким образом, эта организация становилась своего рода «транснациональным патроном»⁴⁶. Так, А. А. Кротков сообщал в Прагу 24 сентября 1928 г., что именно через ВОКС в Прагу отправлены запрошенные труды Саратовской ученой архивной комиссии⁴⁷. В ноябре 1928 г. ВОКС снова стало посредником в пересылке книг⁴⁸. Примечательно, что контактам по линии ВОКС между СССР и Чехословакией активно способствовал советский полномочный представитель в Праге Александр Яковлевич Аросев (1880–1938)⁴⁹.

Привлечение ВОКС в качестве посредника в общении давало возможность придать развивавшимся контактам налет официальности и в то же время обезопасить пересылку книг. Уже с начала 1928 г. отправления из-за границы начинают подвергаться серьезному контролю. Так, еще в феврале 1928 г. живший в Праге академик В. А. Францев послал своему другу К. Я. Гроту книгу чешского профессора Я. Бидло по истории славянства, но она была возвращена обратно с припиской, что в СССР это издание находится под запретом. Причем все неиспользованные марки с пакета были отклеены⁵⁰. Впрочем, даже посредничество ВОКС не смогло помочь пражско-саратовскому диалогу. Внезапно осенью 1928 г. едва начавшиеся и уже активно развивав-

шиеся контакты прервались. В чем была причина стремительных перемен?

Есть все основания полагать, что они были связаны с «делом Жебелёва». В сентябре 1928 г. в Праге увидел свет второй том трудов Семинария имени Н. П. Кондакова. Среди его авторов был Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941), опубликовавший статью в память историка искусства Я. И. Смирнова, умершего от голода в 1918 г. в Петрограде. В ней революция была уподоблена страшному лихолетью⁵¹. В середине ноября 1928 г. начинается публичная травля ученого, которая стала прологом к «Академическому делу»⁵². Канадский историк Л. Райнлендер еще в 1970-х гг. верно заметил, что нападки на С. А. Жебелёва за его публикацию в Праге объяснялись главным образом стремлением советских властей покончить со своеволием и свободомыслием Академии наук. Травля историка была одним из звеньев этой кампании⁵³. Среди главных пунктов обвинения в адрес ученого стало его сотрудничество с коллегами-эмигрантами⁵⁴. Таким образом, власти четко давали понять, что впредь рассматривают такие контакты как нежелательные. В это же время саратовские археологи переживали непростой период. Идеологические перемены особенно больно ударили по П. Д. Рау, которого под надуманным предлогом не выпустили на конференцию в Берлин в 1929 г., а затем в результате травли фактически довели до самоубийства (15 июля 1930 г.)⁵⁵.

Однако железный занавес опускался постепенно. Контакты между эмиграцией и советскими учеными продолжались, правда, теперь они находились под строгим и неусыпным контролем. Связи между Саратовом и кондаковцами возобновились весной 1931 г. К этому времени прекратило существование Нижне-Волжское научное общество краеведения, ликвидированное в результате изменения советской научной политики⁵⁶. Теперь кондаковцы сосредоточились на контактах с Нижне-Волжским институтом краеведения.

Кондаковский семинарий в Праге также переживал перемены. На рубеже 1920–1930-х гг. его работа становилась все более дезорганизованной; интересы его членов все сильнее разнились, что нарушало изначальное единство⁵⁷. Кроме того, оставался неясным статус учреждения. С момента своего зарождения в 1925 г. Семинарий не был официально зарегистрирован. Поэтому его руководству надлежало легализовать свое учреждение и принять соответствующий устав. В результате в июле 1931 г. было зарегистрировано научное общество «Археологический институт имени Н. П. Кондакова».

Если опираться на сохранившиеся письма, то вырисовывается ситуация, когда возобновление связей после двух с половиной лет молчания произошло по инициативе пражской стороны. В конце мая 1931 г. в Саратов был отправлен вто-

рой том книжной серии «Скифика», в обмен же просили прислать 35-й том «Известий» Нижне-Волжского научного общества краеведения (ч. 1: серия археологическая и ч. 4: серия этнографическая) и следующие, если это будет возможно⁵⁸. Книга была получена в Саратове уже 7 июня⁵⁹. Следует подробно остановиться на ней. Имеется в виду работа венгерского археолога Нандора Феттиха (Nándor Fettich; 1900–1971) о бронзовом литье в кочевом искусстве⁶⁰. Он принадлежал к числу тех иностранных ученых, которые наиболее близко сотрудничали с кондаковцами, потому издание его книги именно в институтской книжной серии было вполне логично и закономерно⁶¹. Полагаем, что именно эта книга была послана в Саратов неспроста, с учетом конкретных интересов местных археологов, равно как нельзя исключать роли самого автора в ее отправки. Случай этот важен еще и потому, что по политическим причинам между Венгрией и СССР в то время не существовало официального книгообмена, научные контакты были минимальными. Н. Феттих на этом фоне – исключение, поскольку был тесно связан с отечественными учеными как по линии эмигрантской, так и по линии советской. Он дважды посещал СССР (в 1927 и 1935 гг.)⁶², правда, в Нижнем Поволжье ему побывать не удалось. Имеются свидетельства его знакомства с саратовскими археологами, пусть, вероятно, только эпистолярного. В 1926–1927 отчетном году связи с венгерским ученым установил саратовский областной музей⁶³. В библиотеке Национального музея хранится подаренный ему оттиск статьи Т. М. Минаевой 1927 г. о захоронении с трупосожжением близ Покровска⁶⁴ с авторской дарственной надписью: «Фердинанду Владиславовичу Феттиху»⁶⁵. Венгерский ученый внимательно следил за отечественной археологической литературой, а также за работами саратовских ученых, часто цитировал их. Например он ссылался на работы Т. М. Минаевой и П. С. Рыкова в контексте датировки находок из Кенезлө (Kenézlő)⁶⁶. При этом по непонятной до конца причине он не упоминал работы П. Д. Рау⁶⁷. К слову, П. С. Рыков тоже хорошо знал работы Н. Феттиха и уважительно упоминал их в своих исследованиях (1929 г.⁶⁸, 1930 г.⁶⁹). Есть основания полагать, что не без участия Н. Феттиха состоялись перевод и публикация на венгерском языке статьи П. С. Рыкова о раскопках на Узе и Суре в ведущем венгерском археологическом журнале «Archaeologiai Értesítő»⁷⁰. Никаких документальных доказательств общения между венгерским археологом и его саратовским коллегой нет – их личные архивы не сохранились. И все же на тот момент в Венгрии просто не было никакого другого археолога, который мог бы сделать перевод в силу совпадения научной тематики, знания русской археологической литературы и одновременно русского языка. Доподлинно известно, что Н. Феттих знакомил

с трудами саратовских археологов своих венгерских коллег. Например, он указал Иштвану Пауловичу (István Paulovics; 1892–1952) на статью И. В. Сеницына в «Известиях Нижне-Волжского института краеведения»⁷¹. И. Пауловича заинтересовало приведенное в ней описание мужских бородатых масок из тонких золотых пластин на бронзовой основе из Нижнего Поволжья⁷². Он в ту пору занимался анализом позднеантичных паннонских материалов, в особенности из Дунапентеле и Сентеш-Надьхеда. Описываемые металлические пластины, блюда и металлические погребальные маски, по мысли автора, отразили в себе черты сарматского и гуннского влияния, а потому было так важно сравнить их с аналогами из Нижнего Поволжья.

Аналогичным культурным посредником в общении саратовских археологов с зарубежным, в том числе с эмигрантским (опять же через кондаковцев), научным миром был А. М. Тальгрэн. И если в случае с Н. Феттихом мы не имеем документальных подтверждений таких контактов, то переписка финского археолога с П. С. Рыковым⁷³, Т. М. Минаевой⁷⁴ и Н. К. Арзютовым сохранилась⁷⁵. Показательно, что в четвертом томе издаваемого им журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» в 1929 г. были опубликованы статьи П. С. Рыкова⁷⁶, Т. М. Минаевой⁷⁷, П. Д. Рау⁷⁸ и одновременно – их пражских коллег, связанных с кругом кондаковцев – Н. П. Толля⁷⁹ и В. В. Саханева⁸⁰. Уже этот факт свидетельствует о том, что саратовские археологи, публикуясь под одной обложкой с пражскими историками, просто не могли не знать об их исследованиях. Примечательно и то, что они неоднократно цитировали дореволюционные работы В. В. Саханева о раскопках Борисовского могильника в 1911–1912 гг. (П. С. Рыков⁸¹, И. В. Сеницын⁸²).

В июне 1931 г. наряду с Нижне-Волжским институтом краеведения возобновляет книгообмен с Прагой и университетская библиотека. Все контакты ведутся строго по линии ВОКС. Так, в Прагу был направлен выпуск «Ученых записок» Саратовского университета (Т. 8, вып. 8), а также «Педолого-педагогический сборник»⁸³. В феврале 1932 г. библиотека получила из Праги 3-й том трудов кондаковского института⁸⁴. Затем опять наступает долгий перерыв. Лишь в конце сентября 1934 г. в чехословацкую столицу пришла почтовая карточка, извещавшая о получении в Саратове оттисков статей из 5-го и 6-го томов институтского сборника⁸⁵. Последнее свидетельство о контактах кондаковцев с Саратовом относится к весне 1936 г. Известен черновик письма, датированный 6 апреля, в котором сообщается о посылке в Саратов оттисков статей из IV–VII томов сборника и выражается желание получить труды педагогического факультета, появившиеся после выхода 2-й части XI тома в 1934 г.⁸⁶

Почему связи окончательно прервались? Ответ выглядит довольно очевидным. После убий-

ства С. М. Кирова начинается стремительное ухудшение политического климата в СССР, новый виток гонений (впрочем, никогда не прекращавшихся) на интеллигенцию. Оказала свое влияние и внешнеполитическая ситуация, связанная с приходом к власти нацистов и нарастанием военной угрозы в Европе. Положение русской эмиграции в Чехословакии также претерпевает изменения. «Русская акция», направленная на поддержку беженцев из России, свернута. Чехословакия перед лицом германской опасности начинает сближение с СССР, а потому ее официальные круги теперь часто сторонятся русской, «белой» эмиграции, дабы не навлечь гнева «советских товарищей». С трудностями столкнулся и Археологический институт имени Н. П. Кондакова. В 1937 г. о желании поддержать его заявил югославский принц Павел, предложив перевести учреждение в Белград. Это предложение раскололо кондаковцев. В середине 1937 г. группа русских историков решила на переезд на Балканы и уже стала паковать вещи. В своих действиях они руководствовались сложной международной обстановкой, боясь, что надвигающаяся неизбежная война приведет к захвату Праги немцами и потере всего, что с таким трудом создавалось на протяжении долгих лет изгнания. Коллектив института раскололся.

В середине 1930-х гг. железный занавес между советской и европейской наукой опускается все плотнее, все более разводя и разъединяя ученых. Знали ли в Праге о внутренних процессах, переживаемых советской наукой? Вне всякого сомнения. В эмиграции пристально следили за жизнью в СССР и за положением ученых. Например, М. И. Ростовцев, узнав от А. М. Тальгрена о самоубийстве П. Д. Рау, написал ему в ноябре 1930 г.: «Очень опечалило известие о Рау. Несомненно, талантливый был юноша. Такова уж судьба всех талантов в стране “уравнения”...»⁸⁷. Правда, пока не удалось обнаружить свидетельств обсуждения в эмигрантской среде ареста П. С. Рыкова в августе 1937 г. Профессор был схвачен после возвращения из очередной экспедиции, приговорен к 10 годам заключения, этапирован в дальневосточный лагерь, где и скончался 26 марта 1942 г. от крупозного воспаления легких⁸⁸. Саратовская археология оказалась разгромлена, виднейшие ее представители были репрессированы (Н. К. Арзютов, Н. Н. Дмитриев, В. А. Сушицкий). В сентябре 1939 г. Нижне-Волжский институт краеведения прекратил свое существование⁸⁹. К концу 1930-х гг. у кондаковских изданий в Саратове, даже несмотря на сохранение в университете кафедры археологии и этнографии, практически не оставалось потенциальных читателей.

В свете изложенных событий неизбежно возникает вопрос о практических последствиях книгообмена, о востребованности получаемых изданий и в Саратове, и в Праге. Ответить на

него крайне сложно. И все же некоторые подтверждения интеллектуальных трансферов имеются. Так, Д. А. Расовский в 1937 г. ссылался на исследования П. С. Рыкова⁹⁰ в своей статье о половцах⁹¹, упоминая о раскопках саратовского археолога близ Покровска: «Течение Волги от низовьев Камы до древнего города Укека (около нын [ешнего] Саратова) было в руках Болгарского каганата. Укек, находившийся на правом берегу Волги и известный своим расцветом в XIV в., существовал, вероятно, еще и до Татар и был крайним южным городом Болгар. Ниже его начиналось половецкое поле: на левом берегу Волги, у г. Покровска археологические раскопки обнаруживают кочевнические стоянки, относимые к Половцам; на правом берегу Волги, по течению р. Латрыка (приток Карамыша, впадающий в Медведицу), искони жили: кочевнические погребения скифо-сарматской поры находились здесь около с. Большой Дмитровки»⁹².

Было бы неверно думать, что цитирование работ эмигрантов в советской науке было строго запрещено, хотя, разумеется, нельзя говорить о полной свободе. Так, и Т. М. Минаева, и П. С. Рыков указывали на исследования М. И. Ростовцева, особенно на его «Скифию и Боспор»⁹³. И. В. Сеницын в статье 1936 г. цитировал другую важную книгу этого выдающегося историка⁹⁴ – «Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль»⁹⁵. Упомянута она не случайно, ибо была издана в Праге в 1929 г. в кондаковской серии «Скифика», той самой серии, в которой выходила и присланная в Саратов книга Н. Феттиха. Описывая найденные близ Покровска в 1929 г. скобы-крюки от ножен меча, И. В. Сеницын полемизирует с М. И. Ростовцевым относительно назначения подобных пластинок (ранее тот изучал аналогичную пластину-скобу от меча из Керченской гробницы). Саратовский ученый указывает, что описанные П. Д. Рау находки в позднее-сарматском погребении Альт-Вемарского кургана определенно указывают на их иное назначение, нежели полагал М. И. Ростовцев. Таким образом, мы видим здесь пример живой научной полемики, но отнюдь не безудержного обличения «буржуазного историка», который не прав в своих построениях уже только потому, что эмигрировал из Советской России. Пока не удалось установить, где И. В. Сеницын мог познакомиться с работой М. И. Ростовцева и могла ли она быть прислана в Саратов из Праги.

В связи с этим возникает еще один важный вопрос – о судьбе кондаковских изданий, которые присылались в Саратов. В университетской библиотеке удалось выявить лишь некоторые из них. Среди таковых – оттиски статей А. М. Тальгрена (Инвентарный номер – 239004)⁹⁶ и Д. А. Расовского (Оттиск статьи без автографа и иных пометок, переплетен вместе с третьим томом *Seminarium Kondakovianum*. Инвентарный номер – 63524; имеется штамп библиотеки Саратовского универ-

ситета, а также вклейка с инвентарным номером в левом верхнем углу: «ОТД. 1. СОЧИНЕНИЯ ГЛАВН. БИБЛИОТЕКИ. № 63524»⁹⁷, третий том сборника «*Seminarium Kondakovianum*» (Инвентарный номер – 136066а. Имеется штамп библиотеки Саратовского университета: «Инв. № 63524. 136066а. Отд 1. Ф. БИБЛИОТЕКА Саратовского Гос. Ун-та.»)⁹⁸. Согласно документам судьба других изданий, полученных в Саратове, в том числе уникального сборника в память Н. П. Кондакова, равно как и книги Н. Феттиха, неизвестна. До конца не ясно, могли ли они быть безвозвратно изъяты из фондов после ареста П. С. Рыкова и гонений на его коллег. Нельзя исключать и иных причин: потерь, списаний, хищений. Так, в каталоге отдела редких книг саратовской университетской библиотеки значится пражское издание мемуаров Н. П. Кондакова. Однако многократные попытки автора этих строк увидеть редкую книгу, начиная еще со времен учебы в университете в 2001 г., неизменно заканчивались отказом: «Книги нет на месте».

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что в 1920–1930-е гг. Саратовский университет, не будучи столичным, не был исключен из международного научного обмена и занимал важное место на интеллектуальной карте, как минимум, Европы. Работы его ученых были востребованы, за ними следили, их желали получать крупные научные центры, к каковым, вне всякого сомнения, относился Археологический институт имени Н. П. Кондакова в Праге. Саратовский университет оказался втянут в культурную орбиту русской диаспоры. Но эти связи, складывавшиеся поверх идеологических барьеров, были подрублены «делом Жебелева». Динамика контактов кондаковцев с Саратовом демонстрирует метаморфозы научного климата в СССР. С одной стороны, представления о мгновенно опустившемся железном занавесе и прерывании интеллектуального обмена между Советской Россией и внешним миром преувеличены. Но в то же время влияние внешних рамок на динамику международных контактов очевидно. Политические процессы в СССР больно ударяли по этим связям, предельно формализовали их, пока не превали окончательно.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии (проект № 18-59-23005 «Российско-венгерские научные коммуникации в зеркале международных археологических контактов XX в.»). Автор благодарит Николая Михайловича Малова за ценные комментарии и советы при обсуждении данной работы.

Примечания

¹ Письмо из Нижне-Волжского областного научного общества краеведения от 3 июля 1928 г., № 727 // Oddělení

- dokumentace Ústavu dějin umění AV ČR (далее – ODÚDU AV ČR). Fond Archeologický institut N.P. Kondakova (далее – AINPK). 1925–1952. KI–18. № 22. Nižně-volžskoje oblastnoje naučnoje občestvo krajeveděniija.
- 2 См.: *Фичи Ф.* Архив Н. Н. Дурново в Праге (материалы по истории славистики 1924–1927 годов) // Славяноведение. 2005. № 4. С. 96–109.
- 3 Slovanská knihovna v Praze. Trezor (далее – SK). Durnovo, Nikolaj Nikolajevič. T–A 0830. 3742–3743 (Dinges G.G.) ; T–A 0846. 3798–3812 (Pi'jinskij, Grigorij Andrejevič).
- 4 См.: *Скафтымов А. П.* «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского // Slavica. 1929. Т. VIII. № 1. С. 101–117 ; № 2. С. 312–339.
- 5 См.: Рецензия П. Н. Савицкого на книгу проф. П. Г. Любомирова «Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века» // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5783. Оп. 1. Д. 123. Л. 1–3.
- 6 См.: Кому послать «Начертание» Г. В. Вернадского // SK. P.N. Savickij. T–SAV. Krab. III. Č. 60. Vernadskij G.V.
- 7 См.: *Малов Н. М.* Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.) : организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья : этнология, этнография, духовная культура : Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Саратов : Триумф, 2006. С. 208–209.
- 8 См.: *Иванов А. В., Надеждина А. С.* Борис Александрович Можаровский : личность, научная школа, наследие. Саратов : Изд-во СГТУ, 2014. С. 16.
- 9 Скифский роман / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М. : РОССПЭН, 1997. С. 513, 515.
- 10 См.: *Басаргина Е. Ю.* Археологический институт им. Н. П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). По материалам архивов Праги // Мир русской византистики : материалы архивов Санкт-Петербурга / под ред. И. П. Медведева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. С. 778.
- 11 См.: Копия письма в Нижне-Волжское научное общество краеведения от 16 июля 1928 г. // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. KI–18. № 22. Nižně-volžskoje oblastnoje naučnoje občestvo krajeveděniija.
- 12 См.: Письмо из Нижне-Волжского областного научного общества краеведения от 8 августа 1928 г. № 767 // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. KI–18. № 22. Nižně-volžskoje oblastnoje naučnoje občestvo krajeveděniija.
- 13 См.: *Стеценко Ю. В.* Историк Е. П. Подъяпольская и ее опыт изучения краеведения в 1920-е гг. // Миллеровские чтения – 2018. Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. СПб. : Реноме, 2018. С. 644–649.
- 14 См.: Труды Общества истории, археологии и этнографии. 1923. Т. 34, ч. 1.
- 15 Там же. Ч. 2.
- 16 Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 34, ч. 4.
- 17 Там же. Т. 35, ч. 1.
- 18 Там же. Т. 35, ч. 2.
- 19 См.: *Лозанова А. Н.* Народные песни о Степане Разине (составитель, вступительная статья, комментарии). Саратов : Нижне-Волжское областное научное общество краеведения, 1928.
- 20 См.: Материалы для указателя по революционному движению в Саратовском крае. 1861–1921 / сост. С. Д. Соколов и В. А. Сушицкий. Саратов : Сарсовпартиздат, 1928.
- 21 См.: Программа собирания в Саратовском крае материалов по юридическому быту революционной эпохи / сост. В. М. Чернов. Саратов : Нижне-Волжское областное научное общество краеведения, 1928.
- 22 См.: Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / под ред. С. З. Каценбогена. Саратов : Тип. № 2 Сарполиграфпрома, 1928.
- 23 См.: Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова. Прага : Seminarium Kondakovianum, 1926.
- 24 См.: *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. Прага : Seminarium Kondakovianum, 1927.
- 25 См.: *Беляев Н. Т.* Начала Руси. Лондон ; Прага : Легиография, 1925.
- 26 См.: *Рыков П. С.* Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 г. // Труды Общества истории, археологии и этнографии. 1923. Т. 34, ч. 1. С. 3–19.
- 27 См.: *Минаева Т. М., Рау П. Д.* Отчет об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 году // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35, ч. 1. С. 5–21.
- 28 См.: *Спицын А. А.* Саратовские стоянки медного века // Труды Общества истории, археологии и этнографии. 1923. Т. 34, ч. 1. С. 32–38.
- 29 См.: *Зайковский Б. В.* Древне-еврейские монеты в заволжской степи // Труды Общества истории, археологии и этнографии. 1923. Т. 34, ч. 1. С. 20–21.
- 30 См.: *Зайковский Б. В.* Из монетной летописи Нижне-Волжского края // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35, ч. 1. С. 41–49.
- 31 См.: *Кушева А. Н.* Материалы для изучения культуры Суловского могильника // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35, ч. 1. С. 23–40.
- 32 См.: *Герасимов А. А.* Археологические памятники Саратовского края, упоминаемые в архивных документах XVII–XVIII вв. // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35, ч. 1. С. 85–86.
- 33 См.: *Шишкин П. Н.* Курганы на общественном выгоне г. Покровска // Труды Общества истории, археологии и этнографии. 1923. Т. 34. Ч. 1. С. 22–26.
- 34 См.: *Кротков А. А.* В поисках Мохши // Там же. С. 27–31.
- 35 См.: *Арзютов Н. К.* Памятники Золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье по данным раскопок и разведок в 1924 г. // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 1926. Т. 35. Ч. 1. С. 67–78.
- 36 См.: Черновик письма в Нижне-Волжское научное общество краеведения от 16 августа 1928 г. // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. KI–18. № 22. Nižně-volžskoje oblastnoje naučnoje občestvo krajeveděniija.

- ³⁷ См.: Письмо из Краеведческого института изучения Нижне-Волжской области при Саратовском государственном университете от 25 июля 1928 г. // Ibid. № 17. *Krajevedčeskij institute izučenija južno-volžskoj oblasti*.
- ³⁸ См.: *Малов Н. М.* Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 404.
- ³⁹ См.: Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. 1926. Т. 1; 1927. Т. 2.
- ⁴⁰ См.: Копия письма в Краеведческий институт от 6 августа 1928 г., № 854 // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. № 17. *Krajevedčeskij institute izučenija južno-volžskoj oblasti*.
- ⁴¹ См.: Письмо из Фундаментальной библиотеки Саратовского государственного университета от 21 августа 1928 г. № 693 // Ibid. № 30. *Saratovskij universitët*.
- ⁴² См.: Копия письма из Семинария от 28 августа 1928 г. // Ibid.
- ⁴³ См.: Письмо из Фундаментальной библиотеки Саратовского государственного университета от 24 сентября 1928 г. № 896 // Ibid.
- ⁴⁴ См.: *Малов Н. М.* Советская государственная музейная сеть в Саратове. С. 232–234.
- ⁴⁵ См.: Письмо П. С. Рыкова к П. Н. Савицкому, 20 декабря 1929 г. // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 418. Л. 263–265 об.
- ⁴⁶ См.: *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента : культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 166–167.
- ⁴⁷ См.: Письмо из Нижне-Волжского областного научного общества краеведения от 24 сентября 1928 г. № 1121 // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. KI–18. № 22. *Nižně-volžskoje oblastnoje naučnoje občestvo krajeveděniija*.
- ⁴⁸ См.: Письмо в Семинарий из ВОКС от 15 ноября 1928 г. // Ibid.
- ⁴⁹ См.: *Дэвид-Фокс М.* Указ. соч. С. 143–148.
- ⁵⁰ Zpráva. 15. února 1928 // Archiv Kanceláře Presidenta republiky. D 13718/38.
- ⁵¹ См.: *Жебелев С. А.* Яков Иванович Смирнов // *Seminarium Kondakovianum* : сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1928. Т. II. С. 1–18.
- ⁵² См. подробнее: *Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелева // Древний мир и мы : Классическое наследие в Европе и России : альманах. Вып. II. СПб. : Алетейя, 2000. С. 116–161.
- ⁵³ *Rhineland L. H.* Exiled Russian Scholars in Prague The Kondakov Seminar and Institut // *Canadian Slavonic Papers*. 1974. Vol. XVI. № 3. P. 338–339.
- ⁵⁴ См.: *Лунтол И. К.* Об отношении советских ученых к ученым эмиграции // Научный работник. 1928. № 12. С. 13–22.
- ⁵⁵ См.: *Максимов Е. К.* Из жизни и деятельности П. Д. Рау // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей : материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П. Д. Рау (1897–1997). Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1997. С. 6–7.
- ⁵⁶ См.: *Малов Н. М.* Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы). С. 404.
- ⁵⁷ *Rhineland L. H.* Op. cit. P. 341.
- ⁵⁸ См.: Копия письма в Нижне-Волжское областное научное общество краеведения (на машинописной копии, напечатанной по-французски, нет даты. Но в верхнем правом углу красным карандашом приписано : «С обрат[ной] карточкой. 29.V.31») // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. KI–18. № 22. *Nižně-volžskoje oblastnoje naučnoje občestvo krajeveděniija*.
- ⁵⁹ См.: Почтовая карточка от 7 июня 1931 г. // Ibid.
- ⁶⁰ *Fettich N.* Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. Praha, 1929.
- ⁶¹ См.: *Ковалев М. В.* Венгерские историки и русская академическая эмиграция : к постановке проблемы // Историческая русистика в XXI веке. Будапешт : Russica Pannonicana, 2017. С. 308–315.
- ⁶² *Seres A.* Magyar «régészeti delegátus» Moszkvában a két világháború között. Levéltári források Fettich Nándor 1935. évi szovjet kutatóútjának tanulmányozásához 1935–1937 // *Limes*. 2012. T. XXV. 37.–63. old.
- ⁶³ См.: *Малов Н. М.* Советская государственная музейная сеть в Саратове. С. 253.
- ⁶⁴ См.: *Минаева Т. М.* Погребения с сожжением близ гор. Покровска // Учен. записки Саратов. ун-та. 1927. Т. VI, вып. III. С. 91–135.
- ⁶⁵ *Фодор И.* К вопросу о погребальном обряде гуннов в Восточной и Центральной Европе // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом : движение культур, технологий и империй» / отв. ред. Н. Н. Крадин, А. Г. Ситдииков. Владивосток : Дальнаука, 2017. С. 269.
- ⁶⁶ *Fettich N.* Adatok a honfoglaláskor archaeológiájához // *Archaeologiai Értesítő*. 1931. XLV. Kötet. 105. old.
- ⁶⁷ *Фодор И.* Указ. соч. С. 269.
- ⁶⁸ См.: *Рыков П. С.* Поздне-сарматское погребения в кургане близ с. Зиновьевки Саратовской губернии. Саратов : Нижневолжское областное научное общество краеведения, 1929. С. 4.
- ⁶⁹ См.: *Рыков П. С.* Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов : Нижне-Волжский институт краеведения имени А. М. Горького, 1930. С. 22.
- ⁷⁰ *Rykov P. S.* Aknasír a Sinowjewka (Petrovi terület, Saratow-i kormányzóság) falu melletti dombban // *Archaeologiai Értesítő*. 1928. XLII. Kötet. 225.–228. old.
- ⁷¹ См.: *Синицын И. В.* Поздне-сарматские погребения Нижнего Поволжья // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения имени М. Горького. Т. 7. Саратов, 1936. С. 71–85.
- ⁷² *Paulovics I.* Későrómai és koránépvándorláskori ládikaveterek // *Archaeologiai Értesítő*. 1940. III. Folyam. I. Kötet. 1–2. Füzet. 71. old.

- ⁷³ Kansalliskirjasto Käsikirjoituskokoelma. Coll. 230. Tallgren, Aarne Mikael. № 230.9. P. S. Rykov.
- ⁷⁴ Ibid. № 230.7. T. M. Minayeva
- ⁷⁵ Ibid. № 230.1. N. Arzyutov.
- ⁷⁶ Rykov P. S. Archäologische Beobachtungen im Tale der Velikaja // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV. P. 284–289.
- ⁷⁷ Minajeva T. M. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Šipovo // Ibid. P. 194–209.
- ⁷⁸ Rau P. D. Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV. P. 41–57.
- ⁷⁹ Toll N. P. Bronzedolche der samlung Zichy // Ibid. P. 183–188
- ⁸⁰ Sakhanev V. V. Études sur l'origine de l'art populaire russe // Ibid. P. 312–320.
- ⁸¹ Rykov P. S. Op. cit. 225.–228. old.
- ⁸² См.: Синицын И. В. Указ. соч. С. 50.
- ⁸³ См.: Копия письма из Семинария в ВОКС от 12 июня 1931 г. // ODÚDU AV ČR. Fond AINPK. KI–18. № 30. Saratovskij universitět.
- ⁸⁴ См.: Почтовая карточка от 24 февраля 1932 г. // Ibid.
- ⁸⁵ См.: Почтовая карточка от 21 сентября 1934 г. // Ibid.
- ⁸⁶ См.: Черновик письма из Кондаковского института от 6 апреля 1936 г. // Ibid.
- ⁸⁷ Скифский роман. С. 317.
- ⁸⁸ См.: Малов Н. М., Павлова Л. С. Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125-летию со дня рождения) // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 1. С. 158–160.
- ⁸⁹ См.: Малов Н. М. Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы). С. 405.
- ⁹⁰ См.: Рыков П. С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии в 1922 г. // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете. 1923. Вып. 34, ч. 1.
- ⁹¹ См.: Расовский Д. А. Половцы. III. Пределы «поля Половецкого» // Анналы Института имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). Прага, 1937. Т. IX. С. 71–85.
- ⁹² Там же. С. 76–77.
- ⁹³ См.: Минаева Т. М. Указ. соч. С. 116–117.
- ⁹⁴ См.: Синицын И. В. Указ. соч. С. 74–75.
- ⁹⁵ См.: Ростовцев М. И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага : Seminarium Kondakovianum, 1929. С. 15–19.
- ⁹⁶ См.: Tallgren A. M. Zur Westsibirishchen Gruppe der «Schamanistischen Figuren» // Seminarium Kondakovianum : Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1931. Т. IV. С. 39–47.
- ⁹⁷ См.: Расовский Д. А. О роли черных клубуков в истории древней Руси // Seminarium Kondakovianum : сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. I. С. 93–109.
- ⁹⁸ См.: Seminarium Kondakovianum : сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1929. Т. III.

Образец для цитирования:

Ковалев М. В. Саратовский университет и Археологический институт имени Н. П. Кондакова в Праге: к истории взаимоотношений (1928–1936) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 537–546. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-537-546>

Cite this article as:

Kovalev M. V. Saratov University and Kondakov Institute in Prague: towards the History of Relationships (1928–1936). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 537–546 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-537-546>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

УДК 94(47).08(470.56)

Имперская политика аккультурации: исторический опыт

Рецензия на книгу: Любичанковский С. В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи : исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург : Изд. Центр ОГАУ, 2018. 264 с.

П. С. Кабытов, Е. П. Барина

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, заведующий кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, don.kabytov2012@yandex.ru

Барина Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры институциональной экономики и экономической истории, Самарский государственный экономический университет, rfz25@yandex.ru

В рецензии представлен анализ монографии С. В. Любичанковского, в которой на региональном уровне изучена проблема использования системы образования исламских подданных в Российской империи для решения государственных задач. Отмечаются значимость проделанного историком исследования, особенности авторского подхода, обозначены дискуссионные вопросы. По мнению рецензентов, монография С. В. Любичанковского по существу открывает новые перспективы для изучения политики аккультурации на окраинных территориях Российской империи.

Ключевые слова: имперская политика, исламское население, аккультурация, Оренбургская губерния.

The Imperial Politics of Acculturation: the Historical Experience

Book review: *Lyubichankovski S. V. The Politics of acculturation by means of education of the Islamic subjects of the Russian Empire : historical experience of the Orenburg region (the middle of XIX – beginning of XX centuries). Orenburg : lzd. Centre OGAU, 2018. 264 p.*

P. S. Kabytov, E. P. Barinova

Petr S. Kabytov, <http://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, Samara National Research University, 1 Akademika Pavlova St., Samara 443011, Russia, don.kabytov2012@yandex.ru

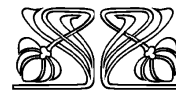
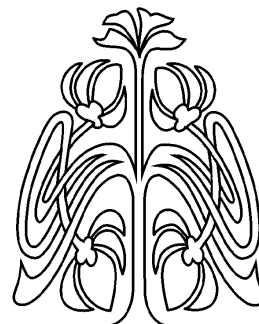
Ekaterina P. Barinova, <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>, Samara State Economic University, 141 Sovetskoy Armii St., Samara 443090, Russia, rfz25@yandex.ru

The analysis of S. V. Lyubichankovski's monographs is presented in the review, in which the problem of the use of the education system under the Islamic data in the Russian Empire to the solution of public problems at the regional level is studied. The authors of the review note the importance of the research done by the historian, the peculiarities of the author's approach, the controversial issues raised in the work. In the reviewer's opinion, the monograph of S. V. Lyubichankovski basically opens up new perspectives for the study of the politics of acculturation on the outlying territories of the Russian Empire.

Keywords: Imperial policy, Islamic population, acculturation, Orenburg province.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-547-550>

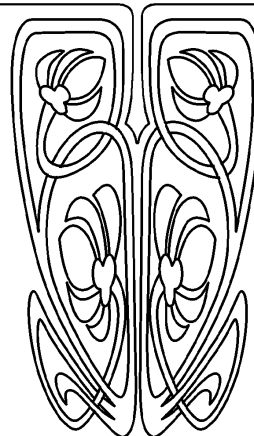
В монографии известного оренбургского историка С. В. Любичанковского, подготовленной и изданной при поддержке Российского научного фонда (проект РНФ № 17-18-01008), предпринята попытка

КРИТИКА

и

БИБЛИОГРАФИЯ

выявить характерные черты государственной политики, направленной на аккультурацию исламских подданных Российской империи. Работа продолжает цикл исследований автора¹, в том числе в соавторстве Д. В. Васильевым² и К. Акановым³, и привлекает внимание к недостаточно изученной проблеме использования системы образования для решения государственных задач на региональном уровне. Изучение данной проблемы осуществляется автором в контексте анализа комплексной проблемы формирования имперской идентичности, специфики политического и идеологического транзита, проблем адаптации новоприсоединенных народов окраин Российской империи и формирования из них лояльных подданных. Автор, на наш взгляд, правомерно утверждает, что конфессиональная политика, «проводившаяся Российским государством в XVII – начале XX в. была важнейшим элементом внутренней и внешней политики страны». В монографии С. В. Любичанковского детально анализируется процесс этноконфессионального взаимодействия населения Оренбургской губернии, характер его межэтнических и межконфессиональных контактов. Главной проблемой исследования, по мнению автора, является деятельность имперской администрации по созданию системы образования в регионе, которая предусматривала создание школ для мусульманского населения Оренбургской губернии. При этом анализируется деятельность имперской администрации в области просвещения по отношению к казахскому этносу. Автор справедливо замечает, что «именно на этом направлении ярче всего проявились все достоинства и недостатки» имперской политики (с. 5).

Особенность авторского подхода при рассмотрении политики аккультурации состоит в том, что С. В. Любичанковский рассматривает ее на междисциплинарном уровне через призму методологии и достижений российских и зарубежных историков, антропологов, культурологов и т. д. Обращаясь к научным трудам зарубежных и российских исследователей, он подробно анализирует концепции «аккультурации», отмечает вариативность и разноплановость употребления понятия в антропологии, культурологии, исторических и междисциплинарных исследованиях. Автор говорит о том, что российские историки лишь сравнительно недавно обратились к анализу политики имперских властей с точки зрения аккультурации, что связано с использованием в дореволюционной науке такого традиционного понятия, как русификация, а в советский период – ассимиляция.

Характерно, что проблемы методологии и историографии нашли отражение в первой главе монографии. В ней представлен исторический экскурс, в котором охарактеризованы основные этапы и векторы развития государственной политики по отношению к мусульманскому на-

селению. Органично вписан в структуру книги анализ российского законодательства. Подробно автор останавливается на характеристике фактов внутренней и внешней политики, оказывавших воздействие на ужесточение или смягчение имперской политики, отмечает ее противоречивый характер и то, что она зависела от тех задач, которые решала власть в области управления населением. Первоначально имперская политика была направлена на интеграцию местной элиты, обращение мусульманства в православие и организацию активной «противомусульманской» пропаганды. Но во второй половине XVIII в. политика насильственной ассимиляции была заменена политикой веротерпимости, что было обусловлено территориальным расширением Российской империи и осознанием имперской властью необходимости установления контроля над мусульманским населением. Автор доказывает, что попытки русской православной церкви решить задачу унификации «инородческого» населения были недостаточно успешными как по причине неприятия мусульманами христианской догматики, так и в связи с формальной процедурой его принятия, что зачастую приводило к возврату мусульманского населения в ислам. С. В. Любичанковский, анализируя политику правительства Российской империи второй половины XIX – начала XX в., отмечает ее направленность на формирование лояльности мусульманского духовенства как проводника между властью и обществом и сближение мусульманского населения с русским.

В исторической литературе существуют достаточно противоречивые и дискуссионные оценки государственной политики по отношению к мусульманскому населению Российской империи, степени адаптации традиционных этнонациональных групп и сохранении этнической идентичности. Автор монографии подробнейшим образом проанализировал историографические аспекты проблемы, уделяя особое внимание малоизученным и дискуссионным проблемам. Он справедливо отмечает, что на реконструкцию государственно-исламских отношений в дореволюционный и советский период развития исторической науки оказывали воздействие «цензурные ограничения» (с. 46). Однако, несмотря на жесткие идеологические установки, исследователями был введен в научный оборот богатейший фактический материал. Характеризуя современный период развития исторической науки, С. В. Любичанковский отмечает разнообразие тематики исследуемой проблемы, многообразие методологических подходов, увеличение доли региональных исследований. Одновременно он констатирует, что увлеченность исследователей порой приводит их к противоположным точкам зрения на характер политики государства по отношению к мусульманам.

В центре внимания автора находятся институты образования, используемые имперской властью для просвещения и культурного сближения «инородцев» с русским населением, поэтому вполне правомерно его обращение к историографии проблемы. С. В. Любичанковский приходит к выводу о том, что оценка эффективности проводимой имперской властью политики просвещения зачастую зависела от идеологических установок российских и казахских исследователей. Несмотря на огромный пласт фактических данных, система образования рассматривалась в советский период схематично и фрагментарно. Остановившись на анализе такого сюжета, как значение проводимой царской властью политики в области образования и просвещения для формирования казахского этноса и казахской интеллигенции, автор монографии правомерно констатирует наличие различных подходов и оценочных суждений у российских и казахских исследователей. Современные идеологические и политические реалии, к сожалению, оказывают воздействие и на анализ исторического прошлого, которое оценивается в духе концепции «колониального порабощения» либо «имперского национализма». Так, ряд современных казахских ученых говорят о «духовной экспансии царизма», насильственной русификации казахов и негативном воздействии российской политики в области образования на мусульманские школы. Обращение к историческому опыту Оренбургской губернии, на территории которой развивались сложнейшие процессы межэтнического, религиозного и культурного взаимодействия, несомненно, актуально и для современного диалога культур. Именно поэтому С. В. Любичанковский привлекает внимание читателей к такому дискуссионному вопросу, как эффективность практики реализации на региональном уровне государственной политики аккультурации.

Сравнительно-сопоставительный анализ делопроизводственных и статистических документов позволил автору воссоздать целостную картину процесса создания и функционирования мусульманских школ Оренбургской губернии, охарактеризовать организацию учебного дела, систему учебно-воспитательного процесса и преподавательский состав в медресе и мектебах. С. В. Любичанковский приходит к выводу о том, что традиционные «мусульманские школы удовлетворяли потребности мусульманской общины» (с. 109). И они были вполне доступны для многонационального населения – казахов, татар и башкир Оренбургского края. Автор доказывает, что мероприятия центральных и губернских властей, предпринятые в 1880–1890 гг., были связаны со стремлением сблизить русское и мусульманское население и поставить мусульманские школы под правительственный контроль. С. В. Любичанковский отмечает, что правительственная политика носила достаточно осторожный характер

и заключалась в организации контроля и сбора данных о положении в мусульманских школах. Формирование системы смешанного начального образования, безусловно, было направлено на постепенное культурное сближение «инородческого» населения с русским. В монографии показано многообразие практик, применяемых в русско-мусульманских учебных заведениях, которые зависели от степени «обруселости» нерусских народов (с. 118).

Безусловно, граница Оренбургской губернии с казахскими степями порождала необходимость решения такой проблемы, как налаживание добрососедских отношений как с рядовыми кочевниками, так и с казахской знатью. Оценивая шаги царского правительства в этом направлении, С. В. Любичанковский отмечает значение строительства мечетей и медресе при них. Он подчеркивает значимость создания в Оренбургской губернии киргизских и казахских школ с обязательным изучением русского языка, которые, прежде всего, имели утилитарное значение, так как имперская администрация нуждалась в посредниках при общении с «инородцами». Рассматривая образовательные практики, автор отмечает их достоинства и недостатки, показывает те препоны, на которые наталкивалась власть при внедрении русско-инородческих школ и привлечения в них мусульманского населения. С. В. Любичанковский рассматривает процесс подготовки педагогических кадров из «инородцев» для русско-инородческих школ в учительских школах и на специальных курсах, характеризует требования к будущим учителям и программу их подготовки и приходит к выводу о том, что подобная практика способствовала созданию трансфера «системной передачи знаний и ценностей» в «инородческую» среду, а также постепенному приобщению мусульманского населения к ценностям и обычаям русского общества (с. 149).

В контексте имперской политики аккультурации С. В. Любичанковский рассматривает и такую масштабную инициативу Управления Оренбургского учебного округа, как проведение в 1898 г. профессиональной педагогической выставки. Оценивая ее значение, он подчеркивает, что в выставке принимали деятельное участие низшие и начальные учебные заведения Оренбургского учебного округа. Выставка стала, по сути дела, демонстрацией успехов и неудач имперской политики в области просвещения «инородцев», показала возможности распространения лучших педагогических и профессионально-производственных практик.

Еще одним каналом для просвещения «инородцев» стали земские учреждения губернии и уездов, мероприятия которых в области народного образования касались реформирования системы управления народным образованием и формирования сети начальных училищ. Толь-

ко в 1913 г. учреждение земства в Оренбургской губернии стало причиной его скромной, по сравнению с другими губерниями, деятельности в просветительском деле. Тем не менее Оренбургское губернское земство выделяло средства на содержание и открытие библиотек, стипендии различным категориям учащихся. К тому же в качестве первоочередной задачи земством была выработана программа действий по образованию нерусских народов. Анализируя ее, С. В. Любичанковский указывает, что меры, предлагаемые земскими деятелями, были нацелены на культурное сближение с мусульманским населением, приобщением его к светскому образованию.

Третья глава монографии посвящена исследованию особенностей реализации государственной образовательной политики в казахской среде. С. В. Любичанковский отмечает воздействие взглядов востоковеда и педагога Н. И. Ильминского на политику в сфере образования «инородцев» и выработанные Особым Комитетом по инородческому образованию «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (с. 189). Внедрение «системы» Ильминского было бы невозможно без деятельного участия казахского просветителя Ибрая Алтынсарина, что служит неоспоримым доказательством того тезиса, что зарождавшаяся казахская интеллигенция являлась проводником правительственной политики и связующим звеном между русским и казахским населением. Развитие начального образования казахов, отмечает С. В. Любичанковский, открывало перспективы для развития национальной идентичности, самоидентификации, способствовало развитию казахского языка и литературы. Открытие русско-национальных школ способствовало сближению казахского и русского народов, что, как отмечает автор, оказывало положительное воздействие на интеграцию представителей

казахского этноса в имперское социокультурное пространство.

Отдельный сюжет монографии посвящен деятельности Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса и его роли в формировании казахской служилой интеллигенции. Автор приходит к выводу о том, что казахская знать положительно относилась к обучению молодежи в российских учебных заведениях (с. 214), постепенно осознала и приняла необходимость и утилитарность знания русского языка. С. В. Любичанковский подчеркивает, что конечно, инициатива в обучении и формировании кадров национальной интеллигенции первоначально исходила от имперской администрации, которая нуждалась в квалифицированных посредниках. Тем не менее постепенно мусульманское население окраин осознавало перспективы получения светского образования и овладения русским языком, чему не в малой степени содействовала как осторожная политика губернских властей в этой сфере, так и совместные усилия российских подвизников и казахских просветителей.

Полагаем, что монография С. В. Любичанковского по существу открывает новые перспективы для изучения политики аккультурации на окраинных территориях Российской империи.

Примечания

- 1 См.: Любичанковский С. В. Профессионально-педагогическая выставка 1898 г. и имперская политика аккультурации // Вопросы истории. 2018. № 5. С. 125–136.
- 2 Васильев Д. В., Любичанковский С. В. Казахи и русские : бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.
- 3 Lyubichankovskiy S., Akanov K. Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century // Bylye Gody. 2018. Vol. 48, iss. 2. P. 484–495.

Образец для цитирования:

Кабытов П. С., Баринаева Е. П. Имперская политика аккультурации: исторический опыт // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 547–550. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-547-550>

Cite this article as:

Kabytov P. S., Barinova E. P. The Imperial Politics of Acculturation: the Historical Experience. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 547–550 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-547-550>